

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

2(74)'2019

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2019. – Вып. 2 (74). – 217 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2019. – Issue 2 (74). –
217 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет» (учредитель)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(74)'2019

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
«Ural State Pedagogical University» (founder)

POLITICAL LINGUISTICS

2(74)'2019

Scientific journal

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media and Cultural Heritage Protection. Registration certificate ПИ №ФС 77-34838 of 25.12.2008.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия

М. Б. Ворошилова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

В. Н. Базылев Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Е. В. Дзюба Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

С. В. Иванова Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

В. И. Карасик Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия; Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай

Е. А. Нахимова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Н. Б. Руженцева Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

О. А. Солопова Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Д. Вайс Университет Цюриха, Швейцария

А. де Лазари Лодзинский университет, Польша

И. Иньиго-Мора Севильский университет, Испания

Б. Ю. Норман Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

П. Серюо Лозаннский университет, Швейцария

Й. Сипко Прешовский университет, Словакия

У. Айхуа Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Л. Цонева Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария

Ян Кэ Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia

M. B. Voroshilova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

E. V. Dzyuba Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

S. V. Ivanova Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Tianjin Foreign Studies University, China

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

D. Weiss University of Zurich, Switzerland

A. de Lazari University of Łódź, Poland

I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain

B. Yu. Norman Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

J. Sipko University of Prešov, Slovakia

Wu Aihua Beijing Foreign Studies University, China

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	9
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Колесов В. В.	Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании	12
Рогожникова Т. М.	Политическая коммуникация и вербальная суггестия в формате психолингвистической парадигмы.....	24

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Агрба Л. А.	Цифровая демагогия, или Политический дискурс нового времени	38
Зиновьев Н. В.	Доминантные метафоры в политическом дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона.....	49
Кондратьева О. Н. Жегло А. В.	Тактика создания «светлого будущего» региона в предвыборном дискурсе Кемеровской области	55
Коптяева Н. Н.	Британские СМИ о культе Джереми Корбина: реализация стратегии дискредитации	62
Мартыненко И. А. Ильина А. Ю. Куприянова М. Е.	Топонимия Фолклендских островов сквозь призму территориальных споров	67
Матова Ю. В.	Метафорическое обозначение политиков в русском и английском языках	79
Никонова Ж. В. Соловьева Е. В.	Лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса (на примере текстов дебатов в бундестаге).....	85
Новикова В. П.	Поле битвы — Брексит: лингвокогнитивный анализ.....	93
Павлина С. Ю.	Политический плакат как поликодовый текст.....	100
Руженцева Н. Б. Суетина А. И. Ли Сыци	Жанр политического портрета в русскоязычных китайских СМИ: ценности и антиценности.....	107
Усланова Е. М.	Номинативное поле медиаконцепта «майдан» в российских СМИ	113

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Ильина О. В. Каблуков Е. В.	Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области	119
Инживоткина Я. В.	Особенности менталитета жителей Латинской Америки (на примере Эквадора)	132
Мамаева Ю. Т.	Национальные особенности лексической категоризации овощей, фруктов и ягод в кумыкском и русском языках.....	143

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Громова Н. С.	Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия.....	150
---------------	---	-----

Радбиль Т. Б. Маркина М. В.	Вероятностно-статистические модели в производстве автороведческой экспертизы русскоязычных текстов	156
Салихова Э. А.	К вопросу о вербальной реализации призыва	167
Хоменко А. Ю.	Лингвистическое атрибуционное исследование коротких письменных текстов: качественные и количественные методы	177
РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ		
Цзюй Хайна	Модель фразеосемантического поля темпоральности в русской фразеологии	188
Чэнь Хуань	Сопоставительный лингвокультурологический анализ английского и русского переводов текстов китайского политического дискурса (на материале Доклада Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде КПК).....	195
Юе Сюе	Анализ лингвокультурных концептов в политическом дискурсе В. В. Путина	203
РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА		
Ян Кэ	Лингвистическое направление исследований международной политики: «Лингвистика международных политических отношений: теория и практика»	207
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		214

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	9
---	---

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Kolesov V. V.	The Concepts of Priroda, Rodina and Narod (nature, homeland, and the people) in the Russian Linguistic Consciousness	12
Rogozhnikova T. M.	Political Communication and Verbal Suggestion in the Format of Psycholinguistic Paradigm	24

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Agrba L. A.	Digital Demagoguery or Political Discourse of the New Era.....	38
Zinov'ev N. V.	Dominant Metaphorical Models in the Discourse of British Prime Minister David Cameron	49
Kondrat'eva O. N. Zheglo A. V.	Tactics of Creation of “a Brighter Future” for the Region in the Pre-election Discourse of Kemerovo Oblast.....	55
Koptyaeva N. N.	British Mass Media on the Cult of Jeremy Corbyn: Realization of Discreditation Strategy	62
Martynenko I. A. Il'ina A. Yu. Kupriyanova M. E.	Falkland Islands Toponymy through the Prism of Territorial Disputes	67
Matova Yu. V.	Metaphorical Nomination of Politicians in Russian and English	79
Nikonova Z. V. Solov'eva E. V.	Linguocultural Specificity of the Modern German Political Discourse (based on texts of the Bundestag Debates)	85
Novikova V. P.	On the Battlefield of Brexit: Linguo-Cognitive Analysis	93
Pavlina S. Yu.	Political Posters as Multimodal Texts	100
Ruzhentseva N. B. Suetina A. I. Li Siqi	The Genre of Political Portrait in the Chinese Mass Media in Russian: Values and Anti-Values.....	107
Uslanova E. M.	The Nominative Field of the Media Concept «Maydan» in Russian Media.....	113

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Il'ina O. V. Kablukov E. V.	Practices of Constructing Ural Identity in the Media Discourse of Sverdlovsk Region	119
Inzhivotkina Y. V.	Peculiar Features of Mentality of Latin Americans (on the Example of Ecuador).....	132
Mamaeva Yu. T.	Representation of Lexical Categorization in Cognitive Linguistics on the Example of the Names of Vegetables, Fruits and Berries in the Kumyk and Russian Languages.....	143

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Gromova N. S.	Verbal Aggression in Political Communication: Causes and Consequences	150
----------------------	--	-----

Radbil' T. B. Markina M. V.	Probabilistic-Statistical Models in Conducting Authoring Expertise of Russian Texts 156
Salikhova E. A.	To the Question of the Verbal Realization of Appeal..... 167
Khomenko A. Yu.	Linguistic Attributional Examination of Short Written Texts: Qualitative and Quantitative Methods 177
PART 5. FOREIGN EXPERIENCE	
Tsjui Haina	A Model of Phraseosemantic Field of Temporality in Russian Phraseology 188
Chen Huan	Comparative Linguocultural Analysis of English and Russian Translations of Chinese Political Discourse (A Case Study of the 19th CPC National Congress Report) 195
Yue Xue	Analysis of Linguo-Cultural Concepts in the Political Discourse of V. V. Putin 203
PART 6. REVIEWS. CHRONICLE	
Yang Ke	Linguistic Aspect of the Study of International Politics: “Linguistics of International Political Relations: Theory and Practice” 207
Manuscripts Requirements 214	

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для

публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а по-

тому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»:
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'27:39
ББК ШП41.12-003
DOI 10.26170/pl19-02-01

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

В. В. Колесов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: —

 E-mail: prof.kolesov@gmail.com.

Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании

АННОТАЦИЯ. На основе собственного когнитивного метода анализа авторитетных текстов автор описывает синергичную связь трех концептов, родственных по исходному «первосмыслу» *rod*. В результате исследования выясняется, что в традиционном следовании Природа, Родина и Народ соединены жесткой связью и определяют друг друга в своем взаимном действии: Природа — условие событий, представленное как образ; Род, Родина — причина действия, представленная как понятие; народ — цель, представленная как символ. Внутренние связи этих концептов прослеживаются в двух хронологических срезах: XIX—XX века и современное состояние языка, XXI в. В качестве источника новейших текстов использовался Национальный корпус русского языка. В результате исследования выясняется, что в традиционном следовании Природа, Родина и Народ соединены жесткой связью и определяют друг друга в своем взаимном действии. Выявлена зависимость концептуального содержания сознания от реальной обстановки существования современного человека: утрачена взаимная связь всех трех концептов на основе их производящего концептума **rod*. Каждый концепт дан «сам по себе», сжимается до минимального уровня состояний (все люди — только моя семья, первопричина всего — замкнутая система, сила — практически ресурсы и т. д.). Возможно, это следствие фрагментации мира, дробления его на «молекулы» в связи с насильственным формированием клипового мышления. Связь концептов прослеживается только в сознании и речи творческих людей, однако коммуникативная практика наших дней ее не знает.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; языковое сознание; семантическая константа; ментальные парадигмы; языковая картина мира; русский язык; «Природа»; «Родина»; «Народ»; лингвокультурология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Колесов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; e-mail: prof.kolesov@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Колесов, В. В. Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании / В. В. Колесов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 12-23. — DOI 10.26170/pl19-02-01.

Кинорежиссер А. Кончаловский предложил заменить феодальную формулу национальной идеи «православие — самодержавие — народность» на более современную «природа — Родина — народ», что перекликается с определением В. В. Путина, сказавшего: «Корень-то какой — Родина. Значит, что-то родное» — и в точности совпадает с ментальной парадигмой *Род*, в развертке семантической константы представленной в следующем виде:

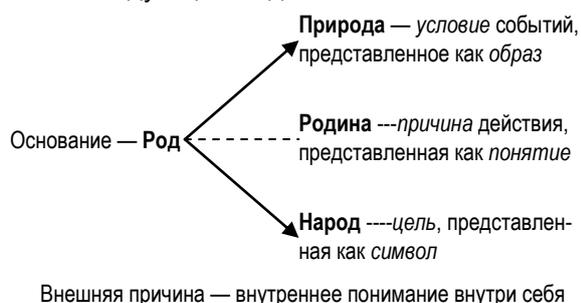

Рис. 1

Попробуем определить внутренние связи всех этих концептов по двум хронологическим срезам: XIX—XX вв. и современному, XXI в.

РОД

Род — идеальная сущность *родственных*, социальных или духовных связей, порождающих внутреннее *родство* — в отличие от случайных свойств или временной близости.

Род соотносится с источником жизни (*родник*), местом происхождения (*родина*), родственными связями (*родина*) и приметами родства (*родинка*); совокупность ныне живущих (*народ*) в определенной природной среде (*природа*) может отвергнуть *урода* (не в состоянии продолжить *род*) и *отродье* (нарушает его принципы).

Др.-слав. представление о Роде — это все предки и потомки вместе («моего роду-племени»), данные нисходящим образом, поскольку предки, которые впереди, порождают потомков (которые «потом») — «род в род идет»; очень четко в языческой культуре представлены символы *Рода* и

двух рожаниц, которые со временем стали воплощением Судьбы. Общеслав. от *род(ити)*; др.-рус. 'рождение' и 'родственный' (XI в.), 'родственная группа (людей, животных)', 'поколение' и 'родня' (1057), 'потомок', 'происхождение', 'класс разнородных предметов' и 'судьба, предопределение' (1073), 'природа, естество' (1097), 'божество древних славян' (1156), 'семейство, порода, разновидность', 'вид, вещество (форма существования)' и 'время смены поколений' (XII в.), 'урожай' (XIII в.), 'грамматический род' (XVI в.).

Приведем некоторые контексты с выразительными предикатами:

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха! (Пушкин) — *Если не согласиться с тем, что мысль человека есть мысль рода человеческого, то нет возможности понять, что она такое* (Чаадаев). — *Стремление к счастью есть стремление сделаться родом — несчастья сделаться видом* (Одоевский). — *Из первобытной римской истории также видим, что некоторые роды из победителей племен принимались в племя победителей* (Чернышевский). — *Но когда семейное начало взяло верх над родовым и главным стала семья, а не род, родовый союз потерял свою обязательную силу... В политической сфере семья одержала верх над родом* (Кавелин). — *Индивидуум есть часть рода и подчинен роду. Биологически он происходит из лона природной жизни... Дух противоположен роду и родовому быту. Символическое освящение родового быта не есть еще подлинное раскрытие христианской жизни, жизни духа* (Бердяев). — *В славянстве всегда теплился огонь неудовлетворяемой родовой силы, и наша сила теперь именно родовая, сила огня* (Пришвин). — *Идея — вид в смысле рода. Род должен быть рожден потому, что иначе его нигде нет... Родов в природе не существует и никогда не будет существовать, потому что никогда не будет так, чтобы было то, что уже не состоялось: и все равно роды существуют в большей мере, чем виды и индивидуиды. Роды раньше индивидуидов. Индивидуиды рождаются потому, что есть род, но роды не рождаются потому, что есть индивидуиды... Чтобы родился род (идея), нужно рождение, неизвестное природе* (Биbihин).

Человеческий род является таким же созданием природы, как род львов или слонов, ...лишь с тем отличием, что здесь уже в самом зародыше к зримым для нас силам их формирования присоединяется идея языка и свободы (Гумбольдт).

О самом слове **род** скажем, что в современном языке нашего образованного

общества род употребляется в более обширном и вместе более неопределенном генеологическом смысле, но даже и здесь он не значит совокупности родичей, не значит **колена** (К. Аксаков).

Как родовой концепт, Род представлен только в противопоставлениях с видами, а именно: *мысль (рода) — мысль (человека)*, *род — семья*, *род — племя*, *род — индивидуум* или *род* в противопоставлении *духу*. По точному указанию Н. А. Бердяева, Род «принужден рассматривать себя как часть, которая может восставать против целого, но не может противопоставить себя ему, как целое в себе». Диалектика части и целого четко связывает внутренние потенции Основания, каким является Род в отношении производных.

ПРИРОДА

Природа — то, что обеспечивает существование *рода* и является естественной средой его обитания.

Противопоставление культуре возникает под влиянием германской ментальности (понимается как созданное человеком духовное обеспечение жизни) и романским представлениям о цивилизации (созданное человеком материальное обеспечение жизни). Новое русское слово (1614) от сочетания *при роде*. Современное значение 'сущность вещи'; диалектные 'род, семья', 'происхождение', 'родина', 'почва, земля'.

Предикаты содержатся в следующих текстах:

Природа есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты... кратко сказать. Природа запалает к делу и укрепляет в труде, делая труд сладким (Г. Сковорода). — *В мире находятся только две силы: природа и воля, или — что то же — необходимость и свобода* (Георгиевский). — *Под словом природа мы подразумеваем... а просто-напросто сумму существ, фактов и реальных способов, которые производят эти факты* (Бакунин). — *Природа... влияла, как всякому известно, глубоко не только на общие нравы и личные характеры, но и на учреждения* (К. Леонтьев). — *Синтетический взгляд на природу предполагает знание природы в ее совокупности, во взаимной связи всех ее отдельных частей, как нечто целое* (Розанов). — *С этим согласно и этимологическое значение слова «природа» (*natura, φύσις*), указывающее в ней начало произведения или порождения вещей... Всеобщая мать — природа (*materia* от *mater*)... Она понимается в трех главных смыслах: 1) как существование определенное чего бы то ни было... в этом общем смысле природа = естеству или*

сущности; 2) как видимый земной мир, обнимающий, в некотором единстве, совокупность того, что составляет определенную среду и основу человеческой жизни... 3) Природой называется также низшее материальное начало в самом человеке, связанное с внешнею материальною средою, но отличаемое от нее (Вс. Соловьев).

Расширяя жизнь в себе, человек изливает ее и вне себя, оживляет и природу; пробуждая в себе дремлющие силы, он пробуждает их в природе... История природы есть история сознания... Природа есть пассивное, рецептивное, женственное начала, человек — активное, мужественное, сознательное. Таким образом, природа с господствующим в ней слепым интеллектом или инстинктом только в человеке осознает себя, становится зрячею. Природа очеловечивается (С. Булгаков). — Природа лучше человека. В ней нет раздвоения, она всегда последовательна. Ее следует везде любить, ибо она везде прекрасна, и везде и всегда трудится (Ф. Кони). — Человек создается генитально — за этим стоит природа, а не логическая мысль. В европейской традиции, уходящей корнями... в Книгу Бытия, природа не может быть вне логической мысли или тем более выше ее (В. Налимов). — Мир духовного творчества, вырастающий из человека, есть только следствие этого отношения его к природе... Нет, природа не рациональна (В. Розанов). — Понимание природы как математического естествознания — ветхозаветно... В природе господствуют причинные связи, но личность есть разрыв причинных связей. Причинные связи природы превращаются в смысловые связи духа. Причинная связь может быть бессмысленной... Правда «природы» в человеке получила возможность восставать против неправды в цивилизации и обществе... Чувственная природа сама по себе не зло, она этически нейтральна, она становится злом только тогда, когда препятствует развитию личности, когда затемяняет высшее самосознание и самоосуществление (Н. Бердяев). — Русское самосознание... вскрыло природу России, как лона мировой культуры (Карташев). — Коротко: «природа» приобретает всякий смысл, в том числе и эстетический, как и все на свете, только в контексте — в контексте культуры (Шпет). — Я не очеловечиваю природу, а нахожу в ней общие черты с человеком, понятные в силу родства человека с природой... Природу я понимаю из себя — это все мое прошлое так процве-

ло... Чувство природы оценивается только силой (М. Пришвин). — «Природа» есть не представление, а понятие, ...первое формальное практическое следствие отсюда то, что понятием «природа» и пользоваться надо как понятием (Ухтомский). — Монголы принимали православие, ислам, ...но не католичество. Выбор их был подсказан не поиском выгоды, а симпатией, лежащей в сфере подсознательного, т. е. в природе (Л. Гумилев). — Единственная производительная сила есть природа (Гилларов). — Природе живется, и только человек живет (Хомяков). — Слово **природа** (*natura* — рождающая), употребляемое теперь как понятие отвлеченное, собственно, указывает на землю, материнская утроба которой не устает рожать от начала мира и до наших дней (Афанасьев).

Общая сумма выявленных денотатов:

- 1) основания — всеобщая мать, сущее в определении чего бы то ни было, естество, сущность, причинные связи, понятие;
- 2) условия — первоначальная всему причина, самодвижущая пружина, лоно мировой культуры, необходимость, сумма существ, фактов, событий, пассивное женское начало, всеобщее достояние, начало порождения всех вещей, естественный мир, низшее материальное начало в человеке, видимое бытие, сфера подсознательного;
- 3) причины — обеспечивает существование рода, запалывает к делу и укрепляет в труде, везде и всегда трудится, смысл приобретает в конкретной культуре, влияет на нравы и характер людей, осознает себя в человеке, оценивается силой, сроднилось со мною, очеловечивается, нет раздвоения;
- 4) цели — естественная среда обитания, связь частей как некое целое, совокупность всего, что есть, среда и основа жизни, не может быть вне логической мысли, создает мир духовного творчества, восстает против неправды в обществе.

Возможные семантические константы схематически представлены на рис. 2—6.

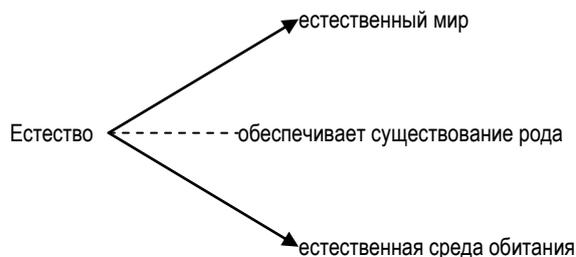

Рис. 2

Читается: Природа — естество естественного мира, обеспечивающее существование рода в естественной среде обитания.

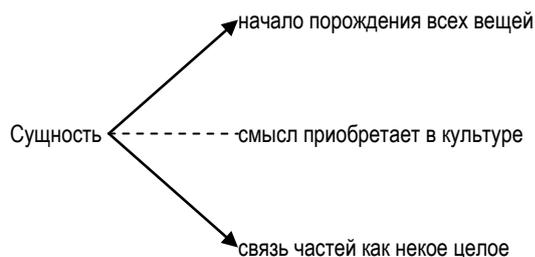

Рис. 3

Читается: Природа — *сущность начал порождения вещей, приобретающая в культуре смысл связи частей как некоего целого.*

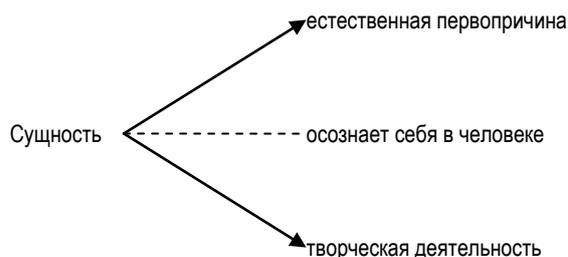

Рис. 7

Читается: Природа — *сущность естественной первопричины, осознающей себя в человеке ради возможностей творческой деятельности.*

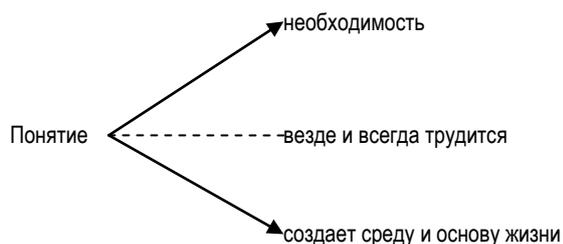

Рис. 4

Читается: Природа — *понятие необходимости везде и всегда трудиться ради создания среды и основы жизни.*

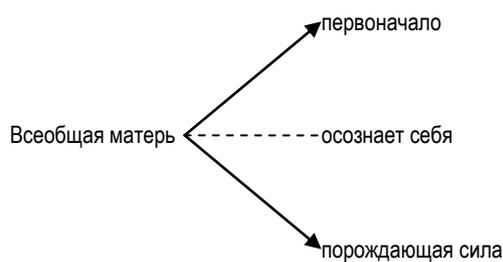

Рис. 8

Читается: Природа — *всеобщая мать (материя) первоначал, осознающая себя порождающей силой.*

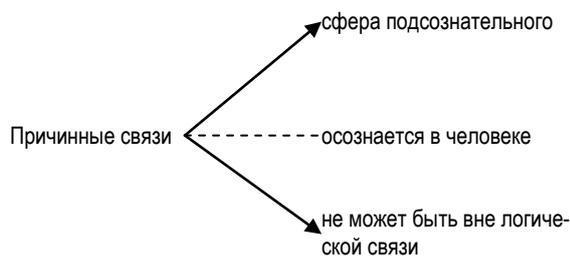

Рис. 5

Читается: Природа — *причинные связи в подсознательной сфере, осознаваемые человеком в логических связях.*

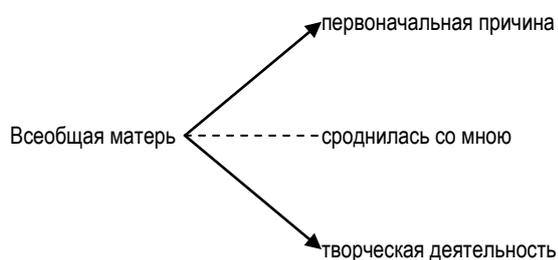

Рис. 6

Читается: Природа — *всеобщая мать (материя) как первоначальная причина, сроднившаяся со мною в целях творческой деятельности.*

Инварианты схематически представлены на рис. 7—8.

РОДИНА

Родина — общность рождения *народа*, восходящая к **предкам** (*порода*) в неизменной **среде обитания** (*природа*).

Представляет собою единство **места** (*родина*), **времени** (*родина*) и субъектов рождения (*родина* как *родичи*) применительно к отдельному **лицу**; **единство земли, государства и веры** предков. Общеслав. от *родъ* (в знач. 'родная страна' *родина* — новое русское слово, впервые у Державина). Современное значение 'место происхождения чего-л.'.

Значимые предикаты:

Иметь родину есть счастье, а иметь ее можно только любовью (И. Ильин). — *Родина святыня для всякого и как таковая она всегда дорога и прекрасна... Родина есть священная тайна каждого человека, так же, как и его рождение... Человек существует в человечестве и в природе. И образ его существования дается в его рождении и родине* (С. Булгаков). — *Родина — живое, реальное существо. Мы любим ее не в силу принципа «патриотизма», мы не поклоняемся ни ее славе, ни ее могуществу, ни каким-либо отвлеченным признакам и началам ее бытия. Мы любим ее самое, нашу родную, древнюю, исконную мать... Я не только имею родину, как мое естественное внешнее окружение и среду моей деятельности... родина живет во мне*

самом... непосредственное самобытие узнает в «ты» успокоительную, отрадную ему реальность сходного, сродного, родного ему — некую свою родину, т. е. реальность себя самого, внутренне ему тождественную (С. Франк). — В родине впервые приоткрывается лицо России. У всякого народа есть родина, но только у нас — Россия (Г. Федотов). — Там, где народ не принимал сознательного участия в творчестве своей истории, он не может иметь чувства родины и не может сознавать своей ответственности за несчастья родины (М. Горький).

Родина — место, где мы родились, **отечество** — родина, мною созданная... Но без родины нет земли... **Родина** — это от **рода**; пусть сам «род» свой какой-нибудь неприятный и родство среди людей не удалось, все равно: эта сила сродства воплощается в чем-нибудь (М. Пришвин). — Главным, без чего представление о Родине потеряло бы смысл, во все времена было и остается одно: земля и люди на ней (Позиция). — Или жизнь согласно с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она — самоотречение, или жизнь вне связи с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она бессмыслица (Лосев). — Родина — это прежде всего духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом «территория»... Образ Родины создается из видимого и невидимого, материального и духовного, из глубин истории и высот святости (В. Распутин). — У человеческих коллективов есть жесткая связь с кормящим ландшафтом. Это и есть **Родина** (Л. Гумилев). — И если отдельные выводы всех окажутся соответственными душе каждого, ...тогда это соответствие и слияние этих соответствий и будет наша Родина (С. Волконский).

Я многих приобщаю к причинной любви к Родине... Беспричинная любовь к Родине есть любовь к государству (М. Задорнов — АН 2007, 49). — Родина и государство — понятия, совпадающие далеко не всегда. Скорее даже — они совпадают только в экстремальные моменты (С.-петерб. вед., 2009, 111). — Русские не могут быть полноценными вне родины. Другие нации могут, а эти нет (Лимонов). — Нужна была революция, чтобы народ познал страну как свою собственность и назвал бы ее родной (А. Н. Толстой).

Концепт **Родины** является ключевым в русской языковой картине мира... Родину мы противопоставляем государству, наша любовь к ней, как и любовь к женщине, отличается пристрастностью и амбива-

лентностью... Концепт **Родины** в русском языковом сознании представляет собой результат двойной метафоризации: в первом шаге расширения метафоры дома, во втором — персонификации сообщества близких по духу людей... (С. Воркачев).

Общая сумма содержательных денотатов:

1) **основания** — святыня, священная тайна, живое реальное существо, реальность себя самого (сходного), ключевой концепт, это от рода;

2) **условия** — общность рождения, место рождения, образ существования, древняя исконная мать, красота, доброта и мудрость, как своя собственность, расширенная метафора дома;

3) **причины** — в ней существует человек, имеют любовь, любим ее самоё, живет во мне, жизнь как самоотречение, образ из видимого и невидимого, противостоит государству;

4) **цели** — неизменная черта обитания, естественное внешнее окружение и среда деятельности, земля и люди на ней, жесткая связь с кормящим ландшафтом, сохранение полноценности человека, жизненное общество, без родины нет земли, персонифицированное общество близких по духу людей.

Возможные **семантические константы** представлены на рис. 9—11.

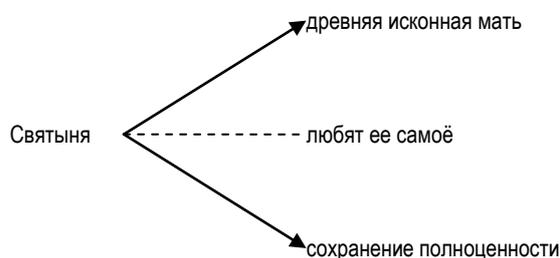

Рис. 9

Читается: Родина — это **святыня древней исконной матери, которую любят как ее самоё ради сохранения своей полноценности.**

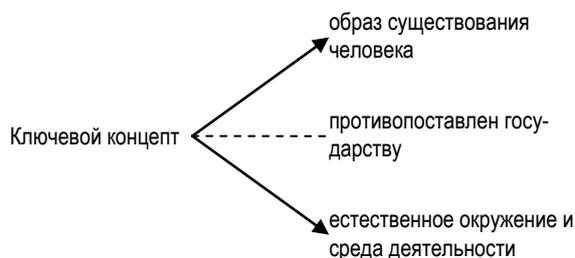

Рис. 10

Читается: Родина — **ключевой концепт образа человеческого существования, противопоставленный государству и данный как естественное внешнее окружение и среда деятельности.**

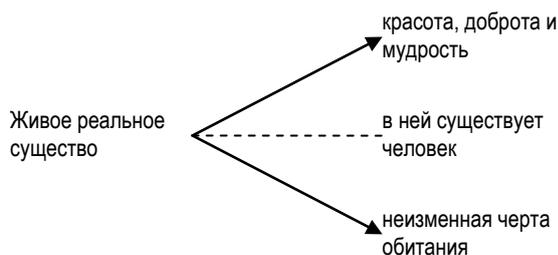

Рис. 11

Читается: Родина — это *живое реальное существо красоты, доброты и мудрости, в которой существует человек как в неизменной черте обитания.*

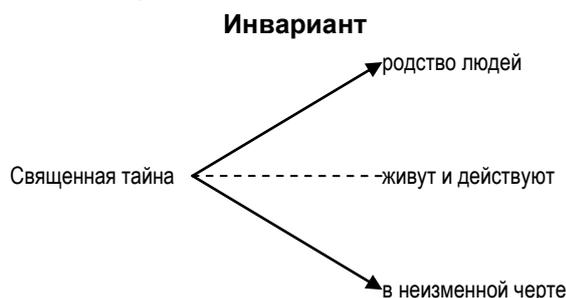

Рис. 12

Читается: Родина — *священная тайна родства людей, которые живут и действуют в неизменной черте обитания.*

НАРОД

Народ — то, что *народилось*, собралось в роде и представляет собою совокупность ныне живущего рода — по общности крови (*порода*), места (*родина*), среды обитания (*природа*) и языка (*родство*).

Исторически общеслав. *народъ* 'множество' от *народити* 'произвести на свет'; др.-рус. 'толпа, множество' (1057), 'люди, народ' (1057), 'соучастники, соратники' (XI в.), 'население страны, народная масса' (XI в.), 'род как совокупность видов животных' (XIII в.), 'род, потомки' (1499), 'толпа, чернь' (1499), 'народность, народ (в совр. смысле)' (1628). Заметно снижение понятия в связи с конкретизацией значений слова.

Денотатные признаки определим на основе следующих типичных текстов.

1. **Основания.** *Народ по своей самобытной особенности есть великая земная сила* (Вл. Соловьев); *из конкретного индивидуального русского народа хотят сделать гипостазированную отвлеченность* (Шпет); *народ — величина количественная, механическое сцепление частиц* (И. Коневской); *народ есть реальность гораздо более первичная и природная, чем нация, в народе есть что-то дорациональное, народ есть реальность более человеческая, чем нация. Народ есть люди, нация же не есть люди, нация есть принцип, господствующий над*

людьми, есть правящая идея... Народ есть реальное, а не номинальное понятие, народ — мистический организм, сверхчеловеческое единство. Народ есть предмет веры, а не предмет чувственного восприятия (Бердяев); *народ — символ суровый, непреклонный, мужского рода, чем и отличается от нации, представляющей женское начало культуры* (Федотов); *органическое понимание народа создает смысловое поле, на котором не растет демократия. Эта «ягода» с другого поля* (Гиренок); *Сам народ всегда безлик и аморфен. Это психический и духовный генофонд. При-плод, народ* (Галковский); *Народ — коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, врученные нации при рождении* (В. Распутин).

2. **Условия.** *Было время, когда у нас не было публики. Возможно ли это? — скажут мне. Очень возможно и совершенно верно: у нас не было публики, а был народ. Это было еще до построения Петербурга* (К. Аксаков); *нет человеческого истинного без истинно народного* (Хомяков); *сущность народа определяется тем, во что он верит, как он понимает предмет своей веры и что он делает для ее осуществления* (Вл. Соловьев); *народы столь же четко индивидуальны, как различны их языки* (Карташев); *эмпирический народ должен быть подчинен нации, ее задачам в мире. В нации есть ноуменальное, онтологическое ядро, которого нет в том эмпирическом явлении, которое вы именуете народом* (Франк); *языки — это народы (ethne, gentes)...* *У всякого народа есть родина, но только у нас — Россия* (Федотов); *народ — система, находящаяся в непрерывном развитии. Она устойчива, но в то же время изменчива. Если существенно меняются условия жизни, меняется и этнический облик общности... Это творение культуры, причем недавнее... Народы — это «сгустки» культуры, обладающие самобытностью... Известно, что народ в большей степени смотрит в будущее, чем в прошлое. Он непрерывно себя строит* (Кара-Мурза).

3. **Причины.** *Народ наш не легкомыслен, не ветрен, ...и именно в великие исторические мгновения своей жизни является сдержанным, важным, сосредоточенным* (И. Аксаков); *народ стремится выразить себя в образах, он создает обычаи и стиль. Нация же стремится выразить себя в государственном могуществе, она создает формы власти... Народ должен быть, должен хранить свой образ, должен развивать свою энергию, должен иметь возможность творить свои ценности...* Чаадаев

высказал мысль, которую нужно считать основной для русского самосознания, он говорит о потенциальности, непроявленности русского народа... русский народ призван осуществить великую миссию. Вера в миссию России есть вера, она не может быть доказана, это не научная истина. Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями... Народ не есть социальная категория. И социальные противоположения лишь мешают осознанию народности (Бердяев); славянофилы упрекали себя в том, что они не народ, западники упрекали народ в том, что народ это не они. Беда же состояла в том, что и западники, и славянофилы все еще являлись народом, но не понимали, что понятие «народ» в их лексиконе является фикцией (Галковский); народ живет для лучшего... Какой цинизм! Во всех газетах спорят и разглазгольствуют вслух о том, что им делать с русским народом, куда его вести, какой уздой взнуздать, какими вожжами поворачивать, каким кнутом стегать (Свиридов); Народ — это не все население, а только его большинство, основная масса, обеспечивающая своим трудом развитие общества и его прогресс (С.-петерб. вед. 2012, 118); народ стал умён! (Пришвин); народ не в том, что он существует, а в том, что он движется (А. Платонов).

4. Цели. ...народ есть стихийно живущая толпа, слепая в своих инстинктах и побуждениях. И народ же есть сверхличный, коллективный носитель высшей Истины (Ухтомский); народ не механическое соединение миллионов человек. Такое скопление людей было бы не способно ни к какому историческому действию (Солоухин); когда власть и народ в России не соблюдают дистанцию — жди страшной аварии... Заигрывать с народом не значит служить народу и тем более уважать его... Ни один народ в мире, и тем более русский народ, не прощает заигрывания с ним. Народ без культурных авторитетов есть толпа (Аргум. недели 2009, 35); народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих (Распутин); кому ничего не достается, тот и есть народ (А. Битов — Известия 2010, 5); народ есть исторически субъект, наделенный волей и целенаправленностью. В нем корень преемственности... Народ это этнос, ... вступивший в историю, осознавший время и поставивший себе в этом времени цель. Народ — этнос, наделенный миссией (Дугин).

Ср.: Народы суть то, чем оказываются их действия (Гегель); для меня народ — это единство души... Народ — союз людей, ощущающий себя единым целым. Народ — это взаимосвязь, которая **сознается**... Все великие события истории, собственно говоря, совершены народами не были, но скорее породили на свет их самих (Шпенглер).

Возможные каузальные следования схематично представлены в формулах 1—4 (рис. 13—16).

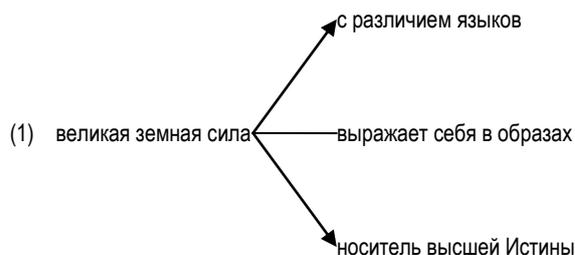

Рис. 13

Читается: Народ — это великая земная сила с различием в языках, выражает себя в образах и (является) носителем высшей Истины. Источники: Вл. Соловьев — Карташев — Бердяев — Ухтомский.

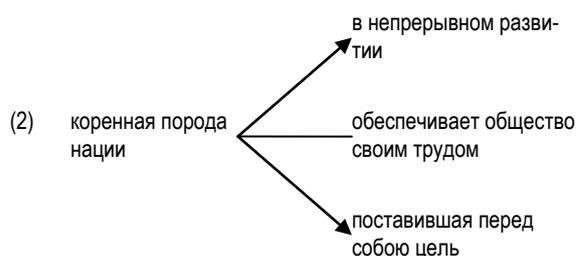

Рис. 14

Читается: Народ — это коренная порода нации в непрерывном развитии, обеспечивающая своим трудом общество и имеющая свою цель. Источники: В. Распутин — Кара-Мурза — «Санкт-петербургские ведомости» — Дугин.

При полном совпадении оснований второе определение отличается большей прагматичностью, тогда как определение первое выражает внешнюю сторону в проявлении концепта «Народ».

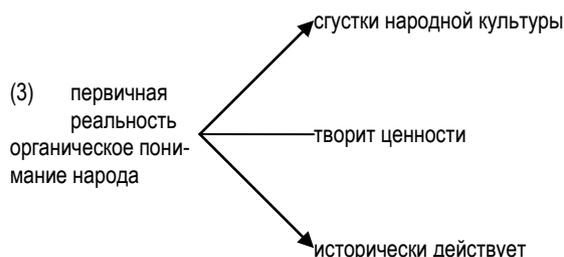

Рис. 15

Читается: Народ — это первичная реальность (органическое понимание наро-

да), представленная как сгустки народной культуры, она творит ценности в историческом действии. Источники: Бердяев (Гирёнок) — Кара-Мурза — «Санкт-петербургские ведомости» — Солоухин.

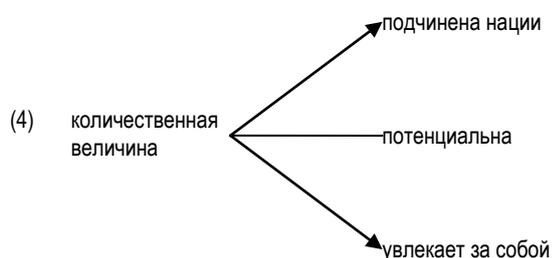

Рис. 16

Читается: Народ — это *количественная величина, подчиненная (понятию) нации, отличающаяся потенциальностью (возможностей), но способная увлекать за собой*. Источники: Коневский — Франк — Чаадаев — В. Распутин.

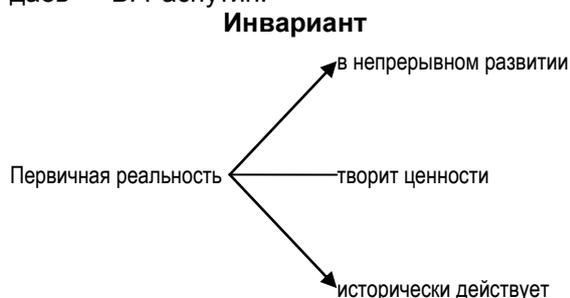

Рис. 17

Читается: Народ — это *первичная реальность в непрерывном развитии, он творит ценности и действует исторически*.

Все константы выделяются общим *основанием*, представленным разными словами. Народ — первичная реальность нации. Условия варьируются, что определяет изменения *причин и целей*. Самое важное отличие современных представлений о концепте «Народ» состоит в нацеленности на реальность действия (3) и постоянного развития (2). Традиционные определения более умозрительны (4) и охвачены культурным контекстом (1). Таково понимание концепта в разные исторические периоды, что несомненно обусловлено культурной обстанов-

кой того или иного периода.

Сопоставления

Сопоставим инварианты полученных определений концептов (табл. 1). Исходим из того, что инвариант отражает самую глубинную суть ментального состава парадигмы.

Реальность отражения всех составов концептов удостоверяется возможностью прочтения «по горизонтали», в границах каждого состава в отдельности. Ср. чтение Основания: *Священная тайна всеобщей материи есть первичная реальность*. Условия: *Первопричина родства людей в непрерывности (их) развития*. Причины: *Осознав себя в человеке, живет и действует, творя ценности*. Цели: *Порождающая сила исторически действует в неизменной черте*. Каждый из концептов связан с двумя другими хотя бы совпадением одной черты (*порождает — творит, первопричина — первичная реальность, всеобщая — священная и т. д.*). Близость всех трех концептов объясняется общим концептумом *god 'расти'. Свойства *перетекают* друг в друга, обогащая общий смысл определения. Эти определения выражают ментальную глубину смысла, поскольку они основаны на *реальных* высказываниях авторитетных авторов и представлены в *объективном* следовании составов причинности.

Национальный корпус русских текстов

Новейшие тексты русского сложения можно найти в Национальном корпусе текстов, к которому мы и обращаемся. Неудобство этого источника для наших целей состоит в том, что содержательные предикаты, способные стать денотатами в дальнейших действиях анализа, встречаются исключительно редко. Для всех концептов из многих тысяч текстов рассмотрены по тысяче контекстов, и только некоторые из них представляют искомые предикаты. Поскольку авторство в данном случае не имеет значения, представляем эти предикаты в препарированном виде готовых денотатов.

Таблица 1

Природа	Родина	Народ
всеобщая мать	священная тайна	первичная реальность
первопричина	родство людей	в непрерывном развитии
осознает себя в человеке	живет и действует	творит ценности
порождающая сила	в неизменной черте	исторически действует

ПРИРОДА

1) *Основания* — мать, мачеха, судьба, богиня, очень коварная вещь, natura naturata.

2) *Условия* — чистый воздух, благодать, самое лучшее и крепкое, что есть в мире, абсолютно замкнутая система, особенность, подтверждение диалектики, классовый гендерный интерес, мудрая штука, ее законы скрыты во тьме, отличная от культуры, любопытство.

3) *Причины* — у нее свои законы, наказывает массовой гибелью, не терпит пустоты, ничего не творит сразу, делает всех разными, располагает к творчеству, существует сама по себе, не знает жалости, лечит, существует отдельно от человека, как бы вибрирует, мстит за нарушение гармонии, есть везде, берет свое, вокруг нас, успокаивает.

4) *Цели* — творит чудеса, вознаграждает за труд, познает себя в открытиях, хороша в жизни, скрывает ресурсы, до сих пор неясна.

Семантические константы схематично изображены на рис. 18—21.

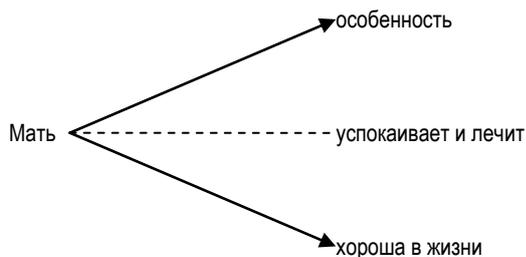

Рис. 18

Читается: Природа — *мать, особенность которой — успокаивать и лечить — хороша в жизни.*

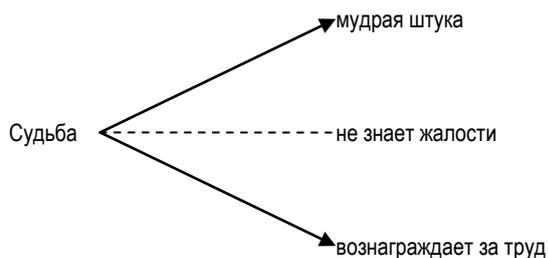

Рис. 19

Читается: Природа — *судьба, как мудрая штука, не знает жалости, но вознаграждает за труд.*

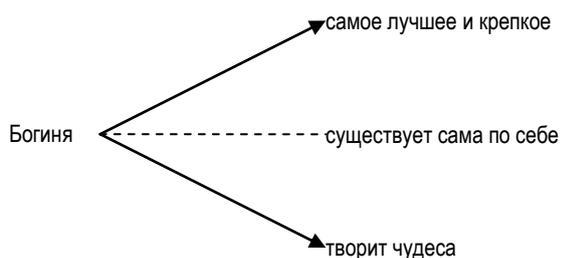

Рис. 20

Читается: Природа — *богиня, самая лучшая и крепкая, существует сама по себе, творя чудеса.*

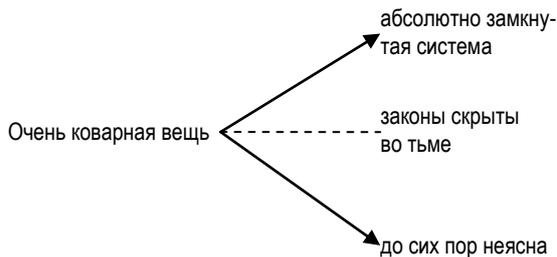

Рис. 21

Читается: Природа — *очень коварная вещь: абсолютно замкнутая система, законы которой скрыты во тьме и до сих пор неясны.*

Инварианты

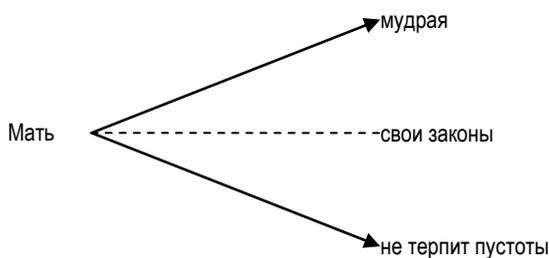

Рис. 22

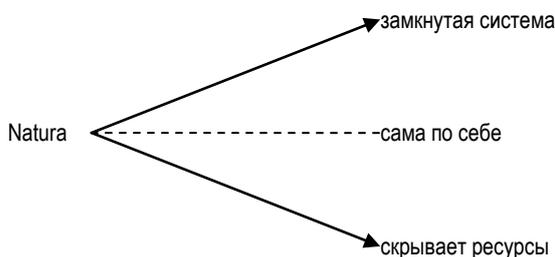

Рис. 23

РОДИНА

1) *Основания*: мать, матушка, слово, эта страна, судьба, святыня.

2) *Условия*: Отечество (предков), путеводная звезда, независимость от идеологии и государства, семья, дети, неправда.

3) *Причины*: своих защищает, зовёт, расцветает, поддерживает, где любят и ценят, где просто хорошо и вольготно жить,

4) *Цели*: там, где работа есть; ее не выбирают и не предают; место, где я чувствую себя как дома; там, где меньше налоги; культурно освоенное пространство; сообщество людей, объединенных общей историей, культурой и языком.

Возможные семантические константы схематично изображены на рис. 24—26.

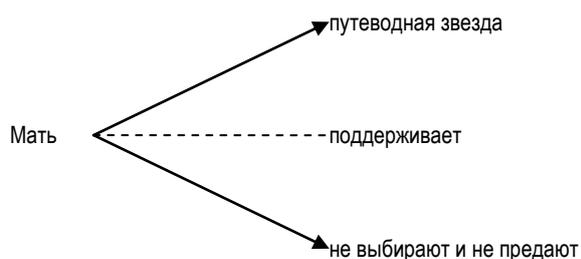

Рис. 24

Читается: Родина как *мать*: *путеводная звезда, которая поддерживает, но которую не выбирают.*

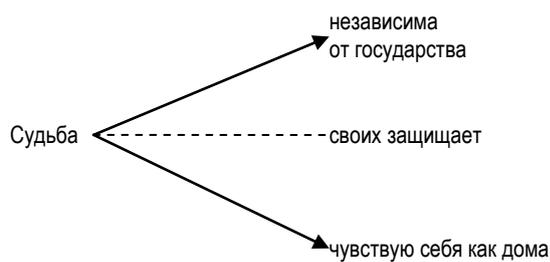

Рис. 25

Читается: Родина — это *судьба*: *независима от идеологии и государства, своих защищает, так что чувствуешь себя как дома.*

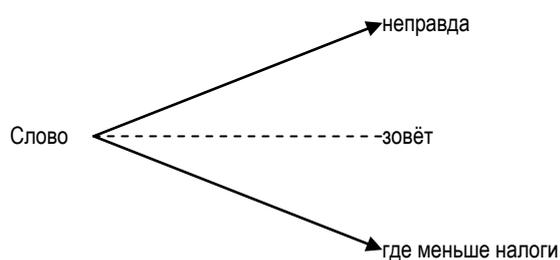

Рис. 26

Читается: Родина — *слово неправды, которое зовёт туда, где налоги поменьше.*

Инвариант

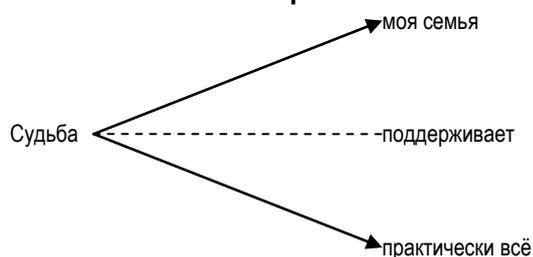

Рис. 27

Читается: Родина — *судьба моей семьи, которая поддерживает практически во всём.*

Вместе с тем среди целей указаны чисто прагматические требования работы, налогов, уюта, удобства, чего в прежних текстах не было вовсе.

НАРОД

Наиболее сложное положение сложилось с концептом «Народ». В современных текстах слово *народ* используется в любом случае как 'совокупное множество людей', ср. «народ пёр потоком», «за Каддафи и его народ», «народ на стадионах» и т. п. Предполагается именно *целый народ* («без меня народ не полный» — Андрей Платонов). Поэтому в Основании представлены только частные проявления совокупной множественности: это могут быть *игроманы, староверы, дураки, немцы, ленинградцы, славяне* и т. п. в их *совокупности*. Подобные основания не совсем надежны в качестве опоры при построении семантической константы.

Условия также носят отрывочный характер: народ представлен как *быдло, публика, единственный источник власти, носитель суверенитета*. Мало с каким из указанных оснований эти условия смотрятся гармонично, разве что *дураки — быдло* или *игроманы — публика*. Построить семантическую константу затруднительно.

Причины представлены глагольными предикатами типа *воюет, рождает, решает, восстает, звереет, нищает, боится, верит в чудеса, повинуется, столпился, вышел на улицу* и т. п. Надежных указаний на цели нет, если не считать многочисленных парных сближений-противопоставлений типа *народ и вера, народ и власть, народ и жулики, народ и бандеровцы, народ и Путин, активисты и народ, народ и полиция, народ и партия, народ и «общественность», народ и церковь, народ и политики, попы и народ, «люди обобрали народ»* и т. п. В подобных противопоставлениях можно выискать отдельные характерные признаки концепта, но они контекстуально размыты.

В целом концепт «Народ» в современном языковом сознании дан как «общее место» представления о множестве людей, объединенных какой-то индивидуальной особенностью действия.

Заключение

Соотнесем исходное понимание концептов в XIX—XX вв. и фиксируемое в XXI в. (табл. 2).

Таблица 2. Сопоставление концептов XIX—XX вв. и XXI в.

XIX—XX вв.	XXI в.
<p>Природа <i>Всеобщая материя</i> Первопричина Осознает себя в человеке Порождающая сила</p>	<p>Природа-2 <i>natura</i> замкнутая система сама по себе скрывает ресурсы</p>
<p>Родина <i>Священная тайна</i> Родство людей <i>Живет и действует</i> В неизменной черте</p>	<p>Родина-2 <i>Судьба</i> моей семьи <i>поддерживает</i> практически всё</p>
<p>Народ <i>Первичная реальность</i> В непрерывном развитии <i>Творит ценности</i> Действует исторически</p>	<p>Народ-2 <i>(разнообразие)</i> источник власти <i>рождает</i> (множества)</p>

Примечание. Курсивом отмечены совпадения составов.

В современной развертке концептов утрачена взаимная связь всех трех концептов на основе их производящего концептума *god. Каждый концепт дан «сам по себе», сжимаясь до минимального уровня состояний (все люди — только моя семья, первопричина всего — замкнутая система, сила — практические ресурсы и т. д.). На этом основании рассчитывать на действие слитной формулы *Природа. Родина. Народ* по меньшей мере опрометчиво. В современном сознании эти концепты утратили свое первородство. Возможно, это следствие фрагментации мира, дробления его на «молекулы» в связи с насильственным формированием клипового мышления. Настаивать на общеобязательности этой формулы — значит апеллировать к недалекому прошлому состоянию, когда взаимная связь всех трех концептов осознавалась вполне определенно. Возможно, в сознании творческих людей эта связь еще очевидна, однако коммуникативная практика наших дней ее не знает.

Но выявленная несогласованность концептов в триаде указывает на более важную вещь: на реальное *несоответствие* составов, в результате которого закон семантической триады нарушается. В классическом соотношении концепты были *связаны взаимно*, и попарные противоречия легко снимались третьим членом триады. Например, противоречие между Природой и Родиной (государством как ее воплощением) снималось вмешательством Народа, который добивался необходимой гармонии, а противоречие между Природой и Народом регулировалось Родиной — государственной властью, которая исключала хищническое истребление Природы (например, за счет наличия лесников). Теперь автономный ста-

тус каждого концепта, воплощающего важный социальный институт, исключает действие закона взаимного соответствия, и варварское истребление Природы, потребительское отношение к Народу со стороны Родины (государства) становится нормой повседневности.

Это и выражается в смысловом смещении концептов, отраженном в актуальных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. — М. : Academia, 2002.
2. Аристотель. Соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1975—1983. (Сер. «Философское наследие»).
3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. — Новосибирск, 1998.
4. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. — М., 2003.
5. Дмитриева Н. М. Языковые особенности этнических категорий русского менталитета // Вестн. ОГУ. 2011. № 11. С. 57—61.
6. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М. : Интрада, 1996.
7. Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград, 2007.
8. Колесов В. В. Концептология. — СПб., 2012.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
10. Мамардашвили М. К. Заметки о сознании // Вопросы философии. 1990. № 5.
11. Потебня А. А. Собрание трудов. Мысль и язык. — М., 1999.
12. Серебрянников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. — М. : Наука, 1988. 242 с.
13. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — СПб., 2014.
14. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. — М., 2000. С. 24—32.
15. Флоренский П. А. Соч. : в 2 т. — М. : Правда, 1990.
16. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 5. — М., 1978.

V. V. Kolesov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID ID: —

E-mail: prof.kolesov@gmail.com.

The Concepts of *Priroda*, *Rodina* and *Narod* (nature, homeland, and the people) in the Russian Linguistic Consciousness

ABSTRACT. The author describes the synergetic connection between the three concepts related to each other by their primary original meaning “rod” on the basis of his own cognitive method of analysis of reliable literary texts. As a result of the study it has been revealed that in their traditional sequence, the concepts *Priroda*, *Rodina* and *Narod* are united by rigid ties and determine each other in their interaction: *Priroda* is a condition of events presented as an image; *Rodina* is a cause of action presented as a notion; *Narod* is a goal presented as a symbol. Inner relationships between these concepts are studied across two chronological planes: the 19th-20th centuries and the 21st century (present-day Russian). The Russian National Corpus was used as a source of latest Russian texts. It has been found that in their traditional sequence, the concepts *Priroda*, *Rodina* and *Narod* are united by rigid ties and determine each other in their interaction. The author has revealed the dependence of the conceptual content on the real situation of existence of the contemporary person: the interconnection between all three concepts on the basis of their original conceptual basis *rod has been lost. Each concept exists “by itself”; it is compressed to the minimum level of its state (all people – only my family; the primary cause of everything – a closed system; force – practical resources, etc.). This may be the results of the world fragmentation, of its disintegration to the “molecules” as a result of formation of clip mentality. The connection between the concepts is observed only in the consciousness and speech of creative persons, but the communicative practice of to-day has long forgotten it.

KEYWORDS: concepts; linguistic consciousness; semantic constant; mental paradigms; linguistic worldview; Russian; *Priroda*; *Rodina*; *Narod*; linguoculturology.

AUTHOR’S INFORMATION: Kolesov Vladimir Viktorovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Kolesov, V. V. The Concepts of *Priroda*, *Rodina* and *Narod* (nature, homeland, and the people) in the Russian Linguistic Consciousness / V. V. Kolesov // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 12-23. — DOI 10.26170/pl19-02-01.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Poetic Energy of the Word. Synergetics of Language, Consciousness, Culture. — Moscow : Academy, 2002. [Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya, kul'tury. — M. : Academia, 2002]. — (In Rus.)
2. Aristotle. Works. In 4 vol. — Moscow : Thought, 1975—1983. (Ser. “Philosophical Heritage”) [Soch. : v 4 t. — M. : Mysl', 1975—1983. (Ser. «Filosofskoe nasledie»)]. — (In Rus.)
3. Akhiezer A. S. Russia: a Criticism of Historical Experience. Vol. 2. — Novosibirsk, 1998. [Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. 2. — Novosibirsk, 1998]. — (In Rus.)
4. Barantsev R. G. Synergetic in Modern Natural Science. — Moscow, 2003. [Sinergetika v sovremennom estestvoznanii. — M., 2003]. — (In Rus.)
5. Dmitrieva N. M. Language Features of Ethnic Categories of the Russian Mentality // Herald of OSU. 2011. № 11. P. 57—61. [Yazykovye osobennosti etnicheskikh kategoriy russkogo mentaliteta // Vestn. OGU. 2011. № 11. S. 57—61]. — (In Rus.)
6. Il'in I. P. Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism. — M.: Intrada, 1996. [Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm. — M. : Intrada, 1996]. — (In Rus.)
7. Karasik V. I. Language Keys. — Volgograd, 2007. [Yazykovye klyuchi. — Volgograd, 2007]. — (In Rus.)
8. Kolesov V. V. Conceptology. — Saint Petersburg, 2012. [Kontseptologiya. — SPb., 2012]. — (In Rus.)
9. Kubryakova E. S. Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge about the Language: Parts of Speech From a Cognitive Point of View. The role of Language in the Knowledge of the World. — Moscow : Languages of Slavic culture, 2004. [Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004]. — (In Rus.)
10. Mamardashvili M. K. Notes on Consciousness // Problems of Philosophy. 1990. № 5. [Zametki o soznanii // Voprosy filosofii. 1990. № 5]. — (In Rus.)
11. Potebnya A. A. Collected Works. Thought and Language. — Moscow, 1999. [Sobranie trudov. Mysl' i yazyk. — M., 1999]. — (In Rus.)
12. Serebrennikov B. A. The Role of the Human Factor in Language: Language and Thinking. — Moscow : Science, 1988. 242 p. [Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i myshlenie. — M. : Nauka, 1988. 242 s.]. — (In Rus.)
13. Dictionary of Russian Mentality / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov. — Saint Petersburg, 2014. [Slovar' russkoy mental'nosti / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov. — SPb., 2014]. — (In Rus.)
14. Tarasov E. F. Actual Problems of the Analysis of Language Consciousness // Language Consciousness and the Image of the World. — Moscow, 2000. P. 24—32. [Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya // Yazykovoe soznanie i obraz mira. — M., 2000. S. 24—32]. — (In Rus.)
15. Florenskiy P. A. Works. In 2 vol. — Moscow : Truth, 1990. [Soch. : v 2 t. — M. : Pravda, 1990]. — (In Rus.)
16. Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund. Iss. 5. — Moscow, 1978. [Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. Vyp. 5. — M., 1978]. — (In Rus.)

Т. М. Рогожникова

Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8897-3007

 E-mail: burzian@yandex.ru.

Политическая коммуникация и вербальная суггестия в формате психолингвистической парадигмы

АННОТАЦИЯ. *Материал статьи содержит данные об особых единицах анализа для изучения латентных суггестивных ресурсов политических текстов. Вследствие отсутствия языковых манифестаций глубинные внутренние формы текста не поддаются декодированию с помощью традиционных лингвистических и психологических методов. Алгоритм подхода к измерению «силы слова» ориентирован на оценку пригодности единиц анализа в качестве рабочих инструментов, с помощью которых возможны измерения, сопоставление показателей и сравнение воздействующей силы языковых моделей. Значительное место в статье занимает практический анализ языковых фактов. С помощью различных аналитических единиц, среди которых паттерны ритмической активности мозга, показатели нагрузки на категории, характеризующие эмоционально-оценочные признаки, доминирующие ассоциативные цвета вербальных моделей, ранжирование показателей эмоциональности, рассматриваются тексты различной суггестивной силы. В качестве аналитического инструмента предлагается также идея визуализации обобщенных цветовых образов текстов, описывается алгоритм визуализации. Как примеры приводятся фрагменты анализа текстов, созданных политиками прошлых лет, в силу жизненных обстоятельств оказавшимися в сложных стрессовых ситуациях. Это тексты, написанные Л. П. Берией, Н. И. Бухариным и другими политическими лидерами. В сопоставительных целях как образцы эталонных по качеству положительного воздействия вербальных моделей используются молитвенные тексты, с которыми сравниваются тексты конкретных авторов. Языковые явления анализируются с помощью 8 компьютерных программ, 5 из которых создавались при непосредственном участии автора статьи.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *вербальная модель; суггестивные ресурсы; психолингвистическая экспертиза; психолингвистика; ритмы мозга; ассоциативная цветность; доминантный цвет; политическая коммуникация; политический дискурс.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Рогожникова Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языковой коммуникации и психолингвистики, Уфимский государственный авиационный технический университет; 450008, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 12; e-mail: burzian@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Рогожникова, Т. М. Политическая коммуникация и вербальная суггестия в формате психолингвистической парадигмы / Т. М. Рогожникова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 24-37. — DOI 10.26170/pl19-02-02.*

Интерес исследователей к проблемам политической коммуникации, проявляющийся в большом количестве посвященных разным аспектам этой темы публикаций, свидетельствует не только о теоретической значительности этой области знаний, но и о востребованности результатов во многих прикладных контекстах, связанных с интересами целых государств и отдельных граждан.

В специальном изучении нуждается вопрос об инвентаризации существующего инструментария, с помощью которого можно было бы максимально эффективно анализировать политические тексты с позиций разных научных парадигм. В тесном сплетении с этой проблемой оказывается вопрос о валидности методов и приемов исследования, которые уже используются или только разрабатываются авторами, порой с заметным энтузиазмом. Эти вопросы в контексте обсуждения статуса политической лингвистики и иных «гибридных» лингвистик, методоло-

гии отечественной политической лингвистики и зарубежного политического дискурса детально рассматриваются А. П. Чудиновым [Чудинов 2016] и Э. В. Будаевым [Будаев 2016] (в коллективной монографии).

Констатируя высокую популярность когнитивных и психолингвистических методов анализа, мы не без грусти отмечаем, что использование компьютерных программ и автоматизированной обработки материала пока еще не получило широкого распространения. При этом следует иметь в виду, что современная психолингвистика по своей сложности может соперничать с математикой и физикой [Коршунов 2015; Рогожникова 2013а; Rogozhnikova 2017]. Это особенно важно при проведении психолингвистической экспертизы — относительно нового вида исследования, который опирается на психолингвистическую научную парадигму. Психолингвистика — экспериментальная лингвистика, изучающая продукты речевой

деятельности человека с опорой на материалы многочисленных экспериментов. Возможности формализации данных психолингвистических экспериментов с помощью компьютерных программ позволяют существенно увеличить потенциал использования данной парадигмы в судебной лингвоэкспертной деятельности. Этот аспект, связанный с созданием визуализированного результата обработанных данных, опирающегося на количественные показатели, на статистику, на сравнение сопряженных баз данных, существенно обогащает экспертизу, снижая субъективность интерпретации речевого продукта. Это выгодно отличает психолингвистический анализ от других видов экспертиз. Неизбежный процесс конвергенции наук позволяет комплексно рассматривать объекты изначально разного происхождения, без взаимодействия которых невозможно формирование того или иного явления. Вопросы экологии коммуникации уже не могут быть решены без нейронаук (нейропсихологии и нейробиологии). Вряд ли возможно в лингвистике обойтись без генетики, поскольку есть генетические основы языка. Целый комплекс проблем лингвистам невозможно решить без физиологии. Интеграция разных технологий ведет к появлению совершенно новых результатов, кардинально изменяющих мир. Ранее мы писали о том, что информационные потоки, создающие сегодня все новые алгоритмы гипертекста и формирующие новое, клиповое сознание, ведут нас к возможной будущей утрате синтаксиса. Пока серьезность этой утраты, означающей постепенное исчезновение способности формировать слитную связную речь, не осознается. За способность описывать сложные взаимосвязи объектов и явлений действительности отвечает именно синтаксис. Не исключено, что именно эта синтаксическая потеря будет причиной возникновения иных структур, которые заменят нам старые ориентировочные основы речемыслительного действия [Рогожникова 2013а].

В результате исследовательских усилий (Т. М. Рогожникова, А. И. Навалихина, А. Н. Исупова, А. Н. Козловская) были установлены серьезные изменения, происходящие в соотношении разных модальностей восприятия, посредством которых человек трансформирует «под себя» окружающий мир и адаптируется в нем. Это связано с процессами языкового кодирования информации об окружающих явлениях. Сегодня мы наблюдаем численное преобладание людей с доминированием дигитальной репрезентативной системы — «дигиталов» [Рогожникова, Навалихина 2011].

Одной из функций речи человека, как и любой другой продуктивной деятельности (в данном случае с продуктами в виде письменного или устного текста), является функция *воздействия*. Именно она вызывает особый интерес исследователей и рассматривается с разных точек зрения и в различных контекстах. Воздействующая составляющая буквально становится воздухом политической коммуникации, без которого она просто не может существовать и быть успешной.

Цель нашей работы связана с установлением специфики *законов действия и законов воздействия вербальных моделей*, а также поиском *единиц анализа* и путей *формализации* суггестивных ресурсов продуктов речевой деятельности. Таким образом, изучение суггестивного потенциала вербальных моделей любой сложности стало важнейшей составляющей наших исследований, поскольку, как показали многочисленные эксперименты [Галерея ассоциативных портретов 2009; Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков 2016], любая из моделей обладает суггестивной силой, хотя и различной по своим качественным характеристикам и количественным показателям. Эта воздействующая на человека сила, явно не представленная языковыми средствами, проявляется через переживания, ощущения, эмоции, сопровождающиеся возникновением образов, ассоциаций и приводящие человека в определенное состояние сознания [Рогожникова 2016].

Уточним некоторые понятия, которые будут использоваться в статье. Под *вербальной моделью* имеется в виду материализованная модель любой сложности (звукбуква, слово, текст), являющаяся носителем внутренней формы, через проявления которой во внешней среде реализуется латентная (скрытая) информативность и ресурс воздействия конкретной модели. *Суггестивный потенциал* — «сила вербальной модели», которую можно декодировать (расшифровать) и измерить. Потенциал соотносится с внутренней формой и реализуется с помощью механизма ассоциирования. *Суггестивный ресурс* трактуется как совокупность воздействующих элементов, которыми обладает конкретная модель и обсуждать которые возможно с помощью аналитических единиц, выявленных для уровней, позволяющих производить количественные замеры, сопоставлять получаемые показатели и сравнивать характеризующие признаки. Для декодирования воздействующего потенциала вербальной модели и измерения «силы слова» нами обозначены направ-

ления, в рамках которых расшифровка суггестивного потенциала возможна [подробно см.: Рогожникова 2018а; Rogozhnikova 2017; 2018]. Сегодня мы говорим о совершенно особых единицах анализа для изучения латентных суггестивных ресурсов слова/текста, поскольку отсутствие языковых манифестаций глубинных внутренних форм препятствует их декодированию с помощью традиционных лингвистических и психологических методов. Выстраивая алгоритм подхода к измерению «силы слова», мы оценивали, насколько та или иная единица анализа пригодна служить рабочим инструментом, с помощью которого мы можем производить замер (с обязательной возможностью многократных перепроверок), сопоставлять показатели и сравнивать признаки языковых моделей. Апробация аналитических единиц на большом разноплановом вербальном материале показала, что информационно наиболее эффективными оказались паттерны ритмической активности мозга [Рогожникова 2010], потенциал звукоцвета [Rogozhnikova, Efimenko 2018; Рогожникова, Яковлева 2016; Рогожникова, Кочетова 2012], модальности восприятия [Рогожникова, Навалихина 2011], эмоционально-оценочные признаки [Рогожникова 2018б; Рогожникова 2018в], ритмическая организация и ритмические коды вербальных моделей [Рогожникова, Кишалова 2015; Rogozhnikova 2017], информационная избыточность модели [Рогожникова, Воронов 2016].

В настоящее время проводится изучение пригодности еще одного инструмента, который позволит регистрировать медленную электрическую активность головного мозга единовременно по одному отведению — лоб, темя, затылок, левый и правый виски. Прибор, который используется в ходе экспериментов, выполняет основные функции нейроэнергокартографа и позволяет проводить экспресс-изучение активности головного мозга. Для целей нашего исследования важно, что прибор приспособлен для выявления состояний стресса, определения стадий развития стресса, а также для наблюдения за результатами после воздействия созданных нами текстов с регистрацией показателей корректирующих процедур.

Сегодня в арсенале имеется 5 созданных нами компьютерных программ, с помощью которых возможно работать на пяти языках (русском, английском, немецком, башкирском и татарском):

1) программа для ЭВМ БАРИН (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011618299. М., 2011;

2) программа для ЭВМ БАТЫР (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014613238. М., 2013;

3) программа для ЭВМ СЧЕТОВОД (Автоматизированный анализ текстов). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014618598. М., 2014;

4) программа для ЭВМ ПУЛЬС 2015 для обработки ритма прозаического текста. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015614549. М., 2015;

5) программа для ЭВМ БЮРГЕР (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016616320. М., 2016.

Кроме названных, в ходе анализа используются компьютерные программы, созданные другими авторами (перечень приведен в конце статьи).

Поскольку заявленная нами тема предполагает, что в публикации значительное место будет отведено практическому анализу языковых фактов, мы бы хотели привести примеры работы с разными инструментами, которые позволяют судить о суггестивных ресурсах той или иной модели. Попутно отметим, что имеется множество определений *суггестии*, *суггестивности*, *суггестивного воздействия*. Но все трактовки объединяет тезис о том, что информация воспринимается без критического анализа, без обдумывания и осмысления. Все эти продукты осмысления, понимания, анализа, оказывающие воздействие на установки личности, возникают в неких виртуальных формах и проявлениях, когда человек не всегда может описать свое состояние в виде ясно сформулированного текста: испортившееся вдруг настроение, появившиеся признаки раздражения, «сосание под ложечкой», ощущение тревоги или, наоборот, эйфория, агрессия, любовь ко всему человечеству, смутная печаль, мутность, радость и череда прочих ассоциативных эмоций. Прочитанный текст, предложение, слово становятся «зоной взаимодействия», по которой можно судить о качестве и уровне психического воздействия, направленного на индивидуальное сознание, декодировать латентные импульсы, которые воспринимаются человеком без критической оценки и не осознаются, поскольку психологические механизмы суггестии в значительной мере лежат в сфере бессознательного [Рогожникова 2013б; 2018а].

Возможно, есть смысл порассуждать на тему о том, как соотносятся понятия «суггестия» и «внушение». Одни авторы отожд-

дествляют их (С. Ю. Головин, И. Ю. Черепанова), другие, напротив, относят «внушение» к родовым понятиям по отношению к видовым его категориям прямого (гипноз, ауто-тренинг) и скрытого внушения (Е. В. Шелестюк). В данном контексте для нас этот вопрос не является принципиальным, поскольку, как показали эксперименты, *любая* вербальная модель реализует воздействие. Актуальны для нас качество и сила этого воздействия. Характеристика и типология речевого воздействия удачно обобщены И. А. Стерниним, на книгу которого уместно сослаться [Стернин 2008].

Перейдем к примерам и к практическому анализу языковых фактов. Особый интерес у нас вызвали продукты речевой деятельности, созданные политиками прошлых лет. Мы работали с текстами, написанными В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Л. П. Берией, А. Я. Вышинским, Л. Д. Троцким, Г. М. Маленковым, В. М. Молотовым, К. Е. Ворошиловым, А. А. Ждановым, Н. И. Бухариным. Сопоставительный анализ текстов названных авторов на фоне текстов современных политических деятелей показал, что технологии спичрайтинга, нивелируя индивидуальные особенности автора, ставят под сомнение валидность заключений, сделанных по результатам анализа текстов современных политиков. И хотя спичрайтинг как профессия и технология существует со времен возникновения письменности, лишь в XX в. появилась самостоятельная технология политического консультирования. Первые советские вожди, как правило, писали тексты выступлений, письма сами. В. И. Ленин все свои речи писал сам, поскольку для него было важно завоевать доверие своих слушателей. И. В. Сталин, в силу своего маниакального недоверия к «врагам народа», также писал самостоятельно. Речи, с которыми выступали соратники И. В. Сталина у его гроба, безусловно, были написаны ораторами. И это невероятно интересный вербальный материал. Тексты писем, которые со-здал Н. И. Бухарин, сидя в камере внутренней тюрьмы НКВД, ожидая казни и надеясь на помилование, однозначно написаны им. Их просто больше некому было написать. Подбирая материал для анализа, мы выделяли значительное время для уточнения авторства текста. Только найдя достаточно оснований для установления авторства, мы могли проводить сопоставительный анализ и делать выводы об особенностях суггестивной силы вербальных моделей.

Л. П. Берия произнес проникновенную речь у гроба И. В. Сталина. Хоронили вождя советского народа, и вся речь Л. П. Берии была полна слов о великой скорби, которую переживают партия и народы нашей страны и все прогрессивное человечество. Оратор говорил о гениальном продолжателе дела Ленина, после смерти которого великий создатель коммунизма И. В. Сталин вооружил партию и народ величественной программой строительства коммунизма. Л. П. Берия говорил о неутолимой боли в сердцах, о неимоверно тяжелой утрате, о наступивших скорбных днях. Далее шло описание того, как необходимо оттачивать бдительность к прои-скам и козням врагов, как необходимо сплотиться вокруг партии и правительства, сохранять стальное единство рядов и крепить нерушимую дружбу всех народов.

Предполагается, что такая стрессовая ситуация должна привести автора к созданию текста, латентные показатели которого будут коррелировать с содержанием текста. На поверхностном уровне перед нами «правильный» текст, полностью соответствующий ситуации всенародной скорби о тяжелейшей утрате. Но так ли выглядят глубинные показатели этой вербальной модели? Обратимся к характеризующим признакам, которые рассчитывались с помощью специального блока программы «ДИАТОН» (версия «СЛОВОДЕЛ»).

На диаграмме (рис. 1) представлены значимые признаки анализируемого текста. Мы обратили внимание на отсутствие печали, тоски, мрачности, угрюмости в речевом продукте. Вместо этого доминирует светлое, радостное, возвышенное, бодрое настроение. Автор ощущает силу, но при этом есть и еще один значимый признак — зловещий. Почему среди такой радуги прекрасных признаков присутствует этот зловещий признак?

Проанализируем с помощью одного из модулей психолингвистической экспертной системы «ВААЛ» (см. перечень используемых программ) показатели нагрузки на категории, которые помогут судить о личных намерениях автора, скрытых мотивах. Напомним, что под категорией в контексте данного исследования понимается словарь или тезаурус лексических единиц с определенным смыслом. За основу берется частотность употребления слов категории как целого и учитывается показатель «нормальной» частоты употребления слов у носителя данного языка.

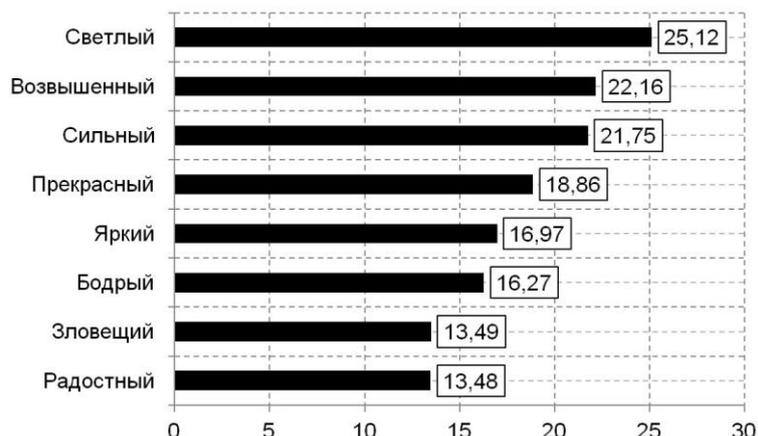

Рис. 1. Признаки текста (речь Л. П. Берии на похоронах И. В. Сталина)

Существуют эмпирически определенные нормы употребления различных слов. Зная «нормальную» частоту употребления слов данной категории в русском языке, возможно подсчитать, реже или чаще нормативных показателей употребляются слова этой категории конкретным человеком в конкретном тексте. Категория может представлять собой слова, характеризующие определенный тип личности. Сравнивая с нормой частоту употребления слов этой категории конкретным человеком, мы можем судить о его принадлежности к определенному психологическому типу. Под профилем категории понимается наглядная (в виде диаграммы) информация о том, как слова различных категорий распределены в тексте.

На диаграмме 2 (рис. 2) представлены показатели нагрузки на категорию *Мотивы*. *Первая* колонка называет категорию. *Вторая* указывает на процент слов данной категории от общего объема текста. *Третья* колонка — на количество слов данной категории, встретившихся в анализируемом тексте. *Четвертая* представляет собой

гистограмму визуального представления количественных характеристик распределения. *Пятая* колонка содержит оценку отклонения количества встретившихся слов данной категории от среднеязыковой нормы. Это традиционная оценка, используемая в контент-анализе, известная как *z-score*. Рассчитать ее возможно по формуле: $(N-E) / E$ (стандартное отклонение), где *N* — количество слов данной категории, встретившихся в анализируемом тексте, а *E* — ожидаемое число вхождений слов данной категории в текст. *Шестая* колонка — визуальное представление оценки отклонения количества встретившихся слов данной категории от среднеязыковой нормы. **Красным** цветом выделяется значительное превышение нормы, **синим** — значительное отклонение в меньшую сторону, **серым** — незначительное отклонение от нормы либо в сторону ее превышения, либо в меньшую сторону. По техническим причинам показать эту цветность в статье не представляется возможным, поэтому просто назовем доминирующие показатели с указанием цвета.

КАТЕГОРИИ	N%	N		Cf
МОТИВЫ				
Власть	18.14	191		28.3
Желание власти	9.97	105		19.3
Страх власти	0.66	7		0.2
Достижение	2.37	25		4.7
Достижение успеха	2.37	25		5.5
Избегание неудачи	0.00	0		-1.1
Аффиляция	5.32	56		11.7
Надежда на поддержку	1.42	15		4.0
Страх отвержения	0.00	0		-0.8
Физиология	0.38	4		-1.1

Рис. 2. Нагрузка на категорию *Мотивы* (категориально-статистические оценки текста — речи Л. П. Берии на похоронах И. В. Сталина)

Alpha (0.205). Идеальное комплексное воздействие

Beta (0.205). Идеальное комплексное воздействие

Delta (0.206). Идеальное комплексное воздействие

Theta (0.205). Идеальное комплексное воздействие

Полная синхронизация биопотенциалов. Преобладание деятельности правого полушария. Эффективное и комплексное воздействие на все положительные эмоции и состояния. Идеально для очарования, влияния на установку.

Рис. 3. Паттерны мозговых ритмов
(текст — речь Л. П. Берии на похоронах И. В. Сталина)

Доминирующими оказываются мотивы *Власть и Желание власти (красная зона)*. Отметим, что среди показателей нет *Страх власти*, нет *Страх отвержения*. Мы обратили внимание на позицию *Аффилиция (аффилиация)*, находящуюся в красной зоне с достаточно высокими показателями. Напомним, что это понятие предполагает потребность человека в создании теплых, доверительных, эмоционально значимых отношений с другими людьми. Это стремление устанавливать и сохранять с людьми положительные взаимоотношения. Когда мы эксплицируем какой-либо определенный признак, мотив, скрытое намерение, особое эмоциональное состояние, то всегда стараемся перепроверить его с помощью другой единицы анализа. Если «нечто» выявлено в вербальной модели, то оно должно быть проявлено через использование других инструментов.

Текст был проанализирован с помощью специального модуля программы «ДИАТОН» (версия «СЛОВДЕЛ»), связанного с паттернами ритмической активности мозга. Качество воздействия речевого продукта возможно определить через установление до-

минирующего ритма в паттерне мозговой активности. С помощью новой версии названной компьютерной программы возможен анализ 11 основных состояний ритмов мозга и связанных с ним эмоций. Для удобства описания результатов анализа каждому типу мозговых волн приписываются знаки «+» (плюс) или «-» (минус) в зависимости от избыточности или недостаточности проявлений того или иного ритма, фиксируется нейтральная позиция, позиция полной синхронизации потенциалов со знаком «+» (когерентность волн) и позиция жесткого негативного воздействия со знаком «-» (инкогерентность волн). Преобладание определенного ритма, выявленное при работе со стимулом, означает, что восприятие данного стимула способствует возникновению того или иного эмоционального состояния, связанного с данным явно выраженным ритмом. Таким образом, анализируя текст сквозь призму возникающих при его восприятии мозговых волн, мы можем судить о качестве воздействия на человека.

На диаграмме (рис. 3) показан активированный данным текстом паттерн мозговых

ритмов, который можно назвать *идеальным воздействием*. Это то редкое сочетание ритмов мозга, при котором запускается процесс «очарования» собеседника или слушателя. Когерентность (согласованность) волновых процессов «зачаровывают» того, кто слушает оратора. Подобные паттерны ритмической активности достаточно редко фиксируются при анализе. Исключением являются молитвенные тексты, о которых мы скажем далее.

Безусловно, Л. П. Берия не просто испытывал желание власти, хотел власти. Он пребывал в прекрасном радостном настроении от ее близкой возможности, ощущал свою силу и потребность в любви к нему народа. Он транслировал эту сложную гамму личных состояний через текст, который полностью противоречил сложившейся скорбной ситуации похорон. Мы не можем судить о том, как разворачивались события того сложного периода, поскольку не являемся специалистом с соответствующими компетенциями в области истории. Но если опираться исключительно на продукты речевой деятельности этого политического деятеля, то его близкому окружению, также борвавшемуся за власть, следовало серьезно опасаться этого умного, сильного человека, способного воздействовать в том числе и через создание текстов с огромными суггестивными ресурсами.

Еще один пример отчаянной, талантливой попытки «очаровать» друзей по переписке мы нашли в письмах Н. И. Бухарина, часть из которых в силу жизненных обстоятельств написана в тюрьме. Мы анализировали тексты двух периодов жизни Н. И. Бухарина: благополучного периода жизни (до 1936 г.) и тревожного периода — с 27 августа 1936 г., когда для автора текстов ясно обозначился серьезный повод для беспокойства за свою жизнь, по 14 марта 1938 г., когда наступили последние сутки перед расстрелом. Николай Иванович Бухарин был расстрелян 15 марта 1938 г. Речевые продукты этих двух периодов разительно отличаются друг от друга.

Тексты второго периода написаны Н. И. Бухариным в сложном состоянии крайнего эмоционального напряжения, тревоги и опасений за свою жизнь. Некоторые из них он писал, сидя во внутренней тюрьме НКВД, надеясь и в то же время не веря в то, что ему сохранят жизнь. Эти тексты впитали в себя ту «зашкаливающую» эмоциональность, которая возникает в ситуациях беспредельного отчаяния и надежды, страха и готовности к самоуничтожению ради сохранения жизни, которую автор пытался доне-

сти через многословные тексты, полные мольбы и попыток объясниться с товарищами по партии.

В хронологическом порядке анализировались следующие тексты.

Текст 1 — «Всем-всем членам Политбюро ЦК ВКП(б). Копия — тов. Вышинскому» от 27 августа 1936 г.

Текст 2 — письмо К. Е. Ворошилову от 31 августа 1936 г.

Текст 3 — письмо К. Е. Ворошилову от 3 сентября 1936 г.

Текст 4 — «Будущему поколению руководителей партии». Последнее письмо Н. И. Бухарина, февраль 1937 г.

Текст 5 — Письмо И. В. Сталину от 15 апреля 1937 г.

Текст 6 — Письмо И. В. Сталину от 10 декабря 1937 г.

Текст 7 — Письмо А. М. Лариной от 15 января 1938 г.

Текст 8 — Последнее слово Н. И. Бухарина на Бухаринско-троцкистском процессе. Вечернее заседание 12 марта 1938 г.

Текст 9 — Прошение о помиловании (в Президиум Верховного Совета СССР от приговоренного к расстрелу Н. И. Бухарина) от 13 марта 1938 г.

Текст 10 — Прошение о помиловании (в Президиум Верховного Совета СССР от приговоренного к расстрелу Н. И. Бухарина) от 14 марта 1938 г.

Все тексты (за исключением текста 7 — письмо жене) характеризуются показателями *«идеального комплексного воздействия»*, которое реализуется через состояние полной синхронизации биопотенциалов мозга. Средние показатели альфа-бета-тета-дельта-активности варьируются в пределах от 0,115 до 0,250. Мы не можем судить о физиологической значимости синхронности процессов, протекающих в головном мозге, но можем предположить, что такая синхронность колебаний биопотенциалов отражает реальные (физические и эмоциональные) условия, которые становятся необходимыми для установления связи между соответствующими участками мозга. Десинхронизация биопотенциалов в коре головного мозга, как правило, возникает как реакция на различные раздражения или как ответ на действия фармакологических веществ (опускаем в контексте данного анализа случаи десинхронизации, вызванной состоянием во время особых стадий сна, так называемый «быстрый сон»). В связи с этим вызывает удивление способность Н. И. Бухарина порождать «идеальные» с точки зрения воздействия тексты, учитывая ситуацию, в которой оказался этот человек,

и те описываемые им состояния, которые эта ситуация вызвала. По всей видимости, эмоциональная и физическая сверхконцентрация всех имеющихся ресурсов позволила Николаю Ивановичу порождать тексты с такими воздействующими показателями, которые регистрируются всеми инструментами, являются устойчивыми и повторяются от текста к тексту.

Можно было бы предположить, что перед нами уникальный человек, способный писать просто невероятные по силе «очарования» тексты, если бы не речевые продукты первого, благополучного периода его жизни, разительно отличающиеся по своим характеристикам: по паттернам ритмов мозга, признакам, ассоциативной цветности и даже лексическому составу текстов.

Проведя анализ грамматического состава текстов по частям речи (см. таблицу 1), мы обратили внимание на то, что рассматриваемые тексты Н. И. Бухарина (второй период) характеризуются обилием в них глаголов. Если сравнить с долей глаголов в текстах других политических деятелей, на которые мы уже ссылались в данной статье, то мы увидим, что глагольная, или «деятельная активность» Николая Ивановича гораздо выше. Автор, оказавшись в тюрьме, где ощущается острый дефицит активности, готов действовать, работать, активно реализовывать потенциал, который он чувствует в себе и который с такой горячностью предлагает вождю и партии.

При этом отметим, что Н. И. Бухарин

благополучного (безопасного) периода, когда его жизни ничего не угрожало, по качеству речевых продуктов ничем особо не выделялся среди других революционеров: низкие показатели глаголов и высокие — существительных.

В этой череде «идеальных» текстов особняком стоит письмо жене, Анне Михайловне Лариной (текст 7), написанное 15 января 1938 г. По рисунку ритмической активности мозга это абсолютно нейтральный текст без признаков суггестивного воздействия. Автору не было надобности прикладывать сверхусилия, создавая текст, который в данном случае не был его единственным орудием и инструментом в борьбе за жизнь. Анализ глубинных уровней свидетельствует о том, что экзальтированное состояние крайнего возбуждения, граничащего с психозом, в котором Николай Иванович находился, на короткое время отступило. Через письмо передается эмоциональная опустошенность автора, которая регистрируется через процентное соотношение эмоциональной лексики и эмоционально-лексических оценок ко всему тексту. Этот показатель равен **5,1 %** при норме процента **6,8 %**. Во всех остальных текстах показатель «эмоциональности» значительно превышает норму, достигая **8,2 %** в тексте 3 (письмо К. Е. Ворошилову от 03.09.36), **10,5 %** в тексте 10 (прошение о помиловании от 14.03.38), **12 %** в тексте 4 («Будущему поколению руководителей партии», февраль 1937).

Таблица 1

Количество глаголов и существительных в текстах разных авторов, %

<i>Бухарин (второй период)</i>	Глаголы	Существительные	Другие авторы	Глаголы	Существительные
Текст 1	8,34	11,82	Ленин(1)	6,82	18,64
Текст 2	9,1	10,57	Ленин (2)	6,83	17,27
Текст 3	8,28	11,24	Сталин (1)	4,74	18,75
Текст 4	6,35	19,06	Сталин (2)	5,80	19,28
Текст 5	9,47	10,67	Берия	4,72	24,35
Текст 6	10,17	9,19	Бухарин (первый период)	5,15	16,65
Текст 7	7,87	8,88	Троцкий	7,11	18,22
Текст 8	7,25	12,81	Маленков	5,18	24,94
Текст 9	7,42	17,02	Молотов	5,19	21,22
Текст 10	8,26	13,51	Жданов	5,36	22,69
Среднее арифметич.	8,25	12,5	Среднее арифметич.	5,69	20,2

Таблица 2

Показатели «Правдивость» и «Агрессивность» в текстах Н. И. Бухарина

Текст	Показатель	
	«Правдивость»	«Агрессивность»
Текст 1	+5,0	+0,4
Текст 2	-0,2	-1,2
Текст 3	-14,3	+6,8
Текст 4	-5,0	+0,7
Текст 5	+0,3	+2,8
Текст 6	+10,5	-2,3
Текст 7 (жене)	+8,9	-13,0
Текст 8	+0,3	+2,8
Текст 9	+7,3	-0,1
Текст 10	-6,0	-0,5
	50 % vs 50 %	50 % vs 50 %

Текст письма жене отличается от других текстов еще по нескольким показателям. Этот текст «правдив» и «не агрессивен», причем эти показатели отличаются большими значениями. Сравним данные, приведенные в таблице 2. Мы видим, что только три текста из десяти (6, 7, 9) характеризуются «правильностью» соотношения этих параметров, т. е. правдивы и не агрессивны. Остальные семь текстов либо не правдивы, но агрессивны, либо правдивы и агрессивны, либо характеризуются прочими комбинациями показателей.

По всем показателям, которые сегодня мы можем анализировать с помощью имеющихся в нашем распоряжении инструментов, тексты Н. И. Бухарина могут быть отнесены к суггестивным текстам с большим потенциалом воздействия.

Среди инструментов для изучения суггестивных ресурсов вербальных моделей назовем *визуализацию ассоциативного цветового облика модели*. Сегодня мы разработали два подхода к анализу ассоциативной (психологической) цветности текста. Первый подход опирается на сравнение цветовых моделей языка, полученных разными способами: по принципу учета равного долевого участия каждой звукобуквы или по показателю частотности использования звукобуквы в дискурсе. Второй подход позволяет анализировать ассоциативную цветность текста через логарифм соотношения.

С помощью специально написанной в 2014 г. компьютерной программы была разработана эталонная модель для русского языка, созданная по принципу равного долевого «цветового» участия каждого звука без опоры на показатель частотности. Для проверки данной была выстроена другая модель, опирающаяся на частотность. Идентичность моделей позволяет рассматривать получаемые результаты как достоверные.

Для анализа ассоциативной цветности особенно важно наличие эталонной модели, поскольку именно она служит информативным источником характеристики качества воздействия, а значимые цветовые отклонения от эталона, безусловно, являются свидетельствами разных свойств воздействия.

Разработанные нами два подхода к изучению ассоциативной цветности дополняют друг друга, но они сфокусированы на совершенно разных аспектах одного явления — ассоциативной цветности. Первый подход устанавливает ассоциативную цветность языка как этнокультурного кода ментальности народа. Используя в качестве единиц анализа синестетические свойства сознания и моделируя цветовую палитру звуковой ткани языка, мы можем создавать цветовые матрицы, на основе которых писать компьютерные программы, эксплицирующие потенциал звукоцвета через манифестацию ассоциативной цветности языка. При этом эталонная модель, например, русского языка характеризуется тремя доминантными цветами: показатель синего цвета равен **18,2 %**, красного — **15,7 %**, белого — **14,1 %**. Следует отметить, что все остальные цвета также присутствуют, но в других процентных соотношениях. При данном подходе была установлена естественная схожесть любой вербальной модели на русском языке с эталонной моделью. Различия касаются количественных показателей и в основном затрагивают именно доминантные цвета.

Второй подход, предложенный программистом Н. Н. Вороновым, основывается на логарифме соотношения. В основе данного подхода, помимо абсолютных показателей, лежат относительные, представляющие собой отношение числового значения параметра, рассчитанного для конкретного текста, к числовому значению, рассчитанному для языка в целом. В качестве параметра

анализируется количество ассоциативного цвета. Математически отношение записывается в виде дроби (текст/язык). При равенстве показателей отношение равняется 1. Крайняя неинформативность данного показателя из-за несоразмерности значения отношения, касающегося доминирующего показателя, обратило авторов к решению проблемы через нормализацию соотношения за счет перехода к логарифмической шкале. Для простоты анализа в своих исследованиях мы используем логарифм по основанию 2, при котором соотношение 2/1 дает значение 1 ($\log_2 \frac{2}{1} = 1$), а 1/2 — значение -1 ($\log_2 \frac{1}{2} = -1$). За доминантный ассоциативный цвет при таком подходе принимается такой ассоциативный цвет, логарифм соотношения текст/язык которого является максимальным для данного текста [Рогожникова, Мустаев 2018].

Компьютерный модуль программы «UNIVERSAL», созданный, но, к сожалению, не завершённый программистом Н. Н. Вороновым, позволил впервые проанализировать ассоциативную цветность молитвенного текста на русском языке не через отношение доминантного цвета текста к доминантному цвету языка, а через логарифм соотношения. Этот модуль дорабатывается и будет существенно дополнен рядом функций. Мы работали с 1000 молитвенных текстов. Для удобства иллюстрирования материала и из-за небольшого объема публикации остановимся на 100 молитвах, представляющих собой «идеальные» тексты, которые характеризуются положительными паттернами ритмов мозга, эмоционально-оценочными признаками и гармоничной ритмической структурой.

Остановимся на трех основных цветах, входящих в ядерную зону. И среди трех основных цветов выделим цвет, встречающийся в первой позиции, т. е. ассоциативный цвет, чей количественный показатель доминирует в трехцветной палитре данной молитвы. В проанализированных православных молитвах доминируют три цвета: *сиреневый*, *малиновый* и в меньшей степени *коричневый*. *Сиреневый цвет* чаще других оказывается в первой позиции.

Анализ доминирующих эмоционально-оценочных признаков показал, что рассматриваемые молитвы *светлые* (44 %), *яркие* (21 %), *медленные* (18 %), *сильные* (6 %), *нежные* (5 %), *прекрасные* (2 %), *устрашающие* (1 %), *тихие* (1 %), *темные* (1 %), *миnorные* (1 %).

В качестве инструмента Т. М. Рогожникова предложила идею визуализации обобщенного

цветового образа православной молитвы на основе показателей анализа всей выборки суггестивных текстов. Напомним алгоритм визуализации. Техническая сторона процедуры выполнялась Д. Д. Кудашовым. Во-первых, устанавливается цветовое наполнение текста, представляющее собой конечный набор ассоциативных цветов с различными показателями для каждого цвета. Во-вторых, анализируется состав звукобукв исходного текста и определяется общее количество появлений каждой звукобуквы (формируется отношение количества появлений звукобуквы в тексте к длине текста). В-третьих, устанавливается цветовое наполнение текста как совокупность частот появления звукобукв с одинаковой цветностью. В-четвертых, устанавливаются пропорции каждого цвета, занимающего определенную долю в текстовом пространстве.

Каждая молитва имеет уникальную визуализацию. Но нельзя не учитывать факт доминантных цветов, повторяющихся во многих молитвах, что позволяет говорить о возможности создания обобщенного образа. Установлено, что ассоциативная палитра 100 исследуемых текстов содержит 12 цветов, каждый из которых был одним из трех доминантных.

Была рассмотрена корреляция появления цвета в качестве супердоминантного для каждой молитвы из выборки или появления цвета в числе трех наиболее доминантных для каждой молитвы из выборки. По определенному алгоритму изображение разделяется на пиксели, количество которых соответствует площади изображения. Каждый пиксель принимает цвет из числа ассоциативной палитры выборки молитв. Случайным образом выбираются местоположения «ядра цвета» — зоны, где с наибольшей вероятностью будут попадаться пиксели с цветом, соответствующим одному из цветов ассоциативной палитры, которые помещаются в данное «ядро цвета». Затем окрашивается каждый пиксель изображения. В цитируемой выше статье приведены цветные рисунки обобщенных цветовых обликов молитв.

В рамках сопоставительного анализа нами была рассмотрена ассоциативная цветность авторского текста. Был проанализирован роман Т. Толстой «Кысь». Весь текст романа был разбит на 143 фрагмента для удобства работы, а затем проведены все процедуры вплоть до создания визуализированных паттернов каждого фрагмента, а также обобщенной визуализации всего романа. К сожалению, технические возможности не позволяют нам привести примеры полученных рисунков в цвете. Но таблица 3

позволяет увидеть просто невероятную разницу ассоциативной цветности этих совершенно разных текстов. Можно сказать, что роман Т. Толстой ассоциативно окрашен в

грязно-зеленый (или, что не столь категорично — оливковый) цвет на **95,8 %**, больше половины площади изображения занято *черным цветом* — **54,55 %**.

Таблица 3

Ассоциативная цветность 100 молитвенных текстов и 143 фрагментов одного произведения — романа Т. Толстой «Кысь»

Текст Цветность	Молитвы		«Кысь»	
	Встречаемость в трех доминантных цветах в % (100 вариантов)	Встречаемость в первой позиции в трех доминантных цветах в % (100 вариантов)	Встречаемость в трех доминантных цветах в % (143 варианта)	Встречаемость в первой позиции в трех доминантных цветах в % (143 варианта)
1. Сиреневый	68	38	9,79	0,7
2. Малиновый	74	22	22,38	6,3
3. Коричневый	48	23	3,5	2,1
4. Синий	31	1	0	0
5. Оранжевый	31	4	2,8	0
6. Серый	17	6	0,7	0
7. Графитовый	10	4	0	0
8. Желтый	6	0	3,5	0
9. Морская волна	3	0	63,64	10,5
10. Светло-голубой	5	1	4,2	0,7
11. Хаки	5	1	0	0
12. Черный	2	0	54,55	4,9
13. Оливковый (грязно-зеленый)	0	0	95,8	71
14. Темно-голубой	0	0	20,28	0
15. Темно-серый	0	0	7,69	1,4
16. Ярко-зеленый	0	0	3,5	0,7
17. Фиолетовый	0	0	1,2	1,4
18. Зеленый (лайм)	0	0	1,4	0,7
19. Красный	0	0	0,7	0

Итак, мы рассмотрели некоторые инструменты, коэффициент полезного действия которых достаточно высок в определении суггестивных ресурсов вербальных моделей. Эта проблема заслуживает самого пристального внимания специалистов, поскольку, несмотря на ее остро осознаваемую социумом актуальность, до сих пор относится к малоисследованным.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ

1. Рогожникова Т. М., Воронков С. А., Ефименко Н. В., Яковлева Р. В. Программа для ЭВМ БАРИН (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011618299. — М., 2011.
 2. Рогожникова Т. М., Кудашов Д. Д., Кочетова Г. Р., Ефименко Н. В. Программа для ЭВМ БАТЫР (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014613238. — М., 2013.
 3. Рогожникова Т. М., Кудашов Д. Д. Программа для ЭВМ СЧЕТОВОД (Автоматизированный анализ текстов). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014618598. — М., 2014.

4. Рогожникова Т. М., Кишалова Л. В., Кишалов А. Е. Программа для ЭВМ ПУЛЬС 2015 для обработки ритма прозаического текста. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015614549. — М., 2015.
 5. Рогожникова Т. М., Кудашов Д. Д., Яковлева Р. В. Программа для ЭВМ БЮРГЕР (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016616320. — М., 2016.
 6. Кривошеев И. А., Ахмедзянов Д. А., Кожинов Д. Г. Система автоматизированного моделирования сложных технических объектов (САМСТО) Свидетельство об официальной регистрации, Роспатент, № 2011611712. — М., 2011.
 7. Шалак В. И., Дымшиц М. Н. Программный продукт / Психолингвистическая экспертная система ВААЛ. — М., 2005.
 8. Программа экспертизы текстов внушения ДИАТОН, версия СЛОВОДЕЛ. Лаборатория «Ведум». Свидетельство о государственной регистрации для программы ЭВМ. № 2008611081 — М., 2008.
ЛИТЕРАТУРА
 9. Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков / под общ. ред. Т. М. Рогожниковой. — М.: Флинта : Наука, 2016.

10. Будаев Э. В. Методология и методики исследования политической коммуникации в зарубежной политической лингвистике // Теория и методика лингвистического анализа политического текста : моногр. / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. С. 198—240.
11. Галерея ассоциативных портретов : моногр. / Т. М. Рогожникова [и др.] ; под общ. ред. Т. М. Рогожниковой ; Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. — Уфа : УГАТУ, 2009.
12. Коршунов Д. С. Введение в психолингвистическое моделирование чтения для лингвистов. — М. : ЛЕНАД, 2015.
13. Рогожникова Т. М. Вербальные модели и ритмическая активность мозга // Вопросы психолингвистики / ИЯ РАН. 2010. № 2 (12). С. 48—56.
14. Рогожникова Т. М. Компьютерные технологии в языковой коммуникации: автоматизированный анализ слова и текста // Вестн. УГАТУ. — Уфа : УГАТУ, 2013а. Т. 17. № 2 (55). С. 194—202.
15. Рогожникова Т. М. Суггестивный код текста в поликодовом пространстве языковой коммуникации // Культурологические и социолингвистические аспекты исследования коммуникации. — Уфа : БАГСУ, 2013б. С. 131—137.
16. Рогожникова Т. М. Суггестивный потенциал языковой системы и его стратегические возможности в процессе коммуникации // Теория языка и межкультурная коммуникация. — Курск : Курск. гос. ун-т, 2016. № 4 (23). С. 95—108.
17. Рогожникова Т. М. Суггестивные ресурсы вербальных моделей // Вопросы психолингвистики. 2018 а. № 4 (38). С. 163—177. (Web of Science (open access)). DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-163-177.
18. Рогожникова Т. М. Психолингвистический подход к изучению суггестивных ресурсов вербальных моделей [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация : электронный рецензируемый науч. журн. (ВАК) / Курский гос. ун-т. 2018б. № 1 (28). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-013.pdf>.
19. Рогожникова Т. М. Суггестивность вербальных моделей в психолингвистическом контексте [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация : электронный рецензируемый научный журнал (ВАК) / Курский гос. ун-т. 2018в. № 1 (28). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-014.pdf>.
20. Рогожникова Т. М., Воронов Н. Н. Построение математической модели для оценки информационной избыточности текста // Теория и практика языковой коммуникации : материалы VIII Междунар. науч.-метод. конф. — Уфа : УГАТУ, 2016. С. 216—232.
21. Рогожникова Т. М., Кишалова Л. В. Слово-акцентный обертритм как инструмент анализа суггестивных ресурсов текста // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2015. № 2. С. 272—282.
22. Рогожникова Т. М., Кочетова Г. Р. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестн. Башкир. гос. ун-та. 2012. Т. 17. № 3. С. 1313—1320.
23. Рогожникова Т. М., Мустаев Р. Р. Визуализация ассоциативного цветового облика текста // Теория и практика языковой коммуникации : материалы 10-й Междунар. науч.-метод. конф. (21—22 июня 2018 г.) / отв. ред. Т. М. Рогожникова. — Уфа : УГАТУ, 2018. С. 261—273.
24. Рогожникова Т. М., Навалихина А. И. Доминантные модальности восприятия и их динамика // Вестн. Башкир. гос. ун-та. 2011. Т. 16. № 2. С. 469—473.
25. Рогожникова Т. М., Яковлева Р. В. Изучение ассоциативной цветности звуков немецкого языка в синхроническом срезе // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2016. № 2 (106). С. 174—182.
26. Стернин И. А. Практическая риторика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. — М. : Академия, 2008. 272 с.
27. Чудинов А. П. Общие вопросы политической лингвистики // Теория и методика лингвистического анализа политического текста : моногр. / отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2016. С. 9—35.
28. Rogozhnikova T. Psycholinguistic Tools for Decoding Suggestive Potential of Verbal Models // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. — France : Atlantis Press SARL, 2017 (Web of Science (open access)). ISSN 2352-5398. <https://doi.org/10.2991/cildiah-17.2017.45>.
29. Rogozhnikova T. Suggestive Resources of Complex Verbal Models // Proceedings of the 8-th International Scientific and Practical Conference “Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities” (CILDIAHSS 2018). — France : EDP Sciences — SHS Web of Conferences, 2018. Vol. 50. No 01147. — (Web of Science (open access)). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001146>.
30. Rogozhnikova T. M., Efimenko N. V. Suggestive Status of the Verbal Model and its Associative Colority // Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities. — France : EDP Sciences — SHS Web of Conferences, 2018. Vol. 50. No 01147. (Web of Science (open access)). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001147>.

T. M. Rogozhnikova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8897-3007

 E-mail: burzian@yandex.ru.

Political Communication and Verbal Suggestion in the Format of Psycholinguistic Paradigm

ABSTRACT. *The paper contains information about special units of analysis for studying latent suggestive resources of political texts. Due to the absence of linguistic manifestations, the deep inner text forms cannot be decoded via traditional linguistic and psychological methods. The algorithm of the approach to the “word power” measurement is oriented towards evaluation of the analysis units’ applicability to serve as tools for measuring and comparing indicators and assessing the impact of language models. Much attention in the article is paid to the practical analysis of linguistic phenomena. Texts of different suggestive potential are considered by means of various analytical units including patterns of rhythmic brain activity, indicators of the load upon the categories characterizing emotional-evaluative features, dominant associative colors of verbal models, and ranking of the affective ratio indices. The author also suggests using the idea of visualization of generalized coloring images of texts as an analytical tool and describes the algorithm of visualization. To illustrate this, the article provides fragments of analysis of texts created by the politicians of the past who found themselves in complicated stressful situations due to life circumstances. These are the texts written by L.P. Beria, N.I. Bukharin and other political leaders. Prayer texts are used as model texts demonstrating the positive impact of verbal models, with which the texts of certain authors are compared. The linguistic phenomena are analyzed via eight computer programs, five of which have been developed with direct participation of the author of the article.*

KEYWORDS: *verbal model; suggestive resources; psycholinguistic expertise; psycholinguistics; brain rhythms; associative coloring; dominant color; political communication; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: Rogozhnikova Tat'yana Mikhaylovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Language Communication and Psycholinguistics, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia.

FOR CITATION: Rogozhnikova, T. M. Political Communication and Verbal Suggestion in the Format of Psycholinguistic Paradigm / T. M. Rogozhnikova // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 24-37. — DOI 10.26170/pl19-02-02.

PC PROGRAMMS

1. Rogozhnikova T. M., Voronkov S. A., Efimenko N. V., Yakovleva R. V. Computer Program BARIN (Automated Word and Text Analysis). Certificate of state registration of computer programs No. 2011618299. — Moscow, 2011. [Programma dlya EVM BARIN (Avtomatizirovanny analiz slova i teksta). Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2011618299. — M., 2011]. — (In Rus.)

2. Rogozhnikova T. M., Kudashov D. D., Kochetova G. R., Efimenko N. V. Computer program BATYR (Automated word and text analysis). Certificate of state registration of computer programs No. 2014613238. — Moscow, 2013. [Programma dlya EVM BATYR (Avtomatizirovanny analiz slova i teksta). Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2014613238. — M., 2013]. — (In Rus.)

3. Rogozhnikova T. M., Kudashov D. D. Computer Program COUNTABLE (Automated text analysis). Certificate of state registration of computer programs No. 2014618598. — Moscow, 2014. [Programma dlya EVM SChETOVOD (Avtomatizirovanny analiz tekstov). Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2014618598. — M., 2014]. — (In Rus.)

4. Rogozhnikova T. M., Kishalova L. V., Kishalov A. E. Computer program PULSE 2015 for processing the rhythm of a prose text. Certificate of state registration of computer programs No. 2015614549. — Moscow, 2015. [Programma dlya EVM PUL'S 2015 dlya obrabotki ritma prozaicheskogo teksta. Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2015614549. — M., 2015]. — (In Rus.)

5. Rogozhnikova T. M., Kudashov D. D., Yakovleva R. V. Computer program BYURGER (Automated word and text analysis). Certificate of state registration of computer programs No. 2016616320. — Moscow, 2016. [Programma dlya EVM BYURGER (Avtomatizirovanny analiz slova i teksta). Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2016616320. — M., 2016]. — (In Rus.)

6. Krivosheev I. A., Akhmedzyanov D. A., Kozhinov D. G. Automated Modeling System for Complex Technical Objects (SAMSTO) Official Registration Certificate, Rospatent, No. 2011611712. — Moscow, 2011. [Sistema avtomatizirovannogo modelirovaniya slozhnykh tekhnicheskikh ob"ektov (SAMSTO) Svidetel'stvo ob ofitsial'noy registratsii, Rospatent, № 2011611712. — M., 2011]. — (In Rus.)

7. Shalak V. I., Dymshits M. N. Software product / Psycholinguistic expert system BAAL. — Moscow, 2005. [Programmnyy produkt / Psikholingvisticheskaya ekspertnaya sistema VAAL. — M., 2005]. — (In Rus.)

8. The program of examination of the suggestion texts DIATON, version SLOVODEL. Laboratory "Vodium". Certificate of state registration for the computer program. No. 2008611081 — Moscow, 2008. [Programma ekspertizy tekstov vnusheniya DIATON, versiya SLOVODEL. Laboratoriya «Vedium». Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii dlya programmy EVM. № 2008611081 — M., 2008]. — (In Rus.)

REFERENCES

9. Associative Dictionary of the Bashkir and Tatar languages / under total. ed. TM Rogozhnikova. — Moscow : Flinta : Science, 2016. [Assotsiativnyy slovar' bashkirskogo i tatarskogo yazykov / pod obsch. red. T. M. Rogozhnikovoy. — M. : Flinta : Nauka, 2016]. — (In Rus.)

10. Budaev E. V. Methodology and Methods of Research of Political Communication in Foreign Political Linguistics // Theory and Methods of Linguistic Analysis of the Political Text : monogr. / resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2016. P. 198—240. [Metodologiya i metodiki issledovaniya politicheskoy kommunikatsii v zarubezhnoy politicheskoy lingvistike // Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta : monogr. / otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. S. 198—240]. — (In Rus.)

11. Gallery of Associative Portraits : monogr. / T. M. Rogozhnikova [and others] ; under total ed. T.M. Rogozhnikova ; Ufa State Aviation Tech. Univ. — Ufa : USATU Press, 2009. [Galereya assotsiativnykh portretov : monogr. / T. M. Rogozhnikova [i dr.] ; pod obsch. red. T. M. Rogozhnikovoy ; Ufimsk. gos. aviats. tekhn. un-t. — Ufa : UGATU, 2009]. — (In Rus.)

12. Korshunov D. S. Introduction to Psycholinguistic Reading Modeling for Linguists. — Moscow : LENAD, 2015. [Vvedenie v psikholingvisticheskoe modelirovanie chteniya dlya lingvistov. — M. : LENAD, 2015]. — (In Rus.)

13. Rogozhnikova T. M. Verbal Models and Rhythmic Activity of the Brain // Psycholinguistics Questions / IYA RAS. 2010. No. 2 (12). P. 48—56. [Verbal'nye modeli i ritmicheskaya aktivnost' mozga // Voprosy psikholingvistiki / IYA RAN. 2010. № 2 (12). S. 48—56]. — (In Rus.)

14. Rogozhnikova T. M. Computer Technologies in Language Communication: Automated Word and Text Analysis // Herald of USGAT. — Ufa : USATU, 2013a. Vol. 17. № 2 (55). P. 194—202. [Komp'yuternye tekhnologii v yazykovoy kommunikatsii: avtomatizirovanny analiz slova i teksta // Vestn. UGATU. — Ufa : UGATU, 2013a. T. 17. № 2 (55). S. 194—202]. — (In Rus.)

15. Rogozhnikova T. M. The Suggestive Text Code in the Polycode Language Communication Space // Cultural and Sociolinguistic Aspects of Communication Research. — Ufa : BAGSU, 2013b. P. 131—137. [Suggestivnyy kod teksta v polikodovom prostranstve yazykovoy kommunikatsii // Kul'turologicheskie i sotsiolingvisticheskie aspekty issledovaniya kommunikatsii. — Ufa : BAGSU, 2013b. S. 131—137]. — (In Rus.)

16. Rogozhnikova T. M. The Suggestive Potential of the Language System and its Strategic Possibilities in the Process of Communication // Theory of Language and Intercultural Communication. — Kursk : Kursk State Univ. 2016. № 4 (23). P. 95—108. [Suggestivnyy potentsial yazykovoy sistemy i ego strategicheskie vozmozhnosti v protsesse kommunikatsii // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — Kursk : Kursk. gos. un-t, 2016. № 4 (23). S. 95—108]. — (In Rus.)

17. Rogozhnikova T. M. The Suggestive Resources of Verbal Models // Questions of Psycholinguistics. 2018 a. No. 4 (38). P. 163—177. [Suggestivnye resursy verbal'nykh modeley // Voprosy psikholingvistiki. 2018 a. № 4 (38). S. 163—177]. (Web of Science (open access)). DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-163-177. — (In Rus.)

18. Rogozhnikova T. M. Psycholinguistic Approach to the Study of Suggestive Resources of Verbal Models [Electronic resource] // Theory of Language and Intercultural Communication : an electronic peer-reviewed scientific journal (VAK) / Kursk State Univ. 2018b. Number 1 (28). [Psikholingvisticheskii podkhod k izucheniyu suggestivnykh resursov verbal'nykh modeley // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya : elektronnyy retsenziruemyy nauch. zhurn. (VAK) / Kurskiy gos. un-t. 2018b. № 1 (28)]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-013.pdf>. — (In Rus.)

19. Rogozhnikova T. M. The Suggestiveness of Verbal Models in the Psycholinguistic Context [Electronic resource] // Theory of Language and Intercultural Communication : an electronic peer-reviewed scientific journal (VAK) / Kursk State Univ. 2018b. Number 1 (28). [Suggestivnost' verbal'nykh modeley v psikholingvisticheskom kontekste // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya : elektronnyy retsenziruemyy nauchnyy zhurnal (VAK) / Kurskiy gos. un-t. 2018v. № 1 (28)]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-014.pdf>. — (In Rus.)

20. Rogozhnikova T. M., Voronov N. N. Building a Mathematical Model for Evaluating Informational Redundancy of the Text, in Theory and Practice of Language Communication: Proceedings of the VIII Intern. scientific method. conf. — Ufa : USATU, 2016. P. 216—232. [Postroenie matematicheskoy modeli dlya otsenki informatsionnoy izbytochnosti teksta // Teoriya i praktika yazykovoy kommunikatsii : materialy VIII Mezhdunar. nauch.-metod. konf. — Ufa : UGATU, 2016. S. 216—232]. — (In Rus.)

21. Rogozhnikova T. M., Kishalova L. V. A Syllable-Accent

Oberitrm as a Tool for Analyzing Text Suggestive Resources // Tver' State Univ. Journ. Ser.: Philology. 2015. No. 2. P. 272—282. [Slogo-aktsentnyy oberitrm kak instrument analiza suggestivnykh resursov teksta // Vestn. Tver. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. 2015. № 2. S. 272—282]. — (In Rus.)

22. Rogozhnikova T. M., Kochetova G. R. Associative Chromaticity of Sounds of the Bashkir and Tatar Languages // Bashkir State Univ. 2012. Vol. 17. No. 3. P. 1313—1320. [Assotsiativnaya tsvetnost' zvukov bashkirskogo i tatarskogo yazykov // Bashkir St. un-ta. 2012. T. 17. № 3. S. 1313—1320]. — (In Rus.)

23. Rogozhnikova T. M., Mustaev R. R. Visualization of the Associative Color Image of the Text // Theory and Practice of Language Communication : materials of the 10th International scientific method. conf. (June 21—22, 2018) / resp. ed. T. M. Rogozhnikova. — Ufa : USATU, 2018. P. 261—273. [Vizualizatsiya assotsiativnogo tsvetovogo oblika teksta // Teoriya i praktika yazykovoy kommunikatsii : materialy 10-y Mezhdunar. nauch.-metod. konf. (21—22 iyunya 2018 g.) / otv. red. T. M. Rogozhnikova. — Ufa : UGATU, 2018. S. 261—273]. — (In Rus.)

24. Rogozhnikova T. M., Navalikhina A. I. Dominant Perception Modalities and Their Dynamics // Bashkir. State Univ. Journ. 2011. Vol. 16. No. 2. P. 469—473. [Dominantnye modal'nosti vospriyatiya i ikh dinamika // Vestn. Bashkir. gos. un-ta. 2011. T. 16. № 2. S. 469—473]. — (In Rus.)

25. Rogozhnikova T. M., Yakovleva R. V. Study of the Associative Chromaticity of the Sounds of the German Language in a Synchronic Slice // Volgograd State Ped. Univ. Journ. 2016. № 2 (106). P. 174—182. [Izuchenie assotsiativnoy tsvetnosti zvukov nemetskogo yazyka v sinkhronicheskom sreze // Izv. Volgograd. gos. ped. un-ta. 2016. № 2 (106). S. 174—182]. — (In Rus.)

26. Sternin I. A. Practical Rhetoric : teaching aid for stud. of universities. 5th ed. — Moscow : Academy, 2008. 272 p. [Prakticheskaya ritorika : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. 5-e izd., ster. — M. : Akademiya, 2008. 272 s.]. — (In Rus.)

27. Chudinov A. P. General Issues of Political Linguistics // Theory and Methods of Linguistic Analysis of a Political Text: Monograph. / resp. ed. A.P. Chudinov. — Ekaterinburg : Ural. State Ped. Univ. Pr., 2016. P. 9—35. [Obshchie voprosy politicheskoy lingvistiki // Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta : monogr. /otv. red. A. P. Chudinov.— Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2016. S. 9—35]. — (In Rus.)

28. Rogozhnikova T. Psycholinguistic Tools for Decoding Suggestive Potential of Verbal Models // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. —France : Atlantis Press SARL, 2017 (Web of Science (open access)). ISSN 2352-5398. <https://doi.org/10.2991/cildiah-17.2017.45>.

29. Rogozhnikova T. Suggestive Resources of Complex Verbal Models // Proceedings of the 8-th International Scientific and Practical Conference “Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities” (CILDIAHSS 2018). — France : EDP Sciences — SHS Web of Conferences, 2018. Vol. 50. No 01147. — (Web of Science (open access)). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001146>.

30. Rogozhnikova T. M., Efimenko N. V. Suggestive Status of the Verbal Model and its Associative Colority // Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities. — France : EDP Sciences — SHS Web of Conferences, 2018. Vol. 50. No 01147. (Web of Science (open access)). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001147>.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'42:81'27:81'38

ББК Ш105.51+Ш100.621+Ш105.55

DOI 10.26170/pl19-02-03

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

Л. А. Агрба

Абхазский государственный университет, Сухум, Абхазия

ORCID ID: —

E-mail: lagrba@mail.ru.

Цифровая демагогия, или Политический дискурс нового времени

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается «цифровая демагогия» (*Digital Demagoguery*), ставшая важнейшим каналом для самопроявления и самодифференциации политиков в эпоху модернизации средств политической коммуникации. Цифровая демагогия — современный инструмент влияния, используемый для осуществления внутригосударственной и международной политики, вместе с тем серьезно дискредитирующий современный политический ландшафт, так как язык, а также стиль общения, предложенные пользователям, оказались перегружены развлекательными, комичными, демагогичными элементами, что, с одной стороны, привлекает внимание адресата/избирателя, а с другой — подрывает его доверие. **Объектом** исследования является цифровая демагогия, которая рассматривается как фактор дискредитации политического дискурса. **Актуальность** исследований в области модернизации современных средств политической коммуникации в целом связана с возрастающей ролью и востребованностью цифрового пространства, ставшего новой публичной площадкой для политической борьбы/игры. **Цель** исследования — актуализировать новую форму политического дискурса («цифровая демагогия») в контексте медиатизации политических практик и формирования новой риторической культуры. **Задача** исследования — понять причины популярности цифровой демагогии, ставшей одним из мощнейших средств достижения цели для современного политика, инструментом манипулирования, использующимся для легитимации политических решений. **Теоретическую основу** исследования составили труды по теории политического дискурса и лингвокультурологии. **Отдельные выводы и результаты** исследования могут способствовать формированию более полного представления о современном политическом дискурсе, а также о трансформации и интенсификации политической коммуникации в интернет-пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровая демагогия; политический дискурс; дипломатический дискурс; дискредитация политического дискурса; политическая риторика; политические игры; политическая лингвистика; политическая коммуникация; блогосфера; коммуникативные стратегии.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Агрба Лана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского и немецкого языков, Абхазский государственный университет; 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская, 1; e-mail: lagrba@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Агрба, Л. А. Цифровая демагогия, или Политический дискурс нового времени / Л. А. Агрба // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 38-48. — DOI 10.26170/pl19-02-03.

Введение

Глобализация привела к восприятию мира как целостной системы, в том числе за счет появления новых коммуникационных ресурсов, аккумулировавших каналы связи в единую мировую сеть. Эпоха цифры сделала общедоступным огромный пласт информации, которая существенно расширила границы нашего познания и не только открыла новые горизонты, но изменила этикет общения, представления об этике и эстетике, в целом социально-культурный облик обществ. Она также повлияла на модернизацию современной внутри- и внешнеполитической коммуникации. «Развитие новых медиа формирует качественно иные условия функционирования политического пространства и актуализирует переосмысление того обстоятельства, что информационно-коммуникационные технологии никогда не были чисто техническим явлением, а оказывались

способными порождать новые общественно-политические реалии» [Реут 2013: 24].

Интернет способствовал трансформации экономических, социальных и культурных отношений и созданию «глобального информационного общества». Комментируя состояние системы международных отношений в этот период, Г. Киссинджер утверждает, что никогда ранее составные части мирового порядка, их цели и способность взаимодействовать не изменялись так быстро, так глубоко и так глобально. В. Соловей подчеркивает, что «в политическую и социальную жизнь входят поколения, сформировавшиеся в новом социокультурном и технологическом контексте. Тем самым цифровая среда становится новым важным полем политической пропаганды» [Соловей 2018: 81]. Однако, «увеличив доступ к информации, современные коммуникации и цифровая журналистика подорвали доверие к тради-

ционным новостным каналам, позволив демагогии контролировать информацию, а значит и нарратив» [Ceaser 2007: 279—280].

В рамках данной статьи мы не будем останавливаться на примерах цифровой демагогии, разбирать риторические приемы и лингвостилистические средства, тем более что виртуальное пространство ежедневно пополняется новыми «шедеврами», анализ которых не входит в наши задачи. Цель данного исследования состоит в актуализации самого феномена цифровой демагогии, который рассматривается нами как фактор дискредитации политического и дипломатического дискурса (под дискурсом здесь понимается «коммуникативное явление, которое включает в себя социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [Дейк, ван 1989: 113]).

Итак, можно ли утверждать, что современная демагогическая самобытность является лишь дискредитирующим фактором, если она при помощи определенных символов, шаблонов, риторических техник и приемов борется за свое пространство и за своего потребителя, представителя цифрового поколения, который, как известно, «старого» языка слушать не желает? Попробуем в этом разобраться.

Определение термина

Известно, что в античные времена риторике отводили важное место и под демагогией (др.-греч. δῆμοσῳφία — «руководство народом; заискивание у народа») понимали ораторство политиков, умение управлять взглядами и мнением народа. Каждый уважающий себя политик был обязан изучить это искусство для того, чтобы защищать как свои позиции, так и интересы народа, поэтому для древних греков данное слово несло положительную коннотацию. В словаре В. И. Даля демагогия определяется уже как «господство власти народа, черни в управлении» [Даль 1981: 427]. С. И. Ожегов трактует демагогию как «намеренное воздействие на чувства, инстинкты малосознательной части масс для достижения своих целей; рассуждения или требования, основанные на грубо одностороннем осмыслении, истолковании чего-н.» [Ожегов 1983: 142]. Ю. Л. Нестеренко пишет: «Демагогия — это тактика ведения дискуссии, направленная на достижение победы (либо создания иллюзии таковой) путем использования некорректных дискуссионных приемов» [Нестеренко 2006]. Г. Гилберт описывает демагогию как форму политической нечистоплотности [Gilbert 1955:

51—53]. Д. Лог и Х. Дорган утверждают, что слово «демагогия» включает в себя элементы «неискренность» и «оппортунизм» [Logue, Dorgan 1981: 1—11]. «Демагоги делают заявления, игнорируя правду», — говорит Д. Густайнис [Gustainis 1990: 158—160]. «Демагогами теперь называют таких политических деятелей, которые создают себе популярность, добиваются собственных целей лживыми и безответственными обещаниями, извращением фактов, обманом, лестью, манипулированием сознанием людей, спекулируя на чувствах и стремлениях масс, вводя их в заблуждение», — утверждает Н. А. Баранов [Баранов 2005: 100—108].

Как видно, представление о субъекте демагогии со временем менялось, неизменными оставались такие параметры, как коммуникативная стратегия (управление массами для достижения власти) и тактика достижения цели (скрытое воздействие на чувства адресата). Основываясь на предложенных определениях, мы приходим к выводу о том, что демагогия — это тип коммуникативного поведения, стратегия самопрезентации (термин О. С. Иссерс), характеризующаяся целенаправленным использованием манипулятивных риторических приемов, основанных на некорректных методах, для достижения определенных коммуникативных целей, чаще всего пропагандистско-популистского характера.

Цели демагога:

- привлечь к своей персоне внимание;
- создать иллюзию достижения победы, дискредитировав конкурента;
- воздействовать на сознание, намеренно извратив факты;
- скрыть под внешне логичными рассуждениями истинные, нередко корыстные цели;
- вызвать эмоциональную рефлексию либо ввести в ступор, замешательство и т. д.

Примеры из истории говорят о том, что демагогия подпитывается деструктивными контекстуальными факторами, такими как экономическая нестабильность, социальное неравенство, деморализованность и дух упадничества в обществе, расцвет национализма и нетерпимости в различных проявлениях, недоверие к политическим акторам, структурам, новостным сообщениям и т. д. Во время кризиса люди начинают терять доверие к существующим институтам и отрицают рациональных лидеров, чьи логические аргументы основаны на сухих данных [Hofstadter 1962]. Напротив, массы приветствуют тех, кто призывает к радикальным мерам — свержениям, революции, отмене прежних устоев общества. «Разжигая чувство возмущения, унижения при потере вли-

яния или одержимости предполагаемым упадком общества, демагог может заставить своих последователей отказаться от надлежащей правовой процедуры и верховенства права в стремлении изгнать или наказать маргинализованную группу» [Benson 2011: 25]. Таким образом, есть некая зависимость между ухудшением социально-экономического положения в государстве и расцветом демагогичности. Чем сложнее ситуация в стране, тем чаще мы сталкиваемся с демагогией. Нарастание демагогии можно считать показателем социальной напряженности в обществе. Вероятно, регулярно проводя соответствующий лингвокультурологический мониторинг, можно фиксировать приближение кризисных состояний, но это вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

Цифровая демагогия: постановка проблемы

Современный житель мегаполиса уже не мыслит жизни без общения в блогосфере, и число пользователей Интернета во всем мире, как известно, увеличивается с каждым днем. Развитие медиа совершенно изменило контекст, в котором выдвигается политическая аргументация [Черных 2013]. Именно цифровое пространство стало площадкой, на которой были построены протестные движения во многих точках мира. Благодаря работе в социальных сетях, эффективно используя метод краудсорсинга, общественные активисты имели возможность выказать властям свое недовольство и изменить общественно-политическую ситуацию во многих странах. Для миллионов граждан в различных концах земли, даже в условиях жесткой цензуры и диктатуры, Интернет стал глотком свежего воздуха, позволившим донести или услышать альтернативное мнение, «другую» точку зрения. Политические деятели убедились в силе электронных ресурсов, стихийно собиравших массы людей во имя идеи и позволявших решать важные социально-политические вопросы. Они поняли, насколько важно разговаривать с интернет-пользователями на понятном им языке, налаживать диалог с представителями интернет-среды, и начали использовать социальные сети не только как средство политической мобилизации, но и для раскрутки своих предвыборных кампаний, формирования и продвижения политической карьеры и т. д. Таким образом, с развитием мультимедийных каналов и модернизацией современных средств политической коммуникации сложилась ситуация, при которой политики и дипломаты должны уметь преподносить информацию активным пользователям в сетях,

причем делать это динамичным, доступным языком.

Обретение коммуникацией принципиально новых черт привело к преобразованию социального пространства, а изменения в общественной и культурной жизни людей нашли отражение в риторике. Привередливую публику, намеренно отказавшуюся от телевизора и газет, в виртуальном пространстве пришлось удивлять, дабы привлечь их внимание. На пользователей посыпались официальные комментарии по различному спектру внутри- и внешнеполитических вопросов с элементами «развлекательности». Необходимость убедить, показать «новую» точку зрения, расположить интернет-аудиторию к себе стало довольно трудной задачей, и для того, чтобы «подогреть» к себе интерес, вызвать эмоциональную реакцию и оказаться в фокусе СМИ, политические акторы стали прибегать к использованию тактики манипулирования и открытой речевой атаки. Так зародился современный политический тренд — цифровая демагогия, а у демагога, благодаря характеристикам Глобальной сети, появилась возможность охватить своими речами большее количество людей, чем когда-либо [Mendes 2016].

Под цифровой демагогией мы понимаем онлайн-высказывания политических деятелей или структур, которые пытаются расширить свою аудиторию и повлиять на предпочтения избирателей при помощи громких популистских заявлений на своих личных или официальных страницах в социальных сетях. В этом явлении можно усматривать и новую форму политической аргументации — попытку ключевых политических акторов быть адекватными времени и политическому моменту, используя возможности цифровых каналов коммуникации для публичности (самопрезентации) и продвижения своих политических интересов. По сути, цифровая демагогия — это современный инструмент воздействия, пропаганды, навязывания тех или иных политических представлений в виртуальной среде. В ситуации, когда «Твиттер» стал прямым оружием политики, каналом влияния на общественное мнение, позволяющим самым коротким путем донести свою точку зрения и напрямую обратиться к аудитории, выбравшей Интернет в качестве источника получения информации, использование политическими акторами виртуального вида коммуникации явилось если не вынужденной, то вполне оправданной мерой. Очевидно, что в нынешних обстоятельствах развертывание активной политической деятельности в цифровом пространстве детерминировано рациональностью и имеет

объективный характер — оно объясняется изменившимися условиями взаимодействия с современной электорально значимой онлайн-аудиторией.

При этом от пользователей ожидается пассивное восприятие всей этой словесно-эмоциональной экспрессивной продукции (а порой откровенного словесного мусора) и нетактичного, часто вульгарно-агрессивного коммуникативного поведения в блогосфере. Онлайн-аудитория не выдвигает особых требований к тому, как и в какой форме подается информация на страницах официальных лиц и ведомств. «Цифровая пропаганда использует одни и те же когнитивные заблуждения (или ловушки) и социальные стереотипы с целью создания у людей впечатления, что те самостоятельно и без всякого внешнего воздействия пришли к нужным для пропагандистов умозаключениям и оценкам» [Соловей 2015]. Вот и получается, что каждый политический актер, самопроявляясь и рефлексирова по своему усмотрению, достигает своих целей.

Популярность цифровой демагогии связана, вероятно, с тем, что политика в цифровую эру привлекает к себе меньше внимания и становится менее влиятельной сферой. Сегодня многие политики принимают участие в интервью на ютуб-каналах блогеров, чтобы привлечь на свою сторону молодежь, различные интернет-сообщества, что особенно актуально на фоне потери доверия к традиционным средствам массовой информации. Видеоконференции стали неотъемлемой частью работы государственных деятелей, позволяя в режиме онлайн решать межгосударственные и международные вопросы. «В зависимости от цели политика социальная сеть может быть площадкой для ответов на вопросы читательской аудитории, местом трансляции своей позиции до широких масс или инструментом пиара и пропаганды» [Чижик 2015: 531].

Со временем Интернет радикально трансформирует государство и демократию до такой степени, что результатом будет новая волна демократизации в мировых масштабах [Абдуллаев, Рыхтих 2014: 15]. Таким образом, цифровую демагогию можно признать мерой, предпринимаемой политиками в ответ на запрос современной интернет-аудитории, желающей получать информацию из первых уст и при этом «не напрягаться», развлекаться.

Цифровая демагогия как элемент политической игры

Стремление к внедрению игровых, цирковых, развлекательных элементов свой-

ственно всем сферам современной жизни. Мы можем наблюдать это в кино, искусстве, театре, балете и даже в образовании, где появились новые, зрелищные формы преподнесения материала (edutainment, infotainment, publictainment и т. д.). Не стал исключением и политический дискурс, в рамках которого приобретает популярность новый коммуникативный образ современного политика — «демагога-манипулятора-шоумена». Константами современного политического дискурса являются театрализация (шоу-политика), сценарные перформансы и манипулятивный креатив. В политике появились тенденции к мероприятиям с элементами реалити-шоу, и то, что раньше скрывалось, сейчас выставляется напоказ, а политики, помня о «зрительской аудитории», намеренно или непроизвольно «лицедействуют», «работают на публику», стараются произвести впечатление и «сорвать аплодисменты» [Шейгал 2000: 66—70].

Ещё Р. Барт заметил, что всё большее значение в публичном пространстве приобретает так называемая «риторика имиджа» [Barthes 1977: 32—51], а создание имиджа включает конструирование не только внешних характеристик политиков, но и речевого портрета, коммуникативной стратегии и т. д. В эпоху консюмеризма проявляется тенденция, в соответствии с которой «упаковка политики» значит больше, чем ее сущность, а это приводит к гомогенизации восприятия политического поля, подрыву его легитимности и доверия институтам демократии [Бодрунова 2012: 208].

И. Хейзинга в знаменитом труде «Homo ludens» подчеркивает, что политические речи ведущих лидеров напоминают злое озорничание (так, по сути, автор описывает склонность политиков к демагогии), и предостерегает от никогда не насыщаемой потребности людей в банальных развлечениях, жажде грубых сенсаций, тяге к массовым зрелищам, которые проявляются в публичной жизни, что, по мнению философа, ведет к девальвации культурных ценностей.

Когда-то на аудиторию влияли доводы, логичные ходы, информативность, рациональность, трезвый скепсис, логика аргументации. Целью политического дискурса было убедить, дать почву для убеждения и побудить к действию [Bauley 1985: 104]. Однако нынешнюю публику надо развлекать, шокировать, удивлять. То есть если раньше характерным признаком достижения цели политической коммуникации было завоевание и удержание власти, а мотивом — оказание влияния на аудиторию при помощи убеждения и побуждения адресата к действию [Демьянков 2002: 32], то сегодня «бытие» в по-

литике означает «быть показанным», «упомянутым», «отмеченным». Факт, не попавший в повестку дня СМИ, не является более событием. А Н. Постман в своей книге «Развлекая себя до смерти» говорит, что одержимость средствами массовой информации модифицировала структуру дискурса, создав новые формы донесения правды. В результате, по мнению автора, границы между развлечением и реальной жизнью стираются, что оказывает влияние на процессы познания во многих сферах, и наиболее явно это выражается в нашем отношении к политике [Postman 1985]. Эти явления очень опасны, ведь в ситуации, когда граница между политическим действием и развлечением размывается [Van Zoanen 2005], человеку становится всё труднее определять, где правда/добро, а где ложь/зло.

Заметим, что цифровое поколение хоть и стремится быть в курсе событий, но предпочитает не вникать в детали, тем более что уже в следующую секунду информация может обновиться. Виртуализация мира политики привела к тому, что современный избиратель мало анализирует, не вникает в детали политических программ и не задумывается, хватит ли у кандидата на озвучиваемые обещания профессиональной компетенции. Свой выбор большинство электората делает не на основе логических выводов и умозаключений, а под влиянием эмоционального восприятия образа политика. В результате спросом на политическом рынке пользуются харизматичные и коммуникабельные лидеры, идущие в ногу со временем, т. е. осведомленные о последних стратегиях онлайн-коммуникации.

Во всех областях современной жизни царит суррогат игровой деятельности. «Массы обвиняются в том, что они всё превращают в „зрелище“, так что политика стала „спектаклем“, политики — актерами, а народ — публикой на политическом представлении (что подтверждается высокими рейтингами многочисленных политических ток-шоу). И конечно, общество „спектакля“ не может быть устойчивым. В обществе всеобщего потребления, отмеченного деуниверсализацией, деидеологизацией, виртуализацией социально-политических отношений, прежние идеологические императивы теряют свое значение для политики. Соответствие политической практики неким идеологически закрепленным ценностям и целям, отражающим интересы и чаяния общественных масс, перестает быть мерилем ее успешности. Теперь главным критерием политики и одновременно ее самоцелью становится успех в

завоевании власти, а шоу-процесс подготовки к выборам становится для политической элиты перманентным» [Томбу 2013].

По мнению Е. И. Шейгал, «театральность политического дискурса связана с тем, что народ (непрямой адресат дискурса) воспринимает политические события как некое зрелищное представление, которое специально для него разыгрывают» [Шейгал 2000: 92]. «Мы требуем от нашей политики развлечений, которыми мы наслаждаемся в мире развлечений. Мы применяем к политическим кандидатам критерии, которые мы применяем к музыкальным артистам. Одним словом, мы потребляем/поглощаем (от англ. *consume* — «потреблять, поглощать, пожирать») наших политиков, а не выбираем их. И успешные кандидаты достигают апофеоза, когда превращаются в бренды» [Tuttle 2016].

Действительно, мы живем во времена «лайкового нарциссизма» (термин А. Асмолина), когда самопроявление, самоманифестация в Сети становятся константой, а главной ценностью постполитики (термин, характеризующий современную эпоху, по А. Г. Дугину) является игра [Дугин 2004]. Согласно З. Бауману, сегодня идет процесс формирования нового образа общественной сферы как сцены, где перед всем обществом разыгрываются частные драмы, а точнее, «общественные скандалы», публично раскрывающие моральные недостатки и частную жизнь общественных, в том числе политических фигур. «Теперь многие наблюдают за немногими. Действующие лица поменялись местами», — пишет Бауман [Бауман 2008: 58].

По мнению ряда исследователей, в эпоху постмодерна и виртуализации жизни «происходит деонтологизация многих аспектов, в том числе и политики, когда она начинает существовать только в пространстве „презентации“, превращаясь в постполитику и тем самым самоупражняясь и самоуничтожаясь» [Томбу 2013: 275]. А в постполитике, по мнению А. Г. Дугина, все моменты политического либо отменены, либо спародированы [Дугин 2004].

Учитывая тенденции современного политического консюмеризма, характеризующегося потребительски мотивированным игровым политическим поведением, а также силу виртуализации политической реальности, цифровое пространство становится важным игроком в публичной сфере, так как оно создает общественное мнение и влияет на политические процессы, в том числе по воле и в интересах людей, его контролирующих.

Цифровая демагогия — современный политический язык?!

Отметим, что язык политики — одна из наиболее динамичных ветвей современного дискурса, в рамках которой всегда приветствовалась демагогия. Однако освоение блогосферы потребовало от политиков принятия нового способа общения и поиска коммуникативной стратегии для привлечения на свою сторону как можно большего количества пользователей, ведь цифровая эра обуславливает особое речевое поведение коммуниканта в Сети. Цифровые ресурсы коммуникации почти до неузнаваемости изменили общение, упразднив каноны, расшатав этические, стилистические и языковые нормы. Вообще в цифровом пространстве нарушения языковой традиции, отклонения от тех нормативных предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях, стали обычным явлением, что является дискредитирующим фактором, вызывающим не только разочарование, но и раздражение получателей информации.

Необходимо признать, что в угоду новому поколению в виртуальном пространстве стали происходить стремительные риторические мутации. Это привело к тому, что даже дипломаты в своих онлайн-высказываниях и комментариях на страницах соцсетей заговорили «не по протоколу». Напомним, что особенностью дипломатического дискурса, отличающего его от политического, всегда являлись закрытость, непубличность, регламентированность протоколом — традиционные черты, характерные для дипломатической сферы. Здесь участники общения строго придерживаются норм межкультурной коммуникации и правил того коммуникативного сообщества, в котором выстраивается подобный дискурс, а целью общения является поддержание контактов, сохранение конструктивного сотрудничества и решение межгосударственных проблем. Однако сегодня мы видим, что «дипломатия, которая ранее была относительно „закрытой“ сферой деятельности, благодаря развитию информационного общества, становится всё более открытой для обычных граждан» [Сурма 2013].

Дипломатический дискурс стал публичным, открытым и менее сдержанным, его язык утратил строгую протокольность, а виртуальная политическая среда сделалась конкурентной. «Твитты» некоторых политических лидеров расходятся на цитаты и бьют рекорды популярности. Уже не удивляет то, что за новостями пользователи зачастую заходят не на сайты медиаагентств, а в

твиттер-аккаунты к политикам. По сути, современные политики стали создателями нового нарратива, отличительными параметрами которого являются манипулятивность, эмотивность (связанная с выражением чувств, эмоций) и экспрессивность (служащая целенаправленному воздействию), иллогичность/несвязность, идеологичность, синкретичность (синтез письменного языка и интонаций устной речи). Сетевой дискурс ярче всего отображает изменения, происходящие в языке, и создает положительную или негативную установку на восприятие некоторых фактов общественной жизни, поэтому актуальными становятся исследования таких феноменов, как социальные сети, чаты, форумы, блоги и сетевые комментарии, а цифровая демагогия приобретает статус важного объекта изучения политической коммуникативистики. Таким образом, социальные медиа и «Твиттер» изменили реальность, став мейнстримом политического и дипломатического дискурса.

Следует заметить, что цифровая демагогия характеризуется не всегда оправданными экспрессивными выпадами, необдуманными комментариями, порой высказывания политиков и вовсе полны оскорбительных выпадов в адрес оппонентов, журналистов, представителей новостных агентств. Это часто воспринимается как имитация деятельности, что дискредитирует, подрывает доверие, умаляет авторитет отдельных государственных деятелей. Блогосфера обнажила интеллектуальный уровень политических деятелей, а он, к сожалению, оказался не таким высоким, как того хотелось бы избирателям. Наличие большого количества фактических и грамматических ошибок, а также речевых вариантов, нарушающих риторические каноны и стилистические нормы, дало представление о реальной осведомленности некоторых политиков по различным вопросам. Стилистические и грамматические ошибки, которые не столь заметны в устной речи, в «Твиттере» приобрели чудовищную очевидность и стали предметом насмешек в цифровом пространстве. К сожалению, многие предстали перед интернет-пользователем не только некомпетентными специалистами, но и откровенно безграмотными личностями. Таким образом, цифровая демагогия стала причиной дискредитации политиков как профессионалов. Пользователи заговорили об отсутствии эрудиции и элементарного образования у политиков, чиновников разного уровня и начали с удовольствием соответствующие «ляпы» разбирать, заполонив интернет-пространство мемами, «троллингом», «фотожабами» и другими ви-

дами народного цифрового творчества. Таким образом, Интернет помог составить объективное мнение о личности и деятельности среднестатистического политика.

Речевое поведение политика в Сети, нарушающее нормативные ожидания, безусловно, является фактором дискредитации. Тем не менее нельзя утверждать, что действие подобной пропаганды неэффективно. Парадокс заключается в том, что, чем несуразнее высказывание того или иного политика в Сети, тем, к сожалению, больше внимания и рефлексии оно получает. Необходимо признать, что некорректные высказывания политиков и их откровенные «ляпы» нравятся представителям молодого цифрового поколения, которые видят в ошибках подтверждение того, что политики — обычные люди и часто говорят, как думают, не пытаясь казаться лучше, чем они есть на самом деле. Мемы, разлетаясь по блогосфере, пользуются большой популярностью, и, как ни парадоксально, повышают рейтинги того или иного государственного деятеля. Так современным политикам удается не только привлечь внимание интернет-пользователей к своей персоне, но и добиться их лояльности, демонстрируя, что они тоже нуждаются в «лайках», т. е. признании. «Социальные сети дают ощущение того, что политик не обезличен для народа, а даже более-менее знаком» [Козырева 2015: 58].

Однако сегодня блогосфера — место ведения настоящих боевых действий, контентных баталий, информационных войн. И если раньше демагогические выпады отдельных политических деятелей воспринимались как проявление их харизматичности, индивидуальности, то в ныне складывающихся условиях попрания идей политической корректности в Сети феномен цифровой демагогии в отсутствие каких-либо сдерживающих факторов и при попустительстве пользователей становится явлением угрожающим, если не сказать опасным. Нынешнее откровенно манипулятивное, непротокольное, порой оскорбительно-агрессивное коммуникативное поведение в онлайн-пространстве заставляет говорить о намеренном игнорировании дипломатической этики и протокола. Таким образом, главным негативным последствием активной деятельности политических акторов в Сети следует признать появление цифровой демагогии, приведшей к падению политической культуры в целом.

Безусловно, тенденция аффективного коммуникативного поведения в цифровом пространстве формирует превратное представление о личности политика и не только

принижает его статус, но и в целом дискредитирует институты власти. Это не может восприниматься позитивно и ведет к аполитичности части электората, желанию выйти из агрессивной, конфронтующей атмосферы в Сети. В то же время, как ни парадоксально, эмоциональный пафос, эксцентричность, а также риторическая незамысловатость, заполонившие Интернет, привлекают внимание к политическим заявлениям и усиливают остроту их восприятия. И, как любой новости сегодня необходимо быть «кричащей», «шокирующей», чтобы запомниться, так и политику, чтобы быть конкурентным, необходимо громко о себе заявлять, быть «сенсационным» в блогосфере. Коммуникативная стратегия цифровой демагогии манипулятивна и направлена, на наш взгляд, на создание когнитивного диссонанса в политическом дискурсе, и это не единственный фактор, вызывающий опасения.

Цифровая демагогия как вызов современному миропорядку

Необходимо подчеркнуть, что цифровая демагогия, активно проявившаяся в Сети, ведет к потере доверия не просто к фигурам отдельных политиков, но и к институтам власти, СМИ, дискредитирует политическую информацию в целом. «Демагогия будет и дальше дискредитировать лидеров, подавлять медиа и ослаблять образовательные институты для того, чтобы контролировать нарратив и молчащую оппозицию» [Venson 2011], делая невозможным продвижение альтернативной точки зрения. Не случайно неотъемлемым атрибутом современного политического дискурса стал термин «фейковые новости», равно как и «слухмейкерство» («фейк» (от англ. fake — «фальшивка») — термин, означающий любую подделку, выдаваемую за настоящую вещь. Фейк-дискурс в медиaprостранстве предстает в виде определенных манипулятивных медиаэффектов, примерами которых являются интернет-«утка», псевдоновости (фейковые новости), фотоподделка, видеоподделка, аккаунты в «Твиттере» с заведомо ложным содержанием, мошеннические сайты с фальшивыми комментариями от несуществующих пользователей и т. д.). Действительно, так много лжи, как сегодня, кажется, еще никогда не транслировалось цифровыми политико-медийными каналами. Если раньше на онлайн-пространство смотрели как на территорию правды, где ничего нельзя скрыть, так как всё показано и рассказано в режиме реального времени, а потому вряд ли может быть сфабриковано, то сегодня информация в виртуальном пространстве воспринимается

уже со скепсисом и требует тщательного анализа, чуть ли не по каждому утверждению в Сети можно и нужно проводить фактчек (от англ. *factcheck* — проверка достоверности информации).

Приходится констатировать, что, хотя Интернет в общем сыграл положительную роль в сохранении и продвижении многообразия форм политического участия, стимулировал артикуляцию общественно-политических инициатив и стал уникальной площадкой для развития прямой коммуникации с электоратом, он в то же время создал почву для расцвета демагогии, дискредитировавшей политический дискурс и подорвавшей доверие к любой информации политической тематики. Всё это в конечном итоге ведет к фрагментации, разобщенности социума.

Сегодня становится очевидным, что цифровому пространству уже не быть территорией правды и свободы. Не станет оно и зоной прозрачности власти, символом демократичности принятия общественно значимых решений, местом функционирования свободных общественных объединений, независимых от сверхуправляющей власти. Напротив, цифровое пространство теперь воспринимается платформой демагогии, бездоказательных суждений, дискредитации, фейковых новостей, где, с точки зрения языкового компонента, использование инвективной лексики (слов с изначальной отрицательной семантикой и сниженного регистра) — это норма.

Цифровая демагогия может также провоцировать коллективные фобии, ведущие к массовому росту агрессивности на фоне быстрого расширения масштабов использования в общественно-политической жизни социальных медиа. Таким образом, цифровая демагогия, с одной стороны, может сверх меры упростить восприятие политической реальности, вылиться в апатию, безразличие, и, в конечном счете, в потерю доверия определенной группы критически мыслящих интернет-пользователей, а с другой — провоцировать агрессивно настроенные группы граждан на гипертрофированное внимание к политическим суждениям и гипербололизацию их смыслового содержания. Сегодня, когда аудитория онлайн средств информации во всем мире растет, отмечается существенное усиление интернет-влияния за счет увеличения возможности манипулирования общественным мнением в политических целях. Вследствие властвования новейших дискурсивно-коммуникативных ресурсов основным источником получения знаний о политике стано-

вится виртуальная политическая реальность. Поэтому существует риск того, что цифровая демагогия может стать основой новых форм пропаганды, идеологического манипулирования, конфликтов. Напомню, что К. Лоренц в своей футурологической теории социальной деградации смоделировал версию глобальной катастрофы, где среди прочих «смертных грехов человечества» назвал «охватившую весь мир политическую демагогию и политику, основанную на лжи» [Плахов 2006: 114].

Заключение и выводы

Проведенный в исследовании анализ показал следующее.

1. Электронные коммуникационные ресурсы серьезно повлияли на политическую риторику, а блогосфера стала удобной площадкой для манипулирования сознанием масс, позволив цифровой демагогии превратиться в одно из мощнейших средств достижения цели для современного политика.

2. Цифровая демагогия в своей непристойной обнаженности стала основным фактором дискредитации как отдельных политических фигур, так и политического и дипломатического дискурса в целом (даже представители самых серьезных госструктур и лидеры сверхдержав в блогосфере позволяют себе гораздо больше шуток, элементов разговорного стиля, агрессивных и демагогических высказываний в комментариях и сообщениях в соцсетях). Этот доминантный элемент современного политического дискурса является фактором создания негативного фона в публичном пространстве и воплощает интолерантность, агрессию, низкую политическую культуру.

3. Современный политический дискурс тяготеет к развлекательному формату, язык и стиль общения, предложенный интернет-пользователям, интересующимся политикой, перегружен элементами «шоу», он стал комичным, бутафорским, демагогичным, и, таким образом, политические сообщения перестали вызывать доверие, что серьезно дискредитирует современную политическую сферу. Вместе с тем цифровую демагогию можно признать ответом на запрос современной интернет-аудитории в лице части пользователей, желающих получать информацию из первых уст и при этом «не напрягаться», развлекаться.

4. Цифровая демагогия — это современный виртуальный политический продукт, тренд времени, свидетельство эпохи, ее породившей, властный ресурс, позволяющий осуществлять различные функции, в том числе информирования и формирования тех

или иных установок у граждан и избирателей с целью легитимации политических решений. Это явление симптоматичное, быстро захватывающее интернет-пространство, используемое в манипулятивных целях, в том числе для интенсификации дискурса современных информационных войн или политического фейк-дискурса. Не исключено, что тенденция вести цифровую демагогию продолжится и превратится в долговременный политический тренд.

5. В современных условиях расширения аудитории блогосферы нельзя недооценивать роли социальных сетей в формировании общественного мнения. Возможно, в ближайшей перспективе реальная политика полностью переместится в виртуальное пространство. Опасения вызывает и тот факт, что, по мнению специалистов, «роль и значение политической пропаганды в цифровой среде с течением времени будут возрастать, а через одно-два поколения цифровые платформы вообще могут стать главной ареной пропагандистской борьбы» [Соловей 2018].

В целом приходится констатировать довольно низкую степень политической культуры в виртуальном пространстве. Поэтому, в связи с необходимостью реализации политических целей на цифровых площадках и одновременно с их возрастающей ролью и востребованностью, важно придерживаться общепризнанных политических форм и каноников коммуникации, предъявлять более высокие требования к тому, как подается информация на официальных страницах политических лидеров и представителей дипломатических ведомств в социальных сетях. Сегодня, когда восприятие и интерпретация наиболее значимых событий и явлений, происходящих в мире, осуществляется непосредственно через Интернет, очень важно, «не упуская информационной инициативы и применяя новые современные средства коммуникации для поддержания диалога с избирателем, в то же время не допускать падения уровня политической культуры» [Сурма 2015], не скатываться к пустой демагогии, не превращать блогосферу в пространство фейка и пропагандистской борьбы. Подобные процессы могут привести к полной потере доверия людей к политическим деятелям и институтам, стать причиной общей аполитичности пользователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Р. А., Рыжих М. И. Феномен «сетей поддержки» и влияние на него развития интернет-технологий // *Власть*. 2014. № 6. С. 15—20.
2. Баранов Н. А. Популизм и демагогия // *Человек, культура, общество: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Н. В. Дулина, И. А. Небыков / Волгоград. гос. тех. ун-т. — Волгоград,*

2005. Вып. 3. С. 100—108.
3. Бауман З. *Текущая современность*. — СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Бодрунова С. С. Медиакратия: атлантические подходы к определению термина // *Вестн. С.-Петербург. ун-та*. 2012. Сер. 9. Вып. 3. С. 203—215.
5. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. — М.: Рус. яз., 1981—1982. 2700 с.
6. Дейк, Т. А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*: пер. с англ. — М., 1989. 312 с.
7. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // *Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования / ИНИОН РАН*. 2002. № 3. С. 32—43.
8. Дугин А. Г. *Философия политики*. — М.: Аркогея, 2004. 614 с.
9. Козырева А. А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та*. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 56—59.
10. Нестеренко Ю. Л. *Демагогия* [Электронный ресурс]. URL: http://fan.lib.ru/n/nesterenko_j_l/text_0610.shtml (дата обращения: 08.08.2018).
11. Ожегов С. И. *Словарь русского языка / под ред. проф. Н. Ю. Шведовой*. — М.: Рус. яз., 1983. 816 с.
12. Плахов В. Д. *Западная социология. XIX—XX вв. От классики до постнеклассической науки*. — СПб.: Алетейя, 2006. 303 с.
13. Реут О. Ч. Digital electoral history и модернизация политических коммуникаций // *PolitBook*. 2013. № 2.
14. Соловей В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. — М.: Э, 2015. 320 с.
15. Соловей В. Д. Особенности политической пропаганды в цифровой среде // *Гуманитарные науки. Вестн. Финансового ун-та*. 2018. С. 81—87.
16. Сурма И. В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия // *Вестн. МГИМО-Университета*. 2013. № 4 (31). С. 141—151.
17. Сурма И. В. Цифровая дипломатия в мировой политике [Электронный ресурс] // *Государственное управление: электронный вестн.* 2015. Вып. 49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-diplomatiya-v-mirovoy-politike> (дата обращения: 10.09.2018).
18. Томбу Т. В. Политические дискурсы общества потребления // *Преподаватель XXI век*. 2013. № 2. С. 375—386.
19. Черных А. И. *Медиа и ритуалы*. — М.; СПб.: Университетская книга, 2013. 236 с.
20. Чижик А. В. Политический дискурс в русскоязычном Twitter и образ политика через призму интернет-дискурса // *Новые информационные технологии в автоматизированных системах*. 2015. С. 523—532.
21. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // *Единицы языка в их функционировании: межвуз. сб. науч. тр.* — Саратов: СГАП, 2000. С. 92—96.
22. Шейгал Е. И. *Семиотика политического дискурса*. — Волгоград, 2000. 431 с.
23. Barthes R. *Rhetoric of the Image / S. Heath (ed.) // Image, Music, Text*. — New York, 1977.
24. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // *Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984 / G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller (eds.)*. — Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77—174.
25. Benson T. The rhetoric of civility: Power, authenticity, and democracy // *Journ. of Contemporary Rhetoric*. 2011. No. 1. P. 22—30.
26. Ceaser J. Demagoguery, statesmanship, and the American presidency // *Critical Review*. 2007. Vol. 19, no. 2. P. 257—298.
27. Gilbert G. Dictators and demagogues // *Journ. of Social Issues*, 1955. No 11. P. 51—53.
28. Gustainis J. Demagoguery and political rhetoric: A review of the literature // *Rhetoric Society Quarterly*. 1990. No 20. P. 155—160.
29. Hofstadter R. *Anti-intellectualism in American life*. — New York: Random House, 1962.
30. Hogan J. M., Tell D. Demagoguery and democratic deliberation: The search for rules of discursive engagement // *Rhetoric*

& Public Affairs. 2006. Vol. 9, no. 3. 479—487.

31. Logue D., Dorgan H. The Demagogue // The oratory of southern demagogues / C. Logue, H. Dorgan (eds.). — Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1981. P. 1—11.

32. Mendes A. Digital Demagogue: the Critical Candidacy of Donald J. Trump // Journ. of Contemporary Rhetoric. January 2016.

33. Postman N. Amusing ourselves to death. — New York : Penguin Books, 1985.

34. Tuttle I. The Power of the Bernie Brand [Electronic resource] // The National Review. 2016. Apr. 20. URL: www.nationalreview.com/article/434296/bernie-sanders-campaign-branding-matters-todays-politics.

35. Van Zoonen L. Entertaining the Citizen: When Politics and Popular Culture Converge. — Oxford : Rowman & Littlefield, 2005.

L. A. Agrba

Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia

ORCID ID:

 E-mail: largba@mail.ru.

Digital Demagoguery or Political Discourse of the New Era

ABSTRACT. *The article presents such a form of political discourse as "digital demagoguery". Digital demagoguery is a modern tool of influence needed for the implementation of internal and international policy in modern political communications. At the same time, it seriously discredits the modern political landscape, as the language and style of communication offered to users turn out to be overloaded with entertaining, comic and demagogic elements, which, on the one hand, attracts the attention of the addressee/elector, and, on the other hand, undermines their trust. The scope of the given study covers digital demagoguery, which is considered a discrediting factor in political discourse. The urgency of research is associated with the increasing role and demand for the digital space, which has become a new public platform for political struggle/game and an important channel for self-expression and self-differentiation for politicians. The aim of the research is to actualize a new form of political discourse of "digital demagoguery" in the context of the mediatization of political practices and the formation of a new rhetorical culture. The task of the study is to understand why electronic communication resources influence political rhetoric and why digital demagoguery has become one of the most powerful means of achieving the goal for modern politicians, a real tool of manipulation used to legitimize political decisions. The theoretical basis of the study is formed by the works in the theory of political discourse and linguoculturology. Some conclusions and results of the study can contribute to a more comprehensive view on political discourse in the context of modernization of communication means, as well as transformation and intensification of political communications in Internet space.*

KEYWORDS: *digital demagoguery; political discourse; diplomatic discourse; political discourse discreditation; political rhetoric; political games; political linguistics; political communication; blog sphere; communication strategies.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Agrba Lana Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and German, Abkhazian State University, Abkhazia, Sukhum.*

FOR CITATION: *Agrba, L. A. Digital Demagoguery or Political Discourse of the New Era / L. A. Agrba // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 38-48. — DOI 10.26170/pl19-02-03.*

REFERENCES

1. Abdullaev R. A., Rykhtikh M. I. The Phenomenon of "Support Networks" and the Impact of the Development of Internet Technologies on Him // Power. 2014. No. 6. P. 15—20. [Fenomen «setey podderzhki» i vliyanie na nego razvitiya internet-tehnologii // Vlast'. 2014. № 6. S. 15—20]. — (In Rus.)

2. Baranov N. A. Populism and Demagoguery // Man, Culture, Society: Intercolleg. collect. of scientific works / resp. ed. N. V. Dulina, I. A. Nebykov / Volgograd St. Univ. — Volgograd, 2005. Vol. 3. S. 100—108. [Populizm i demagogiya // Chelovek, kul'tura, obshchestvo: mezhvuz. sb. nauch. trudov / otv. red. N. V. Dulina, I. A. Nebykov / Volgograd. gos. tekh. un-t. — Volgograd, 2005. Vyp. 3. S. 100—108]. — (In Rus.)

3. Bauman Z. Flowing Modernity. — S. Peterb. : Peter, 2008. 240 p. [Tekuchaya sovremennost'. — SPb. : Piter, 2008. 240 s.]. — (In Rus.)

4. Bodrunova S. S. Mediakratiya: Atlantic approaches to the Definition of the Term // Herald of St. Petersburg Univ. 2012. Ser. 9. Issue 3. P. 203—215. [Mediakratiya: atlanticheskie podkhody k opredeleniyu termina // Vestn. S.-Peterb. un-ta. 2012. Ser. 9. Vyp. 3. S. 203—215]. — (In Rus.)

5. Dal' V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. — Moscow : Rus. lang., 1981—1982. 2700 p. [Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. — M. : Rus. yaz., 1981—1982. 2700 s.]. — (In Rus.)

6. T. A. van Dake. Tongue. Cognition Communication : transl. from English. — Moscow, 1989. 312 p. [Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya : per. s angl. — M., 1989. 312 s.]. — (In Rus.)

7. Dem'yankov V. Z. Political Discourse as a Subject of Political Science Philology // Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Studies / INION RAS. 2002. № 3. P. 32—43. [Politi-

cheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskyy diskurs: istoriya i sovremennyye issledovaniya / INION RAN. 2002. № 3. S. 32—43]. — (In Rus.)

8. Dugin A. G. Philosophy of Politics. — Moscow : Arkhokey, 2004. 614 p. [Filosofiya politiki. — M. : Arkogeya, 2004. 614 s.]. — (In Rus.)

9. Kozyreva A. A. Why are Social Networks an Instrument of Political Power? // Herald of Kemerovo St. Univ. 2015. № 2 (62). Vol. 2. P. 56—59. [Pochemu sotsial'nye seti yavlyayutsya instrumentom politicheskoy vlasti? // Vestn. Kemerov. gos. un-ta. 2015. № 2 (62). T. 2. S. 56—59]. — (In Rus.)

10. Nesterenko Yu. L. Demagoguery [Electronic resource]. [Demagogiya]. URL: http://fan.lib.ru/n/nesterenko_j_l/text_0610.shtml (date of access: 08.08.2018).

11. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language / ed. prof. N. Yu. Shvedova. — M. : Rus. lang., 1983. 816 p. [Slovar' russkogo yazyka / pod red. prof. N. Yu. Shvedovoy. — M. : Rus. yaz., 1983. 816 s.]. — (In Rus.)

12. Plakhov V. D. Western Sociology. XIX — XX centuries. From classics to post-non-classical science. — S. Peterb. : Aletheia, 2006. 303 p. [Zapadnaya sotsiologiya. XIX—XX vv. Ot klassiki do postneklassicheskoy nauki. — SPb. : Aleteyya, 2006. 303 s.]. — (In Rus.)

13. Reut O. Ch. Digital Electoral History and the Modernization of Political Communications // PolitBook. 2013. № 2. [Digital electoral history i modernizatsiya politicheskikh kommunikatsiy // PolitBook. 2013. № 2]. — (In Rus.)

14. Solovey V. D. Absolute Weapon. Fundamentals of Psychological Warfare and Media Manipulation. — Moscow : E, 2015. 320 p. [Absolyutnoe oruzhie. Osnovy psikhologicheskoy voyny i mediamanipulirovaniya. — M. : E, 2015. 320 s.]. — (In Rus.)

15. Solovey V. D. Features of Political Propaganda in the digital environment // *Humanities. Herald of Financial Univ.* 2018. P. 81—87. [Osobennosti politicheskoy propagandy v tsifrovoy srede // *Gumanitarnye nauki. Vestn. Finansovogo un-ta.* 2018. S. 81—87]. — (In Rus.)
16. Surma I. V. Global Supranational Actor of International Relations and his Social Philosophy // *Herald of MGIMO-University.* 2013. № 4 (31). P. 141—151. [Global'nyy nadnatsional'nyy aktor mezhdunarodnykh otnosheniy i ego sotsial'naya filosofiya // *Vestn. MGIMO-Universiteta.* 2013. № 4 (31). S. 141—151]. — (In Rus.)
17. Surma I. V. Digital Diplomacy in World Politics [Electronic resource] // *State Administration: electronic gadget.* 2015. Vol. 49. [Tsifrovaya diplomatiya v mirovoy politike [Elektronnyy resurs] // *Gosudarstvennoe upravlenie : elektronnyy vestn.* 2015. Vyp. 49]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-diplomatiya-v-mirovoy-politike> (date of access: 10.09.2018). — (In Rus.)
18. Tombu T. V. The Political Discourses of the Consumer Society // *Teacher of the XXI Century.* 2013. № 2. P. 375—386. [Politicheskie diskursy obshchestva potrebleniya // *Prepodavatel' KhKhI vek.* 2013. №2. S. 375—386]. — (In Rus.)
19. Chernykh A. I. Media and Rituals. — Moscow ; S. Peterb. : Book for Universities, 2013. 236 p. [Media i rituality. — M. ; SPb. : Universitetskaya kniga, 2013. 236 s.]. — (In Rus.)
20. Chizhik A. V. Political Discourse in the Russian-language Twitter and the Image of Politics Through the Prism of Internet Discourse // *New information technologies in automated systems.* 2015. P. 523—532. [Politicheskij diskurs v russkoyazychnom Twitter i obraz politika cherez prizmu internet-diskursa // *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh.* 2015. S. 523—532]. — (In Rus.)
21. Sheygal E. I. Theatricality of Political Discourse // *Units of Language in their Functioning : intercollegiate collection of scientific works.* — Saratov : SSAP, 2000. P. 92—96. [Teatral'nost' politicheskogo diskursa // *Edinitsy yazyka v ikh funktsionirovanii : mezhvuz. sb. nauch. tr.* — Saratov : SGAP, 2000. S. 92—96]. — (In Rus.)
22. Sheygal E. I. Semiotics of Political Discourse. — Volgograd, 2000. 431 p. [Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd, 2000. 431 s.]. — (In Rus.)
23. Barthes R. *Rhetoric of the Image* / S. Heath (ed.) // *Image, Music, Text.* — New York, 1977.
24. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // *Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984* / G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller (eds.). — Bologna : Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77—174.
25. Benson T. The rhetoric of civility: Power, authenticity, and democracy // *Journ. of Contemporary Rhetoric.* 2011. No. 1. P. 22—30.
26. Ceaser J. Demagoguery, statesmanship, and the American presidency // *Critical Review.* 2007. Vol. 19, no. 2. P. 257—298.
27. Gilbert G. Dictators and demagogues // *Journ. of Social Issues.* 1955. No 11. P. 51—53.
28. Gustainis J. Demagoguery and political rhetoric: A review of the literature // *Rhetoric Society Quarterly.* 1990. No 20. P. 155—160.
29. Hofstadter R. *Anti-intellectualism in American life.* — New York : Random House, 1962.
30. Hogan J. M., Tell D. Demagoguery and democratic deliberation: The search for rules of discursive engagement // *Rhetoric & Public Affairs.* 2006. Vol. 9, no. 3. 479—487.
31. Logue D., Dorgan H. The Demagogue // *The oratory of southern demagogues* / C. Logue, H. Dorgan (eds.). — Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1981. P. 1—11.
32. Mendes A. Digital Demagogue: the Critical Candidacy of Donald J. Trump // *Journ. of Contemporary Rhetoric.* January 2016.
33. Postman N. *Amusing ourselves to death.* — New York : Penguin Books, 1985.
34. Tuttle I. The Power of the Bernie Brand [Electronic resource] // *The National Review.* 2016. Apr. 20. URL: www.nationalreview.com/article/434296/bernie-sanders-campaign-branding-matters-todays-politics.
35. Van Zoonen L. *Entertaining the Citizen: When Politics and Popular Culture Converge.* — Oxford : Rowman & Littlefield, 2005.

Н. В. Зиновьев

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** nikolas_dark@mail.ru.**Доминантные метафоры в политическом дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона**

АННОТАЦИЯ. Представлен анализ доминантных метафорических моделей и их фреймов в дискурсе британского политика Дэвида Кэмерона (от вступления на пост лидера Консервативной партии Британии до завершения работы в должности премьер-министра). При использовании метафорической модели со сферой-источником «ДВИЖЕНИЕ» наиболее активны следующие фреймы: «Путешествие»; «Вид перемещения»; «Характер движения»; «Помеха движению»; «Факторы, способствующие движению». При обращении к метафорической модели со сферой-источником «ВОЙНА» чаще всего используются фреймы «Боевые действия»; «Участники боевых действий»; «Оружие». Метафоры со сферой-источником «СПОРТ» чаще всего относятся к фреймам «Участники спортивных событий», «Спортивное состязание», «Условия и правила проведения спортивных состязаний». Механистические метафоры относятся к фреймам «Детали механизма», «Повреждение механизма», «Ремонт механизма». Доместические метафоры относятся преимущественно к фреймам «Здание и его составляющие», «Строительство и ремонт», «Разрушение». Сделан вывод о том, что в период предвыборной кампании Дэвида Кэмерона преобладают метафоры со сферой-источником «ВОЙНА», а во время его пребывания в должности премьер-министра Великобритании ведущую роль занимают метафоры со сферой-источником «ДВИЖЕНИЕ». Вариативность метафорического арсенала тесно связана с политической ситуацией: изменением приоритетов, повестки дня и методами решения актуальных проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафорические модели; метафорическое моделирование; политическая метафорология; доминантные метафоры; политический дискурс; языковая личность; лингвоперсоналогия; политические деятели; концепты; премьер-министр.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зиновьев Никита Викторович, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, пр-т Ленина, 1; e-mail: nikolas_dark@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зиновьев, Н. В. Доминантные метафоры в политическом дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона / Н. В. Зиновьев // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 49–54. — DOI 10.26170/pl19-02-04.

Политический дискурс уже давно является популярным объектом рассмотрения в лингвистике [Шапочкин 2012; Шейгал 2000; Баранов 1997; Демьянков 2002; Сорокин 1997]. Одной из главных его особенностей является прагматичность. Главным образом прагматический потенциал реализуется посредством метафорического моделирования [Чудинов 2006, 2013; Анисимова 2006; Пименова 2010; Скребцова 2005]. Образное обращение является одним из наиболее эффективных способов влияния на адресата. Информация, ненавязчиво поданная таким образом, воздействует на подсознательном уровне. Адресат получает имплицитное послание. Метафора является важным инструментом прагматического воздействия, а учитывая, что наше мышление само по себе метафорично [Лакофф, Джонсон 2004], можно сказать, что, выяснив особенности метафорического моделирования, мы можем установить индивидуальные прагматические интенции говорящего, заключенные в его дискурсе [Чудинов, Никифорова 2018].

Дэвид Кэмерон является одним из самых неоднозначных современных британских политиков. Его речь достаточно самобытна и уникальна. Также его дискурс имеет значительный прагматический потенциал. На данный момент нами было исследовано более 20 публичных обращений политика, где суммарно было обнаружено 583 метафорических словоупотребления. Установлено, что доминантными метафорическими моделями являются «ДВИЖЕНИЕ», «ВОЙНА», «ЗДАНИЕ», «СПОРТ» и «МЕХАНИЗМ». Речи относятся к периоду политической карьеры Дэвида Кэмерона (2005—2016). В это время он занимал должность лидера Консервативной партии Британии, а затем пост премьер-министра страны.

Основными методами исследования стали концептуальный анализ метафор и дискурс-анализ. При установлении структуры и описании метафорической модели применена методика фреймо-слотового анализа, предложенная А. П. Чудиновым. Представлен анализ доминантных метафорических моделей, их структура, примеры с

демонстрацией характерных лексем, относящихся к типовым фреймам. Также обобщены сферы-мишени и статистические данные.

Метафорическая модель I — «ДВИЖЕНИЕ»

Данная метафорическая модель является лидирующей по числу репрезентаций в дискурсе Дэвида Кэмерона.

Она представлена наибольшим количеством разнообразных фреймов и слотов. Ключевыми фреймами являются «Путешествие», «Вид перемещения», «Характер движения», «Помеха движению» и «Факторы, способствующие движению». В результате обнаруживается значительное количество сфер-мишеней. В их число входят такие понятия, как *общество, экономика, политика, выборы, преобразование, страна, система социального обеспечения, нация, семья, развитие* и т. д. Множество различных лексем служит для реализации метафорической модели в дискурсе.

ФРЕЙМ «Путешествие» (слот 1.1 «Путь»)

• *It is our responsibility to make sense of this crisis for them, and to show them the **right way** out of it* [Cameron, Leader's speech 2008].

• *Это наша обязанность — объяснить им суть этого кризиса и показать им правильный **выход** из него.*

ФРЕЙМ «Вид перемещения» (слот 2.1 «Хождение»)

• *That is a **step** that Conservatives and, I am sure, most Liberals would not want to take* [Cameron, "A liberal Conservative consensus to restore trust in politics" 2007].

• *Это — **шаг**, который консерваторы и, я уверен, большинство либералов не хотели бы осуществлять.*

Как многократно отмечалось, метафорическая модель «ДВИЖЕНИЕ» связана в первую очередь с развитием. Концепт «ДВИЖЕНИЕ» по своей сути довольно универсален и гибок. Посредством такой метафоры интерпретируется реальность в стране, демонстрируются ожидания и намерения, а также излагается верный с точки зрения власти вектор развития. Упор в речи делается на лексему фрейма «Путешествие». Доминантный слот 1.1 «Путь».

Метафорическая модель II — «ВОЙНА»

Модель «ВОЙНА» находится на втором месте по числу репрезентаций. Представлена меньшим числом фреймов и слотов.

Основные фреймы: «Боевые действия», «Участники боевых действий», «Оружие».

Касаясь сфер-мишеней, можно назвать следующие наиболее часто фигурирующие: *бедность, преступность, терроризм, проблемы, вера в изменения, система образования, социальная справедливость* и т. д.

1. Фрейм «Боевые действия» (слот 1.1 «Сражение»)

• *In the twentieth century, state-run social programmes had real success in **fighting** poverty and making our society stronger before* [Cameron, Leader's speech 2008].

• *В двадцатом веке управляемые государством социальные программы имели реальный успех в **борьбе** с бедностью и в создании нашего общества, более сильно, чем прежде.*

1. Фрейм «Боевые действия» (слот 1.2 «Территория боевых действий»)

• *People frightened to go out for a drink on a Friday or Saturday night because town centres turn into **war zones*** [Cameron, Speech to the Centre for Social Justice 2006].

• *Люди боятся пойти выпить в пятницу или в субботу ночью, потому что центры города превращаются в **районы боевых действий**.*

В дискурсе Дэвида Кэмерона союзники в политической борьбе предстают в образе бойцов, а их работа в социальной, юридической и экономической области сравнивается со сражениями. В то же время «бои» ведутся против социальных явлений, таких как угроза терроризма, бедность или бюрократические проволочки. Улицы городов могут сравниваться с зонами боевых действий из-за возрастающей опасности, которая исходит от уличной преступности. В целом метафорическая модель «ВОЙНА» — это понятный образ, укоренившийся в подсознании людей еще в древности.

Метафорическая модель III — «ЗДАНИЕ»

Метафора «Здание» является третьей по частотности в дискурсе Дэвида Кэмерона. Она представлена следующими фреймами: «Строительство и перестройка», «Элементы здания», «Разрушение здания».

Из сфер-мишеней можно выделить следующие: *Британия, доверие, социальная сфера, экономика, семья, пенсионная система, общество, политика* и т. д.

1. Фрейм «Строительство и перестройка» (слот 1.1 «Строительство»)

• *To **build** a responsible society we need to teach our children properly. I come at education as a parent, not a politician* [Cameron, Leader's speech 2009].

• *Чтобы построить ответственное общество, мы должны учить наших детей правильно. Я подхожу к образованию как родитель, не политик.*

2. Фрейм «Элементы здания» (слот 2.1 «Структурные элементы здания»)

• *Policy without principle is like a house without foundations* [Cameron, Leader's speech, 2006a].

• *Политика без принципа похожа на дом без основания.*

Как правило, метафорическая модель «ЗДАНИЕ» связана в первую очередь с актуализацией информации о положении дел в общественной сфере, отраслях промышленности и т. д. Фрейм «Строительство здания» чаще всего фигурирует в предложениях, связанных с необходимостью создания нового общества. В то же время таким образом воплощается необходимость организации и реорганизации (концепт «Перестройка») общественной, юридической, а также экономической сферы. Параллельно до общества доносится информация о необходимости демонтажа устаревших структур, как например в политике или системе образования. Фрейм «РАЗРУШЕНИЕ ЗДАНИЯ» в дискурсе Дэвида Кэмерона связан еще и с тем, что именно противники консерваторов в лице таких политиков, как Гордон Браун и Тони Блэр, были причастны как к разрушению современной британской семьи и разрушению доверия к власти в стране.

Метафорическая модель IV — «СПОРТ»

Одной из самых популярных в политическом дискурсе является метафорическая модель «СПОРТ». Она находится на четвертом месте по частотности в рассматриваемом дискурсе.

Эта модель представлена такими фреймами, как «Участники спортивных событий», «Спортивное явление», «Условия и правила проведения спортивных мероприятий».

Сферы-мишени: *политическая партия, депутаты и представители власти, выборы, достижения, предвыборная кампания, порядок исполнения законов, законы и т. д.*

1. Фрейм — участники спортивных событий (слот 1.1 «Участник командной игры»).

• *I believe in building a strong team — and really trusting them* [Cameron, Leader's speech 2008].

• *Я верю в создание сильной команды — и действительно доверяю им.*

3. Фрейм «Условия и правила проведения спортивных мероприятий» (слот 3.1 «Правила»)

• *He changed the rules of the game, but he took the referee off the pitch* [Cameron, Leader's speech 2008].

• *Он изменил правила игры, но он убрал рефери.*

В дискурсе Дэвида Кэмерона политики часто сравниваются со спортсменами. Чаще это сторонники Консервативной партии либо ее представители. В то же время противники чаще сравниваются с организаторами игр и, как правило, выступают в негативной роли, примером чему могут служить контексты с упоминанием Гордона Брауна. Сам же Дэвид Кэмерон выступает за честную игру и отмену устаревших, несправедливых «правил», когда участники в лице граждан заведомо обречены на проигрыш. Метафорическая модель «СПОРТ» также имеет глубокие корни, так как состязательность лежит в основе не только человеческого общества, но и природы в целом.

Метафорическая модель V — «МЕХАНИЗМ»

Метафора «Механизм» оказывается последней, пятой по числу репрезентаций, но она также достаточно частотна и важна, особенно в период предвыборной кампании. Модель представлена такими фреймами, как «Устройство и детали механизмов», «Повреждение механизма» и «Ремонт».

Данную метафорическую модель характеризуют следующие сферы-мишени: *национальная служба здравоохранения, культура, экономика, общество, политика, доверие и т. д.*

1. Фрейм «Устройство и детали механизмов» (слот 1.2 «Деталь механизма»)

• *This lever-pulling from above — it has got to stop* [Cameron, Leader's speech 2009].

• *Это дерганье рычага сверху — это должно прекратиться.*

2. Фрейм «Повреждение механизма и ремонт» (слот 2.2 «Ремонт»)

• *The central task I have set myself and this Party is to be as radical in social reform as Margaret Thatcher was in economic reform. That's how we plan to repair our broken society* [Cameron, Leader's speech 2008].

• *Центральная задача, которую поставили я и эта партия, состоит в том, чтобы быть столь радикальными в социальном реформировании, как Маргарет Тэтчер была в экономическом реформировании. Это — то, как мы планируем восстановить наше сломанное общество.*

Таблица

Частотные показатели доминантных метафорических моделей в дискурсе Дэвида Кэмерона (I — период предвыборной кампании, II — период пребывания в должности премьер-министра)

Сфера-источник	I	II	Общее кол-во репрезентаций	Суммарный процентный показатель
Война	83	61	144	24,6 %
Механизм	58	28	86	14,7 %
Спорт	55	38	93	15,9 %
Движение	46	101	147	25,2 %
Здание	37	76	113	19,3 %
Всего:	279	304	583	100%

Дэвид Кэмерон и Консервативная партия выступают в роли неких механиков, готовых предоставить свои услуги для восстановления работоспособности механизмов. Еще одной опасностью для государства как механизма в дискурсе Дэвида Кэмерона является неправильное или бездумное использование. Важная особенность данной метафоры — это направленность на возникновение у слушателей надежды на лучшее будущее для страны и в то же время убеждение в необходимости изменений.

ВЫВОДЫ

1. Доминантные метафорические модели в дискурсе Дэвида Кэмерона представлены следующими фреймами: «ДВИЖЕНИЕ» (фрейм 1 «Путешествие», фрейм 2 «Вид перемещения», фрейм 3 «Характер движения», фрейм 4 «Помеха движению», фрейм 5 «Факторы, способствующие движению»), «ВОЙНА» (фрейм 1 «Боевые действия», фрейм 2 «Участники боевых действий», фрейм 3 «Оружие»), «ЗДАНИЕ» (фрейм 1 «Строительство», фрейм 2 «Перестройка», фрейм 3 «Разрушение»), «СПОРТ» (фрейм 1 «Участники спортивных событий», фрейм 2 «Спортивное явление». 3. Фрейм условия и правила проведения спортивных мероприятий), «МЕХАНИЗМ» (фрейм 1 «Устройство», фрейм 2 повреждение механизма и ремонт).

2. Среди доминантных метафорических моделей лидирует метафорическая модель «ДВИЖЕНИЕ». Данная модель имеет наиболее сложную фреймо-слотовую структуру. В то же время прослеживается корреляция между сложностью структуры метафорической модели и частотой ее репрезентаций в дискурсе. В данном случае метафорическая модель «ДВИЖЕНИЕ» представлена пятью фреймами, которые включают в себя порядка одиннадцати слотов. В то же время «МЕХАНИЗМ» представлен всего двумя фреймами и 4 слотами.

3. За время политической карьеры Дэвида Кэмерона характер зафиксированных метафорических моделей статистически меняется (см. табл.). В период предвыборной кампании лидирует модель со сферой-источником «ВОЙНА». Во время пребывания Дэвида Кэмерона в должности премьер-министра Великобритании доминантной становится модель со сферой-источником ДВИЖЕНИЕ.

4. Исследование подтвердило гипотезу о том, что изменения в составе доминантных метафорических моделей тесно связаны с политической ситуацией: изменением приоритетов, повестки дня и методов решения актуальных проблем.

ИСТОЧНИКИ

1. Cameron. Speech to the Centre for Social Justice 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=318>.
2. Cameron. Leader's speech, 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=314>.
3. Cameron. A liberal Conservative consensus to restore trust in politics [Electronic resource]. 2007. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=349>.
4. Cameron. Leader's speech 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=301>.
5. Cameron. Leader's speech 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=67>.

ЛИТЕРАТУРА

6. Анисимова А. А. Роль метафоры в структуре политического дискурса. — Казань, 2006. С. 42—44.
7. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108—118.
8. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 116—133.
9. Демьянков В. З. Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. С. 32—43.
10. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 252 с.
11. Пименова М. В. Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 47—57.
12. Скребцова Т. Г. Современные исследования политической метафоры // Филология, востоковедение, журналистика. — СПб., 2005. С. 35—46.
13. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. — М., 1997.

14. Чудинов А. П. [и др.]. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.

15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.

16. Чудинов А. П., Никифорова М. В. Лингвополитическая персонология как научное направление // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 1. С. 45—52.

17. Шапочкин Д. В. Прагматический потенциал политического дискурса [Электронный ресурс] / Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень, 2013. С. 81—85. URL: <http://www.de.utmn.ru/sec/904>.

18. Шапочкин Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. 260 с.

19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000. 431 с.

N. V. Zinov'ev

Surgut State University, Surgut, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: nikolas_dark@mail.ru.

Dominant Metaphorical Models in the Discourse of British Prime Minister David Cameron

ABSTRACT. *The article presents an analysis of dominant metaphorical models and their frames in the discourse of the British politician David Cameron (the study period covers the time from his election to the position of the British Conservative Party leader to his retirement from the post of Prime Minister). While using the metaphorical model with the source domain «MOVEMENT», the following frames are more active: “Travel”, “Kind of movement”, “Nature of movement”, “Hindrance to movement”, and “Factors facilitating movement”. In the metaphorical model with the source domain «WAR», the following frames are more often used: “Fighting”, “Participants of military actions”, and “Weapons”. Metaphors from the source domain «SPORT» mostly involve the frames: “Participants of sport events”, “Sport competition”, and “Conditions and rules of sport competitions”. Mechanistic metaphors are usually found in the frames “Mechanism parts”, “Damage to mechanism”, and “Repair of mechanism”. Domestic metaphors mainly belong to the frames “Building and its parts”, “Construction and repair”, and “Demolition”. The author comes to the conclusion that metaphors with the source domain «WAR» prevailed during Cameron’s election campaign, while metaphors with the source domain «MOVEMENT» were dominant during his office of Prime Minister of Great Britain. Variability of the metaphorical arsenal is closely associated with the political situation: shift of priorities, change of agendas and the methods of solution of current problems.*

KEYWORDS: *metaphorical models; metaphorical modeling; political metaphorology; dominant metaphors; political discourse; linguistic personality; linguopersonology; politicians; concepts; prime minister.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Zinov'ev Nikita Viktorovich, Post-graduate Student, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Surgut State University, Surgut, Russia.*

FOR CITATION: *Zinov'ev, N. V. Dominant Metaphorical Models in the Discourse of British Prime Minister David Cameron / N. V. Zinov'ev // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 49-54. — DOI 10.26170/pl19-02-04.*

MATERIALS

1. Cameron. Speech to the Centre for Social Justice 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=318>.

2. Cameron. Leader’s speech, 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=314>.

3. Cameron. A liberal Conservative consensus to restore trust in politics [Electronic resource]. 2007. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=349>.

4. Cameron. Leader’s speech 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=301>.

5. Cameron. Leader’s speech 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=67>.

REFERENCES

6. Anisimova A. A. The Role of Metaphor in the Structure of Political Discourse. — Kazan, 2006. P. 42—44. [Rol' metafory v strukture politicheskogo diskursa. — Kazan', 2006. S. 42—44]. — (In Rus.)

7. Baranov A. N. Political Discourse: Farewell to the Ritual // Man. 1997. № 6. P. 108—118. [Politicheskij diskurs: proshchaniye s ritualom // Chelovek. 1997. № 6. S. 108—118]. — (In Rus.)

8. Dem'yankov V. Z. Interpretation of Political Discourse // Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research: teaching aid / ed.: M. N. Volodina. — Moscow : Publishing House of Moscow State Univ. n. a. M. V. Lomonosov, 2003. P. 116—1133. [Interpretatsiya politicheskogo diskursa // Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya : ucheb. posobie / otv. red. M. N. Volodina. — M. : Izd-vo Mosk. gos. un-ta im. M. V. Lomonosova, 2003. S. 116—133]. — (In Rus.)

9. Dem'yankov V. Z. Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Research. — Moscow, 2002. P. 32—43. [Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya. — M., 2002. S. 32—43]. — (In Rus.)

10. Lakoff D., Johnson M. Metaphors We Live by / ed. and with foreword by A. N. Baranov. — Moscow : Editorial URSS, 2004. 252 p. [Metafory, kotorymi my zhivem / pod red. i s predisl. A. N. Baranova. — M. : Editorial URSS, 2004. 252 s.]. — (In Rus.)

11. Pimenova M. V. Political Conceptual System // Political Linguistics. 2010. No. 2 (32). P. 47—57. [Politicheskaya kontseptual'naya sistema // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 2 (32). S. 47—57]. — (In Rus.)

12. Skrebtsova T. G. Modern Studies of Political Metaphors // Philology, Oriental Studies, journalism. — Saint Petersburg, 2005. P. 35—46. [Sovremennye issledovaniya politicheskoy metafory // Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika. — SPb., 2005. S. 35—46]. — (In Rus.)

13. Sorokin Yu. A. Political Discourse: An Attempt to Interpret the Concept // Political Discourse in Russia. — Moscow, 1997. [Politicheskij diskurs: popytka istolkovaniya ponyatiya // Politicheskij diskurs v Rossii. — M., 1997]. — (In Rus.)

14. Chudinov A. P. [et al.]. Essays on Contemporary Political Metaphorology : monograph / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2013. 176 p. [Ocherki po sovremennoy politicheskoy metafologii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.]. — (In Rus.)

15. Chudinov A. P. Political Linguistics : teaching aid. — Moscow : Flinta : Science, 2006. 256 p. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.]. — (In Rus.)

16. Chudinov A. P., Nikiforova M. V. Linguopolitical Personology as a Scientific Direction // Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education. 2018. No. 1. P. 45—52.

[Lingvopoliticheskaya personologiya kak nauchnoe napravlenie // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly. 2018. № 1. S. 45—52]. — (In Rus.)

17. Shapochkin D. V. Pragmatic potential of political discourse [Electronic resource] / Tyumen' State Univ. — Tyumen, 2013. P. 81—85. [Pragmaticheskiy potentsial politicheskogo diskursa / Tyumen. gos. un-t. — Tyumen', 2013. S. 81—85]. URL: <http://www.de.utmn.ru/sec/904>. — (In Rus.)

18. Shapochkin D. V. Political Discourse: Cognitive Aspect. — Tyumen' : Publishing House of Tyumen' State Univ., 2012. 260 p. [Politicheskiy diskurs: kognitivnyy aspekt. — Tyumen' : Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2012. 260 s.]. — (In Rus.)

19. Sheygal E. I. Semiotics of Political Discourse. — Volgograd, 2000. 431 p. [Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd, 2000. 431 s.]. — (In Rus.)

О. Н. Кондратьева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9469-3634

А. В. Жегло

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7524-4358

 E-mail: Kondr25@rambler.ru; naste_sharova@mail.ru.

Тактика создания «светлого будущего» региона в предвыборном дискурсе Кемеровской области

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена описанию специфики реализации тактики создания «светлого будущего» в предвыборных программах партий и представляющих их кандидатов, участвовавших в выборах губернатора Кемеровской области в 2018 году. Специфической чертой регионального предвыборного дискурса в исследуемый период стало развертывание программ кандидатов вокруг узловой точки — образа Кузбасса: стратегии самопрезентации и дискредитации идеологических соперников значительно уступали в количественном отношении стратегии прогнозирования, ориентированной на создание позитивного образа региона. Данная особенность была характерна для большинства кандидатов вне зависимости от их партийной принадлежности. В статье сопоставляется образ будущего Кузбасса, формируемый в программных материалах кандидатов, анализируются языковые средства, задействованные при использовании тактики создания «светлого будущего» региона, оценивается эффективность избранной тактики для каждой партии. Для «Единой России» характерен максимально конкретный, четко проработанный образ будущего региона, «Справедливая Россия» и «Совет народных депутатов» использовали несколько размытый, обобщенный образ «светлого будущего», в котором произойдут некие перемены к лучшему. Для «Патриотов России» будущее Кузбасса — это построение нового, появление новых лиц и новых лидеров, формирование нового образа жизни. «Партия роста» конструировала образ «светлого будущего» Кузбасса на контрасте с образом «темного прошлого», а ЛДПР и в особенности КПРФ увидели «светлое будущее» Кузбасса в возвращении былого величия, в возвращении к лучшим моментам прошлого. Результаты выборов во многом определяются грамотно выбранной стратегией партии «Единая Россия», в предвыборной программе которой тактика создания «светлого будущего» региона получила наиболее полное воплощение, что убедило кузбассовцев в возможности выхода региона на новый уровень развития.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая коммуникация; предвыборный дискурс; политический дискурс; «светлое будущее»; тактика создания светлого будущего; образ региона; предвыборные кампании; местные органы власти; политическая риторика; политические деятели.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: Kondr25@rambler.ru, Olnik25@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Жегло Анастасия Витальевна, студентка, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: naste_sharova@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Кондратьева, О. Н. Тактика создания «светлого будущего» региона в предвыборном дискурсе Кемеровской области / О. Н. Кондратьева, А. В. Жегло // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 55-61. — DOI 10.26170/pl19-02-05.*

БЛАГОДАРНОСТИ. *Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РФФИ и Администрации Кемеровской области, проект № 18-412-420003 р_а «Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное исследование образа региона».*

Предвыборный дискурс является одним из основных объектов исследовательского внимания политической лингвистики, поскольку именно в ситуации острой конкурентной борьбы наиболее явно обнаруживается расстановка политических сил в конкретный исторический момент, проявляется степень доверия избирателей к программным установкам партий и кандидатов (см. подробнее: [Гаврилова 2011; Ворожцова 2010;

Халатян 2011] и др.). Главной целью предвыборного дискурса является привлечение на свою сторону как можно большего числа избирателей и победа на выборах, т. е. по факту получение и удержание власти. Для достижения заявленной цели политики активно используют несколько стратегий, которые по своей сути группируются вокруг трех узловых точек: 1) образа самого политика или партии, 2) образа политических

противников и конкурентов, 3) образа страны или региона, в которых происходят выборы.

Если в первых двух случаях воздействие на избирателей вполне открытое (создание собственного позитивного образа и негативного образа соперников), то в третьем случае воздействие скорее имплицитное, так как создание образа территории, находящейся в плачевном состоянии, и идеального образа региона, который станет результатом деятельности победившего политика, создают в совокупности необходимый эмоциональный фон и побуждают избирателя сделать «правильный» выбор.

Соответственно, изучение образа региона (реального и потенциального) является важным для анализа предвыборного дискурса, поскольку позволяет не только эксплицировать скрытые установки его участников, но и оценить воздействующий потенциал их выступлений, степень эффективности избранных предвыборных стратегий.

Задача предлагаемого исследования — проанализировать образ Кузбасса в дискурсе, посвященном выборам губернатора Кемеровской области в 2018 г. *Материалом исследования* послужили публикации в областной газете «Кузбасс», являющейся официальной платформой для размещения предвыборных материалов участников.

Актуальность предлагаемого исследования определяется его интегративным характером и вписанностью в область научных проблем имиджологии, сосредоточенной в том числе и на изучении образов регионов и стран, и политической лингвистики, ориентированной на изучение политического языка как основного средства борьбы за власть. *Новизна исследования* заключается в том, что ранее образ Кузбасса изучался исключительно на материале медийного и обыденного дискурсов [см.: Кондратьева 2018; Кондратьева, Фролова 2018; Мельник, Мокрушина, 2018; Мельник, Язева 2018], образ Кузбасса в политическом дискурсе ранее не попадал в область исследовательского внимания.

Выборы губернатора Кемеровской области стали знаковым событием не только для региона, но и для российской политики. Это обусловлено досрочным уходом с поста губернатора Амана Гумировича Тулеева, занимавшего этот пост более 20 лет и покинувшего его после страшной трагедии в ТРЦ «Зимняя вишня», отсутствием преемников губернатора среди региональных политиков, появлением на региональном политическом небосклоне новой яркой фигуры — врио губернатора Сергея Евгеньевича Цивилева, назначенного указом президента Российской

Федерации Владимира Владимировича Путина.

Хронологические рамки предвыборной кампании — с 5 июня 2018 г., когда Совет народных депутатов Кемеровской области назначил дату выборов, по 9 сентября 2018 г. (единый день голосования). В предвыборной кампании приняли участие 6 кандидатов: Владимир Карпов (КПРФ), Елена Латышенко (Партия роста), Татьяна Протас («Справедливая Россия»), Юрий Скворцов («Патриоты России»), Игорь Украинцев (ЛДПР), Сергей Цивилев («Единая Россия»).

Характерной чертой предвыборного дискурса Кемеровской области 2018 г. является развертывание программ кандидатов вокруг узловой точки — образа Кузбасса. Стратегии самопрезентации и дискредитации идеологических соперников значительно уступают в количественном отношении стратегии прогнозирования, ориентированной на создание позитивного образа Кузбасса. Данная особенность характерна для большинства кандидатов и не зависит от их партийной принадлежности.

В этом отношении показательно, что политические слоганы большинства партий, выдвинувших своих кандидатов, эксплуатируют образ региона: **Кузбасс. Строим будущее вместе** (Сергей Цивилев, «Единая Россия»); **За Кузбасс, в котором хочется жить** (Татьяна Протас, «Справедливая Россия»); **Вернем Кузбассу былое величие** (Игорь Украинцев, ЛДПР); **Курс на сильный Кузбасс** (Юрий Скворцов, «Патриоты России»). Особого внимания заслуживает логотип на буклетах и баннерах Сергея Цивилева: вместо привычного изображения бюллетеня с галочкой напротив нужной фамилии в предвыборных материалах представлен контур Кемеровской области, поверх которого расположена красная галочка. Тем самым избирателю сразу дают понять, что, голосуя за данного кандидата, тот выбирает не столько конкретного политика, сколько счастливое будущее для своего региона.

Таким образом, можно утверждать, что стратегия прогнозирования стала основной для предвыборной кампании в Кемеровской области, при этом наиболее активно кандидаты использовали тактику создания «светлого будущего». Данная тактика «опирается на презентацию говорящим некой модели альтернативной действительности со знаком „плюс“ при условии, что во главе будет стоять он или его партия. При этом предлагаемый вариант развития событий, который представляет собой субъективную проекцию сознания, подается, как правило, в качестве

единственно возможного» [Лесняк 2013: 113]. Создаваемая модель будущего должна качественно отличаться от настоящего и прошлого, т. е. апеллировать к одному из главных мотивов человеческих поступков — «надежде на изменения к лучшему» (подробнее об использовании данной тактики см.: [Алифанова, Сенцов 2015; Лесняк 2013, 2014; Сенцов, 2013; Солопова, 2017; Шевелевский 2015; Chudinov, Solopova 2015, 2017] и др.).

Остановимся на особенностях реализации тактики создания «светлого будущего» в программах политических партий и представляющих их кандидатов, участвовавших в предвыборной кампании 2018 г.

Партия **«Единая Россия»** и **Сергей Цивилев**. Позиция врио губернатора Кемеровской области четко обозначена во всех предвыборных материалах (статьях, буклетах, баннерах и т. д.): *Кузбасс. Строим будущее вместе*. Основная задача, поставленная в предвыборной программе Сергея Цивилева, — превращение Кузбасса в регион номер один за Уралом, для этого разработана четкая стратегия развития территории «Кузбасс-2035», основанная на инновационных изменениях во всех сферах жизни Кузбасса.

На языковом уровне тактика создания «светлого будущего» Кузбасса репрезентируется разнообразными грамматическими и лексическими средствами. Прежде всего это использование форм будущего времени, модальных глаголов в настоящем времени, придаточных временных, характеризующих период после момента речи: *Будем менять основы* (2 августа); *Команда будет писать новую историю Кузбасса* (14 августа); *Если мы будем доверять друг другу, будем обоюдно честными, будем думать и проверять информацию, которую выкладываем в соцсети, будем созидать, а не разрушать, мы действительно станем работоспособной командой* (16 августа). Частотны также лексемы (субстантивы и наречия) *будущее, завтра, потом, скоро*, к которым примыкает прилагательное *новый*, также актуализирующее идею позитивных изменений в судьбе региона: *Голосуем за будущее* (23 августа); *Предстоящие выборы губернатора — это начало нового этапа нашей истории. Он определит, каким будет Кузбасс завтра, в каком регионе будем жить мы, наши дети и внуки* (28 августа).

Каждый текст содержит конкретные цели и результаты, которые направлены на улучшение будущего Кемеровской области: *До 2027 года будет построен обход Ке-*

мерово протяженностью 98 километров (28 августа); *Будет создан культурно-образовательный и музейно-выставочный комплекс. Он станет основой кластера искусств в Кузбассе* (28 августа); *Ежегодно будет проводится модернизация 12 школ* (28 августа); *К 2024 году нужно создать не менее 90 тысяч рабочих мест только за счет развития предпринимательства* (28 августа; подробнее о стратегии прогнозирования в предвыборной программе С. Цивилева см.: [Кондратьева 2018]).

Таким образом, Сергей Цивилев и партия «Единая Россия» делают явный акцент на будущем, которое предстает в контексте четких планов и перспектив, способных вывести регион на новый уровень.

Партия «Справедливая Россия» и ее кандидат, **Татьяна Протарас**,

также строят предвыборную кампанию, апеллируя к светлому будущему Кузбасса (уже был упомянут их слоган «За Кузбасс, в котором хочется жить»). При этом в данном случае будущее достаточно часто сравнивается с прошлым, указывается на необходимость в будущем изменить самые важные недочеты прошлых лет.

Отличие образа будущего у данной партии проявляется в том, что в будущем представлен не конкретный результат (как, например, в партии «Единая Россия»), а некие действия, которые партия будет стараться выполнять, не обозначая конкретных результатов: *Добиваться перемен к лучшему* (16 августа); *Буду бороться за то, чтобы сделать Кузбасс регионом, из которого не хочется уезжать* (16 августа). Подобная «расплывчатость» несколько снижает уверенность в словах и результатах данной партии.

Совет народных депутатов Кемеровской области и **Николай Приезжев**. Предвыборные материалы создают образ светлого будущего Кузбасса, но, так же как и в программе партии «Справедливая Россия», перспективы достаточно «размыты» — нет четких планов и целей, сроков и планируемых результатов: *Если двигаться вместе, работать сообща, то результат не заставит себя долго ждать. Будущее города Белово и всего Кузбасса в наших с вами руках!* (6 сентября).

В будущем в сфере экономики кандидат планирует развить многие отрасли: *Поэтому приоритетным для экономики Кемеровской области останется развитие, в том числе инвестиционное, топливно-энергетического комплекса, промышленного и гражданского строительства, транспорта и других отраслей, от которых зави-*

сит стабильное наполнение бюджета и рост благосостояния каждого жителя (6 сентября). Также по отношению к будущему кандидат говорит о необходимости **сильного Кузбасса** и необходимости **стремиться к позитивным переменам, качественному повышению уровня жизни** (6 сентября).

Партия «Патриоты России» и Юрий Скворцов. Программа названной партии также устремлена в будущее, которое регулярно предстает как новый этап в жизни региона. Именно прилагательное **новый** становится маркером, характеризующим грядущие преобразования в Кузбассе: **За построение нового** (23 августа); **Выступают за новый образ жизни** (23 августа); **Кузбассу — новые лица и новых лидеров, партию настоящих российских патриотов** (23 августа). Кроме того, партия предлагает **сохранить лучшее и построить новое** (23 августа).

Партия роста и Елена Латышенко. Данная партия строит свою программу на сопоставлении «темного» прошлого и настоящего со «светлым» будущим, к которому необходимо стремиться.

«Темное прошлое» обусловлено не только потрясениями в жизни региона, но и некой статикой, отсутствием развития: **Наш родной край пережил множество потрясений, катаклизмов, экономических кризисов. Но мы до сих пор так и не пришли к достойному уровню жизни населения. Вот и сейчас, после заметного подъема 2000-х, мы снова „зависли“** (30 августа); **Мы знаем, что люди устали от обещаний и разувались в возможности перемен** (30 августа); **В регионе стало невыгодно и небезопасно производить** (30 августа); **Мы до сих пор так и не пришли к достойному уровню жизни населения** (30 августа).

«Светлое будущее» Кузбасса парадоксально связано одновременно с переменами и возвращением лучших моментов прошлого: **Нужны перемены** (30 августа); **Больше никаких потрясений** (30 августа); **Вернуть Кемеровской области рост экономики, который обеспечит рост доходов, достойную жизнь и уверенность в будущем каждому кузбассовцу. И БОЛЬШЕ НИКАКИХ ПОТряСЕНИЙ** (30 августа). Таким образом, партия на сильном контрасте сталкивает два времени — «до» и «после» выборов.

Партия «КПРФ» и Владимир Карпов. Вполне естественно, что для Коммунистической партии идеалом, золотым веком является период СССР, соответственно «светлое» будущее предстает в программных ма-

териалах партии как возврат к лучшим моментам минувшей эпохи, что проявляется в высокой продуктивности лексем **возродить, восстановить, возератить, вернуть, поворот**, в семантике которых четко прослеживаются семы возвращения и восстановления: **Кредитные ресурсы — на восстановление экономики** (30 августа); **Восстановление экономического суверенитета России** (30 августа); **Мы восстановим систему дошкольного воспитания, гарантируем место ребенку в детском саду и в группе продленного дня в школе** (30 августа); **Восстановление гарантий на труд и на 8-часовой рабочий день, обеспечение людей работой и приличной зарплатой** (30 августа); **Мы восстановим систему дошкольного воспитания, гарантируем место ребенку в детском саду и в группе продленного дня в школе** (30 августа); **Вернем ежегодную бесплатную диспансеризацию** (30 августа); **Наша историческая задача — обеспечить возрождение „провинциальной“ России** (30 августа); **Обеспечим возвращение в них школ, больницы, и иной социальной инфраструктуры** (30 августа).

На «будущее» партия ставит себе две главные задачи: **Обеспечить возрождение „провинциальной“ России и произвести крутой поворот от олигархического капитализма к социальному государству** (30 августа).

Партия ЛДПР и Игорь Украинцев. При всем идеологическом несходстве политических установок, ЛДПР, так же как и КПРФ, представляет «светлое будущее» как возврат к «светлому прошлому», рекламный материал партии в газете «Кузбасс» представлен баннером **«ВЕРНЕМ КУЗБАССУ БЫЛОЕ ВЕЛИЧИЕ!»** (30 августа). Лексемы **былое** и **вернем** четко отсылают избирателя к образу идеального прошлого.

Подводя итоги исследования, отметим, что тактика создания «светлого будущего» активно применялась в предвыборной кампании 2018 г. в Кемеровской области, в том или ином виде данная тактика использовалась всеми партиями. Также все политические партии избрали доминантой своих программных концепций образ Кузбасса, в частности, интенсивное развитие региона и достойное будущее для его жителей.

Существуют некоторые различия в образе «светлого будущего» региона, который создается в предвыборных материалах разных партий. Для «Единой России» характерен максимально конкретный, четко проработанный образ будущего региона (об этом свидетельствует наличие стратегии «Кузбасс-2035», созданной с привлечением

внешних специалистов), образ новаторский, связанный с модернизацией и инновациями во все сферах. «Справедливая Россия» и «Совет народных депутатов» создают несколько размытый, обобщенный образ «светлого будущего», в котором произойдут некие перемены к лучшему. Для «Патриотов России» будущее Кузбасса — это построение нового, появление новых лиц и новых лидеров, формирование нового образа жизни. Партия роста создает образ «светлого будущего» Кузбасса на контрасте с образом «темного прошлого», а ЛДПР и, в особенности, КПРФ видят «светлое будущее» Кузбасса в возвращении былого величия, в возвращении к лучшим моментам прошлого.

По результатам выборов победителем стал выдвинутый «Единой Россией» врио губернатора Кемеровской области Сергей Цивилев, за которого проголосовали 81,29 % избирателей, остальные кандидаты набрали менее 5 % голосов. Результаты выборов во многом определяются грамотно выбранной стратегией кандидата: именно в его предвыборной программе тактика создания «светлого будущего» региона получила наиболее полное воплощение, и соответственно это убедило кузбассовцев в возможности выхода региона на новый уровень.

ИСТОЧНИКИ

1. Газета «Кузбасс» [Электронный ресурс]. URL: <http://kuzbass85.ru>.

ЛИТЕРАТУРА

- Алифанова Ф. С., Сенцов А. Э. Восприятие политического будущего в постсовременном обществе [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. № 5. С. 400—403. URL: <https://moluch.ru/archive/85/16041/> (дата обращения: 20.10.2018).
- Ворожцова Н. В. Предвыборный дискурс и его жанры // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2010. С. 106—113.
- Гаврилова М. В. Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI веков (лингвистический аспект) : моногр. — СПб. : Невский ин-т яз. и культуры, 2011. 243 с.

O. N. Kondrat'eva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9469-3634

A. V. Zheglo

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID ID: 0000-0001-7524-4358

 E-mail: Kondr25@rambler.ru; naste_sharova@mail.ru.

Tactics of Creation of “a Brighter Future” for the Region in the Pre-election Discourse of Kemerovo Oblast

ABSTRACT. *The article is devoted to the description of the specific character of realization of the tactics of creation of “a brighter future” in the electoral programs of the parties and the candidates representing them in the elections of the Governor of Kemerovo Oblast in 2018. Over the period under study, the development of the programs of the candidates around the pivotal point – the image of Kuzbass – became a peculiar feature of the regional pre-election discourse: the strategies of self-presentation and discreditation of ideological competitors were significantly smaller in quantity than the strategy of prediction focused on creation of a positive image of the region. The given feature was characteristic of the majority of can-*

5. Кондратьева О. Н. Стратегии и тактики в дискурсе регионального политика (на материале выступлений врио губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева) // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 35—46.

6. Кондратьева О. Н. Медиаобраз Кузбасса в федеральных и региональных СМИ (к постановке проблемы) // Коммуникативная культура: история и современность. Культурно-историческое наследие в социальной коммуникации : материалы 8 Междунар. науч.-практ. конф. 1 нояб. 2018 г. (в рамках Междунар. науч. форума «Наследие») / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. С. 120—123.

7. Кондратьева О. Н., Фролова Т. И. Образ региона в быденном языковом сознании его жителей (на примере образа Кузбасса) // Psycholinguistics. Психоллингвистика. 2018. № 24 (2). С. 78—97.

8. Лесняк М. В. Тактика «Создание светлого будущего» в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 110—116.

9. Лесняк М. В. Речевая стратегия как инструмент моделирования возможной действительности в политическом дискурсе (с позиции скрытой прагматической лингвистики) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2014. № 3 (323). С. 61—68.

10. Мельник Н. В., Макрушина Ю. А. Образ Кузбасса в быденном языковом сознании школьника // Мир науки, культуры и образования. 2018. № 5 (72). С. 451—455.

11. Мельник Н. В., Язева Е. Е. Образ Кузбасса в представлении телеутов — малочисленного коренного народа Кемеровской области // Донецкие чтения — 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы 3-й Междунар. науч. конф. (Донецк, 25 окт. 2018 г.). Т. 5. Филологические, психологические и философские науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. — Донецк : Изд-во ДонНУ, 2018. С. 16—19.

12. Сенцов А. Е. Моделирование политического будущего в партийных программах : моногр. — Томск : Изд-во Томск. политех. ун-та, 2013. 193 с.

13. Солопова О. А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI в.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2017. № 46. С. 55—70.

14. Халатян А. Б. Предвыборный дискурс // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 180—187.

15. Шевелевский И. М. Экономический и политический прогноз в современном медиадискурсе (на материале деловых медиа) // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2015. № 1. С. 216—220.

16. Solopova O., Chudinov A. Future of Russia in metaphors (retrospective analysis of XIX century american discourse) // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2017. P. 387—393.

17. Chudinov A., Solopova O. Linguistic political prognostics; models and scenarios of future // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. P. 412—417.

didates irrespective of their party affiliation. The article constructs the image of the future Kuzbass shaped in the program materials of the candidates, analyzes the linguistic means involved in the tactics of creation of “a brighter future” of the region, and estimates the efficiency of the tactics chosen by each party. “United Russia” is characterized by a maximally concrete, clearly worked out image of the future of the region; “Fair Russia” and “The Soviet of People's Deputies” used a somewhat fuzzy, generalized image of “a brighter future” which might bring certain changes for the better. The “Patriots of Russia” saw the future of Kuzbass as the construction a new society, the emergence of new persons and new leaders, and the formation of a new way of life. “The Party of Growth” built up the image of “a brighter future” of Kuzbass on a contrast with the image of “the dark past”, and the LDPR and especially the Communist Party of the Russian Federation presented “a brighter future” of Kuzbass as resurrection of the former grandeur and as return to the best moments of the past. The election outcomes were largely determined by the competently chosen strategy of the party “United Russia” in the electoral program of which, the tactics of creation of “a brighter future” of the region were presented in the most complete way, which convinced the residents of Kuzbass of the possibility of the region to reach a new level of development.

KEYWORDS: political communication; election discourse; political discourse; “brighter future”; tactics of creation of a “brighter future”; image of a region; election campaign; local organs of power; political rhetoric; politicians.

AUTHOR'S INFORMATION: Kondrat'eva Ol'ga Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Zheglo Anastasiya Vital'evna, Undergraduate Student of Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Kondrat'eva, O. N. Tactics of Creation of “a Brighter Future” for the Region in the Pre-election Discourse of Kemerovo Oblast / O. N. Kondrat'eva, A. V. Zheglo // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 55-61. — DOI 10.26170/pl19-02-05.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Administration of Kemerovo Region within scientific project № 18-412-420003 p_a “Kuzbass: a Complex Cognitive-Discursive Study of the Image of the Region”.

MATERIALS

1. The newspaper “Kuzbass” [Electronic resource]. xGazeta «Kuzbass». URL: <http://kuzbass85.ru>.

REFERENCES

2. Alifanova F. S., Sentsov A. E. Perception of the Political Future in the Post-modern Society [Electronic resource] // Young Scholar. 2015. No. 5. P. 400—403. [Vospriyatie politicheskogo budushchego v postsovremennom obshchestve // Molodoy uchenyy. 2015. № 5. S. 400—403]. URL: <https://moluch.ru/archive/85/16041/> (date of access: 20.10.2018). — (In Rus.)

3. Vorozhtsova N. V. Pre-election Discourse and its Genres // Irkutsk State Linguist. Univ. Journ. 2010. P. 106—113. [Predvybornyy diskurs i ego zhanry // Vestn. Irkut. gos. lingvist. un-ta. 2010. S. 106—113]. — (In Rus.)

4. Gavrilova M. V. Analysis of the Programs of Russian Political Parties of the Beginning of the XX and XXI Centuries (linguistic aspect) : monograph. — Saint Petersburg : Nevsky Institute and culture, 2011. 243 p. [Analiz programm rossiyskikh politicheskikh partiy nachala XX i XXI vekov (lingvisticheskiy aspekt) : monogr. — SPb. : Nevskiy in-t yaz. i kul'tury, 2011. 243 s.]. — (In Rus.)

5. Kondrat'eva O. N. Strategies and Tactics in the Discourse of the Regional Politician (on the speeches of Kemerovo Region Caretaker Governor Sergey Tsvilev) // Political Linguistics. 2018. No 2 (70). P. 35—46. [Strategii i taktiki v vystupleniyakh regional'nogo politika (na primere vystupleniy vrio gubernatora Kemerovskoy oblasti S. Tsvileva) // Politicheskaya lingvistika. 2018. S. 35—46]. — (In Rus.)

6. Kondrat'eva O. N. Kuzbass Media Image in the Federal and Regional Mass Media (for the Problem Statement) // Communicative Culture: History and Modernity. Cultural and historical heritage in social communication: Proceedings of the 8 International scientific-practical conf. Nov. 1 2018 (in the framework of the International Heritage Forum) / Novosibirsk State Univ. — Novosibirsk : CPI NSU, 2018. P. 120—123. [Mediaobraz Kuzbassa v federal'nykh i regional'nykh SMI (k postanovke problemy) // Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost'. Kul'turno-istoricheskoe nasledie v sotsial'noy kommunikatsii : materialy 8 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 1 noyab. 2018 g. (v ramkakh Mezhdunar. nauch. foruma «Nasledie») / Novosib. gos. un-t. — Novosibirsk : IPTs NGU, 2018. S. 120—123]. — (In Rus.)

7. Kondrat'eva O. N., Frolova T. I. View of Region in the Everyday Linguistic Consciousness of its Inhabitants (for example,

the image of the Kuzbass) // Psycholinguistics. Psychology. Psycholinguistics. 2018. No. 24 (2). P. 78—97. [Obraz regiona v obydennom yazykovom soznanii ego zhiteley (na primere obraza Kuzbassa) // Psycholinguistics. Psikholingvistika. Psikholingvistika. 2018. № 24 (2). S. 78—97]. — (In Rus.)

8. Lesnyak M. V. The Tactics of “Making tomorrow better” in Political Communication // Political Linguistics. 2013. No 4 (46). P. 110—116. [Taktika «Sozdanie svetlogo budushchego» v politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). S. 110—116]. — (In Rus.)

9. Lesnyak M. V. Speech Strategy as a Tool for Modeling Possible Reality in Political Discourse (From the Perspective of Hidden Pragmalinguistics) // Chelyab. State Univ. Journ. 2014. No. 3 (323). P. 61—68. [Rechevaya strategiya kak instrument modelirovaniya vozmozhnoy deystvitel'nosti v politicheskoy diskurse (s pozitsii skrytoy pragmalinguistiki) // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2014. № 3 (323). S. 61—68]. — (In Rus.)

10. Mel'nik N. V., Makrushina Yu. A. The Image of Kuzbass in the Ordinary Linguistic Consciousness of the Student // World of Science, Culture and Education. 2018. No. 5 (72). P. 451—455. [Obraz Kuzbassa v obydennom yazykovom soznanii shkol'nika // Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. 2018. № 5 (72). S. 451—455]. — (In Rus.)

11. Mel'nik N. V., Yazeva E. E. The Image of Kuzbass in the View of the Teleuts, a Small Indigenous People of the Kemerovo Region // Donetsk Readings — 2018: education, science, innovations, culture and modern challenges : materials of the 3rd Intercol. scientific conf. (Donetsk, Oct. 25, 2018). Vol. 5. Philological, psychological and philosophical sciences / under total. ed. of prof. S. Beshpalova. — Donetsk : DonNU Publishing House, 2018. P. 16—19. [Obraz Kuzbassa v predstavlenii teleutov — malochislennogo korennoogo naroda Kemerovskoy oblasti // Donetskie chteniya — 2018: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti : materialy 3-y Mezhdunar. nauch. konf. (Donetsk, 25 okt. 2018 g.). T. 5. Filologicheskie, psikhologicheskie i filosofskie nauki / pod obshch. red. prof. S. V. Beshpalovoy. — Donetsk : Izd-vo DonNU, 2018. S. 16—19]. — (In Rus.)

12. Sentsov A. E. Modeling the Political Future in Party Programs : monograph. — Tomsk : Publishing House of Tomsk Polytechnic. Univ., 2013. 193 p. [Modelirovanie politicheskogo budushchego v partiynykh programmakh : monogr. — Tomsk : Izd-vo Tomsk. politekh. un-ta, 2013. 193 s.]. — (In Rus.)

13. Solopova O. A. Metaphor in Modeling the Future: A "Light" Scenario (Based on Prognostic Texts on Russian, American and British Political Discourses of the 21st Century) // Tomsk State Univ. Journ. Philology. 2017. No. 46. P. 55—70. [Metafora v modelirovanii budushchego: «svetlyy» stsenariy (na materiale prognosticheskikh tekstov o Rossii otechestvennogo, amerikanskogo i britanskogo politicheskikh diskursov XXI v.) // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya. 2017. № 46. S. 55—70]. — (In Rus.)

14. Khalatyan A. B. Election Discourse // Political Linguistics. 2011. No 2 (36). P. 180—187. [Predvybornyy diskurs // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 2 (36). S. 180—187]. — (In Rus.)

15. Shevelevskiy I. M. Economic and Political Forecast in Modern Media Discourse (on the material of business media) // Tver' State Univ. Ser. "Philology". 2015. No. 1. P. 216—220. [Ekonomicheskiy i politicheskiy prognoz v sovremennom mediadiskurse (na materiale delovykh media) // Vestn. Tver. gos. un-ta. Ser. «Filologiya». 2015. № 1. S. 216—220]. — (In Rus.)

16. Solopova O., Chudinov A. Future of Russia in metaphors (retrospective analysis of XIX century american discourse) // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2017. P. 387—393.

17. Chudinov A., Solopova O. Linguistic political prognostics: models and scenarios of future // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. P. 412—417.

Н. Н. Коптяева

Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0930-9384

 E-mail: nkoptyaeva@inbox.ru.

Британские СМИ о культуре Джереми Корбина: реализация стратегии дискредитации

АННОТАЦИЯ. Цель данного исследования состоит в описании языковых средств, используемых в британских СМИ при создании образа лидера оппозиции Джереми Корбина для реализации стратегии дискредитации. Методом компонентного анализа были проанализированы тексты британских политических изданий, размещенных в сети Интернет. Исследование показало, что стратегия дискредитации реализуется с помощью создания образа Дж. Корбина как религиозного лидера и вождя — лидера с культом личности. С этой целью журналисты и блогеры используют пейоративную лексику, неологизмы, религиозные метафоры и ряд других языковых средств. Употребление лексемы «cult» фокусирует внимание читателя на чрезмерном преклонении перед лидером и связанными с этим негативными последствиями для Лейбористской партии, фанатичности и непримиримости его сторонников, иррациональности их политического выбора, а также формирует ироничное отношение к политике. Частотное использование лексемы «Messiah» по отношению к Корбину приписывает ему желание стать богом и служит для выражения сарказма. Для обозначения британского лейбористского движения используется неологизм «Corbynism», имеющий негативную коннотацию. Сравнение с диктаторскими режимами и использование выражения «культ личности» также направлены на дискредитацию политика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; стратегия дискредитации; образ политика; культ личности; языковая манипуляция; общественное мнение; политические деятели; политическая коммуникация; СМИ; средства массовой информации; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; британские СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Коптяева Наталья Николаевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: nkoptyaeva@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коптяева, Н. Н. Британские СМИ о культуре Джереми Корбина: реализация стратегии дискредитации / Н. Н. Коптяева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 62-66. — DOI 10.26170/pl19-02-06.

Поскольку целью политики является борьба за власть, она же, а именно «реализация, воспроизводство и легитимация власти и доминирования» [ван Дейк 2015], является и целью политического дискурса. Одним из способов достижения этой цели является регулирование властными структурами доступа к СМИ. И, хотя многие современные печатные СМИ в результате конвергенции слились с интернет-изданиями [Коптяева, Юферева 2017], а к политическому дискурсу присоединились новые жанры, предполагающие массовый доступ к созданию текстов и представленность разных политических партий (политические блоги, интернет-комментарии и др.), асимметричность дискурса сохраняется.

Политический дискурс в Великобритании в последние годы сосредоточен вокруг выхода страны из Евросоюза (Brexit) и политической борьбы между двумя ведущими партиями — правящей Консервативной партией и оппозиционной Лейбористской партией. В последнее время в британских СМИ все большее внимание уделяется политической фигуре Джереми Корбина, лидера лейбористов, постепенно набирающего популяр-

ность среди избирателей. В 2016 г. Лондонской школой экономики (LSE) было проведено исследование, посвященное репрезентациям политического портрета Дж. Корбина в Великобритании [Cammaerts 2016]. С помощью контент-анализа ученые установили, что политик в британской прессе представлен однобоко и предвзято, общий тон статей варьируется от критического до антагонистического, часто используется пейоративная лексика, а его образ обезличивается: *Corbyn was often denied his own voice in the reporting on him and sources that were antiCorbyn tended to outweigh those that support him and his positions. He was also systematically treated with scorn and ridicule in both the broadsheet and tabloid press in a way that no other political leader is or has been* [Там же]. / Корбин часто лишался голоса в репортажах о нем, а враждебно настроенные источники численно перевешивают издания в поддержку политика и его взглядов. К нему часто, как ни к какому другому политическому деятелю, демонстрировали пренебрежительное и издевательское отношение.

Для данного исследования методом сплошной выборки были отобраны тексты

британских политических СМИ за 2015—2018 гг., упоминающие Корбина и Лейбористскую партию. С помощью корпуса GloWbE (Corpus of Web-Based Global English) были выбраны наиболее частотные лексические единицы, используемые для репрезентации политического портрета Корбина как вождя и религиозного лидера, и проанализированы контексты. Далее использовался метод компонентного анализа, в частности метод анализа словарных дефиниций.

Было выявлено, что в отношении Дж. Корбина используются различные стратегии и тактики дискредитации, например, сравнение с коммунистическими вождями (*Jeremy Corbyn rides a Chairman Mao-style bicycle*), приписывание ему дружеской связью с террористами (*“terrorist sympathiser”*) и даже, с подачи Бориса Джонсона, приклеивание ярлыка «полезного идиота Кремля» (*Kremlin’s useful idiot*). Бурный рост популярности левого движения позволил журналистам и блогерам говорить о «религиозном культе» и «культе личности» Корбина. Целью данного исследования является изучение языковых средств, используемых для создания образа Джереми Корбина как вождя и лидера религиозного культа, и анализ применяемых стратегий дискредитации.

Рассмотрим сводную словарную дефиницию лексемы «cult»: «1. a particular system of religious worship, especially with reference to its rites and ceremonies; 2. a religious group, especially one with beliefs that most people consider strange or dangerous; 3. an instance of great veneration of person, ideal, or thing, especially as manifested by a body of admirers: *the physical fitness cult*. 4. the object of such devotion; 5. religion or sect considered to be **false**, **unorthodox**, or **extremist**, with members often living outside of conventional society under the direction of a charismatic leader; 6. the members of such a religion or sect. 7. any system for treating human sickness that originated by a person usually claiming to have sole insight into the nature of disease, and that employs methods regarded as **unorthodox** or **unscientific**; 8. extreme admiration for someone or something; 10. someone or something that a particular group of people are very enthusiastic about but that most people do not like or know about». Для выражения негативной оценки ключевой семай стала сема «качество» с лексическими реализациями «false», «strange», «dangerous», «unorthodox», «unscientific» и др. Рассмотрим некоторые значения этих слов: «**false**» — (*disapproval*) *If you describe a person or their behaviour as false, you are criticizing them for being insincere or for hiding their real feelings*); «**strange**» —

*1) something that is strange is unusual or unexpected, and makes you feel slightly nervous or afraid. 2) If you feel strange, you have an **unpleasant or uncomfortable feeling**, either physical or emotional (Collins Dictionary); «**dangerous**» — 1) *able or likely to cause harm or injury*; 2) *likely to cause problems or to have adverse consequences (Oxford Dictionary)*; «**unorthodox**» — (*disapproval*) *If you describe ways of doing things as unorthodox, you are criticizing them because they are unusual or illegal (Collins)*. Таким образом, можно выделить следующие компоненты значений: неискренность, необычность, чувство физического и эмоционального дискомфорта, вред, ущерб, неприятные последствия, незаконность. Стилистические пометы «disapproval» (неодобр.) указывают на негативную коннотацию входящих в понятие «культ» элементов, что позволяет выявить тенденцию к пейоризации, особенно контекстуальной, у исходной лексемы *cult*.*

В своей работе по социологии религии Дж. Т. Ричардсон отмечает два основных значения лексической единицы «cult»: традиционное — для описания исторических религиозных культов, и современное, широко используемое в СМИ, с негативной коннотацией [Richardson 1993]. Автор предлагает воздержаться от употребления этого эмоционально нагруженного слова в других контекстах, кроме традиционного значения. Этот же исследователь в других работах предостерегает от «культофобии» в общественном сознании, образовавшейся от чрезмерного употребления термина «культ». Итак, можно сделать вывод о том, что слово «культ» часто приобретает негативную коннотацию (кроме случаев употребления в терминологическом значении — «религиозная система, в которой люди поклоняются божеству, личности или объекту»).

Применительно к политической деятельности Дж. Корбина это слово используется достаточно часто: *Corbynism has become a weird, ugly cult, and the saddest thing is that it’s Labour that’s losing out. / Корбинизм превратился в нелепый, уродливый культ, и самое печальное — это то, что провал терпят именно лейбористы; How on Earth has Labour, a party with an illustrious history of fighting racism, wound up in a civil war over anti-Semitism? Seeing Corbynism as a cult is one way to look at it. / Каким же образом партия лейбористов, партия с прославленной историей борьбы с расизмом, оказалась втянутой в междоусобицу, связанную с антисемитизмом?; How low will the Corbyn cult go? Ask Putin’s poisoners... / Как далеко зайдет культ Корбина? Спросите*

путинских отравителей. В данных контекстах слово «cult» употребляется для того, чтобы подчеркнуть чрезмерное преклонение перед Корбином и негативные последствия, вызванные этим культом, для Лейбористской партии. Упоминание расизма и отравителей (речь идет о подозреваемых в деле Скрипалей) служит для создания образов «темного прошлого» и «темного будущего», что является одной из тактик дискредитации [Руженцева 2004].

Интересно отметить, что для обозначения политического движения, возглавляемого Корбином, появился неологизм «Corbynism» («корбинизм»). А. П. Миньяр-Белоручева отмечает наличие отрицательной коннотации у политических неологизмов, образованных с помощью присоединения суффикса *-ism* к основе: *Obamunism, Bushism, Eurocentrism* и т. д. [Миньяр-Белоручева 2012]. Анализ контекстов, в которых используется лексема «Corbynism», выявляет преимущественно негативное отношение авторов к данному явлению: «корбинизм» сравнивается с радикальными движениями, опасными явлениями и даже болезнями («a threat to Jews»; «Britain's most dangerous export»; «Are you suffering from Corbynism? Try our symptom checker»).

Культе Корбина рассматривается и как религиозный культ, и как культ личности. Политический и религиозный дискурсы схожи по интенции внушения, мифологизации сознания, вере в лидера и ритуализации [Шейгал 2004], поэтому использование религиозных метафор в политическом дискурсе неслучайно. Рассмотрим, как метафора «партия — это религиозный культ» реализуется в британском медиадискурсе: *If Labour is a church, Corbynism looks more and more like a cult. It's on the hunt for heretics. / Если партия лейбористов — это церковь, то корбинизм все больше и больше смахивает на культ. Он преследует инакомыслящих; As always, the insistence that hope resides in one hero brings with it the whiff of messianic religion. I winced in Brighton as the mere mention of Corbyn's name on stage drew applause. Like worshippers punctuating a church service with "amens", Labour members felt a religious duty to acknowledge the presence of goodness. / Как всегда, настаивание на том, что вся надежда возлагается на одного героя, попахивает мессианством. Я вздрогнул в Брайтоне, когда одно лишь упоминание имени Корбина на сцене вызвало аплодисменты. Подобно прихожанам, перемежающим репликами „аминь“ церковную службу, лейбористы чувствовали своим религиозным долгом обозначить присутствие доб-*

родетели. Здесь Лейбористская партия сравнивается с церковью (*church, church service, religious duty, messianic religion*), ее члены — с прихожанами (*worshippers*), а несогласные с политическими взглядами — с еретиками (*heretics*). Оксфордский словарь дает следующие значения слова «religion»: «1. The belief in and **worship** of a **superhuman** controlling power, especially a personal God or gods; 2. A particular system of faith and **worship**; 3. A pursuit or interest followed with great **devotion**». Такие компоненты значений, как «worship», «devotion» и «superhuman», создают иронический эффект при использовании этой метафоры по отношению к Корбину, противопоставляя значение высказывания и то, что имеет в виду говорящий (сомнение в том, что Корбин представляет собой божество, достойное поклонения и восхищения).

Политическим журналистам и блогерам сыграло на руку то, что инициалы Джереми Корбина (JC) совпадают с инициалами Иисуса Христа — это дало почву для игры со словами: *Idolised by the young and the left wing idealists JC, with his mild manner, simple ways and beard (not to mention matching initials) has more than a hint of the Messiah about him — at conference this week, a light up shrine was even paraded around the room...* Помимо инициалов, в основу переноса легло внешнее сходство (наличие бороды и худощавое телосложение); популярность Джереми Корбина (*the crowds of upturned faces, waving arms and tearful adulation*); политическая роль Джереми Корбина как «спасителя» партии левых (до его прихода к власти не имевшей особого политического веса), манера поведения (*humility*) и его пацифистские убеждения (*a peacemaker*). Рассмотрим лексико-семантические варианты (ЛСВ) слова «Messiah»: «1. someone who **people believe will save them from trouble or a difficult situation**; 2. a **religious leader** who some **people believe is sent by God to save the world**; 3. **Jesus Christ, according to the Christian religion**». Таким образом, Джереми Корбин представлен и в качестве религиозного лидера, и в качестве спасителя (в переносном смысле: тот, кто спасет страну от политического и экономического кризиса — *hope resides in one hero*), и в качестве Иисуса Христа (саркастически).

Дж. Лакофф указывал на то, что структурные метафоры раскрывают (высвечивают) одни аспекты понятий и скрывают (затемняют) другие, а также оказывают влияние на наш физический и культурный опыт и на наши поступки [Лакофф 2008: 103]. Метафора «Лейбористская партия — это культ»

концентрирует внимание читателя на фанатичности, поклонении, нетерпимости и неспособности к компромиссу сторонников партии, а Дж. Корбина приписывает желание занять место Бога или Мессии. Таким образом, формируется ироничное и в целом негативное отношение к партии левых и ее лидеру.

«Корбинизм» также рассматривается и как культ личности: *Incompetent clowns in power and the opposition turning into a solipsistic personality cult. / Некомпетентные клоуны у власти и оппозиция, которая превращается в солипсический культ личности; Corbyn's supporters can not speak plainly or argue honestly. Like so many farleft movements in the past, they have trapped themselves in a personality cult. / Сторонники Корбина не способны говорить прямо и спорить честно. Как и многие ультралевые движения в прошлом, они загнали себя в ловушку культа личности; The hype around Jeremy Corbyn resembles that of a Dear Leader's cult of personality... / Ажиотаж вокруг Джереми Корбина напоминает шумиху вокруг культа личности Великого вождя (в Северной Корее).*

Приведем сводную дефиницию выражения «personality cult»: «1. the tendency to admire or respect a powerful person more than they deserve; 2. situation in which people are encouraged to admire and praise a famous person, especially a political leader — used to show disapproval; 3. the officially encouraged practice of giving too much admiration, praise, love etc to a political leader; 4. worship of a personality, excessive awe and adoration of a person (usually famous, i.e., actor, politician, or spiritual leader)». Как следует из приведенных ЛСВ, авторы, использующие выражение «культ личности», стремятся сформировать у читателя мнение о том, что Дж. Корбин недостоин того чрезмерного восхищения, которое ему оказывают, и стремится к узурпации власти. Кроме того, сравнение с северокорейским вождем, возглавляющим тоталитарное государство, также служит для дискредитации образа лидера оппозиции.

Некоторые авторы идут еще дальше, считая, что «корбинизм» недостоин называться ни политическим движением, ни даже псевдорелигией, а является формой массового психоза: *We have all been wrong about Corbynism. It is not a political movement. Nor — despite the cultish devotion of his followers — is it a pseudo-religious one. It is actually a form of mass psychosis.*

Таким образом, в целях дискредитации лидера лейбористов британские СМИ используют пейоративную лексику, неологиз-

мы с негативной коннотацией, религиозные метафоры для создания ироничного эффекта, а также различные коммуникативные тактики, связывающие в массовом сознании образ Джереми Корбина с террористами и вождями деспотических режимов, негативно воспринимаемыми британской аудиторией.

ИСТОЧНИКИ

1. ABBY Lingvo [Электронный ресурс] : электронная программа.
2. Corpus of Global Web-Based English (GloWbE) [Electronic resource]. URL: <https://corpus.byu.edu/glowbe> (date of access: 21.12.2018).
3. Collins Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.collinsdictionary.com>.
4. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.macmillandictionary.com>.
5. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.oed.com>.
6. Hodges D. DAN HODGES: “How low will the Corbyn cult go? Ask Putin's poisoners...” [Electronic resource] // Mail Online. 2018. 8 Apr. URL: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-5590269/DAN-HODGES-low-Corbyn-cult-Ask-Putin-poisoners.html>.
7. Are you suffering from Corbynism? Try our symptom checker [Electronic resource]. 2018. 21 Sept. URL: <https://www.thedailymash.co.uk/features/are-you-suffering-from-corbynism-try-our-symptom-checker-20180921177592>.
8. Burgh Luan de. The Corbyn Personality Cult [Electronic resource]. 2017. 27 Sept. URL: <https://www.deburghgroup.com/corbyn-personality-cult/>.
9. Ryan V. JK Rowling: “The Labour Party has turned into a 'solipsistic personality cult'” [Electronic resource] // The Telegraph. 2017. 25 Sept. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/09/25/jk-rowling-labour-party-has-turned-solipsistic-personality-cult/>.
10. Strimpel Z. Jeremy Corbyn is developing a cult of personality. That is terrifying [Electronic resource] // The Telegraph. 2017. 30 June. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/06/30/jeremy-corbyn-developing-cult-personality-terrifying>.
11. Stanley T. Corbynism has become a weird, ugly cult, and the saddest thing is that it's Labour that's losing out [Electronic resource] // The Telegraph. 2018. 7 Aug. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2018/08/07/corbynism-has-become-cult-saddest-thing-labour-losing/>.

ЛИТЕРАТУРА

12. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. 2-е изд. — М. : УРСС : Книжный дом «Либроком», 2015. 352 с.
13. Коптяева Н. Н., Юферева А. С. Политический блог в период медиаконвергенции: жанровый аспект [Электронный ресурс] // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та : электрон. журн. 2017. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
15. Миньяр-Белоручева А. П. К проблеме создания политических неологизмов // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2012. № 25. С. 32—37.
16. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. 294 с.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
18. Cammaerts B., DeCillia B. Journalistic representations of Jeremy Corbyn in the British Press: From watchdog to attackdog. LSE. [Electronic resource]. URL: <http://www.lse.ac.uk/media-and-communications/research/research-projects/representations-of-jeremy-corbyn> (date of access: 07.08.2018).
19. Richardson J. Definitions of Cult: From Sociological-Technical to Popular-Negative // Review of Religious Research. 1993. No 34 (4). P. 348—356.

N. N. Koptyaeva

Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0930-9384

 E-mail: nkoptyaeva@inbox.ru.

British Mass Media on the Cult of Jeremy Corbyn: Realization of Discreditation Strategy

ABSTRACT. *The aim of the given study is to describe the linguistic means used in British mass media while creating the image of the opposition leader Jeremy Corbyn realizing the discreditation strategy. The method of component analysis was used to analyze the texts of the British political publications placed on the Internet. The study has shown that the discreditation strategy is realized via the creation of the image of J. Corbyn as a religious leader and a personality cult ruler. With this end in view, journalists and bloggers use pejorative vocabulary, neologisms, religious metaphors and a number of other linguistic means. The use of the lexeme "cult" focuses the reader's attention on the excessive reverence for the leader and the related negative consequences for the Labor Party, fanaticism and intransigence of his supporters, irrationality of their political choice, and forms the ironic attitude to the politician. The recurrent use of the lexeme "Messiah" in relation to Corbyn ascribes to him the desire to become god and serves as an expression of sarcasm. The neologism "Corbynism" used to denote the British Labor movement has a salient negative connotation. The comparison with dictatorships and the use of the expression "cult of personality" are also targeted at the politician's discreditation.*

KEYWORDS: *political discourse; discreditation strategy; image of a politician; cult of personality; language manipulation; social opinion; politicians; political communication; mass media; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; British mass media.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Koptyaeva Natal'ya Nikolaevna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Koptyaeva, N. N. British Mass Media on the Cult of Jeremy Corbyn: Realization of Discreditation Strategy / N. N. Koptyaeva // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 62-66. — DOI 10.26170/pl19-02-06.*

MATERIALS

1. ABBY Lingvo [Electronic resource] : computer programm.
2. Corpus of Global Web-Based English (GloWbE) [Electronic resource]. URL: <https://corpus.byu.edu/glowbe> (date of access: 21.12.2018).
3. Collins Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.collinsdictionary.com>.
4. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.macmillandictionary.com>.
5. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.oed.com>.
6. Hodges D. DAN HODGES: "How low will the Corbyn cult go? Ask Putin's poisoners..." [Electronic resource] // Mail Online. 2018. 8 Apr. URL: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-5590269/DAN-HODGES-low-Corbyn-cult-Ask-Putins-poisoners.html>.
7. Are you suffering from Corbynism? Try our symptom checker [Electronic resource]. 2018. 21 Sept. URL: <https://www.thedailymash.co.uk/features/are-you-suffering-from-corbynism-try-our-symptom-checker-20180921177592>.
8. Burgh Luan de. The Corbyn Personality Cult [Electronic resource]. 2017. 27 Sept. URL: <https://www.deburghgroup.com/corbyn-personality-cult/>.
9. Ryan V. JK Rowling: "The Labour Party has turned into a 'solipsistic personality cult'" [Electronic resource] // The Telegraph. 2017. 25 Sept. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/09/25/jk-rowling-labour-party-has-turned-solipsistic-personality-cult/>.
10. Strimpel Z. Jeremy Corbyn is developing a cult of personality. That is terrifying [Electronic resource] // The Telegraph. 2017. 30 June. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/06/30/jeremy-corbyn-developing-cult-personality-terrifying>.
11. Stanley T. Corbynism has become a weird, ugly cult, and the saddest thing is that it's Labour that's losing out [Electronic resource] // The Telegraph. 2018. 7 Aug. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2018/08/07/corbynism-has-become-cult-saddest-thing-labour-losing/>.

REFERENCES

12. Van Dijk T. A. Discourse and Power: the Representation of Dominance in Language and Communication. 2nd ed. — Moscow : URSS : Librokom book house, 2015. 352 p. [Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. 2-e izd. — M.: URSS : Knizhnyy dom «Librokom», 2015. 352 s.]. — (In Rus.)
13. Koptyaeva N. N., Yufereva A. S. Political Blog during the Period of Media Convergence: the Genre Aspect [Electronic resource] // Moscow State Region Univ. Journ. : web-journal. 2017. No. 1. [Politicheskiy blog v period mediakonvergensii: zhanrovyy aspekt // Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta : elektron. zhurn. 2017. № 1]. URL: www.vestnik-mgou.ru. — (In Rus.)
14. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Lived by. 2nd ed. — Moscow : Publishing House of LCI, 2008. 256 p. [Metafori, kotorymi my zhivem. 2-e izd. — M. : Izd-vo LKI, 2008. 256 s.]. — (In Rus.)
15. Min'yar-Beloručeva A. P. To the Problem of Creating Political Neologisms // South-Ural. State Univ. Journ. Ser. : Linguistics. 2012. No. 25. P. 32—37. [K probleme sozdaniya politicheskikh neologizmov // Vestn. Yuzh.-Ural. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2012. № 25. S. 32—37]. — (In Rus.)
16. Ruzhentseva N. B. Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse : Monograph / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2004. 294 p. [Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004. 294 s.]. — (In Rus.)
17. Sheygal E. I. Semiotics of Political Discourse. — Moscow : ITDGK "Gnosis", 2004. 326 p. [Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : ITDGK «Gnozis», 2004. 326 s.]. — (In Rus.)
18. Cammaerts B., DeCillia B. Journalistic representations of Jeremy Corbyn in the British Press: From watchdog to attackdog. LSE. [Electronic resource]. URL: <http://www.lse.ac.uk/media-and-communications/research/research-projects/representations-of-jeremy-corbyn> (date of access: 07.08.2018).
19. Richardson J. Definitions of Cult: From Sociological-Technical to Popular-Negative // Review of Religious Research. 1993. No 34 (4). P. 348—356.

И. А. Мартыненко

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9798-3378

А. Ю. Ильина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4282-8095

М. Е. Куприянова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2154-099X

E-mail: irineta@rambler.ru; anna_iljina2003@mail.ru; milana_k@list.ru.

Топонимия Фолклендских островов сквозь призму территориальных споров

АННОТАЦИЯ. *Топонимика Фолклендских островов на сегодняшний день не может считаться тщательно изученной: на данный момент авторы научных статей и монографий, посвященных тем или иным аспектам жизни региона, лишь фрагментарно касаются описания географических названий островов, нет ни одного полного топонимического словаря, посвященного архипелагу, веб-страницы городов содержат крайне отрывочные сведения об этимологии названий или же не содержат их вовсе.*

Предмет давнего территориального спора между Аргентиной и Великобританией привел в 1982 году к вооруженному конфликту. Аргентина попыталась силой закрепиться на островах, которые Великобритания контролирует с 1833 года. В 72-дневной войне Великобритания одержала победу. Однако даже после поражения в войне Аргентина не отказалась от претензий на острова.

Настоящая статья посвящена особенностям формирования, развития и современного функционирования топонимии Фолклендских островов сквозь призму территориальных споров. Цель статьи — выделить характерные черты формирования топонимического корпуса региона, изучить влияние исторических событий на изменение географической номенклатуры и осуществить лингвопрагматический анализ выявленных топонимических единиц. В рамках статьи впервые представлено историко-лингвистическое и этимологическое описание географических названий островов, приводится количественное соотношение англоязычных, испаноязычных и франкоязычных топонимов. Авторы делают выводы об основных имятворческих традициях на территории Фолклендских островов, приводят многочисленные примеры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *топонимы; топонимика; этимология; территориальные споры; географические названия.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Мартыненко Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 2, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); 125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9; e-mail: irineta@rambler.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ильина Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, к. 632; e-mail: anna_iljina2003@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Куприянова Милана Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, к. 632; e-mail: milana_k@list.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Мартыненко, И. А. Топонимия Фолклендских островов сквозь призму территориальных споров / И. А. Мартыненко, А. Ю. Ильина, М. Е. Куприянова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 67-78. — DOI 10.26170/pl19-02-07.*

Введение

Фолклендские (Мальвинские) острова (англ. *Falkland Islands* — Фолклендские острова, исп. *Islas Malvinas* — Мальвинские острова), расположенные в трехстах милях к востоку от Магелланова пролива, были центром споров и претензий с момента их открытия. Их история отразилась, в частности, в топонимии, которая изменялась в зависимости от национальной принадлежности

приходящих исследователей и территориальных претензий соперничающих сторон. Как в 1924 г. сказал В. Ф. Бойсон, «сегодня название каждого утеса, рифа и самого маленького канала, хотя многие имена изменены и утеряны, является письменным свидетельством исторических событий на островах» [Boyson 1924].

Топонимика Фолклендских островов на сегодняшний день не может считаться тщательно изученной: на данный момент авторы

© Мартыненко И. А., Ильина А. Ю., Куприянова М. Е., 2019

научных статей и монографий, посвященных тем или иным аспектам жизни региона [Ганюшкина 2013; Мальвины: колониальная война XX века 1984; Burns 2002; Dodds 2012; Falkland Islands. Facts and fictions... http; Ivanov http; Kon 1983; Lorton 1982; Munro 1998; Pepper 2001; Pascoe, Pepper 2009; Rydjord 1961; Ware 1984], лишь фрагментарно касаются описания географических названий островов, нет ни одного полного топонимического словаря, посвященного архипелагу, веб-страницы городов содержат крайне отрывочные сведения об этимологии названий или же не содержат их вовсе.

Фолклендские (Мальвинские) острова на данный момент являются британской заморской территорией и важным перевалочным пунктом на пути из Атлантического океана в Тихий, позволяющим контролировать Южную Атлантику. Права Великобритании на острова оспариваются Аргентиной, рассматривающей их частью провинции Огненная Земля, Антарктида и острова Южной Атлантики. Аргентинцы называют архипелаг Мальвинские острова.

Ранняя история

Официально считается, что острова были открыты в 1591—1592 гг. английским мореплавателем Джоном Дейвисом, командовавшим кораблем в экспедиции английского корсара Томаса Кавендиша, однако эта теория периодически оспаривается учеными. В частности, американский топонимист Дж. Райджорд (John Rydjord) пишет о том, что острова уже были нанесены на карту к 1529 г. Они значатся на карте Риберы (Rivera, Ribera) того года как *Ya de Sanson*, где *Ya* может означать *Ysla*, а все вместе может означать *остров Самсона / Island of Sampson* [Rydjord 1961, p. 235]. В защиту данной точки зрения говорит тот факт, что под этим названием острова были известны и другим мореплавателям — таким как Себастьян Кабот (Sebastian Cabot), Алонсо де Санта-Крус (Alonso de Santa Cruz), Диего Гутьеррес (Diego Gutiérrez). На их средневековых картах Фолкленды обозначаются как Самсоновы острова (*Islands of Sanson, Ysla de Sanson, Insule de Sanson*).

Фолклендские острова получили свое название от Фолклендского прохода — пролива между двумя главными островами архипелага. Название для пролива было выбрано англичанином Джоном Стронгом в 1690 г. в знак уважения к его патрону Энтони Кэри, 5-му виконту Фолклендскому. Титул виконта, в свою очередь, происходит от города *Фолкленд (Falkland)* в Шотландии, «folkland» означает «земля, по праву зани-

маемая народом». Позднее это название было расширено на всю группу островов [Pepper 2001]. Испанское название *Islas Malvinas* происходит от французского названия *Îles Malouines*, данного Луи Антуаном де Бугенвилем в 1764 г. в честь первых известных поселенцев-островитян, моряков и рыбаков из бретонского порта Сен-Мало во Франции [Falkland Islands Guide http]. Также Бугенвиль в 1764 г. основал первое поселение на острове Восточный Фолкленд, названное *Порт Сен-Луи* (с 1828 г. — *Порт-Луи*). В январе 1765 г. британский капитан Джон Байрон, не подозревая о присутствии на островах французов, исследовал остров *Сондерс* на западной оконечности архипелага и заявил о присоединении его к Великобритании [Pascoe, Pepper 2009]. Находящуюся на *Сондерсе* бухту капитан Байрон назвал Порт-Эгмонт. Здесь в 1766 г. капитан Макбрайд основал английское поселение. В том же году Испания приобрела у Бугенвиля французские владения на Фолклендах и, закрепив здесь свою власть в 1767 г., назначила губернатора, при этом оставив название *Мальвинские острова (Islas Malvinas)*. В 1770 г. испанцы напали на Порт-Эгмонт и изгнали англичан с острова. Это привело к тому, что две страны оказались на грани войны, однако заключенный позднее мирный договор позволил британцам вернуться в Порт-Эгмонт в 1771 г., при этом ни Испания, ни Великобритания от своих притязаний на острова не отказались [Там же].

После провозглашения независимости от Испании в 1816 г. Аргентина, входившая тогда в Соединенные провинции Южной Америки, пыталась сделать Мальвинские острова своими. Однако же в 1833 г. на них высадились англичане с намерением восстановить здесь власть Британской империи. Они колонизировали острова и построили Порт-Стэнли, который сейчас является столицей Фолклендов.

Современная история

В середине XX в. Аргентина подняла вопрос о принадлежности архипелага в ООН. В сентябре 1964 г. Хосе Мария Руда, представитель Аргентины при Организации Объединенных Наций, обратился к III подкомитету ООН по вопросу о Фолклендских островах. Заявление Руды привело к принятию Генеральной Ассамблеей резолюции 2065 (XX) ООН и является основанием для аргументов правительства Аргентины в пользу того, что Фолклендские острова должны быть аргентинскими. В Великобритании крайне негативно оценили и само заявление, и интерпретацию Аргентиной последовавших резо-

люций: «Речь Руды из 8000 слов изобилова-ла ложью и неточностями, которые прави-тельство Аргентины продолжало использо-вать перед Организацией Объединенных Наций в течение последних 50 лет и которые оно продолжает использовать для оказания влияния на международное сообщество» [Falkland Islands. Facts and fictions. 50 years... [http](#)].

До сих пор аргентинские учебники по ис-тории утверждают, что в 1522 г. острова от-крыл участник испанской кругосветной экс-педиции Магеллана Эстебан Гомес, и назы-вают их исключительно Мальвинскими ост-ровами. Кроме того, Аргентина изображает на картах острова как продолжение конти-нентального шельфа, и, согласно надписям на картах, это единое целое принадлежит Аргентине [Богословская [http](#)].

Предмет давнего спора между Аргенти-ной и Великобританией привел в 1982 г. к вооруженному конфликту. Аргентина попы-талась силой закрепиться на островах, кото-рые Великобритания контролирует с 1833 г. В ходе конфликта погибли 649 аргентинцев и 255 британцев. В 72-дневной войне Вели-кобритания одержала победу. Однако даже после поражения в войне Аргентина не отка-залась от претензий на острова.

Поскольку спор о принадлежности ост-ровов окончательно не разрешен, использо-вание многих испанских имен на Фолкленд-ских островах считается оскорбительным. В частности, это касается названий, связан-ных с вторжением аргентинских войск на Фолклендские острова в 1982 г. [Cavill 1999]. Командующий британскими войсками в Фолк-лендском конфликте генерал сэр Джереми Мур не позволил использовать название «Мальвинские острова» в документе о капи-туляции аргентинской стороны, отвергая его как пропагандистский термин [Dodds 2012].

10—11 марта 2013 г. на Фолклендах, по инициативе местных властей, прошел рефе-рендум, на котором 98,8 % местных жителей, имеющих право голоса, высказались за то, чтобы Фолкленды оставались заморской тер-риторией Великобритании. Явка была очень высокой — примерно 92 %. Немаловажную роль играет то, что население островов в ос-новном британского происхождения.

Однако Аргентина уже успела заявить о том, что результаты референдума на спор о принадлежности островов не повлияют, по-скольку референдум не был одобрен ООН. Таким образом, даже волеизъявление наро-да не поставило точку в этой истории [Ар-гентина вновь заявила о правах... [http](#)].

Таблица 1

Хронология контроля над островами де-факто
[Проблема принадлежности Фолклендских островов]

Февраль 1764 — апрель 1767	Франция
Январь 1765 — июль 1770	Королевство Великобритания
Апрель 1767 — февраль 1811	Испания
Сентябрь 1771 — май 1776	Королевство Великобритания
Февраль 1811 — август 1829	никто
Август 1829 — декабрь 1831	Соединенные провинции Южной Америки
Декабрь 1831 — январь 1832	Соединенные Штаты Америки
Январь — декабрь 1832	никто
Декабрь 1832 — январь 1833	Аргентинская конфедерация
Январь — август 1833	Великобритания
Август 1833 — январь 1834	никто
Январь 1834 — апрель 1982	Великобритания
Апрель — июнь 1982	Аргентина
Июнь 1982 — настоящее время	Великобритания

Если в XVII—XVIII вв. Испания и Англия не слишком упорствовали в спорах за эти территории, то с течением времени ситуация менялась. В современном мире географическое положение островов на подступах к Магелланову проливу и проливу Дрейка стало определяющим стратегическим фактором. Это контроль над морскими путями, которые связывают Атлантический и Тихий океаны. На данный момент владение островами позволяет Великобритании осуществлять постоянное военное присутствие в Южной Атлантике. И наконец, это биоресурсы моря и значительные месторождения полезных ископаемых, обнаруженные в районе островов. Например, запасы нефти оцениваются специалистами цифрой порядка 60 миллиардов баррелей, а природного газа — порядка 9 триллионов кубометров.

В июле 2015 г. аргентинская газета «Diario popular» опубликовала результаты опроса, проведенного сетью «Sky News» в Великобритании: 60 % британцев поддерживают свое правительство в отпоре притязаний Аргентины на Мальвинские острова и считают допустимым военный путь решения вопроса.

В настоящее время на островах находится британская военная база, свыше тысячи военнослужащих, станция современного радарного слежения, развернуты силы ПВО и современные истребители Turbofan. В море у Фолклендских островов постоянно несут дежурство несколько боевых кораблей и, по информации аргентинской газеты «Clarín», одна атомная подводная лодка.

По данным газеты «Clarín», президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер (10 декабря 2007 — 10 декабря 2015) в свое время заявляла, что «возвращение Мальвинского архипелага — национальная задача» [Мальвинские (Фолклендские) острова: соглашение об экономической деятельности... [http](#)].

Комиссия ООН по границам континентального шельфа признала за Аргентиной право на расширение территориальных вод, в которых теперь оказались и спорные Фолклендские острова. В Буэнос-Айресе это решение назвали историческим, однако МИД Великобритании отметил, что юрисдикция комиссии не распространяется на вопрос суверенитета над архипелагом [Аргентина вновь заявила о правах... [http](#)].

В настоящее время, несмотря на заряженные ружья и полную боеготовность, конфликтующие стороны стараются сотрудничать. 14 мая 2018 г. четыре представителя Департамента природных ресурсов Правительства Фолклендских островов вошли в

состав делегации Великобритании по иностранным делам и делам Содружества, чтобы встретиться с Правительством Аргентины в Буэнос-Айресе и обсудить вопросы рыболовства в Южной Атлантике. Обсуждалась возможность возобновления обмена научными данными о рыболовстве в интересах региона, сообщила газета «Mercopress» [Делегация Фолклендских островов отправляется в Аргентину на переговоры [http](#)].

Создание карт

Постоянный интерес Англии и Испании (позже Аргентины) к островам привел к параллельному раздельному развитию топонимии региона. По сей день существуют и используются карты на английском и испанском языках, где наименования населенных пунктов разнятся.

Существует справочный список, предназначенный для точной идентификации населенных пунктов, рек и гор на Фолклендских островах. Он включает только те названия, для которых есть эквиваленты как на английском, так и на испанском языке и не является полным перечислением всех географических названий на Фолклендских островах. Кроме того, делается оговорка о том, что включение в этот перечень аргентинских имен никоим образом не означает, что они обладают официальным статусом [The Permanent Committee on Geographical Names [http](#)].

Ввиду того, что Аргентина не оставляет притязаний на территории Фолклендских островов, тенденции к топонимическому параллелизму не ослабли. Ряд объектов, начиная со столицы, имеет двойное название: на английском и испанском языках.

Первый объемный географический справочник по Фолклендским островам был подготовлен в 1972 г. Этот справочник был частью статьи под названием «Геология Фолклендских островов», опубликованной в Британском антарктическом научном докладе № 76. В ней содержалось почти 3000 наименований, перечисленных в алфавитном порядке с общими терминами и с координатами с точностью до градуса, минуты и секунды.

Вскоре после аргентинского вторжения на территорию островов, 2 апреля 1982 г., британцами была проведена работа по созданию оперативного топонимического справочника. Он был опубликован в качестве справочника географических указаний Фолклендских островов и зависимых территорий. Справочник содержал более 3000 наименований объектов на Фолклендских островах плюс около 830 наименований на территории Южной Георгии и Южных Сандвичевых островов, также принадлежащих

Великобритании и оспариваемых Аргентиной. Важным дополнением в нем стала информация из нескольких аргентинских картографических источников в масштабе 1:500 000, датированных 1968 и 1974 гг. Названия в справочнике были перечислены в алфавитном порядке, даны точные координаты географических объектов по универсальной поперечной системе координат «Mercator» (UTM). Названия вариантов из аргентинских источников были параллельно привязаны к основным данным.

Параллельное именование создает своеобразную путаницу, но в то же время является уникальным свидетельством разницы мировосприятия представителей двух лингвокультур. Более 200 основных географических объектов островов имеют двойные названия на английском и испанском языках. Иногда они могут быть просто переводом друг друга, как, например, *Isla Oeste* и *West Island* (русск. Западный остров), но часто бывает и так, что не прослеживается очевидная связь между двумя языковыми вариантами, как в случае с *Bahía de la Anunciación* и *Berkeley Sound*.

Знание обоих языков (английского и испанского) во время военных действий 1982 г. стало жизненно важным. Об этом говорит, например, следующее заявление аргентинского военного командования об операциях 1 мая 1982 г.: «Протокол аргентинского объединенного комитета начальников штабов... сообщает, что в точке... истребитель аргентинских военно-воздушных сил „Мираж“ атаковал эсминец противника близ *Пуэрто Энрикета* (*Puerto Enriqueta*)». И Аргентине, и Соединенному Королевству было необходимо знать, что англоязычное название для этого места (название, которое появилось на рабочей карте серии H79) — *Порт-Харриет* (*Port Harriet*).

Тенденция к использованию параллельных названий коснулась в первую очередь основного поселения островов — столицы Стэнли. В январе 1965 г. сообщалось, что аргентинская комиссия по восстановлению Фолклендских островов потребовала, чтобы «аргентинский флаг развевался повсюду в столице островов *Пуэрто-Соледад* (*Puerto Soledad*)». Это отсылка к испаноязычному названию для острова Восточный Фолкленд — *Исла-Соледад* (*Isla Soledad*), — на котором находится Стэнли. Затем, в сентябре 1966 г., самолет Дуглас DC-4 Аргентинских авиалиний совершил несанкционированную посадку в Стэнли, который экипаж самолета назвал *Пуэрто-Риверо* (*Puerto Rivero*) [Burns 2002]. Это название вспомнили в течение коротких двух дней во время военных дей-

ствий 1982 г. Оно было дано городу в честь Антонио Риверо, гаучо, который сражался против британского заселения островов в 1833 г. и был уважаем перонистами Аргентины. Это название могло бы закрепиться в качестве избранной аргентинской альтернативы названию «Стэнли», если бы не упомянутая несанкционированная посадка с захватом самолета и его пассажиров в качестве заложников и не вторжение 1982 г., имевшее место в период военного правления антиперонистов.

Хронология изменения аргентинских номинаций для Стэнли выглядит следующим образом:

- до 2 апреля 1982 г. — *Пуэрто-Стэнли* (*Puerto Stanley*) — используется аргентинским правительством и большинством средств массовой информации; в 1965 г. некоторыми аргентинскими СМИ употреблялось наименование *Пуэрто-Соледад* (*Puerto Soledad*); в 1966 г. перонистами было использовано название *Пуэрто-Риверо*;

- 3—4 апреля 1982 г. — *Пуэрто-Риверо* (*Puerto Rivero*) — используется аргентинским правительством и средствами массовой информации;

- 5 апреля 1982 г. — *Пуэрто-де-ла-Исла-Соледад* (*Puerto de la Isla de Soledad*) — используется аргентинским правительством и средствами массовой информации;

- 6—20 апреля 1982 г. — *Пуэрто-де-лас-Ислас-Мальвинас* (*Puerto de la Islas Malvinas*) — используется аргентинским правительством и СМИ;

- с 21 апреля 1982 г. — *Пуэрто-Архентино* (*Puerto Argentino*); название предписано указом № 757 Правительства Аргентины 21 апреля 1982 г., используется с этой даты аргентинским правительством и средствами массовой информации.

Таким образом, можно увидеть, что Аргентиной использовалось пять различных имен для Стэнли в течение первых двадцати дней военных действий 1982 г., прежде чем в номенклатуре закрепилось название *Пуэрто-Архентино* (*Puerto Argentino*), которое по сей день указывается на аргентинских картах.

Вместе с тем после вторжения 1982 г. Аргентина взяла на себя ответственность за выбор некоторого числа топонимов, связанных с Фолклендскими островами. Аргентинские власти приняли решение о новых предпочтениях в отношении ограниченного числа географических объектов; например, *Баия-дель-Кастор* (*Bahía del Castor*) заменил *Баия-де-ла-Плата* (*Bahía de la Plata*) в качестве более предпочтительного названия для залива *Бивер-Бей* (*Beaver Bay*). Одно арген-

тинское нововведение представляет особый интерес. Во время военных действий 1982 г. считалось, что из двух соседних западных фолклендских вершин, горы Робинсон и горы Адам, первая была чуть выше. Соответственно для горы Робинсон Аргентина применила название *Монте-Индепенденсия* (*Monte Independencia*), в то же время обозначая гору Адам как *Монте-Бофорт* (*Monte Beauforte*). Но недавнее исследование показало, что гора Адам является более высоким пиком, стоящим на высоте 700 метров над уровнем моря против 695 метров у горы Робинсон. После этого открытия Аргентина передала имя Монте-Индепенденсия от горы Робинсон горе Адам.

В июле 1999 г. Соединенное Королевство и Аргентина выпустили Совместное заявление о взаимоотношениях между двумя странами, в котором затрагивался вопрос о географических названиях на Фолклендских островах [Agreement of 14th July 1999 [http](http://www.fco.gov.uk/Files/Data/19990714%20Agreement%20on%20the%20Falkland%20Islands.pdf)]. В соответствующем разделе (IV (ii)) Совместного заявления было объявлено, что «правительство Аргентины готово рассмотреть вопрос о топонимии на Фолклендских островах. С этой целью оно продолжит консультации с соответствующими национальными учреждениями». Это заявление было сделано министром иностранных дел Великобритании того времени Робинотом Куком на

пресс-конференции, в ходе которой он сообщил: «Со своей стороны, правительство Аргентины проведет обзор испаноязычных географических названий на Фолклендских островах, которые были введены декретом <Аргентинского генерала> Галтьери» [The toponymy of the Falkland Islands... 2006: 6].

Намерение Аргентины состояло в том, чтобы обсудить этот вопрос внутри страны со своими «соответствующими национальными учреждениями», но было ли это сделано, до сих пор не известно. Как уже отмечалось ранее, на Фолклендских островах имеется более 200 географических объектов с неофициальными наименованиями на испанском языке, однако лишь одна такая топонимация действительно датируется периодом деятельности Галтьери: *Пуэрто-Архентино* (*Puerto Argentino*), название, которое, как уже отмечалось выше, используется в качестве альтернативы для наименования столицы, Порт-Стэнли. Большинство испанских наименований, в первую очередь *Islas Malvinas*, имеют гораздо более длительную историю использования со своей этимологией и, хотя и не являются официальными с точки зрения суверенитета, действительно употребляются в испанском языке.

В нашей стране в разные годы на картах изображение Фолклендских островов менялось. Рассмотрим примеры (рис. 1—3).

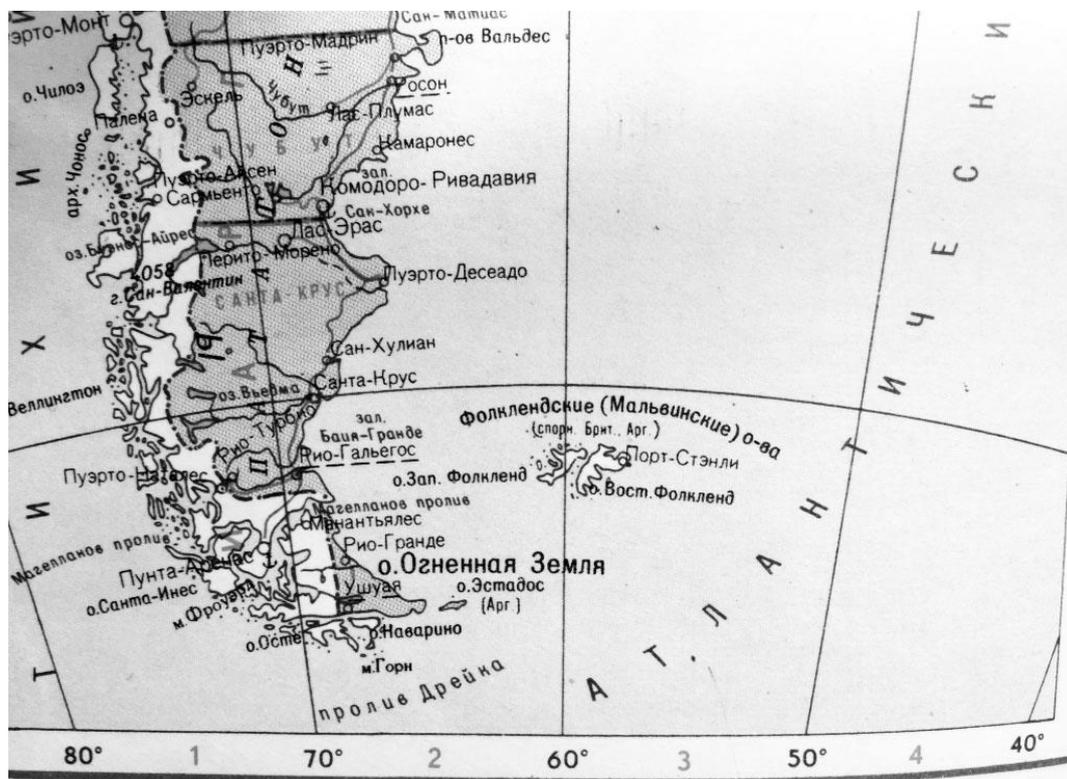

Рис. 1. Малый атлас мира. М. : ГУГК, 1981. 147 с.

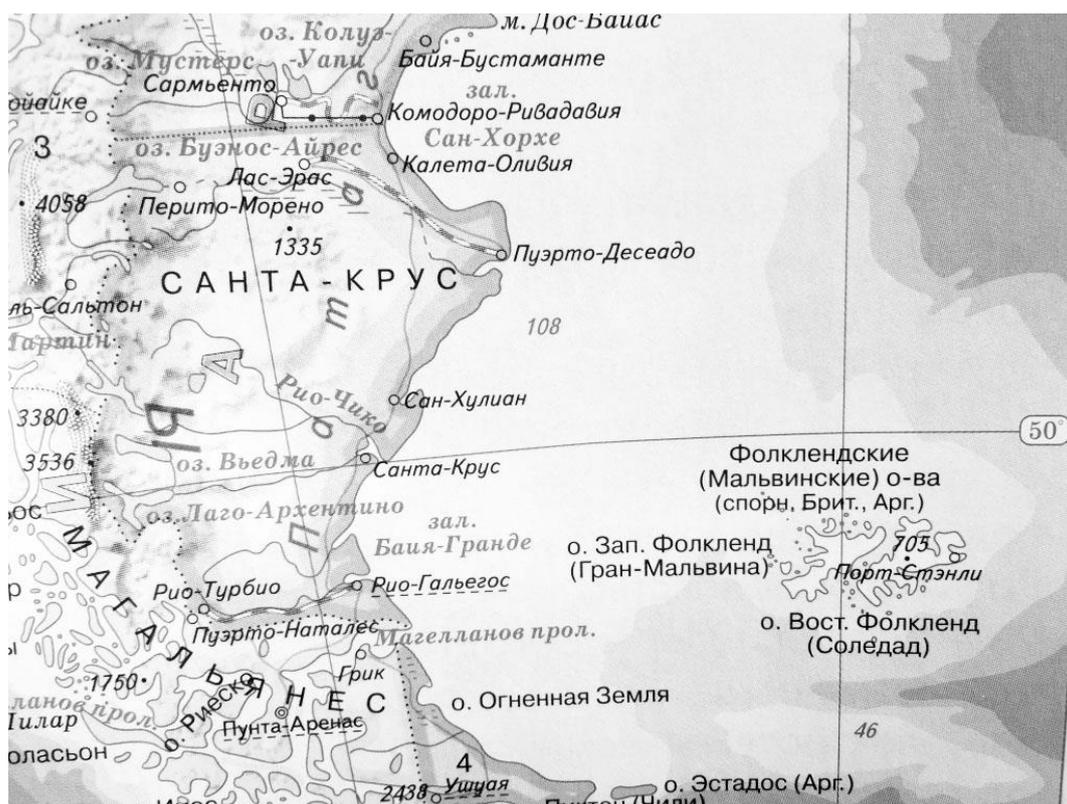

Рис. 2. Универсальный атлас мира. М. : Астрель АСТ, 2004 г.

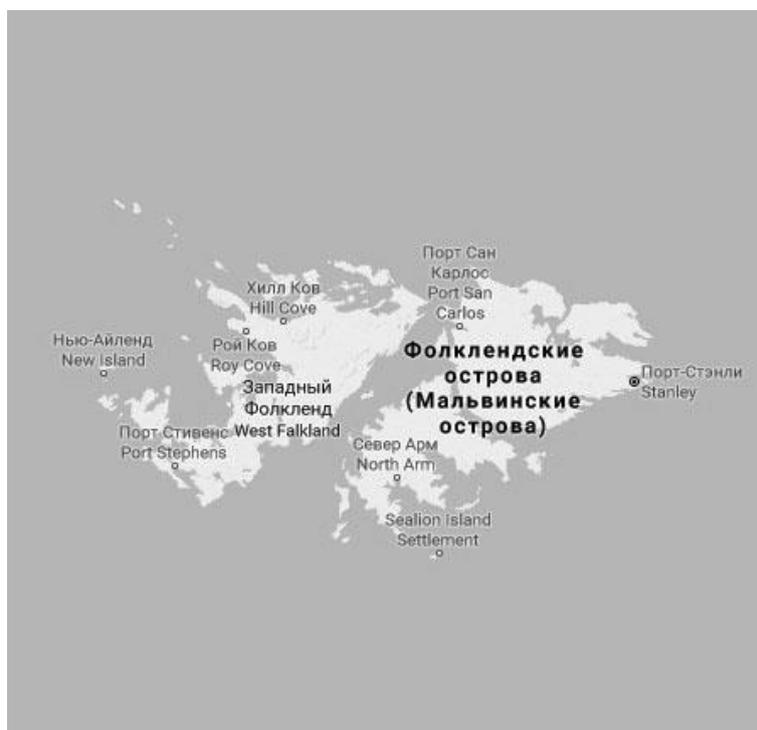

Рис. 3. «Google карты». Август 2018 г.

Общее наблюдение одно: как бы ни отвечала Великобритания на притязания Аргентины на эти территории, как бы ни осуждались и отрицались параллельные испаноязычные наименования, во все времена название Фолклендские острова сопровож-

далось и продолжает сопровождаться пояснением Мальвинские острова. Влияние оказала здесь Резолюция 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 г. — Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам [Де-

кларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам [http](http://)]. По итогам ассамблеи на 1398-м пленарном заседании 16 декабря 1965 г. была принята резолюция 2065 «Вопрос о Фолклендских (Мальвинских) островах», на протяжении всего текста которой эти территории обозначались в двойном варианте. Вся документация ООН на всех языках, кроме испанского, упоминает острова как *Фолклендские (Мальвинские) острова / Falkland Islands (Malvinas)*. По-испански территория указывается как *Islas Malvinas (Falkland Islands)* [Резолюции, принятые по докладам Четвертого комитета [http](http://)].

Лингвопрагматический анализ топонимии Фолклендских (Мальвинских) островов

Ввиду того, что в настоящий момент Фолкленды контролируются Великобританией, а население островов в массе своей англоязычное, для анализа топонимии данной области мы взяли общепринятые англоязычные карты, используя популярный ресурс *Google maps*. Площадь островов — 12 173 км². По данным последней переписи (2016 г.), население Фолклендских островов составляет всего 3200 человек, поэтому топонимический материал для изучения не так обширен, как в других регионах мира.

Топонимический корпус региона главным образом складывается из англоязычных, испаноязычных и франкоязычных единиц. При этом, по нашим оценкам, на карте Фолклендских островов преобладают англоязычные имена. Из выявленных и проанализированных нами 210 единиц лишь 19 обладают испанскими компонентами, 10 — французскими, остальные же являются англоязычными.

Несмотря на существование параллельной двуязычной номинации, нельзя сказать, что осуществляется четкое языковое разделение и на британских картах исключено использование испаноязычных названий. Так, например, среди ойконимов выделяются наименования относительно крупных поселений *Сальвадор (Salvador)*, *Марикета (Marigueta)* и *Сан-Карлос (San Carlos)*, а среди гидронимов — пруд *Мачо-Понд (Macho Pond)*, река *Сан-Карлос (San Carlos River)*. Название одного из многочисленных полуостровов, *п-ов Сан-Луис*, не имеет английского эквивалента, и имя объекта взято из испанского языка, *Peninsula de San Luis*. На британские карты свободно нанесены и другие испаноязычные топонимы. Некоторые представляют собой чистое испанское лингвокультурологическое наследие (ойконимы *Дос-Ломас (Dos Lomas)*, *Пьедра-Сола (Piedra Sola)*, *Транкилидад (Tranquilidad)*), некото-

рые — вкуче с англоязычными формантами — составляют красивые гибриды (*Порт Сан-Карлос (Port San Carlos)*, *Кэмп-Верде (Camp Verde)*, *Ринкон-Гранде-Сеттлмент (Rincon Grande Settlement)*, *Эстансыя-Хаус (Estancia House)*, *Бланко-Бэй (Blanco Bay)*).

Этимология у топонимических единиц с испанским компонентом самая разнообразная.

Сальвадор (Salvador) был основан в 1830-х гг. Андресом Питалугой, прибывшем из Гибралтара, небольшого государства на юге Пиренейского полуострова, через континентальную Южную Америку. Его потомки по-прежнему управляют там фермой, и поэтому поселение иногда называют «Гибралтарской станцией» или «поселением Гибралтар» (“Gibraltar Station” or “Gibraltar Settlement”).

Примечательно, что за политической конфронтацией между Британией и Аргентиной можно было бы забыть о первоначальном французском присутствии на Фолклендах. Но топонимы, являясь поистине историческими памятниками в языковой форме, уцелев за столетия территориальных споров, уже не позволяют сделать этого. Так, остров *Бошен (Beauchene Island)* — самый южный из Фолклендских островов площадью всего 1,72 км² — был обнаружен в 1701 г. французским мореплавателем Жаком Гуином де Бошеном (Jacques Gouin de Beauchêne), в честь которого и был назван. Примечательно, что на испаноязычных картах, несмотря на тенденцию к эксплуатации имен на испанском языке, остров также носит имя де Бошена — *Isla Beauchene*.

Порт-Луи (Port Louis) — поселение на северо-востоке Восточного Фолкленда — было основано французским мореплавателем и исследователем Луи де Бугенвилем в 1764 г. как первое французское поселение на островах, но затем было отдано Испании в 1767 г. и переименовано в *Пуэрто-Соледад (Puerto Soledad)* (на испаноязычных картах Восточный Фолкленд обозначается как *Isla Soledad*). Затем испанцы и англичане еще несколько раз переименовывали его, прежде чем вернули населенному пункту первоначальное название.

Пролив *Шуазел-Саунд (Choiseul Sound)* (местное произношение — Чисел-Саунд) был назван Луи Бугенвилем в честь выдающегося государственного деятеля, доблестного французского офицера и дипломата, министра иностранных дел Франции Этьенна Франсуа де Шуазеля (Étienne François, duc de Choiseul).

Наименование французского происхождения *Шартре (Chartres)* образует метони-

мию: кроме поселения *Chartres Settlement*, находим также реку *Chartres River*.

Самым впечатляющим, по нашим представлениям, фолклендским топонимом-гибридом является единица *Mare Harbour Rancho*. Триединство французского, английского и испанского языков (*Mare* — франц. «пруд», «лука», *Harbour* — англ. «залив», *Rancho* — исп. «ранчо») в виде объединенных топоформантов служит своеобразным призывом к объединению народов и культур.

Основная, англоязычная масса топонимов островов не имеет в своем составе единиц с религиозным контекстом, в отличие от номинаций, созданных в испанских традициях (*Сан-Карлос (San Carlos)*, *п-ов Сан-Луис (Peninsula de San Luis)*, *Концепсьон (Concepcion)*, *Сальвадор (Salvador)*). Английские имятворцы здесь делали акцент на антропотопонимы, прославляя королевских особ (*залив Квин-Шарлотт (Queen Charlotte Bay)*, *залив Короля Георга (King George Bay)*), великих деятелей науки и видных государственных деятелей (*Стэнли (Stanley)*, *Кранмер (Cranmer)*, *Дарвин (Darwin)*, *Байрон-Саунд (Byron Sound)*; в честь деда известного поэта, мореплавателя и первооткрывателя), *Порт-Эгмонт (Port Egmont)*, *Кеппел (Kerper)*, *Муди (Moody)*, *Беркли-Саунд (Berkeley Sound)*, *о. Уэдделл (Weddell Island)*, *Мак-Брайд-Хэд (MacBride Head)*, *Уокер (Walker)* и др.). В целом же, наряду с антропотопонимами, англоязычный топонимический пласт Фолклендских островов состоит в основном из оценочно-эмотивных единиц, описывающих природу и ландшафт и отношение первооткрывателей к увиденному: *Грэйт-Айленд (Great Island)*, *Нью-Айленд (New Island)*, *Си-Лайон-Айленд (Sea Lion Island)*, *Гуз-Грин (Goose Green)*, *мыс Долфин (Cape Dolphin)*, *залив Адвенчер (Adventure Sound)*, *Фокс-Бей-Ист/Уэст (Fox Bay East / West)*, *Сэнд-Фонтэйн (Sand Fountain)*, *Уорра-Ривер (Warrah River)*, *Хилл-Ков (Hill Cove)*, *Арк-Айлендс (Arch Islands)*, *Фоул-Бей (Foul Bay)* и др.

Интересна также местная традиция, общая для всех европейских мореплавателей, — называть географические объекты по именам прибывших на эту территорию кораблей: *Сан-Карлос (San Carlos)*, *о-ва Джейсон (Jason Islands)*, *о. Каркасс (Carcass Island)*, *море Скоша (Scotia Sea)*, *Урани-Бей (Urania Bay)*, *Конкордия-Бей (Concordia Bay)*.

Существует своеобразная путаница в отношении того, каково правильное название основного поселения Фолклендских островов — Стэнли или Порт-Стэнли. По сей день разные карты дают разные варианты. 2 августа 1956 г. сотрудник Правительства Фолклендских островов доложил государ-

ственному секретарю колоний в Лондоне: «Наблюдается некоторая сложность с определением правильного названия столицы. В ранних сообщениях содержится ссылка на Порт-Стэнли и Стэнли. Порт-Стэнли был принят Комиссией по именованию, созданной в 1943 году и включившей местные названия в карты военного ведомства. Мнения местного населения по этому вопросу различаются, но нет сомнений в том, что и ныне, и ранее название Стэнли — обычное явление. Столица определяется как Стэнли в Постановлении об устном и общем праве. В сложившихся обстоятельствах я бы посоветовал, чтобы столица называлась Стэнли» [Делегация Фолклендских островов отправляется в Аргентину на переговоры].

Предпочтение в пользу Стэнли, судя по картографическим данным, сохранилось и сегодня.

Передача топонимов Фолклендских островов на русском языке

Следует отметить трудности перевода англо- и испаноязычных карт Фолклендских островов на русский язык. В настоящий момент на русскоязычных картах прочно закреплены лишь названия островов Фолклендской группы, крупных населенных пунктов и некоторых водных объектов. Спутниковые карты часто вообще не дают перевода названия объекта. Существует также разница в подаче на русском языке некоторых наименований. Так, например, пролив *Choi-seul Sound* в различных источниках дается в разных вариантах транслитерации: *Шуазель-Саунд* [Список топонимов Фолклендских островов [http](http://)], *залив Шуазель* [Карта Фолклендских островов [http](http://)]. Решение о переводе топоформантов *bay*, *sound*, *island*, *river* и других принимается хаотично: на одной и той же карте можно увидеть *о. Нью-Айленд (New Island)* (формант *island* указан по-русски) и *Сондерс (Saunders Island)* (формант *island* по-русски не указан), *залив Квин-Шарлотт (Queen Charlotte Bay)* (формант *queen* не переведен) и *залив Короля Георга (King George Bay)* (формант *king* переведен) [Карта Фолклендских островов [http](http://)] и пр.

Добавим также, что создатели карт часто пренебрегают дефисом, давно ставшим традиционным в русскоязычных вариантах иностранных топонимов. Он указывается также хаотично. Например, в одном и том же источнике можно заметить *Рой Ков*, *Хилл Ков*, *Порт Сан Карлос*, но *Нью-Айленд*, *Порт-Стэнли*, *Порт-Ховард* [Спутниковая карта Фолклендских островов].

В качестве основного приема при пере-

даче топонимических наименований Фолклендских островов на русский язык создателями карт используется транслитерация. Но некоторые имена вдохновили их на полный перевод, например: *Северный Фолклендский залив (North Falkland Sound), залив Короля Георга (King George Bay), пролив Орлиный (Eagle Passage)* [Карта Фолклендских островов [http](#)].

Не наблюдается единообразия при передаче на русский язык форманта *Bay*, некоторые карты дают *Бэй*, некоторые — *Бей*: *Фокс Бэй Запад (Fox Bay West)*, перевод в целом требует, на наш взгляд, пересмотра), *залив Фаул-Бей (Faul Bay)*.

Выводы

Таким образом, из проведенного исследования становится понятно, что, несмотря на периодические попытки двух сторон прийти к определенным результатам за столом переговоров, военный путь решения конфликта сложно исключить. На сегодняшний день Великобритания прочно удерживает свои позиции на островах и не позволяет подвергать сомнению суверенитет Фолклендов и их принадлежность Британии. Но кто знает, карту на каком языке нужно будет открыть через десяток лет, чтобы осветить актуальную топонимическую ситуацию региона?

В отношении передачи топонимов Фолклендских островов на русском языке, по нашему разумению, следует прийти к единообразному варианту подачи картографического материала, основанного на общих традициях и тенденциях, характерных для этой сферы деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргентина вновь заявила о правах на Фолклендские острова [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2018. 26 сент. URL: <https://ria.ru/world/20180926/1529342655.html>.
2. Богословская М. Будут ли Аргентина и Великобритания вновь воевать за Фолклендские острова? [Электронный ресурс] // Regnum : информационное агентство. 2015. 8 авг. URL: <https://regnum.ru/news/1950330.html>.
3. Ганюшкина Е. Б. Международно-правовые аспекты спора между Великобританией и Аргентиной о Фолклендских (Мальвинских) островах // Международное право и международные организации. 2013. № 1. С. 6—22.
4. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам [Электронный ресурс] / ООН. 1960. 14 дек. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739100>.
5. Делегация Фолклендских островов отправляется в Аргентину на переговоры [Электронный ресурс] // Fishretail. 2018. 14 мая. URL: <http://fishretail.ru/news/delegatsiya-folkland-skih-ostrovov-otpravlyayetsya-v-argentina-386201>.
6. Карта Фолклендских островов [Электронный ресурс] // Wikiway. URL: <https://wikiway.com/folklendskie-ostrova/map/>.
7. Клещенко А. В чём суть конфликта из-за Фолклендских островов? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2013. 12 марта. URL: <http://www.aif.ru/dontknows/1225965>.
8. Мальвинские (Фолклендские) острова: соглашение об экономической деятельности между Великобританией и

Аргентиной [Электронный ресурс] // Красная весна : информационное агентство. 2016. 15 сент. URL: <https://rossaprimave.ru/malvinskie-folklendskie-ostrova-soglasenie-ob-ekonomi-cheskoy-deyatelnosti-mezhdu-velikobritaniye-i>.

9. Мальвины: колониальная война XX века. — М. : ИЛА, 1984. 193 с.

10. Не зная границ: ООН включила спорные Фолклендские острова в территориальные воды Аргентины [Электронный ресурс] // RT. 2016. 30 марта. URL: <https://russian.rt.com/article/156332>.

11. Проблема принадлежности Фолклендских островов [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Проблема_принадлежности_Фолклендских_островов.

12. Резолюции, принятые по докладам Четвертого комитета [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/A/RES/2065\(XX\)](https://undocs.org/ru/A/RES/2065(XX)).

13. Список топонимов Фолклендских островов [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_топонимов_Фолклендских_островов.

14. Спутниковая карта Фолклендских островов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.satellite-maps.ru/sputnik-map-folklandostr.htm>.

15. Agreement of 14th July 1999 [Electronic resource]. URL: <https://www.webcitation.org/619xJrBcp>.

16. Boyson V. F. The Falkland Islands. — Oxford, 1924. P. 13—14.

17. Burns J. The Land that Lost its Heroes: How Argentina lost the Falklands War. — Bloomsbury, 2002. P. 30—34.

18. Cavill P. Review of Richard Munro, Place Names of the Falkland Islands; and James Hodson, A Historical Gazetteer of Cheltenham // The Journal of the English Place-Name Society. 1999. No 31. P. 130—132.

19. Dodds K. Stormy Waters: Britain, the Falkland Islands and UK-Argentine Relations // International Affairs. 2012. No 88. Iss. 4. P. 684—700.

20. Falkland Islands Guide [Electronic resource]. URL: <https://www.webcitation.org/619xJE2GV>.

21. Falkland Islands. Facts and Fictions. 50 years of Argentine Falsehoods at the United Nations [Electronic resource]. URL: <https://www.falklands.gov.fk/our-people/our-history>.

22. Ivanov L. [et al.]. The future of the Falkland Islands and its people [Electronic resource]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Future_of_the_Falkland_Islands_and_Its_People.

23. Joint communique of 2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/communique-betwe-en-argentina-and-the-united-kingdom/uk-and-argentina-joint-com-muniqué>.

24. Kon D. Los Chicos de la Guerra. English Language Edition. — New English Library, 1983. P. 17.

25. Lorton R. Falklands war: Countdown and Conflict. 1982. — Stanley, 2013. 149 p.

26. Munro R. Place Names of the Falkland Islands. — Bluntisham Books, 1998. 68 p.

27. Pascoe G., Pepper P. Getting it right: The Real History of the Falklands/Malvinas. Condense version of The Falkland Saga: a Critical study of the Falkland Islands in history and international law. 2009.

28. Pepper P. J. Port Desire and the Discovery of the Falklands [Electronic resource] // Falkland Islands Newsletter. 2001, March. No. 78. URL: <https://www.fiassociation.com/shopimages/pdfs/NL%20Archive/FIA%20NL%2078.pdf>.

29. Rydjord J. Falkland Islands: Nationalism and Names // Names. 1961. Vol. 9. Iss. 4. P. 234—247.

30. The Permanent Committee on Geographical Names. The Toponymy of The Falkland Islands as Recorded on Maps and in Gazetteers [Electronic resource]. 2016. URL: <https://web.archive.org/web/20121022063956/http://www.pcn.org.uk/Falkland%20Islands-July2006.pdf>.

31. The Toponymy of the Falkland Islands as Recorded on Maps and in Gazetteers. Crown copyright, 2006. 20 p.

32. Ware R. The Case of Antonio Rivero and Sovereignty over the Falkland Islands // The Historical Journal. 1984. Vol. 27. Iss. 4. P. 961—967.

I. A. Martynenko

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9798-3378

A. Yu. Il'ina

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
ORCID ID: 0000-0003-4282-8095

M. E. Kupriyanova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
ORCID ID: 0000-0003-2154-099X

 E-mail: irineta@rambler.ru; anna_iljina2003@mail.ru; milana_k@list.ru.

Falkland Islands Toponymy through the Prism of Territorial Disputes

ABSTRACT. *The toponymy of the Falkland Islands today needs a thorough investigation: at present, the authors of scientific articles and monographs devoted to certain aspects of the life of the region relate to the description of the geographical names of the islands in fits and starts, there is no single comprehensive toponymic dictionary of the archipelago, the web pages of the cities contain extremely limited information about the etymology of the names or have no such information at all.*

The long-standing territorial dispute between Argentina and Britain led to an armed conflict in 1982. Argentina tried to gain a foothold on the islands, which the UK had been controlling since 1833. In the 72-day war, Britain won. However, even after losing the war, Argentina did not give up claims to the islands.

This article is devoted to the peculiarities of the formation, development and modern functioning of the toponymy of the Falkland Islands through the prism of territorial disputes. The purpose of the article is to highlight the characteristic features of the formation of the regional toponymic corpus, to study the influence of historical events on the changes in the geographical nomenclature and to carry out a linguo-pragmatic analysis of the toponymic units identified. For the first time the article presents a historical-linguistic and etymological description of the geographical names of the islands and a quantitative estimation of English-speaking, Hispanic and French-speaking toponyms. The authors draw conclusions about the main nominative traditions in the Falkland Islands and provide numerous examples.

KEYWORDS: *toponyms; toponymy; etymology; territorial disputes; geographic names.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Martynenko Irina Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of English Department No 2, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Il'ina Anna Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kupriyanova Milana Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow.*

FOR CITATION: *Martynenko, I. A. Falkland Islands Toponymy through the Prism of Territorial Disputes / I. A. Martynenko, A. Yu. Il'ina, M. E. Kupriyanova // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 67-78. — DOI 10.26170/pl19-02-07.*

REFERENCES

1. Argentina Reiterated its Rights to the Falkland Islands [Electronic resource] // RIA News. 2018. Sept. 26 [Argentina vnov' zayavila o pravakh na Folklendskie ostrova // RIA «Novosti». 2018. 26 sent.]. URL: <https://ria.ru/world/20180926/1529342655.html>. — (In Rus.)
2. Bogoslovskaya M. Will Argentina and Great Britain Fight Again for the Falkland Islands? [Electronic resource] // Regnum : News Agency. 2015. Aug. 8. [Budut li Argentina i Velikobritaniya vnov' voevat' za Folklendskie ostrova? // Regnum : informatsionnoe agentstvo. 2015. 8 avg.]. URL: <https://regnum.ru/news/1950330.html>. — (In Rus.)
3. Ganyushkina E. B. International Legal Aspects of the Dispute Between Great Britain and Argentina about the Falkland Islands (Malvinas) Islands // International Law and International Organizations. 2013. No. 1. P. 6—22. [Mezhdunarodno-pravovye aspekty spora mezhdu Velikobritaniyey i Argentinoy o Folklendskikh (Mal'vinskikh) ostrovakh // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii. 2013. № 1. S. 6—22]. — (In Rus.)
4. Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples [Electronic resource] // UN. 1960. Dec. 14. [Deklaratsiya o predostavlenii nezavisimosti kolonial'nykh stranam i narodam / OON. 1960. 14 dek.]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739100>. — (In Rus.)
5. The Delegation of the Falkland Islands is sent to Argentina for Talks [Electronic resource] // Fishretail. 2018. May 14th. [Delegatsiya Folklendskikh ostrovov otpravlyaetsya v Argentinu na

peregovory // Fishretail. 2018. 14 maya]. URL: <http://fishretail.ru/news/delegatsiya-folklendskikh-ostrovov-otpravlyaetsya-v-argentinu-386201>. — (In Rus.)

6. Map of the Falkland Islands [Electronic resource] // Wikiway. [Karta Folklendskikh ostrovov // Wikiway]. URL: <https://wikiway.com/folklendskie-ostrova/map/>. — (In Rus.)

7. Kleshchenko A. What is the Essence of the Conflict over the Falkland Islands? [Electronic resource] // Arguments and facts. 2013. March 12. [V chem sut' konflikta iz-za Folklendskikh ostrovov? // Argumenty i fakty. 2013. 12 marta]. URL: <http://www.aif.ru/dontknows/1225965>. — (In Rus.)

8. Malvinas (Falkland) Islands: an Agreement on Economic Activity Between Great Britain and Argentina [Electronic resource] // Red Spring: news agency. 2016. 15 Sep. [Mal'vinskije (Folklendskie) ostrova: soglasenie ob ekonomicheskoy deyatel'nosti mezhdu Velikobritaniyey i Argentinoy // Krasnaya vesna : informatsionnoe agentstvo. 2016. 15 sent.]. URL: <https://rossaprimavera.ru/malvinskije-folklendskie-ostrova-soglasenie-ob-ekonomicheskoy-deyatelnosti-mezhdu-velikobritaniyey-i>. — (In Rus.)

9. Malvina: Colonial War of the Twentieth Century. — Moscow : ILA, 1984. 193 p. [Mal'viny: kolonial'naya vojna XX veka. — M. : ILA, 1984. 193 s.]. — (In Rus.)

10. Without Knowing the Borders: the UN has Included the Controversial Falkland Islands in the Territorial Waters of Argentina [Electronic resource] // RT. 2016. March 30. [Ne znaya granits: OON vkluchila spornye Folklendskie ostrova v territorial'nye vody Argentiny [Elektronnyy resurs] // RT. 2016. 30 mar-

ta]. URL: <https://russian.rt.com/article/156332>. — (In Rus.)

11. The Problem of Belonging of the Falkland Islands [Electronic resource] // Wikipedia: the free encyclopedia. [Problema prinadlezhnosti Folklendskikh ostrovov // Vikipediya : svobodnaya entsiklopediya]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Problema_prinadlezhnosti_Folklendskikh_ostrovov. — (In Rus.)

12. Resolutions Adopted on the Reports of the Fourth Committee [Electronic resource]. [Rezolyutsii, prinyatyie po dokladam Chetvertogo komiteta]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2065> (XX). — (In Rus.)

13. The list of Toponyms of the Falkland Islands [Electronic resource] // Wikipedia: the free encyclopedia. [Spisok toponimov Folklendskikh ostrovov // Vikipediya : svobodnaya entsiklopediya]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_toponimov_Folklendskikh_ostrovov. — (In Rus.)

14. Satellite Map of the Falkland Islands [Electronic resource]. [Sputnikovaya karta Folklendskikh ostrovov]. URL: <http://www.satellite-maps.ru/sputnik-map-folklendostr.htm>.

15. Agreement of 14th July 1999 [Electronic resource]. URL: <https://www.webcitation.org/619xJrBcp>.

16. Boyson V. F. The Falkland Islands. — Oxford, 1924. P. 13—14.

17. Burns J. The Land that Lost its Heroes: How Argentina lost the Falklands War. — Bloomsbury, 2002. P. 30—34.

18. Cavill P. Review of Richard Munro, Place Names of the Falkland Islands; and James Hodson, A Historical Gazetteer of Cheltenham // The Journal of the English Place-Name Society. 1999. No 31. P. 130—132.

19. Dodds K. Stormy Waters: Britain, the Falkland Islands and UK-Argentine Relations // International Affairs. 2012. No 88. Iss. 4. P. 684—700.

20. Falkland Islands Guide [Electronic resource]. URL: <https://www.webcitation.org/619xJE2GV>.

21. Falkland Islands. Facts and Fictions. 50 years of Argentine Falsehoods at the United Nations [Electronic resource]. URL: <https://www.falklands.gov.fk/our-people/our-history>.

22. Ivanov L. [et al.]. The future of the Falkland Islands and its people [Electronic resource]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Future_of_the_Falkland_Islands_and_Its_People.

23. Joint communique of 2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/communique-between-argentina-and-the-united-kingdom/uk-and-argentina-joint-communique>.

24. Kon D. Los Chicos de la Guerra. English Language Edition. — New English Library, 1983. P. 17.

25. Lorton R. Falklands war: Countdown and Conflict. 1982. — Stanley, 2013. 149 p.

26. Munro R. Place Names of the Falkland Islands. — Bluntisham Books, 1998. 68 p.

27. Pascoe G., Pepper P. Getting it right: The Real History of the Falklands/Malvinas. Condense version of The Falkland Saga: a Critical study of the Falkland Islands in history and international law. 2009.

28. Pepper P. J. Port Desire and the Discovery of the Falklands [Electronic resource] // Falkland Islands Newsletter. 2001, March. No. 78. URL: <https://www.fiassociation.com/shopimages/pdfs/NL%20Archive/FIA%20NL%2078.pdf>.

29. Rydjord J. Falkland Islands: Nationalism and Names // Names. 1961. Vol. 9. Iss. 4. P. 234—247.

30. The Permanent Committee on Geographical Names. The Toponymy of The Falkland Islands as Recorded on Maps and in Gazetteers [Electronic resource]. 2016. URL: <https://web.archive.org/web/20121022063956/http://www.pcn.org.uk/Falkland%20Islands-July2006.pdf>.

31. The Toponymy of the Falkland Islands as Recorded on Maps and in Gazetteers. Crown copyright, 2006. 20 p.

32. Ware R. The Case of Antonio Rivero and Sovereignty over the Falkland Islands // The Historical Journal. 1984. Vol. 27. Iss. 4. P. 961—967.

Ю. В. Матова

Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4636-8946 **E-mail:** juliasatushina@gmail.com.

Метафорическое обозначение политиков в русском и английском языках

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются переносные значения имен существительных с семантикой субъекта трудовой деятельности (жандарм, лавочник, мясник, солдат, ахетан, executioner, slave-driver, sportsman и др.) в русскоязычной и англоязычной политической коммуникации. Материалом для исследования послужили данные Национального корпуса русского языка и Оксфордского корпуса английского языка. Особое внимание в статье уделено выявлению и моделированию структур знания, лежащих в основе метафоризации. Анализ языкового материала показал, что в политической коммуникации источниками метафоризации регулярно служат следующие смысловые субсферы в рамках семантической сферы «Трудовая деятельность»: надзор и дознание; военная служба и спорт; волшебство и магия; торговля и финансы. Для русского и английского языков характерно сходство основных закономерностей метафоризации у выделенных смысловых групп. Как для русскоязычной, так и для англоязычной политической коммуникации характерно наличие пейоративного компонента в семантике переносных значений лексем, называющих работников правоохранительных, карательных органов, а также трудовых сфер, ассоциирующихся с жестокостью и насилием (мясозаготовка, лесозаготовка). Регулярно включается в метафоризацию лексика из военной и спортивной сферы, при этом делается упор на стереотипных положительных личностных качествах военных и спортсменов (военные — благородные, доблестные, самоотверженные, преданные делу люди; спортсменам уподобляются честные политики, те, кто соблюдают правила и умеют проигрывать). В обоих языках метафоры из сферы торговли регулярно включают отрицательный оценочный компонент, однако основания для негативной оценки различаются: в английском языке номинации торговцев служат для обозначения политических деятелей, которые занимаются распространением, пропагандой чего-либо неприятного, опасного, в русском языке акцент сделан на личных качествах продавца, что позволяет создавать номинации алчных чиновников, готовых на многое ради наживы, умышленно использующих что-либо в личных корыстных целях. Как демонстрируют переносные употребления лексики из смысловой субсферы «Волшебство и магия», характер оценочного компонента метафор в политическом дискурсе (отрицательный: метафоры служат для наименования плутов, обманщиков) может не совпадать с типом оценки, выявляемой в других видах коммуникации (частотна положительная оценка, связанная с указанием на выдающиеся способности).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические деятели; политический дискурс; политическая метафорология; политические метафоры; метафорические модели; метафорическое моделирование; политическая коммуникация; русский язык; английский язык; сравнительное языкознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Матова Юлия Вячеславовна, аспирант заочной формы обучения, Уральский государственный педагогический университет; преподаватель английского языка, муниципальное автономное общеобразовательное учреждение — гимназия № 8 «Лицей им. С. П. Дягилева»; 620026, Россия, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 173; e-mail: juliasatushina@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Матова, Ю. В. Метафорическое обозначение политиков в русском и английском языках / Ю. В. Матова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 79-84. — DOI 10.26170/pl19-02-08.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение языковых структур в их неразрывной связи с когнитивной деятельностью человека, процессом концептуализации знаний. Поскольку язык тесно связан с культурой этноса, то черты мировидения народа, элементы материальной и духовной жизни отражены в лексических единицах.

По признанию исследователей, особой силой в отражении когнитивной картины мира в языке обладает метафора [Дэвидсон 1990: 174; Опарина 2000: 187; Резанова 2003: 46; Телия 1988: 40]. Важное место в метафорической системе как русского, так и английского языка занимает метафора тру-

довой деятельности, что обусловлено особой ролью труда и профессии в структуре социальных отношений, их местом в развитии личности. О метафоризации лексики профессионально-трудовой деятельности в русском языке в исторической перспективе пишет в своих монографиях Л. В. Балашова [Балашова 2011, 2014].

В настоящей статье рассматриваются переносные значения имен существительных с семантикой субъекта трудовой деятельности и их функционирование в политической коммуникации, в частности анализируются метафоры из следующих смысловых субсфер: надзор и дознание; военная служба и спорт; волшебство и магия; торговля и

финансы. В нашей предыдущей статье [Матова 2018] раскрыты особенности употребления метафор, источником которых выступают такие смысловые субсферы, как созидательная трудовая деятельность; искусство и творчество; руководство и управление; прислуживание и низкоквалифицированный труд. Анализ корпусных данных позволил сделать вывод о том, что метафоры трудовой деятельности регулярно используются в политических текстах и сочетают именование, характеристику человека с оценкой личностных качеств этого человека и его деятельности. Кроме того, для русскоязычной и англоязычной политической коммуникации характерно использование сходных метафорических моделей.

Как для русскоязычной, так и для англоязычной политической коммуникации характерно наличие пейоративного компонента в семантике переносных значений лексем, называющих работников правоохранительных, карательных органов, а также трудовых сфер, ассоциирующихся с жестокостью и насилием.

Особенности профессиональной деятельности работников правоохранительных и карательных органов объясняют появление признаков 'жестокий', 'безжалостный', 'деспотичный' в метафорах. Так, переносное значение лексем *жандарм/gendarme* позволяет употреблять их для обозначения деспотичного политика или государства, правительство которого подавляет другие страны: *Последнее для Америки очень важно, поскольку она хочет не только быть „мировым жандармом“, но также и всеобщей любимицей; Even the Americans recognize that Israel can no longer play its Cold War role as the gendarme in the Middle East / Даже американцы признают, что Израиль уже не может быть жандармом на Ближнем Востоке, как во времена холодной войны.*

Жестокого угнетателя, мучителя обозначают метафорические производные существительного *палач/executioner*: *Советскому народу эта война нужна была, чтобы как-то выйти хоть на время из состояния <...> массового истребления палачами собственного народа; When Prokofiev's death coincided with Stalin's, besides an executioner Russia lost a genius / Когда смерть Прокофьева совпала со смертью Сталина, помимо палача Россия лишилась гения.*

Помимо названных видов деятельности, с особой жестокостью у носителей языка ассоциируется тюремный надзор, процесс дознания, охрана порядка: *Запад на современном этапе во многом занял роль тюремщика для России; Путин надзиратель,*

который арестовывает (наверно, лично) митингующих на Красной площади; ...transformed the United States from global trendsetter to selfappointed world jailer / ...превратил Соединенные Штаты из глобального создателя трендов в самозваного мирового тюремщика; President Donald Trump has confirmed his decision to withdraw US troops from Syria and said that his country cannot be the world's policeman / Президент Дональд Трамп подтвердил свое решение вывести войска США из Сирии и сказал, что его страна не может быть мировым полицейским; Is Bush a slave-driver in the office, and driving his people into the ground? / Буш — погонщик рабов на службе и заставляет своих людей работать на износ?

Отрицательно воспринимается обществом деятельность работников сферы мясозаготовки. Вполне естественно, что люди, занятые убоим животных, представляются носителю языка кровожадными, жестокими мучителями, и это отражается в метафорах: *Жуков, конечно, великий полководец, но большего мясника, чем он, я в истории не знаю; Да и то, лишь на фоне нищих пенсионеров, плачущих под красными знамёнами о временах живодёра Сталина; Taiwan is not China and they don't kill people like the butchers in Beijin / Тайвань — не Кунтай, они не убивают людей, как мясники из Пекина.* Пейоративный оценочный компонент в английском языке включают метафорические номинации *axeman* (лесоруб), что обусловлено грубостью действий при лесозаготовке. Метафорические дериваты обозначают чиновника, который серьезно реорганизует какую-либо сферу, ломает: *Initially, he played down reports that he was being brought in as an "axeman". But one of his first acts was to shed about 100 jobs / Изначально он отшутился от сообщений, что его назначили в качестве „лесоруба“. Но одним из его первых действий стало сокращений около 100 рабочих мест.*

Регулярно включается в метафоризацию лексика из военной и спортивной сферы. Как правило, все метафоры данной группы построены на стереотипных представлениях о личностных качествах военных и спортсменов. Лексемы *богатырь* и *gladiator* (гладиатор) в метафорическом преломлении называют стойких и выдающихся людей, ведущих борьбу на политическом поприще: *Не перевелись ещё в Киеве богатыри, желающие снова побороться за Украину без Кучмы; ...beneath the surface affability lurked a tough political gladiator / ...под внешней учтивостью скрывался несгибаемый политический гладиатор.* С помощью метафориче-

ских производных от лексики военной и спортивной сферы обозначаются лица, ведущие борьбу, отличающиеся стойкостью и преданностью: *...если СПУ примет соответствующее решение и рекомендует меня на эту должность, то я, как „солдат партии“, буду его выполнять; Удальцов ведь искренний, привыкший рисковать, у него темперамент борца, и ясное дело, что такие сторонники эстетически привлекательней единоклассиков; ...he will continue to work as a party soldier with or without any post / ...он продолжит работать как солдат партии с постом или без него.*

Кроме того, на основе стереотипных представлений о военных формируются метафоры, обозначающие благородных, доблестных, самоотверженных, преданных делу людей. Люди, названные с помощью метафор *рыцарь, паладин, chevalier (шевалье), crusader (крестоносец), knight (рыцарь)*, великодушны и беззаветно преданы какому-либо делу или человеку: *Для одних он не более чем неясное интернет-порождение, а для других — современный политический рыцарь в сияющих доспехах (о Навальном); He joined a group of crusaders for political reform / Он присоединился к группе крестоносцев [борцов] за политическую реформу; All too often, our side wants a knight in shining armor; we expect a politician to come and save us / Слишком часто наша сторона ожидает рыцаря в блестящих доспехах, мы ждем, что политик придет и спасет нас.*

Помимо названных метафор, в английском языке синонимом честного и благородного политика становится существительное *sportsman (спортсмен)*: *We should be sportsmen and accept the outcome of an election, and be a good winner or a good loser, no matter what the results are / Мы должны быть спортсменами и принять результаты выборов, быть достойными победителями или достойными проигравшими, независимо от результатов.* Развитие у лексемы *sportsman* значения «человек, демонстрирующий качества, которые высоко ценятся в спорте, такие как честность, благородство, тот, кто соблюдает правила и умеет проигрывать» вызвано культурными причинами. Одним из важнейших и наиболее почитаемых жизненных принципов в английской культуре является принцип «честной игры», или «fair play», который является частью кодекса джентльмена и требует вести себя честно и беспристрастно в любых обстоятельствах. Принцип «честной игры» распространяется не только на спортивные состязания, столь популярные в Великобритании, но также на политику, бизнес и

остальные сферы жизни [Fox 2005: 158—159; Степанов 2007: 77—78]. Принцип «честной игры» характеризует англичан на протяжении многих столетий. В описаниях национального характера XVII в. находим такие слова: «Существует большая разница между обычной игрой и благородной игрой. <...> главное — строго следовать неписаными правилами, связавшим участников и зрителей в едином стремлении к честной игре. Это исключительно английское правило» [Langford 2001: 149].

Таким образом, формирование переносных значений в системе лексики военной сферы и спорта обусловлено главным образом ассоциациями и стереотипами, связанными с данными видами трудовой деятельности.

В политической коммуникации рассматриваемых языков представлены также метафоры, образованные от обозначений продавцов и финансистов. Интересно, что в обоих языках метафоры из сферы торговли регулярно включают отрицательный оценочный компонент, однако основания для негативной оценки различаются в зависимости от языка.

Так, в английском языке номинации торговцев служат для обозначения политических деятелей, которые занимаются распространением, пропагандой чего-либо неприятного, опасного (*merchant — купец, торговец, peddler — торговец вразнос*): *That once again exposed the viciousness of the Republican smear merchants and their most devoted followers / Это в очередной раз обнажило порочность республиканских торговцев клеветой и их самых преданных последователей; Last week a merchant of fear has barreled into the White House, and, on Sunday, he reiterated his threat to deport millions of people / На прошлой неделе торговец страхом стремительно занял Белый дом, а в воскресенье он возобновил свою угрозу депортировать миллионы людей; People feel excluded from society, excluded from politics and people who are peddlers of fear and hate can capitalise on that / Люди чувствуют себя исключенными из общества, отстраненными от политики, и торговцы страхом и ненавистью наживаются на этом.*

В русском языке акцент сделан на личных качествах продавца: метафорические дериваты лексем *коммерсант, лавочник, спекулянт, торгош* становятся средством косвенной номинации алчных чиновников, готовых на многое ради наживы, умышленно использующих что-либо в личных корыстных целях. Доказательством сказанного служат

следующие примеры: *Нужен не политический коммерсант, а борец. За ним массы и пойдут; Лапшин и его окружение давно превратились в лавочников от политики, беззастенчиво торгуют брендом Аграрной партии; О каких тогда равных возможностях для женщины говорят спекулянты и спекулянтки от политики? Разговоры идут о возможности для женщины стать премьер-министром, министром обороны или снайпером какой-нибудь войны; Путин постарается обменять Савченко на что-то существенное: „Путин, как политический торгаш, выжмет и из Керри <...> все политические дивиденды, которые будут возможны“.* Метафорические производные архаизма *ростовщик* в современном русском языке именуют алчных банкиров, ссужающих деньги под высокий процент, или финансистов-корыстолюбцев: *...что может заменить полностью скомпрометировавшее себя „демократическое“ устройство западного мира, управляемого грязными ростовщиками, бесстыдно манипулирующими менее ловкими людьми, и так далее.* Сходные метафоры формируются на основе лексемы *usurer* (*ростовщик*) в английском языке: *Capitalists were usurers and enemies of labor / Капиталисты были ростовщиками и врагами труда.*

Как отмечают многие специалисты, русскую культуру отличает неприятие мелочности, мещанства, пристрастия к внешней стороне жизни, стяжательства [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 129—135; Степанов 2004: 580—590]. Ценится скромность, неприхотливость, бескорыстие, считается, что человек не должен хвалиться своими доходами, что материальное второстепенно. Погоня за материальными ценностями, стремление к накопительству резко осуждаются (см., напр., анализ концепта «собственность» в работе [Бабаева 2005], концепта «купля/продажа» в работе [Осипова 2005]). Поэтому при метафорическом осмыслении акцентируются негативные качества продавца как личности. Кроме того, торговля не является созидательным трудом, нацеленным на получение утилитарного продукта, поэтому торговая деятельность не расценивается как полезная и благородная.

Отдельно стоит сказать о метафоризации лексики, в денотативное ядро которой входит признак ‘работа по найму’, ‘выполнение работы за деньги’. Это такие существительные, как *наемник, наймит, кондотьер, проститутка, mercenary* (наемник), *prostitute* (проститутка). В обоих языках они формируют метафоры по одинаковой модели — переносные значения данных существи-

тельных используются для обозначения продажных, беспринципных, алчных политиков: *Этот опус предоставляет олигархам, читай, бандитам у власти, возможность подкупать целые партии и через них проталкивать в Госдуму своих наймитов; Ельцин разделил власть не как положено в нормальном обществе, между элитами, а между командами кондотьеров; В нынешней политической системе России лидер КПРФ Геннадий Зюганов — политическая проститутка, а глава ЛДПР Владимир Жириновский — даже не проститутка, а „купленный шоумен на службе Кремля“; Lee wasn't a political mercenary, simply serving the highest bidder. Politics wasn't his business. It was his calling in life / Ли не был политическим наемником, служащим тому, кто больше заплатит. Политика не была для него бизнесом. Она была его призванием по жизни; I want to see philosopher kings, not political prostitutes pandering to special interests / Я хочу видеть королей-философов, а не политических проститутков, угождающих отдельным интересам.*

Таким образом, метафоризация лексики из сферы торговли и финансов строится главным образом на ассоциациях, связанных с представителями торговых профессий, культурных стереотипах. Негативная оценочность связана с неприятием алчности, беспринципности, корысти.

Как и метафоры, описанные выше, переносные употребления лексики из смысловой субсферы «Волшебство и магия» используются для номинации политиков, а также оценочной характеристики их действий и поведения. Однако в данном случае тип оценки зачастую отличается от принятой в других видах коммуникации. Как показывает наш анализ, в других видах дискурса метафорические дериваты существительных, именующих магов и чародеев, имеют положительную оценку. При переносе признак ‘наличие сверхъестественных способностей’ преобразуется в такие признаки, как ‘наличие таланта’, ‘выдающиеся, необычные способности’, ‘исключительные качества’.

Так, *волшебником/wizard* называют того, кто поражает своими выдающимися знаниями и умениями: *Как истинный волшебник кисти, Аркадий Петрович умел нарисовать и свежесть ветра, и яркость солнца, и „звон мошкары, что в горячих лучах клубится“; In addition to being a wizard with the camera, Eastwood has made some truly great movies / Вдобавок к тому, что он — волшебник с камерой, Иствуд создал несколько по-настоящему великих фильмов.* Метафорические производные лексем *кудесник,*

чудодей, чародей, *magician* (*mag*), *enchanter* (чародей) помогают обозначить тех, кто изумляет, восхищает своим мастерством, искусством, кто совершает нечто необычное, удивительное: *Мой старший внук Антон — специалист и чудодей в делах компьютерных; Рана оказалась глубокой, но, по счастью, хирург был чудодеем и успокоил бедную Валю, обещая применить для перевязки материал телесного цвета, такой, что публика ничего не заметит; Вечер музыки для скрипки и фортепиано в исполнении скрипача-чародея, русского Паганини Максима Федотова; Brazil's football team was heralded as the magicians of football / О бразильской футбольной команде возвещали как о футбольных магах; I'm an enchanter, and I worked with cars before the incident, your car busted, you could bring it to me, and I'd fix it right up / Я — чародей, я раньше работал с машинами, твоя машина сломалась, пригони ее мне, я мигом ее починю.*

При характеристике чиновников и политиков зачастую «плюс» меняется на «минус»: метафорические производные, образованные от обозначений магов и чароделов, используются для номинации плутов, обманщиков, ловкачей, махинаторов. Доказательством этого могут служить следующие примеры: *...в одной из жилищных контор поселка Эммаус нашелся чиновник-„чародей“, сумевший благодаря собственной халатности превратить волжские воды в ядерный коктейль из нечистот; На новой рабочей неделе главный политический волшебник Российской Федерации Владимир Путин должен объявить свежий состав правительства. А подобные мероприятия, с точки зрения ВВП, невысказаны без массового выпадения элиты в осадок от удивления по поводу новых назначенцев; Political magician Hillary Clinton predicted Saturday that just electing her President will cut the price of oil / Политический маг Хиллари Клинтон в субботу предсказала, что даже тот факт, что ее изберут президентом, уже снизит цену на нефть; Karl Rove, the political wizard behind George W. Bush's campaigns, is brewing a war within the Republican Party / Карл Роув, политический волшебник, стоящий за кампани-*

ями Джорджа Буша, затевает войну внутри Республиканской партии.

Проведенный анализ показывает, что в основе метафоризации лексики трудовой деятельности в русскоязычной и англоязычной политической коммуникации лежат сходные когнитивные структуры. Тем самым подтверждается общечеловеческий характер принципов, составляющих основу рассмотренных переносов.

Метафоры субъекта трудовой деятельности сочетают в себе именование политика, характеристику его поведения, личностных качеств, а также оценку этих характеристик, причем тип оценки может отличаться от принятого в других видах коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Е. В. Собственность // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 2. С. 288—299.
2. Балашова Л. В. История русской метафоры: когнитивный аспект. — Saarbrücken : LAMBERT Academic Publishing, 2011. 534 с.
3. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
4. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. — М. : Прогресс, 1990. С. 173—193.
5. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. О пошлости и прозе жизни // Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М. : Языки славянских культур, 2012. С. 117—138.
6. Матова Ю. В. Политическая коммуникация как сферамишень метафоризации лексики трудовой деятельности в русском и английском языках (на материале национальных корпусов) // Политическая лингвистика. 2018. № 3 (69). С. 48—54.
7. Опарина Е. О. Исследование метафоры в последней трети XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. — М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 186—204.
8. Осипова А. Г. Купля / Продажа // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 2. С. 166—183.
9. Резанова З. И. Метафорическое миромоделирование // Метафорический фрагмент языковой картины мира: ключевые концепты. — Воронеж : РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. Ч. 1. С. 36—77.
10. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — М. : Академический проект, 2004. 992 с.
11. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. — М. : Языки славянских культур, 2007. 248 с.
12. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. — М. : Наука, 1988. С. 26—51.
13. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behavior. — London: Hodder, 2005. 432 p.
14. Langford P. Englishness Identified: Manners and Character, 1650-1850. — Oxford: Oxford University Press, 2001. 389 p.

Yu. V. Matova

Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4636-8946

 E-mail: juliasatushina@gmail.com.

Metaphorical Nomination of Politicians in Russian and English

ABSTRACT. The article deals with transferred meanings of the nouns denoting subjects of professional activity (*zhandarm, lavochnik, myasnik, soldat, axeman, executioner, slave-driver, sportsman, etc.*) in Russian and English political communication. Research material was selected from the National Russian Corpus and the Oxford English Corpus. Special at-

attention is paid in the article to the identification and modeling of the structure of knowledge lying at the basis of metaphorization. The analysis of the sample has shown that the following semantic subspheres within the sphere "Professional Activity" regularly serve as sources of metaphorization in political communication: supervision and investigation; military service and sport; witchcraft and magic, commerce and finance. The Russian and the English languages display a similarity between the regular features of metaphorization in the given semantic groups. The presence of a pejorative component in the transferred meanings of lexemes nominating workers of law enforcing and punitive bodies, as well as those associated with cruelty and violence (meat and wood purveyance), is typical of both Russian and English political communication. Metaphorization of lexemes is regularly employed by the military and sport spheres, and the focus is placed on the stereotypical positive personality traits of military men and sportsmen (military men are presented as noble, courageous, self-sacrificing, loyal people; sportsmen nominations are used to denote honest politicians who abide by the rules of the game and know how to lose). In both languages, the metaphors from the sphere of commerce regularly include a negative evaluative component, but the reasons for the negative evaluation may be different: in English, the nominations of traders serve to denote politicians who are engaged in dissemination and propaganda of something unpleasant and dangerous; in Russian, the accent is placed on the personal traits of the seller, which allows creating nominations of greedy officials ready to do anything for personal gain and willfully using something for their own personal profit. The transferred meanings of the lexemes from the semantic subsphere "Witchcraft and Magic" show that the character of the evaluative component of metaphors in political discourse (negative: the metaphors are used to denote rogues and deceivers) may not correspond to the type of evaluation in other kinds of communication (positive evaluation associated with reference to outstanding abilities is quite frequent).

KEYWORDS: politicians; political discourse; political metaphorology; political metaphors; metaphorical models; metaphorical modeling; political communication; Russian language; English language; comparative linguistics.

AUTHOR'S INFORMATION: Matova Yuliya Vyacheslavovna, Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University; English Teacher, Municipal Autonomous General Education Institution – Gymnasium No 8 "S. P. Dyagilev Lyceum", Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Matova, Yu. V. Metaphorical Nomination of Politicians in Russian and English / Yu. V. Matova // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 79-84. — DOI 10.26170/pl19-02-08.

REFERENCES

1. Babaeva E. V. Ownership // Anthology of concepts. — Volgograd : Paradigm, 2005. Vol. 2. P. 288—299. [Sobstvennost' // Antologiya kontseptov. — Volgograd : Paradigm, 2005. T. 2. S. 288—299]. — (In Rus.)
2. Balashova L. V. The History of Russian Metaphor: Cognitive Aspect. — Saarbrücken : LAMBERT Academic Publ., 2011. 534 p. [Istoriya russkoy metafory: kognitivnyy aspekt. — Saarbrücken : LAMBERT Academic Publishing, 2011. 534 s.]. — (In Rus.)
3. Balashova L. V. Russian Metaphor: Past, Present, Future. — Moscow : Languages of Slavic culture, 2014. 496 p. [Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 496 s.]. — (In Rus.)
4. Davidson D. What Metaphors Mean // The Theory of Metaphor. — Moscow : Progress, 1990. P. 173—193. [Chto oznachayut metafory // Teoriya metafory. — M. : Progress, 1990. S. 173—193]. — (In Rus.)
5. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. About Vulgarity and the Prose of Life // Constants and Variables of the Russian Language Picture of the World / A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina, A. D. Shmelev. — M. : Languages of Slavic cultures, 2012. P. 117—138. [O poshlости i proze zhizni // Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira / A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina, A. D. Shmelev. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 117—138]. — (In Rus.)
6. Matova Yu. V. Political Communication as a Sphere-Target for the Metaphorization of the Vocabulary of Labor in the Russian and English Languages (on the Material of the National Corps) // Political Linguistics. 2018. No. 3 (69). P. 48—54. [Politicheskaya kommunikatsiya kak sfera-mishen' metaforizatsii leksiki trudovoy deyatel'nosti v russkom i angliyskom yazykakh (na materiale natsional'nykh korpusov) // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 3 (69). S. 48—54]. — (In Rus.)
7. Oparina E. O. The Study of Metaphor in the Last Third of the Twentieth Century // Linguistic studies at the end of the twentieth century. — Moscow : INION RAS, 2000. P. 186—204. [Issledovanie metafory v posledney treti KhKh v. // Lingvisticheskie issledovaniya v kontse KhKh v. — M. : INION RAN, 2000. S. 186—204]. — (In Rus.)
8. Osipova A. G. Purchase / Sale // Anthology of Concepts. — Volgograd : Paradigm, 2005. Vol. 2. P. 166—183. [Kuplya / Prodazha // Antologiya kontseptov. — Volgograd : Paradigm, 2005. T. 2. S. 166—183]. — (In Rus.)
9. Rezanova Z. I. Metaphoric World Modeling // Metaphorical Fragment of the Linguistic Picture of the World: Key Concepts. — Voronezh : RIC EF VSU, 2003. Part 1. P. 36—77. [Metazhicheskoe miromodelirovanie // Metaforicheskiy fragment yazykovoy kartiny mira: klyucheveye kontsepty. — Voronezh : RITs EF VGU, 2003. Ch. 1. S. 36—77]. — (In Rus.)
10. Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian Culture. — Moscow : Academic Project, 2004. 992 p. [Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. — M. : Akademicheskii proekt, 2004. 992 s.]. — (In Rus.)
11. Stepanov Yu. S. Concepts. Thin Film of Civilization. — Moscow : Languages of Slavic Cultures, 2007. 248 p. [Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 248 s.]. — (In Rus.)
12. Teliya V. N. Metaphor as a Model of Semantic Production and its Expressive-evaluative Function // Metaphor in Language and Text. — Moscow : Science, 1988. P. 26—51. [Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaya funktsiya // Metafora v yazyke i tekste. — M. : Nauka, 1988. S. 26—51]. — (In Rus.)
13. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behavior. — London: Hodder, 2005. 432 p.
14. Langford P. Englishness Identified: Manners and Character, 1650-1850. — Oxford: Oxford University Press, 2001. 389 p.

Ж. В. Никонова

Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: —

Е. В. Соловьева

Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: —

E-mail: nikonova@lunn.ru; soloveyka13@gmail.com.

Лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса (на примере текстов дебатов в бундестаге)

АННОТАЦИЯ. В статье проводится лингвистический анализ текстов протоколов пленарных заседаний немецкого бундестага с целью выявления лингвокультурной специфики современного немецкого политического дискурса. Освещается жанровая специфика парламентских дебатов, уточняется понятие институциональности как основополагающей черты немецкого парламентского дискурса. Исследуются речевые стратегии и тактики немецких политиков. Рассматриваются особенности эксплицитного и имплицитного адресата в парламентской коммуникации. Устанавливается зависимость выбора выступающим речевой стратегии и тактик от фактора обращенности его речи. Прослеживаются кооперативные и конфронтативные тенденции в речевом поведении немецких политиков на заседаниях бундестага. В результате проведенного анализа выявляется основной принцип современной немецкой политической коммуникации, заключающийся в построении речевого взаимодействия на основе уважения и равноправия коммуникантов. Устанавливаются средства реализации принципа взаимоуважения и равноправия участников немецких парламентских дебатов, среди которых выделяются и иллюстрируются подчеркнутая языковая вежливость политиков, усложнение иллокутивной структуры употребляемых ими речевых актов, косвенность выражения коммуникативной интенции говорящего, образная театральность при экспликации отрицательной оценки в речи выступающих. Определяются языковые маркеры выражения категории вежливости в немецкой публичной политической коммуникации. Делается общий вывод о высокой коммуникативной культуре выступающих политиков на парламентской площадке Германии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: немецкий язык; политический дискурс; лингвокультурология; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; вежливость; политическая риторика; политические деятели; речевые акты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Никонова Жанна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики немецкого языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; e-mail: nikonova@lunn.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Соловьева Екатерина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603093, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23; e-mail: soloveyka13@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никонова, Ж. В. Лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса (на примере текстов дебатов в бундестаге) / Ж. В. Никонова, Е. В. Соловьева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 85-92. — DOI 10.26170/pl19-02-09.

Политический текст, будучи неразрывно связанным с социальными, историческими, идеологическими, культурными, психологическими и другими факторами политической жизни общества, является объектом исследования многих гуманитарных наук. Междисциплинарный статус политического текста позволяет увидеть особую языковую картину мира политики, специфика которой проявляется в жанровом и функциональном многообразии политических текстов, и создает основу для развития особой отрасли знания — политической лингвистики, возникшей на пересечении лингвистики и политологии и учитывающей достижения других гуманитарных наук — социологии, культурологии и психологии.

По мнению российского исследователя А. П. Чудинова, важнейшим постулатом современной политической лингвистики является «дискурсивный подход к изучению политических текстов, то есть исследование каждого конкретного текста с учетом социальной ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны» [Чудинов 2002: 129]. Тем самым особо подчеркивается роль языка политической коммуникации, который не только отражает суще-

ствующую политическую реальность, но и меняется вместе с этой реальностью, участвуя в ее преобразовании.

В политической лингвистике каждый текст рассматривается как процесс и результат политической коммуникации в конкретной ситуации. При этом цель политического дискурса заключается не в описании некоторых фактов, а в убеждении адресата, с тем чтобы, пробудив в адресате намерения, создать почву для принятия определенных взглядов и побудить к действию [Bailey 1985]. Функция воздействия на массовое или индивидуальное сознание людей, принимающих политические решения (политиков, избирателей, чиновников и др.), пронизывает все сферы политической коммуникации и состоит в оказании прямого или косвенного влияния на распределение власти (путем выборов, создания общественного мнения и пр.) и ее использование (путем принятия законов, издания указов, постановлений и пр.). Поэтому ядро политического дискурса, как подчеркивает Е. И. Шейгал, формируют те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации — борьбе за власть [Шейгал 2000]. К ним исследователь относит речи политических деятелей, политическую рекламу и парламентские дебаты.

Парламентские дебаты представляют собой диалоговый вид политического дискурса и являются повседневной практикой различных совещательных органов — парламентов, законодательных собраний. Тексты политических, в частности парламентских, дебатов являются предметом многих лингвистических исследований. Подавляющее большинство современных языковедов считает, что жанровая специфика текстов политических дебатов во многом определяется не только дискурсивными особенностями политической коммуникации (институциональность, агональность, театральность, эмотивность, фактор преобладания массового адресата и др.), но и их лингвокультурными параметрами.

Исследования лингвокультурной специфики национальных политических дискурсов в настоящее время представляются особо актуальными как вносящие вклад в налаживание межкультурного взаимодействия и преодоление межкультурных различий участников диалога в данной коммуникативной сфере (О. В. Спиридовский, Г. Н. Плотникова, Е. В. Дзюба и др.).

В настоящей статье освещаются результаты исследования лингвокультурной специфики современного немецкого политического (парламентского) дискурса, проведен-

ного авторами на примере текстов дебатов в немецком бундестаге. Материалом исследования послужили стенографические протоколы заседаний немецкого парламента за 2017—2018 гг., размещенные на официальном сайте бундестага.

Анализ языковых фактов показал, что одной из основополагающих черт немецкого парламентского дискурса является выраженная институциональность, проявляющаяся в том, что решающее значение для процесса общения в данной сфере имеют социально-ролевые отношения его участников [Никонова, Соловьева 2018]. Общение коммуникантов в бундестаге — самой высокой площадке формальных политических дискуссий в ФРГ — устанавливает необходимость строгого соблюдения статусно-ролевых и коммуникативных правил публичного политического дискурса для укрепления положительного образа национального парламента. При этом особое значение для функционирования немецкого парламентского дискурса как высокоинституционального вида политической коммуникации приобретает фактор **обращенности**, под которой понимается «когнитивный процесс планирования адресантом своего дискурсивного поведения, направленного на корректировку фрагмента модели мира адресата, осуществляемую в том числе и через обращение к конкретным социальным ролям адресата как участника взаимодействия в институциональном дискурсе с опорой на языковые средства разных уровней» [Митрофанова 2009: 10]. Обращенность политического дискурса определяет и регулирует стратегию речевого воздействия адресанта общественного института на адресата данного института [Там же]. Однако необходимо отметить особую специфику адресата в парламентском дискурсе, а именно его сложный, многоплановый характер, поскольку получателями политической информации являются не только слушатели, непосредственно находящиеся в парламентской аудитории (депутаты, наблюдатели и журналисты), но и широкий круг потенциальных избирателей, имеющих возможность следить за дебатами в бундестаге через СМИ.

Исследование стенограмм заседаний бундестага свидетельствует о том, что участники немецких парламентских дебатов в своих выступлениях фокусируют внимание на разных аспектах сложного адресата политической коммуникации, т. е. обращают свое сообщение эксплицитному либо имплицитному адресату, используя при этом разные коммуникативные стратегии и тактики, наиболее подходящие, с их точки зрения,

для решения конкретной коммуникативной задачи.

Установлена определенная зависимость выбора речевой стратегии выступающим в бундестаге от фактора обращенности его речи (эксплицитности/имплицитности запланированного адресата). Так, например, если немецкий политик настроен на ведение конструктивного диалога и политическое сотрудничество с коллегами из аудитории и обращает свою речь прежде всего к слушателям из зала, т. е. *эксплицитному* адресату сообщения, то для осуществления языкового воздействия на данный тип адресата говорящий применяет, как правило, **кооперативные** коммуникативные стратегии, направленные на вовлечение слушающего в интеракцию путем разъяснения своей позиции, убеждения в чем-либо, побуждения к принятию какого-либо решения, например:

(1) *Es liegt ein Kompromiss vor. Dieser Kompromiss ist aber einer, der trägt, und es ist einer, der die Botschaft aussendet: Der Bund kann jetzt in klaren Grenzen in Köpfe und nicht nur in Beton und in Kabel investieren. Das ist besser, das ist gerechter, das ist ein Zeichen von **Gemeinsamkeit**, und das ist **gut** für die Kinder in diesem Land, meine Damen und Herren* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7701].

Данный пример иллюстрирует реализацию говорящим кооперативной речевой стратегии через тактику **убеждения** слушающего, суть которой — воздействие на сознание адресата, в результате которого он приходит к мнению, что предлагаемое говорящим политическое действие правильно и необходимо (адресант, в свою очередь, использует для этого положительно-оценочную лексику — выделена шрифтом).

(2) *Wir alle sind der Meinung, dass vergleichbare Bildungsstandards richtig sind. Aber wir haben Zutrauen in die Länder und deren Vereinbarungen in der Kultursministerkonferenz. Wir empfinden Wettbewerb dabei nicht als Nachteil, sondern als Vorzug. Auch daran wird nicht gerüttelt. Ich will es zusammenfassen: Der Bund ist nicht der bessere Schulmeister. Der Bund will gar nicht Schulmeister sein, und er soll es nicht sein. Es geht hier um Infrastruktur. Dabei ist der Bund aber auch nicht Baumeister; das sind die Kommunen in Zusammenarbeit mit den Ländern. Der Bund wird also nicht Schulmeister und auch nicht Baumeister. Diese Aufgaben sind in guten Händen bei den Kommunen und den Ländern. Es geht einzig darum, wie wir Finanzhilfen möglich machen können, die, glaube ich, alle gemeinsam für richtig halten. Das will ich in den Mittelpunkt stellen* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7699].

Пример (2) представляет собой случай реализации говорящим кооперативной коммуникативной стратегии путем применения тактики **разъяснения**, в ходе которого адресант, приводя логические доказательства и объективные факты, постепенно подводит адресата — коллег-парламентариев — к осознанию правильности и обоснованности собственной позиции (данная цель достигается путем применения разноуровневых языковых средств, обеспечивающих высокую степень связности текста — повторов, союзов и частиц, местоимений, предложений — логических скреп типа «я хочу подытожить» и др).

В примере (3) говорящий использует кооперативную тактику **призыва**, при помощи которой адресату открыто сообщается о необходимости принятия совместного решения (направления финансирования в область дополнительного профессионального образования педагогов) для общего блага (применяются модальные глаголы — выделены шрифтом):

(3) *Es geht um Bildung. Es **darf** nicht sein, dass wir ausgerechnet in der Schule unzureichende Fortbildungen für Lehrerinnen und Lehrer haben. Wir können nicht warten, bis wir genügend junge Lehrerinnen und Lehrer haben, die Digital Natives sind. Wir **müssen** in Weiterbildung investieren* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7703].

Также следует обратить внимание на случаи обращенности речи немецких политиков, выступающих в бундестаге, к *имплицитному* адресату сообщения. Анализ таких языковых фактов позволяет установить следующее. Если речь оратора направлена в первую очередь на достижение внешнего, «театрального» эффекта, создание определенного собственного образа, завоевание симпатий широкой публики, т. е. апеллирует прежде всего к имплицитному адресату (электорату, представителям СМИ), то говорящий чаще всего использует коммуникативную стратегию **самопрезентации** либо коммуникативную стратегию **дискредитации** оппонента. Рассмотрим такие случаи на конкретных примерах.

(4) *Meine Damen und Herren, die AfD-Fraktion macht bei diesem Projekt nicht mit. Für uns ist Bildung Sache der Länder. Die AfD steht zum Föderalismus. Die AfD stellt sich vor unser Grundgesetz. **Wir machen bei Ihrer Verfassungsänderung nicht mit!*** [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7698].

В данном примере стратегия самопрезентации реализуется говорящим через тактику поляризации: фрагмент выступления имеет декларативный характер заявления от лица партии, чья позиция противопоставля-

ется позиции политических противников (используется оппозиция местоимений первого и второго лица).

(5) *Auch die müssen anständig bezahlt werden! Anständiger Lohn für alle!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/1... 2017: 7897].

Пример (5) иллюстрирует реализацию стратегии самопрезентации через тактику призыва: говорящий провозглашает лозунг явно популистского характера, внешне отвечающий запросам современного общества и рассчитанный, таким образом, на привлечение внимания потенциальных избирателей.

Следующие примеры представляют собой случаи реализации стратегии дискредитации через тактики обвинения (6) и осмеяния (7):

(6) *Ihr spaltet die Menschen in Europa, und ihr spaltet die Menschen in der Welt!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/1... 2017: 7698].

(7) *James Bond! Euro-Bonds! Projektbonds!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/1... 2017: 7699].

По своей сути данные тактики являются конфликтными. Однако анализ конкретных коммуникативных ситуаций в парламентских дебатах немецкого бундестага показывает, что за произнесением фраз подобного типа, как правило, не следует ответной (защитной) реакции оппонента, т. е. такое коммуникативное поведение расценивается самими участниками процесса общения как часть политической полемики, своеобразный ритуал, театральная ход с целью достижения зрелищности, занимательности, эффектности политической коммуникации для внешних наблюдателей (населения страны).

Анализ обширного корпуса текстов дебатов в бундестаге позволяет утверждать, что, несмотря на очевидные различия в коммуникативном поведении и варьирование речевых стратегий и тактик немецких политиков, в данной коммуникативной сфере неизменно действуют принципы и правила, строго соблюдаемые участниками процесса общения. Главным из них является **принцип взаимоуважения и равноправия** коммуникантов. Как показало исследование практического материала, данный принцип находит свое отражение в выраженной *вежливости* речевого поведения политиков, частотном применении говорящими *речевых актов со сложной иллокутивной структурой, косвенных речевых актов, а также образно-театральных речевых актов отрицательной оценки*.

Доказательством подчеркнутой вежливости коммуникантов по отношению друг к другу в немецком политическом дискурсе служат разнообразные языковые маркеры, среди ко-

торых выделяются *этикетные обращения и этикетные перформативы просьбы, благодарности и пожелания* в текстах докладов немецких депутатов, например:

(8) *Hochverehrte Frau Künast, Sie haben sicherlich schon mitbekommen, das ich über die Tagesordnung des Gastgebers Vereinigte Staaten von Amerika spreche. Das ist für Sie vielleicht schwer auszuhalten; aber das ist hier meine Aufgabe* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 4458].

(9) *Nein! Das ist eben falsch, liebe Frau Heil! Das ist wohl Frau Heils Märchenstunde!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 4458].

Примеры (8), (9) иллюстрируют использование говорящим подчеркнуто вежливых обращений даже в контекстах высказываний, имеющих общий конфликтный характер по отношению к оппоненту (выражают упрек, насмешку). Однако при очевидном намерении уязвить своего политического соперника говорящий облачает его в такую языковую форму, которая не унижает и не оскорбляет коммуникативного партнера и позволяет таким образом самому говорящему продемонстрировать собственный высокий политический статус.

В процессе анализа выявлено большое количество примеров, содержащих лексемы-интенсификаторы:

(10) *Meine Damen und Herren, ich bitte Sie sehr herzlich, dieser Änderung hier zuzustimmen, und ich bitte die Länder sehr herzlich, dafür zu sorgen, dass wir einen großen, einen guten Schritt vorankommen, was die Gleichwertigkeit der Lebensverhältnisse angeht* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7702].

Пример (10) показывает, как выступающий в бундестаге, выражая стандартное для парламентской коммуникации предложение поддержать рассматриваемый законопроект посредством перформатива *bitten*, использует в своей речи лексику *herzlich*, что придает высказыванию характер искренней дружеской просьбы.

Пример (11) демонстрирует высокую этикетность перформативного речевого акта благодарности. Выступающий депутат выражает признательность президенту, эксплицируя в речи глубокое уважение высокого статуса собеседника и формальность ситуации общения:

(11) *Gestatten Sie, lieber Herr Präsident, dass ich Ihnen zu Beginn im Namen der Bundesregierung meinen herzlichen Dank übermittle* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7898].

Примеры (12) и (13) представляют собой перформативы пожелания. Данный иллоку-

тивный тип речевого акта демонстрирует высокую частотность в речах немецких политиков, что позволяет говорящему продемонстрировать доброжелательное отношение и расположение к собеседникам, создать благоприятное впечатление своим выступлением:

(12) *Ich wünsche Ihnen für die Zukunft alles erdenklich Gute* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/57... 2018: 7899].

(13) *Ich wünsche Ihnen allen im Namen des ganzen Hauses geballte gute Wünsche und alles Gute für das neue Lebensjahr!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/57... 2018: 7899]

Анализ стенограмм заседаний бундестага также показал, что принцип взаимоуважения и равноправия коммуникантов реализуется в немецком политическом дискурсе не только при помощи экспликации в речи докладчиков категории вежливости, но и посредством частотного употребления говорящими **речевых актов со сложной иллокутивной структурой**. Следует отметить, что в данном случае речь идет об отрицательно-оценочных речевых актах, выражающих несогласие и критику по отношению к оппоненту. Однако для вербализации отрицательной оценки немецкие политики используют сложную структуру речевого акта: сначала, как правило, дается положительная оценка действий противоположной стороны, а затем вводится контраргумент, позволяющий перевернуть данную ситуацию в свою пользу, дискредитируя политического противника. Применение данного средства позволяет говорящему, не нарушая принципа взаимоуважения и равноправия политических сил, тем не менее эффективно осуществлять политическую борьбу, привлекая электорат на свою сторону, например:

(14) *Natürlich hat Herr Maas recht: Es gibt Probleme mit Hass- und Falschnachrichten und der Rolle, die soziale Netzwerke da als Plattformen spielen... Die gibt es aber nicht erst seit gestern, und sie sind unbedingt ernst zu nehmen, früher haben Sie aber die ignoriert!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25120]

(15) *Natürlich, liebe Kollegin Sitte, ist Strafverfolgung Sache der Justiz... Natürlich braucht es auch eine lebendige Zivilgesellschaft, um Hetze, Hass und Verleumdung im Netz zu begegnen... Das ist völlig unbestritten... Aber doch schon heute haben Plattformbetreiber die Pflicht, strafbare Inhalte von ihren Seiten zu löschen. Wissen Sie das denn nicht? Das ist aber eine Überraschung!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25121]

Косвенные речевые акты также являются средством реализации принципа взаимоуважения и равноправия в современном

немецком парламентском дискурсе. Наиболее частотными являются в данной связи косвенные речевые акты иллокутивных типов *совет* и *несогласие*. Косвенное выражение коммуникативных интенций адресанта в данных типах речевых актов служит для минимизации прямого коммуникативного воздействия на адресата, что дает возможность говорящему не только снизить категоричность сообщения и избежать конфликтности ситуации, но и продемонстрировать уважительное отношение к реципиенту, например:

(16) *Frau Bundeskanzlerin, ich finde, es wäre aller Ehren wert, einem solchen amerikanischen Präsidenten in der verbleibenden Amtszeit deutlich zu widersprechen* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 23420].

Данный пример является косвенным речевым актом совета, обращенного выступающим депутатом к бундесканцлеру ФРГ, присутствующему на заседании парламента. Косвенное выражение иллокутивной силы совета эксплицирует признание говорящим высокого социального статуса реципиента, а также наличия права выбора у последнего относительно каузируемого действия.

Примеры (17), (18) иллюстрируют выражение немецкими депутатами своего несогласия с позицией политических оппонентов в косвенной, завуалированно-эвфемистичной форме, когда говорящий не отрицает чужое мнение, но ссылается на свою неспособность понять или разделить его в сложившейся ситуации:

(17) *Aber ich will ganz ehrlich sagen: Ich kann die Euphorie die hier teilweise in den Wortmeldungen aus den Reihen der Koalition aufkam, als Rechtspolitiker der Union nicht so richtig teilen* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25123].

(18) *Deswegen verstehe ich so wenig, warum dann Konservative so sehr dagegen sind* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25108].

Ранее уже указывалось на наличие в немецком парламентском дискурсе ритуализованных, театральных элементов, призванных имитировать более острую политическую борьбу его участников. В данной связи необходимо отметить **образно-театральные речевые акты отрицательной оценки**, применение которых позволяет немецким политикам, с одной стороны, осуществлять критику и даже отрицание позиции политического соперника, а с другой, не нарушая рамок уважительного и равноправного общения, добиваться высокой зрелищности и эффективности своей публичной речи. Объектами отрицательной оценки при этом явля-

ются политические соперники говорящего, а сам выступающий принимает на себя роль обвиняющего судьи, разоблачителя неправды.

Однако даже в случаях выражения острой критики оппонентов немецкие депутаты демонстрируют высокую культуру политической коммуникации, проявляющуюся в отказе от грубой лексики в пользу эмотивных эпитетов, образных метафорических выражений и прецедентных единиц, например:

(19) *Zum angekündigten Evaluierungszeitpunkt wertete Herr Maas diese Gespräche aus und kam kurz vor Ostern plötzlich, wie Kai aus der Kiste, mit einem Gesetzentwurf, der helles Entsetzen auslöste!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25122]

(20) *Frau Merkel, ich kann es Ihnen nicht ersparen: Es war erbärmlich... Seit 2005 haben Sie die Diskriminierung von Lesben und Schwulen unterstützt und haben nichts dafür getan, dass es zu einer Gleichstellung kommt.. Sie haben sich hier ver Stolpert... Das war Ihr Schabowski-Moment!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25113]

Примеры (19) и (20) наглядно показывают, каким специфическим образно-описательным способом участники дебатов в бундестаге выражают отрицательную оценку позиций и действий своих политических оппонентов. В их речи, в частности, использованы идиоматические (*wie Kai aus der Kiste — как черт из табакерки* (пер. наш)) и прецедентные языковые единицы (*Ihr Schabowski-Moment* апеллирует к самой знаменитой в новейшей германской истории оговорке, что позволяет говорящему провести параллели с нынешним неловким поведением представителей власти). Очевидно, что в описываемых отрицательно-оценочных речевых актах реализуется намерение говорящего обличить, но не унизить политического противника, что выражается в вербальном оформлении высказываний подобного рода.

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что несмотря на выраженный плюрализм коммуникативного поведения участников современной немецкой политической коммуникации, проявляющийся в варьировании речевых стратегий в зависимости от позиции и личностных характеристик участников, существует определенная лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса, которая заключается прежде всего в соблюдении принципа взаимоуважения и равноправия коммуникантов. Данный принцип реализуется посредством выражения языковой категории веж-

ливости в речи политиков, а также при помощи частотного употребления говорящими речевых актов со сложной иллокутивной структурой, косвенных речевых актов, образно-театральных речевых актов отрицательной оценки.

Особо следует отметить тот факт, что соблюдение принципа взаимоуважения и равноправия в современном немецком политическом дискурсе вовсе не ограничивает возможностей осуществления ими эффективной речевой самопрезентации, что говорит о высокой коммуникативной культуре выступающих на парламентской площадке Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Белова В. Ф., Кустрова Е. Ю. Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 21—26.
2. Белова В. Ф., Зюбина И. А., Лесняк М. В., Матвеева Г. Г. Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 53—60.
3. Вознесенская Ю. В. Скрытые речевые средства ведения политической борьбы в немецкой политической коммуникации (на материале дебатов в бундестаге) // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9. 2010. Вып. 1. С. 117—122.
4. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // Вестник Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 4. С. 187—192.
5. Митрофанова Т. А. Обращенность как прагмалингвистический феномен в институциональном дискурсе (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — М., 2010. 186 с.
6. Никонова Ж. В., Соловьева Е. В. Лингвокультурные особенности немецкого политического дискурса (на примере текстов выступлений членов бундестага) // Языковая политика и лингвистическая безопасность : материалы 2-го Международ. науч.-образоват. форума (25—26 сент. 2018 г.). — Н. Новгород : НГЛУ, 2018. С. 128—133.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наук, 2006. 254 с.
8. Чудинов А. П. Политический нарратив и политический дискурс // Лингвистика : бюллетень Урал. лингвист. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2002. Т. 8. С. 128—135.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — Волгоград, 2000. 431 с.
10. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984 / G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller, eds. — Bologna : Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77—174.
11. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18244.pdf> (date of access: 23.12.2018).
12. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/1, Stenografischer Bericht, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19001.pdf> (date of access: 23.12.2018).
13. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/57, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19057.pdf> (date of access: 23.12.2018).
14. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19068.pdf> (date of access: 23.12.2018).

Z. V. Nikonova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID ID: —

E. V. Solov'eva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID ID: —

E-mail: nikonova@lunn.ru; soloveyka13@gmail.com.

Linguocultural Specificity of the Modern German Political Discourse (based on texts of the Bundestag Debates)

ABSTRACT. *The article undertakes a linguistic analysis of the texts of the German Bundestag plenary meeting transcripts with a view to identify linguocultural specificity of the modern German political discourse. It highlights the genre peculiarities of parliamentary debates and specifies the concept of institutionality as the main feature of the German parliamentary discourse. The authors study speech and language strategies and tactics of German deputies. The peculiarities of explicit and implicit recipient in the parliamentary communication are described. The study reveals the dependence of the speaker's choice of speech strategy and tactics on the factor of target audience and discovers cooperative and confronting tendencies in the verbal behavior of German politicians at the Bundestag sittings. The analysis carried out has managed to formulate the basic principle of the modern German political communication consisting in the construction of speech interaction on the grounds of respect and equality of the speakers. The article describes the means of realization of the principle of mutual respect and equality in the German parliamentary debates, among which the following are of particular note: deliberate linguistic politeness of the politicians, complication of the illocutionary structure of speech acts, indirect expression of the communicative intention of the speaker, histrionic imagery expression of negative evaluation in the speech of the deputies. The authors single out the linguistic markers of the category of politeness in the German public political communication and make conclusions about a high communicative culture of politicians speaking in the German Parliament.*

KEYWORDS: *German language; political discourse; linguoculturology; communication strategies; communication tactics; politeness; political rhetoric; politicians; speech acts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikonova Zhanna Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Theory and Practice of the German Language, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Solov'eva Ekaterina Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.*

FOR CITATION: *Nikonova, Z. V. Linguocultural Specificity of the Modern German Political Discourse (based on texts of the Bundestag Debates) / Z. V. Nikonova, E. V. Solov'eva // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 85-92. — DOI 10.26170/pl19-02-09.*

REFERENCES

1. Alferov A. V., Belova V. F., Kustova E. Y. Agonality of Parliamentary Communication (on the material of German parliamentary debates) // *Political Linguistics*. 2014. No 14 (50). P. 21—26. [Agonal'nost' parlamentskoy kommunikatsii (na materiale debatov v nemetskom parlamente) // *Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 4. S. 21—26]. — (In Rus.)
2. Belova V. F., Zyubina I. A., Lesnyak M. V., Matveeva G. G. Universal Nature of Communicative Strategies in Parliamentary Debates // *Political Linguistics*. 2016. No 3 (57). P. 53—60. [Universal'nyy kharakter kommunikativnykh strategiy v parlamentskikh debatakh // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 3 (57). S. 53—60]. — (In Rus.)
3. Voznesenskaya Yu. V. Hidden Speech Means of Political Struggle in German Political Communication (on the material of the debates in the Bundestag) // *St. Petersburg State Univ. Journ. Ser. 9*. 2010. Vol. 1. P. 117—112. [Skrytye rechevye sredstva vedeniya politicheskoy bor'by v nemetskoj politicheskoy kommunikatsii (na materiale debatov v bundestage) // *Vestn. S.-Peterb. gos. un-ta. Ser. 9*. 2010. Vyp. 1. S. 117—122]. — (In Rus.)
4. Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Communicative Strategies for Manipulating Parliamentary Discourse // *Pyatigorsk State Linguist. Univ. Journ.* 2015. No. 4. P. 187—192. [Kommunikativnye strategii manipulirovaniya v parlamentskom diskurse // *Vestnik Pyatigor. gos. lingvist. un-ta*. 2015. № 4. S. 187—192]. — (In Rus.)
5. Mitrofanova T. A. Appearance as a Pragmalinguistic Phenomenon in Institutional Discourse (on the Material of the German Language): doctoral thesis of Cand. of Filol. Sciences : 10.02.04. — Moscow, 2010. 186 p. [Obrashchennost' kak pragmalingvisticheskiy fenomen v institutsional'nom diskurse (na

materiale nemetskogo yazyka) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — M., 2010. 186 s.]. — (In Rus.)

6. Nikonova Zh. V., Solov'eva E. V. Linguistic and Cultural Features of German Political Discourse (on the example of texts of speeches by members of the Bundestag) // *Language Policy and Linguistic Security: Proceedings of the 2nd Intern. nauch.-educat. Forum (September 25—26, 2018)*. - N. Novgorod: NGLU, 2018. P. 128-133. [Lingvokul'turnye osobennosti nemetskogo politicheskogo diskursa (na primere tekstov vystupleniy chlenov bundestaga) // *Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost' : materialy 2-go Mezhdunar. nauch.-obrazovat. foruma (25—26 sent. 2018 g.)*. — N. Novgorod : NGLU, 2018. S. 128—133]. — (In Rus.)

7. Chudinov A. P. *Political Linguistics*. — Moscow : Flinta : Sciences, 2006. 254 p. [*Politicheskaya lingvistika*. — M. : Flinta : Nauk, 2006. 254 s.]. — (In Rus.)

8. Chudinov A. P. *Political Narrative and Political Discourse // Linguistics: Bulletin of Ural. Linguist. Society / Ural. State Ped. Univ.*; rep. ed. A.P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2002. Vol. 8. P. 128—135. [*Politicheskii narrativ i politicheskii diskurs // Lingvistika : byulleten' Ural. lingvist. o-va / Ural. gos. ped. un-t ; otv. red. A. P. Chudinov*. — Ekaterinburg, 2002. T. 8. S. 128—135]. — (In Rus.)

9. Sheygal E. I. *Semiotics of Political Discourse : doctoral thesis of Dr. of Filol. Sciences* : 10.02.01. — Volgograd, 2000. 431 p. [*Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01*. — Volgograd, 2000. 431 s.]. — (In Rus.)

10. Bayley P. *Live oratory in the television age: The language of formal speeches // Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984 / G. Ragazzini, D.R.B.P.*

Miller, eds. — Bologna : Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77—174.

11. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18244.pdf> (date of access: 23.12.2018).

12. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/1, Stenografischer Bericht, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19001.pdf> (date of access: 23.12.2018).

13. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/57, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19057.pdf> (date of access: 23.12.2018).

14. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19068.pdf> (date of access: 23.12.2018).

В. П. НовиковаЮжно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1004-8097 **E-mail:** veranovik@mail.ru.**Поле битвы — Брексит: лингвокогнитивный анализ**

АННОТАЦИЯ. В статье предпринимается попытка выявить и охарактеризовать средства и механизмы формирования образов в современных британских СМИ в рамках сценария выхода Великобритании из Евросоюза. Материалом исследования послужили тексты ведущих британских журналов «The Economist», «The Spectator» и газет «The Telegraph», «The Guardian», «The Independent» за период 2017—2019гг. Для достижения поставленной цели наряду с лингвистическим анализом на лексическом, стилистическом и социолингвистическом уровне проводится лингвокогнитивный анализ концептуальных метафор, участвующих в создании образов в британских СМИ. В статье доказывается, что спортивные, милитаристские, театральные и гастрономические метафоры являются ведущими средствами при создании образов на политической арене брексита. Проведенный анализ помогает сделать вывод, что метафоры не только делают более наглядным сложнейший процесс, проходящий в современном британском обществе, формируя у читателей определенные стереотипы, но и показывают, как менялась обрванная картина с течением времени. Отрицательная оценка данного политического процесса преобладает в большинстве проанализированных метафор, что служит неоспоримым доказательством негативного восприятия данного явления в аксиологической картине, вербализуемой публицистическим текстом. Результаты работы представляют интерес для широкого круга специалистов в области когнитивной лингвистики, политической лингвистики, политологии, истории, социологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; британские СМИ; политический дискурс; концептуальные метафоры; коммуникативные стратегии; политическая метафорология; «свой — чужой»; аллюзии; прецедентные феномены.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Новикова Вера Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики обучения английскому языку, факультет иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: veranovik@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Новикова, В. П. Поле битвы — Брексит: лингвокогнитивный анализ / В. П. Новикова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 93-99. — DOI 10.26170/pl19-02-10.

Лингвистический анализ помогает исследовать основные свойства и характеристики текста на различных языковых уровнях: лексическом, синтагматическом (сочетаемость), стилистическом (использование тропов, сравнений, метафор и прочих стилистических приемов), социолингвистическом, в то время как метод когнитивного анализа направлен на изучение концептуальных сторон медиатекстов. С его помощью проводится сопоставление разнообразных вариантов интерпретации каких-либо событий в СМИ и выявление того, как соотносится реальная действительность с тем, как ее представляют в медиатекстах. Идеологическая информация получает выражение в форме образов, обладающих метафорической природой. Понятие образа в медиадискурсе рассматривается в рамках термина «медиаобраз». Медиаобраз чаще всего определяется либо как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ» [Марущак 2012: 95], либо как «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [Богдан 2007:

124]. Т. Н. Галинская, рассматривая понятие «медиаобраз» в узком значении, определяет его как эпизоды реального мира, отраженные в профессиональных журналистских текстах, включающих в себя миропонимание, ценности, психологические качества и политические взгляды автора текста; в широком значении как образ действительности, создаваемый во всех текстах медиaprостранства, которые могут принадлежать как профессиональным журналистам, так и обычным интернет-пользователям [Галинская 2013]. Образы представлены цепью конкретно-чувственных представлений, активизирующих восприятие реципиентов медийного текста и формирующих многоплановый смысл. В создании образа ключевую роль играют метафоры, которые, как известно, служат как орудием мышления, так и механизмом порождения смыслов. С точки зрения Т. Г. Добросклонской, метафора как стилистический прием, употребляемый в косвенном значении, предоставляет возможность углубить содержание медийных текстов путем вовлечения запоминающихся оценочных, часто особых для культуры об-

разов [Добросклонская 2014: 138]. Образы Евросоюза и Великобритании в текстах ведущих британских журналов «The Economist», «The Spectator» и газет «The Telegraph», «The Guardian», «The Independent» за период 2017—2019 гг. складываются в том числе с упоминанием противостояния Евросоюза и Великобритании в вопросах, связанных с процедурой Брексита. Для описания этих непростых взаимоотношений воспользуемся моделью Греймаса, где выделяются три семантические оси и шесть актантов: ось желания (Субъект — Объект), ось испытаний (Помощник — Противник), ось коммуникации (Адресант — Адресат) [Греймас 2000: 158—163]. Первый из сюжетов, который мы рассмотрим, разворачивается вокруг отношений между Евросоюзом и Великобританией, выстраивающимися по оси желания. Тематические силы на оси желания могут быть как «желанием воссоединиться, обрести», так и «фобией» (желанием избавиться). Схема с негативной тематической силой (желание выйти из Евросоюза) может быть представлена в следующем виде (рисунок 1).

Как известно, премьер-министр Великобритании Тереза Мэй — сторонница «мягкого брексита», который предусматривает создание зоны свободной торговли с ЕС для промышленных и сельскохозяйственных товаров на общих правилах, а также создание совместной таможенной территории. Оппоненты премьер-министра не раз высказывали опасения, что мягкий брексит является «худшим из возможных». Евроскептики не скупятся на критику данной стратегии. Ироническое сравнение «мягкого брексита» с недодваренными яйцами, метафоры нечестной торговли, представление Евросоюза в роли диктатора, экзекутора, а Великобритании — в роли подчиненного дискредитируют политику Мэй и способствуют формированию отрицательного образа Евросоюза и самой процедуры Брексита:

As with eggs: an egg that is very softly boiled isn't boiled at all. A very soft Brexit means that we haven't left, we are simply a rule-taker. That is not something that this country voted for, it is not what the prime minister promised (Spectator). / Это как с вареным яйцом: яйцо, которое едва опустили в горячую воду, вообще нельзя назвать вареным. То же самое и с мягким брекситом: мягкий выход означает не выход страны из Евросоюза, а только принятие правил. И это не то, за что голосовал народ, это не то, что обещал премьер-министр.

The former Ukip leader Nigel Farage described it as a sellout (Independent). / Бывший лидер Партии независимости Соединенного Королевства Найджел Фараж назвал этот процесс предательством.

"This will require legislation and if, when we get the detailed legislation, it turns out that it is a punishment Brexit, that it is keeping us in the European Union in all but name, I will stick to the Conservative party's manifesto commitments and will not vote for it." (The Guardian) / „Это потребует издания новых законов, и если после этого выяснится, что это всего лишь показательный Брексит, в результате которого мы по-прежнему будем относиться к ЕС во всем, кроме названия, я тут же встану на сторону манифеста Консервативной партии и не стану голосовать за такой Брексит“.

In Birmingham people queued for three hours to listen to the former foreign secretary dismissing Theresa May's Brexit plan as a national humiliation. The resulting compromise that she proposes will be the worst of all worlds—out of Europe but still run by Europe (Economist). / Люди в Бирмингеме простояли три часа в очереди, чтобы послушать речь бывшего министра иностранных дел, обличающую план Брексита, предлагаемый Терезой Мэй, как унижение нации. Компромисс, который она предлагает, приведет к худшему: страна выйдет из состава ЕС, но по-прежнему остается в его власти.

<p>Адресант Евросоюз Правительство Великобритании</p>	<p>Объект Мягкий брексит</p>	<p>Адресат Народ Великобритании (leave and remain voters)</p>
<p>Помощник Тереза Мэй Министры по делам «брексита» (Brexiteer ministers)</p>	<p>Субъект Тереза Мэй Народ Великобритании</p>	<p>Противник Евросоюз Евроскептики (Борис Джонсон, Майкл Фарадж и другие)</p>

Рис. 1

Ежегодный съезд правящей в Великобритании Консервативной партии в Манчестере вызвал новый всплеск активности со стороны сторонников и противников Брексита. Британская пресса отреагировала незамедлительно, сравнив атмосферу съезда с ситуацией в Северной Корее, где заученные речи лидеров встречаются длительными и продолжительными овациями, а настроения на улицах Манчестера — с Французской революцией, где люди призывали к решительным мерам в отношении правящей партии и лично Терезы Мэй: *The rally, by contrast, felt like something out of the French revolution* (Economist).

Метафоры войны и спорта стали ведущими средствами, с помощью которых в языке СМИ запускалась та или иная стратегия в рамках межсоциальной и межкультурной коммуникации в преддверии Брексита [Новикова 2016: 564]. Эти сферы метафорической экспансии оказываются не менее продуктивными, когда желаемый процесс выхода Великобритании из Евросоюза оказывается запущенным:

Theresa May fires starting gun on Brexit with pledge to get the right deal for 'every single person in this country' (The Telegraph). / Тереза Мэй дает старт Брекситу, обещая учесть интересы каждого человека в стране.

But Mrs. May can reassure them by expanding her commitment to a level playing-field, by pledging to automatically observe all future EU social, environmental and labour-market rules (Economist). / Но госпожа Мэй может их успокоить, доказав свою приверженность единым правилам для всех и пообещав безоговорочно соблюдать все будущие правила ЕС в области социальной сферы, экологии и трудового законодательства.

Метафорическое переосмысление процедуры Брексита как театральной постановки со своими исполнителями главных и эпизодических ролей, своей публикой и режиссерами можно было проследить с самого начала этого действия. Безусловно, данная модель оказывается не менее продуктивной по мере развития «сюжета Брексита»: *One reason Mrs May's premiership has been so troubled is that she started it by playing to the Brexit gallery, beginning exit negotiations before she had a plan and drawing red lines that have limited Britain's options* (Economist). / Одна из причин, по которой пребывание госпожи Мэй в должности премьер-министра оказалось таким тяжелым — это то, что она начала играть на публику с самого начала, взявшись в переговоры о Брексите, не продумав стратегию, а также

установила границы дозволенного, которые ограничили возможности Великобритании.

Фразеологические единицы, используемые в языке СМИ, как правило, обладают не только экспрессивностью, но и оценочностью. В руках английских журналистов они становятся еще и мощным оружием по созданию образов. Так, внутренняя форма фразеологизма *to play to the gallery* (*искать дешевой популярности*) связана с устройством английского театра, где галерка занята представителями из народа. Именно за свои популистские высказывания, обращенные к народу Великобритании, и расплачивается сейчас премьер-министр. Появление же устойчивой фразеологической единицы *red lines* лингвисты связывают с соглашением 1928 г. о разделе ближневосточной нефтяной промышленности после распада Османской империи. Поскольку границы в империи были плохо обозначены, армянский промышленник Г. Гюльбенкян произвольно провел их на карте красным карандашом. Выражение широко используется в британской прессе, где авторы обыгрывают прямое (*рисовать красным карандашом*) и переносное (*ограничивать в действиях*) значения данного словосочетания.

The EU will repeat that it is ready to offer more generous terms if the British position evolves, code for a further blurring of the red lines drawn by Mrs May (Economist). / Евросоюз будет настаивать на своей готовности к более щедрым условиям, если позиция Великобритании изменится, и красные линии, нарисованные госпожой Мэй, исчезнут.

Терезу Мэй постоянно критикуют за своеволие и пренебрежение мнением избирателей и членов парламента. Упомянутые выше метафоры войны, спорта, театра находят широкое употребление при описании политических процессов внутри страны:

But time is running out, and rebellious MPs could yet blow up any deal (Economist). / Но время уже на исходе, и враждебно настроенные члены парламента могут подорвать любую сделку.

It is her intransigence, her pandering to hardline Brexiteers and her refusal to compromise on her redlines that have made Britain a laughingstock (Economist). / Именно ее упрямство, потворство сторонникам „жесткого Брексита“, отказ от уступок превратили Британию в посмешище.

Возвращаясь к сценарию Брексита, отметим, что Евросоюз был не намерен идти на какие-либо уступки и до сих пор перекладывает весь груз ответственности на плечи Великобритании. Антропоморфные метафо-

ры, реализующиеся за счет глаголов, характеризующих человеческие отношения; эпитеты, аллюзии к историческим фактам — все это способствует формированию образа Евросоюза как непоколебимого, расчетливого противника:

The EU's tough stance, largely led by France and Germany, will cause dismay among UK ministers (The Guardian). / *Жесткая позиция ЕС, которой в основном придерживаются Франция и Германия, приведет министров Великобритании в смятение.*

Now, Theresa May has been clear that she doesn't want Britain to be in a customs union with the EU after Brexit. So, why are we still talking it about? Well, the EU hasn't given up on the idea (Economist). / *Теперь же Тереза Мэй ясно дала понять, что она не хочет, чтобы Великобритания поддерживала таможенные связи с Европой после выхода из ЕС. Так почему же вокруг этого до сих пор ведется полемика? Что ж, ЕС еще не отказался от этой идеи.*

В любом идеологизированном дискурсе подчеркиваются положительные свойства «своих» и негативные свойства «чужих». Противостояние между своими и чужими проявилось особенно ярко в преддверии Брексита, когда страна разделилась на два лагеря: евроскептиков и еврофилов. Образ Европы (Евросоюза) формировался на страницах СМИ при помощи лингвистических и экстралингвистических средств в рамках прототипической семантической оппозиции «свой — чужой». Прибегая к стратегии дискредитации, евроскептики использовали многочисленные антропоморфные метафоры «несвободы и стесненного положения», представляя Европу в виде «тирана» и «тюремщика», в то время как еврофилы, напротив, пытались всячески убедить жителей Туманного Альбиона в необходимости оставаться частью единого «европейского дома», «клуба», «гавани» [Новикова 2017: 132]. Во время затянувшегося развода Евросоюз предстает в образе «чужого» в различных метафорических сценариях со сферами-источниками «Спорт» и «Война», которые не только способствуют идентификации «друзей» и «врагов», но и служат для реализации стратегии запугивания и дискредитации: *The EU dealt a major blow to the UK in November after it agreed to move the European Banking Authority to Paris, after a dozen EU member states lobbied to host the regulator* (The Independent).

Использование стилистического приема аллюзии наиболее распространено в качестве средства создания образа «чужих». Источником аллюзии, как известно, может слу-

жить известное произведение литературы, элемент культуры, факт или историческая персоналия. Аллюзивные связи, установленные в данном виде текстах, достаточно эксплицитны и не требуют сложного процесса декодирования, но играют огромную роль в формировании воздействующего потенциала политического и массмедийного дискурса. Так, страны Евросоюза отклонили план британского премьер-министра Терезы Мэй, предполагающий создание между Британией и ЕС зоны свободной торговли, в связи с чем глава британского МИД Джереми Хант, выступая на конгрессе Консервативной партии, сравнил Евросоюз с Советским Союзом, который создавал препятствия для выезда за рубеж своим гражданам и для выхода стран из своего состава. Подобные заявления вызывают восторг у радикально настроенных сторонников Брексита, однако приводят в замешательство международное сообщество: *The hard-core Brexiteers exercise a gravitational pull on the party. They persuade otherwise sensible politicians to speak in tongues. Jeremy Hunt, the foreign secretary, delighted them (and appalled his fellow foreign ministers) by likening the EU to the Soviet Union* (Economist). / *Радикально настроенные сторонники Брексита оказывают давление на партию. Они убеждают вполне разумных политиков нести чушь. Джереми Хант, министр иностранных дел Великобритании, привел их в восторг (и привел в ужас коллег-министров), сравнив ЕС с Советским Союзом.*

Римская империя руководствовалась принципом «разделяй и властвуй», пытаясь сохранить контроль над своими территориями. В те времена, когда Индия была частью Британской империи, принцип «разделяй и властвуй» позволил установить ей контроль над кастами, имеющими определенные различия. Теперь данный принцип, по мнению евроскептиков, использует Евросоюз: *Divide and rule: how the EU used Ireland to take control of Brexit* (Spectator). / *Разделяй и властвуй: как ЕС использовал Ирландию, чтобы взять контроль над Брекситом.*

Учитывая те потрясения и кризис, которые испытывают все британские общественные и политические институты, нельзя сказать, что представления о «своей» действительности в медиадискурсе формируются с помощью каких-либо положительных образов. Недовольство действиями политиков столь велико, что критика действий ЕС уже уходит на второй план. На страницах британских газет и их онлайн-версий мы видим резко отрицательную оценку действий, поступков, качеств британских политиков.

Негативные образы формируются на основе тезауруса метафор со сферой-источником «Кризис» и «Спорт», где игра ведется без особого соблюдения правил: *Britain's core political institutions are in an advanced state of decay* (Economist). / Основные политические институты Великобритании находятся на последней стадии упадка.

The one near-certainty is that Brexit will cast a shadow over both big political parties for years to come (Economist). / Мы почти полностью уверены в том, что Брексит бросит тень на две крупные политические партии на долгие годы вперед.

В обществе при этом царит уныние, напряжение (*Brextension time*) и страх: *A growing proportion of the population is trapped in a cut-throat gig economy. The next generation fears that it will be worse off than baby-boomer* (Economist). / Все большая часть населения загнана в рамки безжалостной экономики краткосрочных контрактов. Следующее поколение опасается, что оно окажется даже в более затруднительном положении, чем поколение, родившееся во время демографического взрыва.

Формированию отрицательного образа страны способствует сравнение славного прошлого Великобритании с ее настоящим, и подобные сравнения не свидетельствуют в пользу современных политиков и политического устройства. Антитеза строится с помощью эпитетов с положительной (*great*) и отрицательной (*dutiful mediocrity*) коннотацией, а ирония достигается путем повтора выражения *in the form* (в облику): *In the past, great crises have thrown up great leaders who have risen above them: Lloyd George during the first world war and Winston Churchill during the second. Today Britain has a choice between a dutiful mediocrity in the form of Theresa May and a professional protester in the form of Jeremy Corbyn* (Economist). / В прошлом великие кризисы порождали великих лидеров, которым удалось преодолеть их: Ллойд Джордж во время Первой и Уинстон Черчилль во время Второй мировой войны. Сегодня у Британии есть выбор между покорной посредственностью в лице Терезы Мэй и профессиональным оппозиционером в лице Джереми Корбина.

В другом примере эффект достигается за счет использования метафоры *a shadow of its former self* и цепочки эпитетов с отрицательной коннотацией: *Today Britain is a shadow of its former self: inward-looking and anxiety-ridden, split-down the middle and fearful of the future* (Economist). / Сегодня Великобритания — бледная копия своего прошлого: не видящая ничего дальше своего носа,

напуганная, расколотая на два лагеря, со страхом смотрящая в будущее.

Негативные метафоры тирании и кризиса, бесконечные аллюзии, напоминающие о различных закрытых обществах и клубах, теперь в избытке используются в отношении британского истеблишмента. Современную политическую жизнь Великобритании характеризует отсутствие внутрипартийного единства: *The party leadership is more Eurosceptic than the membership* (Партийное руководство настроено более евроскептически, чем рядовые члены партии); оторванность верхушек от рядовых членов партии: *Labour apparatchiks draw up "composite motions" in late-night conclaves, far from the prying eyes of ordinary mortals. This is Fairlie's government-over-the-club-table in modern guise* (Лейбористские аппаратчики вырабатывают „сложную стратегию“ на ночных конклавах, вдали от любопытных глаз простых смертных. Это правительство Фэрли за клубным столом в современном облику); политический прессинг: *Despite Mr. Bercow, the prime minister will keep trying to bully mps into backing her deal. Her strategy is to peel off groups opposed to it* (Economist). / Премьер-министр будет продолжать оказывать давление на рядовых членов парламента. Ее стратегия в том, чтобы снять шкуру с тех, кто противится ей.

Все это переполнило чашу терпения жителей Великобритании, которые не перестают демонстрировать свой протест во время массовых выступлений, где заявляют о необходимости все прояснить и расставить по местам: *We need the long extension, we need honesty about our options, and we need a very different kind of public vote that really will give people the opportunity to clear up this Brexit mess once and for all* (Independent).

Использование прецедентных высказываний (восхождение к предшествующему тексту культуры [Лотман 2002: 25]), наряду с увеличением интертекстуальной плотности и информативности медиатекста, также способствует созданию ярких образов. Прецедентность служит маркированию «своих» и «чужих», выполняя в данном случае парольную функцию [Иванова, Чанышева 2010: 92]. Так, обращение к прецедентному высказыванию Кэмерона о «демонах, судить о коих мы не можем», ошибочно принимаемое за цитату из Шекспира, является основой для игры слов и иронии во многих последующих текстах, посвященных проблемам Брексита. Установить, была ли взята данная цитата из произведения великого Шекспира или из сериала «Игра престолов», так и не удалось. Важно то, что если Кэмерон только преду-

преждем о демонах, то сейчас эти разозлившиеся создания вышли на улицы и охотятся за своей добычей:

Debating the pros and cons of having a referendum, David Cameron quoted Shakespeare's warning against "unleashing demons of which ye know not". The demons have been unleashed and on both the left and the right they are on the prowl (Economist). / Обсуждая все „за“ и „против“ касательно референдума о выходе Великобритании из ЕС, Дэвид Камерон процитировал шекспировское предупреждение: „Не выпускайте на волю демонов, о которых ничего не знаете“. Однако демонов уже выпустили на волю, и теперь в обоих лагерях они пошли на свой промысел.

Прецедентное высказывание *Make America Great Again (Сделаем Америку снова великой)* — лозунг, впервые использованный в президентской кампании Рональда Рейгана в 1980 г., а последний раз — Дональдом Трампом в его президентской кампании 2016 года, обыгрывается и используется для оказания давления на представителей Консервативной партии:

There is the same hunt for traitors to hang. There is the same hijacking of party democracy: wealthy Leavebackers are trying to get Remainer Tory MPs deselected, putting up posters in their constituencies saying "Make the Conservatives Conservative again" (Economist). / Началась такая же охота на предателей, те же нападки на демократические процедуры в партии. Состоятельные сторонники Брексита препятствуют победе тех членов парламента, которые придерживаются другой точки зрения, развешивая в их избирательных округах плакаты с призывами: „Сделайте консерваторов опять консерваторами“.

Подводя итог, можно сказать, что тексты британских СМИ, посвященные проблемам Брексита, способствует созданию негативных образов Евросоюза, Великобритании и самой процедуры Брексита. Метафоры войны, спорта, театра, кулинарии и развода стали ведущими средствами при создании образов на политической арене Брексита. Наряду с метафорами и эпитетами, оказывается чрезвычайно продуктивным при создании образов и играет важнейшую роль в формировании воздействующего потенциала массмедийного дискурса, посвященного выходу Великобритании из Евросоюза, использование стилистического приема аллюзии. Стоит отметить, что если в начале процедуры выхода наблюдалась жесткая критика действий Евросоюза с помощью метафор «Войны» и «Спорта», сам Евросоюз часто

фигурировал в британской прессе в образе диктатора и экзекутора, а Великобритания — в роли подчиненного, то начиная с середины 2018 г. на страницах британских газет и их онлайн-версий мы видим главным образом отрицательную оценку поступков и качеств британских политиков. Негативные образы всё больше формируются на основе тезауруса метафор со сферой-источником «Кризис» и «Спорт», Великобритания всё чаще предстает в роли посмешища, откровенного неудачника, а деятели ее ведущих политических партий — в образах демонов, надсмотрщиков, посредственностей и вымогателей. Созданию ярких образов также способствует использование прецедентных высказываний, иронии и противопоставлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М. Я., Алёшин Е. Ю. Дискурсивное выражение стратегии устрашения в политическом тексте конфликтной ситуации (на материале английского языка) // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 75—79.
2. Богдан Е. Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2007. № 4. С. 124.
3. Будаев Э. В. Методики сопоставительного анализа политической метафоры // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 56. Вып. 23. С. 210—216.
4. Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике [Электронный ресурс] // Вестн. ОГУ. 2013. № 11 (160). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaobraza-i-problema-ego-rekonstruktsii-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 26.09.2018).
5. Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. — М.: Прогресс, 2000. С. 158—163.
6. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Современная английская медиаречь. — М.: Флинта, 2014.
7. Зиновьев Н. В., Нахимова Е. А. Доминантная метафорическая модель «ДВИЖЕНИЕ» в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона: методика исследования темпоральной динамики // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 57—64.
8. Иванова Е. А. Образ современной Европы в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 77—86.
9. Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: моногр. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.
10. Карасик В. И. Языковая матрица культуры: моногр. — М.: Гнозис, 2013. С. 6—10.
11. Кропотухина П. В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса в Великобритании // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 94—99.
12. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева; предисл. С. М. Даниэля. — СПб.: Академический проект, 2002. (Сер. «Мир искусств»).
13. Новикова В. П. Образ Евросоюза в аспекте оппозиции «свой — чужой» в медиадискурсе // Один пояс — один путь: сб. материалов Междунар. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2017. С. 131—132.
14. Новикова В. П. Брэксит: принуждение к свободе? (по материалам публикаций в британских СМИ). — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2016. Вып. 27. С. 555—564.
15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.

V. P. Novikova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1004-8097 *E-mail:* veranovik@mail.ru.

On the Battlefield of Brexit: Linguo-Cognitive Analysis

ABSTRACT. *The article sets the goal to detect and describe the means which are used to form the conceptual images in modern British periodicals representing the problems of Britain's exit from the EU. The research material includes texts from the leading British periodicals (The Economist, The Spectator, The Telegraph, The Guardian, The Independent) dating from the year 2017 up to the year 2019. Linguo-cognitive analysis of verbal metaphors used in the image formation is carried out along with traditional linguistic analysis on the lexical, stylistic and socio linguistic levels. The article demonstrates that sport, military, theatrical and culinary metaphors play a major role in generating images on the political arena of Brexit. The analysis shows that metaphors make the complicated process of Brexit more understandable, contribute to the formation of stereotypes, and disclose the evolution of images. The derogatory connotation which prevails in the majority of metaphors is a proof of the negative perception of this phenomenon in the axiological picture, verbalized by media texts. The research presented may be of interest to a wide range of scholars in the field of cognitive and political linguistics, political science, history and sociology.*

KEYWORDS: *media discourse; journalism; media linguistics; media texts; mass media; British mass media; political discourse; conceptual metaphors; communication strategies; political metaphorology; "own – alien"; allusions; precedent phenomena.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Novikova Vera Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and Methods of Teaching English, Faculty of Foreign Languages, South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Novikova, V. P. On the Battlefield of Brexit: Linguo-Cognitive Analysis / V. P. Novikova // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 93-99. — DOI 10.26170/pl19-02-10.*

REFERENCES

1. Blokh M. Y., Aleshina E. Y. Discursive Expression of the Strategy of Intimidation in a Political Text of a Conflict Situation (based on the English language) // *Political Linguistics*. 2015. No 2 (52). P. 75—79. [Diskursivnoe vyrazhenie strategii ustrasheniya v politicheskom tekste konfliktnoy situatsii (na materiale angliyskogo yazyka) // *Politicheskaya lingvistika*. 2015. № 2 (52). S. 75—79]. — (In Rus.)
2. Bogdan E. N. Media Image of Russia as a Concept of Theory of Journalism // *Moscow Univ. Journ. Ser. 10, Journalism*. 2007. No. 4. P. 124. [Mediaobraz Rossii kak ponyatie teorii zhurnalistiki // *Moscow un-ta. Ser. 10, Zhurnalistika*. 2007. № 4. S. 124]. — (In Rus.)
3. Budaev E. V. Methods of Comparative Analysis of Political Metaphors // *Ural State Univ. Journ. Ser. 1. Problems of education, science and culture*. 2008. No. 56. Vol. 23. P. 210—216. [Metodiki sopostavitel'nogo analiza politicheskoy metaforiki // *Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2008. № 56. Vyp. 23. S. 210—216]. — (In Rus.)
4. Galinskaya T. N. The Concept of Media Image and the Problem of Its Reconstruction in Modern Linguistics [Electronic resource] // *OSU Journ*. 2013. No. 11 (160). [Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoy lingvistike [Elektronnyy resurs] // *Vestn. OGU*. 2013. № 11 (160)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaobraza-i-problema-ego-rekonstruktsii-v-sovremennoy-lingvistike> (date of access: 26.09.2018). — (In Rus.)
5. Greymas A.-Zh. Reflections on Actant Models // *French Semiotics: from Structuralism to Poststructuralism*. — Moscow : Progress, 2000. P. 158—163. [Razmyshleniya ob aktantnykh modelyakh // *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. — M. : Progress, 2000. S. 158—163]. — (In Rus.)
6. Dobrosklonskaya T. G. Medialinguistics: a Systematic Approach to the Study of the Language of the Media. *Modern English Media Speech*. — Moscow : Flinta, 2014. [Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI. Sovremennaya angliyskaya mediarech'. — M. : Flinta, 2014]. — (In Rus.)
7. Zynov'ev N. V., Nakhimova E. A. Dominant Metaphorical Model "MOVEMENT" in the Discourse of British Prime Minister David Cameron: a Technique for Studying Temporal Dynamics // *Political Linguistics*. 2019. No 1 (73). P. 57—64. [Dominantnaya metaforicheskaya model' «DVIZHENIE» v diskurse prem'er-ministra Velikobritanii Devida Kameron: metodika issledovaniya temporal'noy dinamiki // *Politicheskaya lingvistika*. 2019. № 1 (73). S. 57—64]. — (In Rus.)
8. Ivanova E. A. The Image of Modern Europe in a Political Cartoon // *Political Linguistics*. 2018. No 4(70). P. 77—86. [Obraz sovremennoy Evropy v politicheskoy karikature // *Politicheskaya lingvistika*. 2018. № 4 (70). S. 77—86]. — (In Rus.)
9. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Linguoculturology: Problems, Searches, Solutions : Monograph. — Ufa : RIC BashGU, 2010. [Lingvokulturologiya: problemy, poiski, resheniya : monogr. — Ufa : RITs BashGU, 2010]. — (In Rus.)
10. Karasik V. I. The Language Matrix of Culture : Monogr. — Moscow : Gnosis, 2013. P. 6—10. [Yazykovaya matritsa kul'tury : monogr. — M. : Gnozis, 2013. S. 6—10]. — (In Rus.)
11. Kropotukhina P. V. Conceptual Metaphors of the UK Crisis Discourse // *Political Linguistics*. 2017. No 2 (62). P. 94—99. [Konseptualnye metafory krizisnogo diskursa v Velikobritanii // *Politicheskaya lingvistika*. 2017. № 2 (62). S. 94—99]. — (In Rus.)
12. Lotman Yu. M. Articles on the Semiotics of Culture and Art / comp. R. G. Grigorieva ; foreword S.M. Daniel. — Saint Petersburg : Academic Project, 2002. (Ser. "The World of Arts"). [Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva / sost. R. G. Grigor'eva ; predisl. S. M. Danielya. — SPb. : Akademicheskiiy proekt, 2002. (Ser. «Mir iskusstva»)]. — (In Rus.)
13. Novikova V. P. The Image of the European Union in the Aspect of the Opposition "Ours or Stranger's" in the Media Discourse // *One Belt — One Way : Collection of materials of the Intern. conf. / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg*, 2017. P. 131—132. [Obraz Evrosoyuza v aspekte oppozitsii «svoy — chuzhoj» v mediadiskurse // *Odin poyas — odin put'* : sb. materialov Mezhdunar. konf. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2017. S. 131—132]. — (In Rus.)
14. Novikova V. P. Breksit: Coercion to Freedom? (based on publications in the British media). — Moscow : Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences ; Tambov : Ed. House TSU, 2016. Vol. 27. P. 555—564. [Breksit: prinuzhdenie k svobode? (po materialam publikatsiy v britanskikh SMI). — M. : In-t yazykoznaniya RAN ; Tambov : Izd. dom TGU, 2016. Vyp. 27. S. 555—564]. — (In Rus.)
15. Chudinov A. P. Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000). — Ekaterinburg : Publishing house of Ural. State Ped. Univ., 2001. 238 p. [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000). — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 2001. 238 s.]. — (In Rus.)

С. Ю. Павлина

Нижегородский государственный лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8304-795X

E-mail: Pavlina.Svetlana@mail.ru.

Политический плакат как поликодовый текст

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена выявлению особенностей взаимодействия знаков, принадлежащих к разным семиотическим системам, в формате британских и американских политических плакатов. Плакат рассматривается как текст особого рода, который воспринимается через зрительный канал коммуникации и в котором совмещаются вербальный, графический, иконический и цветовой коды. Являясь средством визуальной политической коммуникации, плакат приобретает особую значимость в электоральном контексте. С точки зрения структурной организации политические плакаты разделяются на три группы: имеющие только вербальную составляющую, объединяющие изображение и вербальный компонент и содержащие только изображение. Анализ взаимодействия семиотически разнородных компонентов, выявленных в британских и американских политических плакатах, позволяет утверждать, что смысловой доминантой текста может выступать каждый код в отдельности, однако чаще всего трансляция политически значимой информации происходит при тесном взаимодействии вербального и невербальных элементов текста. Лаконичность плаката предполагает использование коммуникативных стратегий, направленных на усиление его выразительности, что позволяет привлечь внимание и вызвать эмоциональный отклик у адресата. Средствами усиления экспрессивности плаката служат метафора, языковая игра, аллитерация, рифма и использование как вербальных, так и невербальных интертекстуальных элементов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поликодовые тексты; политический дискурс; политические плакаты; вербальные коды; графические коды; цветовые коды; иконические коды.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Павлина Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова; 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; e-mail: Pavlina.Svetlana@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Павлина, С. Ю. Политический плакат как поликодовый текст / С. Ю. Павлина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 100-106. — DOI 10.26170/pl19-02-11.

Плакат является важным компонентом политической коммуникации, позволяющим осуществлять связь между ее участниками. Как известно, взаимодействие между политиками и электоратом носит главным образом опосредованный характер, встречи в реальном времени происходят достаточно редко и охватывают весьма ограниченный круг участников. Посредниками при трансляции политически релевантной информации являются главным образом средства массовой информации, однако определенную нишу до сих пор занимают политические плакаты, которые начали использоваться еще в XIX в.

Политический плакат применяется общественными движениями как средство выражения мнения, в том числе во время митингов, пикетов, демонстраций. Кроме того, плакат рассматривается как средство визуальной политической коммуникации, которое приобретает особую значимость во время проведения политической кампании [Geise 2011].

Совершенно очевидно, что главной сферой применения плаката является предвыборная кампания, когда полностью реализуется его главная прагматическая функция — оказание воздействия на получателя политической информации, формирование об-

щественного мнения, конечной целью которого является завоевание или удержание власти. В США плакаты использовались как компонент предвыборной агитации еще во времена Авраама Линкольна, в последней четверти XIX в. они стали частью коммуникативного пространства Западной Европы [Seidman 2008].

Плакат является своего рода срезом эпохи, отражением характерных черт политической, экономической и социальной ситуации, актуальной на момент его создания. Изучение эволюции содержательной стороны плаката позволяет выявить изменения в предвыборном ландшафте с точки зрения характерных для той или иной эпохи тем, политической идеологии, а также стратегий, применяемых политическими партиями для продвижения собственных интересов [Ball 2011].

Как элемент политической культуры плакат эволюционировал и в аспекте графического исполнения. Ранние плакаты, как правило, содержали графические изображения государственных деятелей, подкрепляемые достаточно длинным текстом, выполненным курсивом. При этом текст в ряде случаев становился главным элементом плаката. К середине XX в. дизайн изменился корен-

ным образом: цветные фотографии вытеснили черно-белые изображения, курсив был заменен крупными печатными буквами. Одной из последних тенденций в сфере дизайна плаката является использование графического изображения страницы пользователя в социальной сети. Примером тому может служить плакат с изображением страницы Терезы Мэй в «Facebook», созданный в то время, когда премьер-министр начала предпринимать активные действия по выходу страны из Евросоюза. Текст сообщения в социальной сети от 25 апреля 2016 г., помещенный в центре плаката, свидетельствует о радикальной смене позиции Мэй в отношении ключевого для страны вопроса и ставит под сомнение ее авторитет как политика: *I believe it is clearly in our national interests to remain a member of the European Union.*

Изменения, затрагивающие как форму, так и содержание плаката, являются вполне закономерными процессами. В то же время основные характеристики, определяющие специфику плаката как средства осуществления политической коммуникации, остаются неизменными. Во-первых, это обращение к массовому адресату, что предполагает подачу информации в доступном, легко декодируемом виде. Предвыборная агитация призвана демонстрировать стабильность и уверенность, следовательно, необходимо стремиться к однозначной интерпретации политического посыла. Помимо того что информация должна быть понятна широким массам, способ ее представления предполагает лаконичность, а это означает, что каждый элемент плаката как особого вида текста следует сделать максимально «заряженным», выразительным, привлекающим внимание. Это предопределяет вторую основную характеристику политического плаката — использование коммуникативных стратегий, направленных на то, чтобы вызвать эмоциональный отклик у адресата, что в конечном итоге способствует закреплению в его сознании той или иной идеи.

Трансляция информации, содержащейся в плакате, происходит исключительно за счет визуального канала. Исследователи отмечают особый визуальный язык данного жанра. Плакат при этом следует рассматривать как текст особого рода, созданный на основе взаимодействия языковых знаков со знаками, принадлежащими другим семиотическим системам, что предопределяет его поликодовость.

Термин «поликодовый текст», введенный Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом, охватывает «случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической

системы (изображение, музыка и т. п.)» [Ейгер, Юхт 1974: 107]. В отечественной лингвистике тексты данного вида также получили наименование креолизованных. Под этим термином понимаются «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180—181].

Семиотическая неоднородность, гетерогенность, гибридность текстов анализируется в исследованиях Е. Е. Анисимовой, Л. С. Большаковой, М. Б. Ворошиловой, М. А. Кулинич, В. Е. Чернявской и др. [Анисимова 2003; Большакова 2008; Ворошилова 2013; Кулинич 2002; Чернявская 2008].

Политический плакат как семиотически неоднородный текст рассматривается в работах Х. Вальтера [Вальтер 2016], Е. Ю. Ходус [Ходус 2011] и Т. С. Магеры [Магера 2006].

О. К. Ирисханова обращается к семиотике плаката, применяя социокогнитивный подход, при этом плакаты описываются как полимодальные тексты. По мнению автора, семиотическая полимодальность проявляется в креолизации изобразительной и языковой знаковых систем, а также в «совмещении свойств иконичности, символичности и индексальности (дейктивности)» [Ирисханова 2012: 321].

А. Н. Баранов и П. Б. Паршин предлагают разграничивать понятия мультимодальной и поликодовой коммуникации. По мнению авторов, первая осуществляется с применением различных сенсорных каналов, а под второй понимается использование разнородных кодов в рамках единого сенсорного канала [Баранов, Паршин 2018].

Исходя из этого, представляется правомерным рассматривать плакат как поликодовый текст, поскольку при восприятии текста данного рода используется лишь зрительный канал коммуникации.

В задачи проведенного исследования политических плакатов входило установление номенклатуры разноплановых семиотических кодов, участвующих в создании плаката как семиотически осложненного текста, определение моделей их взаимодействия, позволяющих создавать и транслировать политически релевантную информацию, а также выявление коммуникативных стратегий, способствующих повышению воздействующего потенциала плаката как средства осуществления политической коммуникации.

Материалом послужили американские и британские политические плакаты XX—XXI в., в том числе плакаты кандидатов, готовящихся

к президентским выборам в США 2020 г. Общий объем выборки составил 2000 плакатов.

Структурная организация политического плаката

С точки зрения структурной организации выделяются следующие типы политических плакатов:

- плакаты, имеющие только вербальную составляющую;
- плакаты, объединяющие изображение и вербальный компонент;
- плакаты, содержащие только изображение.

Плакаты первого типа, содержащие текст, оформленный с помощью языковых знаков, не являются семиотически гомогенными, поскольку информация, выраженная вербально, в текстах данного вида всегда имеет графическое оформление. Таким образом, кроме вербального кода в них выделяются графический и цветовой. Выбор шрифта, организация вербальных элементов в пространстве плаката относятся к графическому коду, в то время как цветковое оформление текста и фона следует рассматривать как цветовой код.

Плакаты второго типа также являются семиотически осложненными. Базовыми семиотическими кодами подобного рода плакатов являются лингвистический, или вербальный, а также графический, цветовой и иконический коды, которые носят невербальный характер. Под иконическим кодом понимаются рисунки, фотографии и другие графические изображения, инкорпорированные в текстовое пространство плаката.

Плакаты, содержащие только изображение и лишенные вербальной составляющей, не находят широкого применения в электоральном дискурсе. Как представляется, они используются главным образом ключевыми политическими партиями и являются своего рода символами их электоральной мощи, визуальными сигналами, посылаемыми электорату [Dumitrescu 2012]. Отсутствие вербального компонента свидетельствует о том, что информирование в данном случае отступает на второй план, главным является утверждение присутствия партии или узнаваемого кандидата в электоральном ландшафте. Плакаты данного типа также являются гетерогенными в семиотическом плане, поскольку они содержат иконический и цветовой коды.

Как вербальная, так и невербальная составляющие плаката могут быть чрезвычайно вариативны как в плане содержания, так и в плане выражения. Чтобы сделать поликодовый текст выразительным, авторы творчески используют шрифт, орфографию и

пунктуацию, графические изображения, включающие рисунки, фотографии, пиктограммы, тщательно организуют цветовую палитру, добиваясь гармонии фона, текста и изображения. Тем самым цветовой, графический, вербальный и иконический коды микшируются, их пропорции выверяются, и в результате достигается необходимый автору баланс, который является новым в каждом случае.

Взаимодействие семиотически разнородных элементов

Прежде всего рассмотрим характер отношений между вербальным и невербальным компонентами в тексте плаката, основываясь на том, какой объем информации передается знаками той или иной семиотической системы.

Анализ американских и британских политических плакатов показывает, что иконическая составляющая, а именно рисунок или портрет, далеко не всегда являются доминантой данного вида текста, иногда авторы плакатов и вовсе отказываются от их использования. В подобных случаях экспрессивность достигается за счет цветовой и графической организации вербального компонента. Примером тому может служить агитационный плакат Консервативной партии Великобритании, содержащий надпись «YOU CAN'T TRUST LABOUR». Первая буква в названии партии, которая является главным политическим противником консерваторов, выделена красным цветом, что весьма символично, поскольку красный ассоциируется с партией лейбористов. Единственный красный знак на фоне серого и черного сразу же привлекает к себе внимание еще и в силу особого графического оформления. Начальная буква L в слове LABOUR представлена как бы пошатнувшейся, заваливающейся набок. Подобная графика весьма метафорична, она создает образ ненадежного, не вполне твердо стоящего на ногах человека, которому не следует отдавать голос на выборах.

На другом полюсе спектра находятся политические плакаты, в которых иконический код явно доминирует над вербальным. В ряде случаев информация, заключенная в рисунке или фотографии, может восприниматься отдельно от вербального текста. Примером тому могут служить плакаты, содержащие портреты лидеров партии. К примеру, подпись под портретом Маргарет Тэтчер на плакате 1997 г. «The Rt.Hon. Mrs Margaret Thatcher M.P. Prime Minister» следует рассматривать как семантически избыточный элемент, поскольку во время создания плаката Тэтчер была практически всем известным политиком.

Рис. Плакат Консервативной партии Великобритании (1992 г.)

Промежуточное положение занимают плакаты, в которых вербальный код является необходимым дополнением к иконическому. Рассмотрим в качестве примера плакат Консервативной партии 1992 г., семантической доминантой которого служит изображение двух ежей. Первый еж обладает колючками, а второй, лишенный колючек, имеет жалкий и незащищенный вид. Тема плаката — DEFENCE — выражена вербально на заднем плане. Надпись *Conservative* под изображением ежа, вооруженного колючками, выполнена в традиционном для Консервативной партии синем цвете. Красная надпись *Labour* располагается под изображением ежа, который потерял колючки. Плакат призывает поддержать консерваторов, которые готовы выделять средства на оборону. Авторы плаката визуализируют данную идею с помощью образа ежа, который может защитить себя в случае опасности. Вербальный код выполняет вспомогательную функцию, делая отсылку к понятийной сфере «Политика». Изображение имеет многоплановую структуру, смысл которой становится понятен лишь при сопоставлении мира животных и мира политики, отправной точкой для подобного рода ассоциаций служит слово DEFENCE. Метафоричность изобразительного плана плаката имеет высокий воздействующий потенциал, поскольку зрительный образ ежа, лишенного колючек, привлекает внимание и обескураживает. Контраст между двумя политическими позициями, представленный в рисунке, апеллирует к эмоциональной сфере получателя информации.

Кроме того, в качестве смыслообразующего элемента может выступать цветовой код. Британский плакат 2007 г. выполнен в лаконичной манере: на зеленом фоне содержится надпись *vote blue, go green*. Цветовая символика (синий — цвет Консервативной партии) положена в основу призыва голосо-

вать за консерваторов, которые поддерживают экологическое движение «зеленых».

Средства усиления экспрессивности политического плаката

Выразительность политического плаката создается при использовании целого набора стилистических средств. Особое место в них отводится языковой игре. В ряде случаев обыгрывание скрытых смыслов задается исключительно при помощи вербального кода. Так, предвыборный плакат 2015 г. кандидата в президенты США Берни Сандерса содержит графическое изображение политика, сопровождаемое надписью *Feel the Bern*. Предвыборный слоган Сандерса основан на игре слов, которая допускает множество интерпретаций. Во-первых, фонетически совпадающая со слоганом фраза *feel the burn* описывает физические ощущения после напряженной тренировки; таким образом, возникает корреляция между предвыборным слоганом и молодыми, энергичными людьми, составляющими электоральную базу Сандерса. Во-вторых, Сандерс как бы дает понять истеблишменту, что он готов направить свою энергию, свой «жар» на защиту интересов избирателей. Другой возможной интерпретацией может стать аллюзия на возраст кандидата в президенты. Слоган можно рассматривать как ответ критикам политика, как утверждение того, что он достаточно бодр и энергичен для того, чтобы стать президентом.

В то же самое время в ряде плакатов второй пласт значения вскрывается, выходит на поверхность лишь при целостном восприятии вербального и невербального элементов текста. Примером тому может служить один из плакатов Консервативной партии Великобритании, содержащий критику политических оппонентов — лейбористов. Плакат имеет иконический элемент — фотографию улыбающегося Тони Блэра, лидера

лейбористов. В верхней части плаката находится надпись, выполненная в красном цвете: «TONY & BILL», под которой изображен счет с текстом: «WHO PAYS?». Графическое и цветовое решение плаката выбрано таким образом, что доминантным элементом поликодового текста является именно цвет. И фотография, и рисунок, и фон плаката монохромны. Взгляд привлекает ярко-красная надпись, содержащая имена Тони Блэра и, очевидно, его американского коллеги Билла Клинтона, которая поддерживается надписью того же цвета «Who pays?». Ярко-красный цвет является связующим элементом, запускающим механизм декодирования семантически осложненного текста, постижения смысла, основанного на языковой игре (*Bill* — имя собственное, *bill* — счет). Оптимизму лейбористов, дающих щедрые предвыборные обещания, противопоставлен прагматизм их оппонентов, задающихся вопросом: «А кто будет платить по счетам?»

Эффективным средством воздействия на адресата является использование в плакате парадоксальных по своему содержанию фраз, выполняющих аттрактивную функцию. В качестве примера рассмотрим политический плакат, вербальный компонент которого выглядит следующим образом: «EVEN LABOUR'S BETTER WITH THE TORIES». На первый взгляд, в данном тексте речь идет о Консервативной партии (*Tories*) и их политических оппонентах — лейбористах (*Labour*). Однако сопровождающий текст портрет акушерки с младенцем на руках актуализирует иное значение слова *labour*. Текст в нижней части плаката, набранный мелким шрифтом, подтверждает то, что речь идет об успехах консерваторов в области здравоохранения: *The number of nurses and midwives has gone up by 45,000 with the conservatives.*

Помимо языковой игры, средствами усиления экспрессивности политического плаката являются аллитерация и рифма. Примером тому может служить плакат Консервативной партии Великобритании, призывающий голосовать за своего лидера Стэнли Болдуина во время выборов 1929 г.: *Keep that win in Baldwin*. Плакат выполнен в лаконичной манере. Он не содержит иконографического кода, однако графически рифма слогана поддерживается с помощью выделения подчеркиванием глагола *win* и созвучного компонента в имени политика.

Рифма также используется в тексте плаката, призывающего голосовать за Дуайта (Айка) Эйзенхауэра на выборах президента США 1952 г. Надпись на плакате «I like Ike» является строкой из песни, написанной для предвыборной кампании Эйзенхауэра, кото-

рая применялась не только в формате плаката, но и в рекламном ролике и стала повсеместно узнаваемой.

Во время президентской кампании 2016 г. плакат в поддержку кандидата от Демократической партии Берни Сандерса содержал рифмованный слоган «Yearn for Bern». Рифма и аллитерация делают вербальные компоненты плакатов запоминающимися, прочно закрепляющимися в памяти адресата.

Важным средством выразительности является интертекстуальность, которая может быть заключена как в вербальном, так и в невербальном кодах. Британский политический плакат 1978 г. содержит следующий текст: «1984. What would Britain be like after another 5 years of labour government?» Цифра 1984 является доминантой текста. Выполненная в красном цвете, она занимает большую часть пространства плаката и несет основную смысловую нагрузку. С одной стороны, она указывает на год, следующий за очередными парламентскими выборами, с другой — отсылает реципиента к известному произведению Оруэлла. Таким образом, использование лишь одного знака, его размещение в центре плаката, обыгрывание красного цвета позволяет вызывать у получателя информации целый ряд ассоциаций, ключевым компонентом которых является «тревога».

Интертекстуальность свойственна и иконографическим элементам плаката. Примером тому может служить изображение тоннеля, в конце которого виден яркий свет, на плакате Консервативной партии Великобритании. Иллюстрация буквального значения «the light at the end of the tunnel» вызывает ассоциации с метафорическим значением этой идиомы.

Иконографическим элементом предвыборного плаката Александрии Окасио-Кортес, которая участвовала в выборах в Конгресс США 2018 г., является ее графический портрет, который выполнен в той же стилистике, что и портрет на ставшем культовым предвыборном плакате Барака Обамы 2008 г. Цветовые коды двух плакатов практически полностью совпадают, они сочетают в себе красный, синий и светло-желтый тона. Сходство обнаруживает и вербальный компонент плакатов двух политиков-демократов, который состоит из выполненного в синем цвете слова «HOPE». Используя подобным образом иконографический, графический, цветовой и вербальный коды, авторы плаката проводят параллель между молодым политиком Окасио-Кортес и кандидатом в президенты Баракком Обамой, который до 2008 г. также был малоизвестен. Интертекстуальность плаката позволяет экономными выразительными

средствами передать существенный объем информации, воздействовать на электорат на эмоциональном уровне.

Таким образом, можно заключить, что политический плакат как семиотически осложненный текст характеризуется наличием вербального, иконического, графического и цветового кодов. Смысловой доминантой текста может выступать каждый код в отдельности, однако чаще трансляция политически значимой информации происходит при тесном взаимодействии вербального и невербальных элементов текста. При создании политического плаката как поликодового текста особого рода используется определенная палитра средств, направленных на увеличение его экспрессивности. Было установлено, что каждому из кодов может быть присуща метафоричность: символическим может быть цвет, графическое изображение, метафора может быть заключена в языковом знаке. Используя это свойство наряду с такими экспрессивными средствами, как языковая игра, интертекстуальность, аллитерация и рифма, авторы добиваются максимальной выразительности плаката, что позволяет оказывать воздействие на массового адресата и формировать общественное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). — М. : Academia, 2003.
2. Баранов А. Н., Паршин П. Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 6—15.
3. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестн. СамГУ. 2008. № 4 (63). С. 19—24.
4. Вальтер Х. Политический плакат — зеркало своего времени // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 143—149.
5. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. — Екатеринбург, 2013. 194 с.
6. Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста : материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1974. Ч. 1.
7. Ирисханова О. К. Полиmodalность в социокогнитивном освещении: семиотика плаката // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 63—66.
8. Кулинич М. А., Чаплыгина Ю. С. Креолизованные тексты и их функции // Филологическая проблематика в системе высшего образования : сб. науч. тр. — Самара : СамГАПС, 2002. Вып. 1. С. 32—36.
9. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2006.
10. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативные функции // Оптимизация речевого воздействия. — М. : Наука, 1990. С. 180—186.
11. Ходус Е. Ю. Политический плакат Франции как креолизованный текст // Вестн. Ставропольск. гос. ун-та. 2011. № 76 (5). С. 118—124.
12. Чернявская В. Е. Какие текстовые границы нужны лингвисту? Поликодовые и гибридные тексты // Стилль. 2008. С. 105—120.
13. Ball S. Dole Queues and Demons: British Election Posters from the Conservative Party Archive. — Oxford : Boldain Library, 2011.
14. Dumitrescu D. The importance of being present: Election posters as signals of electoral strength, evidence from France and Belgium // Party Politics. 2012. Vol. 18. P. 941—960.
15. Geise S., Vigsø O. Methodological Approaches to the Analysis of Visual Political Communication Through Election Posters // Election Posters Around the Globe / Holtz-Bacha C., Johansson B. (eds). — Springer, 2017.
16. Seidman S. Posters, propaganda & persuasion in election campaigns around the world and through history. — New York : P. Lang, 2008.

S. Yu. Pavlina

N. A. Dobrolyubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8304-795X

 E-mail: Pavlina.Svetlana@mail.ru.

Political Posters as Multimodal Texts

ABSTRACT. *The article investigates the interaction of signs belonging to different semiotic systems in British and American political posters. A poster is viewed as a text of a special kind which is perceived through the visual channel of communication and which incorporates verbal, graphic, iconic and color modes. Being a means of visual political communication, a poster acquires special significance in the electoral context. According to their structural organization all posters fall into three groups: those containing only verbal elements, those incorporating pictorial and verbal components and those including only a visual image. The analysis of the interaction of the modes interwoven into the texture of political posters revealed that each of them can assume a dominant semantic role in the text. However, the verbal and nonverbal elements of the multimodal text tend to work together to transmit politically relevant information efficiently. Political posters are laconic in form, so to attract the recipients' attention and to elicit emotional response they use an array of expressive means which include metaphor, pun, alliteration and rhyme as well as intertextual verbal and nonverbal elements.*

KEYWORDS: *multimodal texts; political discourse; political posters; verbal modes; graphic modes; color modes; iconic modes*

AUTHOR'S INFORMATION: *Pavlina Svetlana Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Theory and Practice of the English Language and Translation, N.A. Dobrolyubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.*

FOR CITATION: *Pavlina, S. Yu. Political Posters as Multimodal Texts / S. Yu. Pavlina // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 100-106. — DOI 10.26170/pl19-02-11.*

REFERENCES

1. Anisimova E. E. Text Linguistics and Intercultural Communication (on the Basis of Creolized Texts). — Moscow : Academia, 2003. [Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov). — M. : Academia, 2003]. — (In Rus.)
2. Baranov A. N., Parshin P. B. On the Metalanguage for Describing Text Visualizations // *Volgograd State Univ. Journ. Ser. 2, Linguistics*. 2018. Vol. 17, No. 3. P. 6—15. [O metazyazyke opisaniya vizualizatsiy teksta // *Vestn. Volgograd. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoznanie*. 2018. T. 17, № 3. S. 6—15]. — (In Rus.)
3. Bol'shakova L. S. On the Content of the Concept "Polycode Text" // *SamSU Journ*. 2008. № 4 (63). P. 19—24. [O sodержanii ponyatiya «polikodovyy tekst» // *Vestn. SamGU*. 2008. № 4 (63). S. 19—24]. — (In Rus.)
4. Val'ter Kh. Political Poster — a Mirror of His Time // *Problems of History, Philology, Culture*. 2016. No. 3. P. 143—149. [Politicheskyy plakat — zerkalo svoego vremeni // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2016. № 3. S. 143—149]. — (In Rus.)
5. Voroshilova M. B. Political Creolized Text: Keys to Reading. — Ekaterinburg, 2013. 194 p. [Politicheskyy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu. — Ekaterinburg, 2013. 194 s.]. — (In Rus.)
6. Eyger G. V., Yukht V. L. On the Construction of a Typology of Texts // *Text Linguistics : materials of science conf. in MGPI n. a. M. Toreza*. — Moscow, 1974. Part 1. [K postroeniyu tipologii tekstov // *Lingvistika teksta : materialy nauch. konf. pri MGPIYa im. M. Toreza*. — M., 1974. Ch. 1]. — (In Rus.)
7. Iriskhanova O. K. Polymodality in Socio-cognitive Lighting: Poster Semiotics // *Cognitive Studies of Language*. 2012. № 11. P. 63—66. [Polimodal'nost' v sotsiokognitivnom osveshchenii: semiotika plakata // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2012. № 11. S. 63—66]. — (In Rus.)
8. Kulinich M. A., Chaplygina Yu. S. Creole Texts and Their Functions // *Philological Problems in the System of Higher Education : collection of scientific works*. — Samara : SamGAPS, 2002. Vol. 1. P. 32—36. [Kreolizovannyye teksty i ikh funktsii // *Filologicheskaya problematika v sisteme vysshego obrazovaniya : sb. nauch. tr.* — Samara : SamGAPS, 2002. Vyp. 1. S. 32—36]. — (In Rus.)
9. Magera T. S. The Text of a Political Poster: Linguistic Modeling (on the material of regional election posters) : thesis of Cand. of Phl. sciences. — Barnaul, 2006. [Tekst politicheskogo plakata: lingvoritoricheskoe modelirovanie (na materiale regional'nykh predvybornykh plakatov) : dis. ... kand. filol. nauk. — Barnaul, 2006]. — (In Rus.)
10. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Creolized Texts and Their Communicative Functions // *Optimization of Speech Influence*. — Moscow : Science, 1990. P. 180—186. [Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnye funktsii // *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya*. — M. : Nauka, 1990. S. 180—186]. — (In Rus.)
11. Khodus E. Yu. Political Poster of France as a Creolized Text // *Vestn. Stavropol'e State Univ*. 2011. No. 76 (5). P. 118—124. [Politicheskyy plakat Frantsii kak kreolizovannyi tekst // *Vestn. Stavropol'sk. gos. un-ta*. 2011. № 76 (5). S. 118—124].
12. Chernyavskaya V. E. What text Boundaries do the Linguist Need? Polycode and Hybrid Texts // *Style*. 2008. P. 105—120. [Kakie tekstovyye granitsy nuzhny lingvistu? Polikodovyye i gibridnyye teksty // *Stil'*. 2008. S. 105—120]. — (In Rus.)
13. Ball S. Dole Queues and Demons: British Election Posters from the Conservative Party Archive. — Oxford : Boldain Library, 2011.
14. Dumitrescu D. The importance of being present: Election posters as signals of electoral strength, evidence from France and Belgium // *Party Politics*. 2012. Vol. 18. P. 941—960.
15. Geise S., Vigsø O. Methodological Approaches to the Analysis of Visual Political Communication Through Election Posters // *Election Posters Around the Globe / Holtz-Bacha C., Johansson B. (eds)*. — Springer, 2017.
16. Seidman S. Posters, propaganda & persuasion in election campaigns around the world and through history. — New York : P. Lang, 2008.

Н. Б. РуженцеваУральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: — **А. И. Суетина**Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: — **Ли Сыци**Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: — **E-mail:** verbalis@mail.ru; suetina@uspu.me; 459526706@qq.com.**Жанр политического портрета в русскоязычных китайских СМИ: ценности и антиценности**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена жанровой разновидности портретного очерка — политическому портрету. Исходя из мысли о том, что специфика портретного очерка в китайском русскоязычном медиаполитическом дискурсе определяется в первую очередь предметом изображения и авторской интенцией, авторы статьи анализируют категорию коммуникативной тональности (В. И. Карасик) и приходят к выводу об аксиологической маркированности данной категории в ее идеологической разновидности. Система ценностей, лежащая в основе формирования общественного мнения о китайском политике, представлена в виде дихотомии «ценности — антиценности», что позволяет считать аксиологическую ориентацию политического портрета ведущим фактором текстообразования этого жанра. Для политических портретов, созданных носителями китайского языка, характерны два основных вида коммуникативной тональности — информативная и идеологическая. Информативная тональность актуализируется преимущественно в биографических фрагментах очерков. В свою очередь, идеологическая тональность актуализируется в целом спектре соотносимых с ней позитивных/негативных оценок политика, формирующих аксиологическую диаду. Позитивно оцениваются простота, доступность, близость к народу, деловые способности, профессионализм, опытность, смелость, энергичность, решительность, готовность к действиям, настойчивость, упорство, целеустремленность, ответственность за Родину и соотечественников, патриотизм. Антиценности в проанализированных очерках связаны с негативным внешним воздействием и проявлениями безответственности. В целом аксиологические приоритеты в портретах китайских политиков соотносимы прежде всего с волевой сферой человека, а жанр политического портрета во многом выполняет регулятивную функцию, релевантную для эффективного функционирования общества на его современном этапе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический портрет; журналистика; медиалингвистика; медиатексты; медиадискурс СМИ; средства массовой информации; политический дискурс; русский язык; китайские СМИ; коммуникативная тональность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Суетина Анастасия Игоревна, начальник отдела по работе с диссертационными советами и ВАК; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 211; e-mail: suetina@uspu.me.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Сыци, аспирант первого года обучения, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: 459526706@qq.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Руженцева, Н. Б. Жанр политического портрета в русскоязычных китайских СМИ: ценности и антиценности / Н. Б. Руженцева, А. И. Суетина, Ли Сыци // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 107-112. — DOI 10.26170/pl19-02-12.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-021-00465 А «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот».

Жанр политического портрета — это форма текста, во многом близкая к портретному очерку. Очерк, понимаемый как жанр художественной публицистики, давно уже является предметом исследования ученых. Так, жанровым разновидностям очерка посвящена диссертация Л. В. Лукьяновой [Лукьянова 2002], его стилистическая организа-

ция исследована Л. М. Майдановой [Майданова 1987], о поэтике жанра и его композиции говорится в работах Н. А. Шипиловой [Шипилова 2004] и Н. И. Глушкова [Глушков 1969] и т. д. Очерк как публицистическая форма имеет целый ряд разновидностей, обладающих, как мы считаем, национальной спецификой текстообразования. Например,

М. И. Стюфляева считает, что портретный очерк в российском медиадискурсе «сберегает тепло подлинной жизни, изменчивость живой природы, бесконечное разнообразие ее оттенков. Повторяясь в социологическом типе, человек в публицистике тем не менее неповторим... Публицист, размышляя о человеке, возводит приметы неповторимо личностного бытия героя к необходимым человековедческим обобщениям, которые проявляют его социальную принадлежность, помогают разглядеть в нем черты людей определенной формации» [Стюфляева 1989: 18]. В свою очередь, специфика портретного очерка в китайском медиаполитическом дискурсе определяется предметом изображения и авторской ценностно ориентированной интенцией. Аксиологическая направленность этой жанровой формы, популярной в русскоязычных китайских СМИ, определяет и разделяемую нами концепцию портретного очерка: «Предметом портретного очерка выступает личность. Цель журналиста — показать, каким ценностям служит этот герой, в чем видит смысл своего существования, как он отстаивает эти ценности, какие трудности переживает. Описание этой борьбы, действий, поступков как раз и называется показом или раскрытием характера героя» [Тертычный 2000: 251].

Материалом для данной статьи послужили два портретных очерка, опубликованные в русскоязычном журнале «Китай» и посвященные китайским региональным политикам. Это очерки «Ли Сяоси — депутат-эколог» (Китай. 2006, октябрь. № 10 (12)) и «Цзэн Иньцюань — глава администрации ОАР Сянган» (Китай. 2007, май. № 5 (19)), написанные китайскими авторами (Цзы Фэнчунь и Янь Ин) на русском языке. Мы исходим из мысли о том, что фигура политика в очерковых формах, созданных носителями китайского языка, осмысливается с учетом диады: «ценности (разделяемые политиком) — антиценности (которых он не придерживается и против которых борется)». В целом диада «ценности-антиценности» используется «в различных дискурсивных практиках и репрезентирующих их текстотипах (или жанрах) дискурса» [Белютин 2017: 293] и имеет национальную специфику [Баландина 2013; Казакова 2013; Ларина 2018; Осипова 2018; Чжу Жуйшуан 2017 и др.].

Понятие «ценность» тесно связано с аксиологическим модусом текста, который, в свою очередь, можно охарактеризовать с опорой на понятие «коммуникативная тональность» [Карасик 2016]. Мы считаем, что понятие «коммуникативная тональность» в полной мере приложимо не только к устной, но и к письменной речи, и в частности к ме-

диополитическому дискурсу, исследуемому в рамках инструментального подхода. В свою очередь, для политических портретов, созданных носителями китайского языка, которые переносят специфику китайского текстообразования на русский язык, характерны прежде всего два основных вида коммуникативной тональности. Это «информативная тональность — серьезное нейтрально-эмоциональное общение, целью которого является взаимное либо одностороннее информирование и реакция на него» и «идеологическая тональность — серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим» [Там же: 64—65]. Указанные тональности являются важнейшим, инвариантным фактором текстообразования очерковых (а возможно, и многих других) форм в китайском медиаполитическом дискурсе именно потому, что они напрямую связаны с ценностями — «фундаментальными характеристиками культуры, высшими ориентирами поведения» [Цзян Яминь 2017: 189].

Представим анализ очерков с этой точки зрения (тексты очерков оставлены без изменений).

ЦЗЭН ИНЬЦЮАНЬ — ГЛАВА АДМИНИСТРАЦИИ ОАР СЯНГАН

Информативная тональность (нейтральная оценочность)

Цзэн Иньцюань родился в Сянгане 7 октября 1944 года... В 1995 году первым из китайцев стал секретарем по финансам в правительстве Сянгана. В 1997 году занял пост первого секретаря по финансам правительства Особого административного района (ОАР) Сянган... На выборах главы администрации, произошедших 25 марта 2007 года, Цзэн Иньцюань с большим перевесом (649 голосов «за») одержал победу над своим единственным соперником Лян Цзяцзе (123 голоса). И т. д.

Идеологическая тональность и соотносимая с ней система ценностей (позитивная оценка)

ПРОСТОТА, ДОСТУПНОСТЬ, БЛИЗОСТЬ К НАРОДУ

• *Я родился в обычной сянганской семье. Как и все был простым учеником, работал коммивояжером, потом стал чиновником.*

• *История пути — от коммивояжера до высокопоставленного политика — сблизает Цзэнь Иньцюаня с простыми сянганцами.*

● По сравнению с чиновниками-коллегами — по большей части выходцами из знатных семей — Цзэн Инъюань в глазах местных жителей является **более близким и доступным, как соседский парень, как родной брат.**

ДЕЛОВЫЕ СПОСОБНОСТИ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, ОПЫТНОСТЬ

● **Опыт и коммуникативные способности** дали тот результат, что он хорошо знает сянганское общество и особенности работы правительства.

● Цзэнь Инъюань **предприимчив и деловит**, учитывая все обстоятельства, он гибко подходит к решению проблемы.

● Сянганцы уверены в том, что **решительность и деловые способности цзэн инъюаня** сделают жемчужину Востока еще более блестящей.

СМЕЛОСТЬ

● Его **смелость** изживает представление о правительстве как о чем-то высокомерном и консервативном.

● В этих словах многие его земляки не только увидели собственную историю, но и обрели **смелость бороться за свое будущее.**

ЭНЕРГИЧНОСТЬ, РЕШИТЕЛЬНОСТЬ, ГОТОВНОСТЬ К ДЕЙСТВИЯМ

● Не стоит считать нынешний успех Цзэна манной небесной, **Удача — это готовность использовать шанс.**

● Все коллеги считают Цзэн Инъюаня человеком **решительным и знающим.**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РОДИНУ И СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

● Цзэн Инъюань откровенно признал, что в то время он **пережил очень тяжелые часы, опасаясь разорения земляков.**

● Он искренне относится к людям, **борется за счастье 7 млн. сянганцев.**

● В то время правительство во главе с Цзэн Инъюанем было в долгах по горло. **Путей спасения он нашел три.**

ПРИЗНАНИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ И МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

● «То, что брокеры играли на понижение, было по стабильности финансовой системы всего Сянгана и уверенности в завтрашнем дне 7 млн. сянганцев». **Эти слова снискали признательность и поддержку горожан.**

● Эта необходимая и чрезвычайная мера получила **всеобщее признание и поддержку международного сообщества.**

● Во многом благодаря этому Цзэн Инъюань **получил большую поддержку**

горожан из разных кругов общества. Ведущие сянганские СМИ отметили, что назначение Цзэн Инъюаня главой администрации ОАР Сянган **получило всеобщее признание.**

● «Через пять лет, когда я уйду в отставку, надеюсь, что **люди скажут обо мне: он хороший сянганец.**»

ПАТРИОТИЗМ

● «Я пью воду Сянгана, и в моем теле течет сянганская кровь. **Я клянусь в верности сянганцам!**»

Антиценности (негативная оценка)

Заносчивость, высокомерие

● В отличие от других высокопоставленных чиновников, которые часто держат себя **заносчиво и высокомерно**, Цзэн Инъюань выглядит искренним, дружелюбным и доступным.

Антиценности, связанные с внешним воздействием

● Свою смелость и деловую хватку Цзэн Инъюань отлично продемонстрировал в августе 1998 г в борьбе с **«международным финансовым крокодилом»** — Джорджем Соросом.

● В результате **«финансовый крокодил»** сдался, правительство Сянгана **выиграло.**

Таким образом, автор политического портрета отбирает из массива информации о политике именно то, что соответствует китайским аксиологическим приоритетам, релевантным для позитивной оценки политической фигуры, рассматриваемой в коммуникативном и финансово-экономическом аспектах деятельности. В тексте очерка аксиологические приоритеты репрезентированы как ценности, связанные со сферой общения (простота, демократичность, близость к народу), со сферой прагматических интересов (профессионализм, решительность, деловитость, смелость) и с ментальной сферой региональной идентичности (патриотизм, признание соотечественников). Эти ценности актуализированы в виде оценочно маркированных диад: «простота (в общении) — высокомерие»; «интересы Китая — интересы международных организаций и их представителей». Аксиологические диады в тексте политического портрета могут быть иными, поэтому мы обратимся ко второму портретному очерку, в котором фигура политика рассматривается не в финансово-экономическом, а в экологическом аспекте его деятельности.

ЛИ СЯОСИ — ДЕПУТАТ-ЭКОЛОГ

Информативная тональность (нейтральная оценочность)

• В газете «Китайская молодежь» Ли Сяоси опубликовала статью, в которой описала эту проблему. Статья вызвала большой общественный резонанс. Стройку отменили, а болото было занесено в список природных объектов, находящихся под охраной мэрии Пекина. И т. п.

Идеологическая тональность (позитивная оценка)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ЗА ПРОЦЕССЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИРОДОЙ И ОБЩЕСТВОМ

• Будучи волонтерами охраны окружающей среды, мы не **имеем права закрывать глаза на ее загрязнение и уничтожение.**

• Она считает, что символом счастья являются не роскошный дом и дорогие продукты. Символ счастья — это **свежий воздух, чистая вода, экологически чистая еда, незагрязненная окружающая среда — залог будущего продолжительного развития.**

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ, ГОТОВНОСТЬ ЖЕРТВОВАТЬ ЛИЧНЫМ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО

• И хотя мы часто встречаемся с большими трудностями, но ради защиты природы **мы готовы на любые лишения.**

• Работа депутата требует много времени и сил, поэтому в 2002 году Ли Сяоси вышла на пенсию, **пожертвовав высокой зарплатой, льготами и карьерой.**

НАСТОЙЧИВОСТЬ, УПОРСТВО, ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ

• От этой маленькой, очень подвижной женщины исходит сильная энергия. Улыбчивая, доброжелательная в повседневной жизни и в то же время **жесткая и настойчивая**, когда призывает власти к конкретным действиям по охране природы. Она добилась сохранения болота под Пекином, заставила изменить проект крупного строительства, с ее подачи начали наводить порядок на реке Янцзы.

• Ли Сяоси так **настойчиво** добивается запретить бесплатную выдачу пакетов, считая, что такая мера поможет снизить уровень загрязненности города и окрестностей.

• **я сделаю все**, чтобы общество как можно скорее простилось с одноразовыми вещами.

• Деревья на берегу мешали строителям, и было принято «простое и гениаль-

ное» решение — вырубить их. Узнав, что 28 тыс. старинных деревьев будут уничтожены, Ли Сяоси организовала целую кампанию за отмену этого проекта. Она не только написала множество запросов и обращений с требованием, чтобы правительство пересмотрело этот проект, но и пригласила специалистов, чтобы доказать вредность подобного переустройства канала. И в конце концов **она добилась победы**: местные власти изменили план и вырубали только 3 тыс. деревьев.

Антиценности (негативная оценка)

БЕЗОТВЕТСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ, ВЕДУЩЕЕ К ЕЕ ЗАГРЯЗНЕНИЮ И РАЗРУШЕНИЮ

• В 90-е годы прошлого века разрушительная вырубка леса, браконьерство, массовое истребление диких животных, загрязнение воздуха и воды потрясли меня настолько, что я решила бороться с этим: написала множество писем руководителям органов охраны окружающей среды.

• Ли Сяоси обратилась к главе администрации уезда Янчжэнь. Ее аргументы: «В Пекине большой дефицит воды, поэтому решайте, что более важно: площадка для гольфа или наполненная влагой земля? К тому же, эта земля — место обитания диких птиц, где они будут жить, когда начнется строительство? Кроме того, содержание поля повлечет за собой увеличение расхода воды».

• Ли Сяоси увидела, что пассажиры и экипаж бросают мусор в воду. Люди даже не задумываются, что будет с рекой. «Река Янцзы кормит вас, если она умрет, на что вы будете жить?» — гневно обратилась она к попутчикам.

В целом текст этого сравнительно небольшого очерка свидетельствует о том, что аксиологическими приоритетами автор считает ценности, связанные прежде всего с волевой сферой человека (настойчивость, целеустремленность, самоотверженность). К важнейшим ценностям современного китайского политика относится также ответственность, получившая текстовую репрезентацию в виде диады «ответственное поведение — безответственное поведение» [Ли Инин, Карасик 2017: 30].

Таким образом, жанр политического портрета в китайском медиадискурсе отличается выраженной аксиологической направленностью. Фактором текстообразования для этой жанровой разновидности можно, на наш взгляд, считать не столько традиционную для российского политического дискурса оппозицию «свой — чужой»,

сколько аксиологические диады, реализующие регулятивную функцию текста, релевантную для эффективного функционирования общества на его современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина Е. С. Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2013. 234 с.
2. Белютин Р. В. «Применять допинг» — можно? О трансформации антиценностного статуса концепта «допинг» в метафорическом пространстве языка // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст. — Тяньцзинь : Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2017. С. 203—299.
3. Глушков Н. И. Очерковая проза. — Ростов н/Д : Изд-во Ростовск. ун-та, 1979. 215 с.
4. Казакова Н. Ю. Общечеловеческая ценность «семья» в русском и немецком языковом сознании // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 194—203.
5. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестн. РУДН. Сер. «Лингвистика». 2016. № 20 (4). С. 56—77.
6. Ларина Т. В. Язык как компонент этнической идентичности // Язык, культура и мягкая сила / УрГПУ. — Гуанчжоу, 2018. С. 56—62.
7. Ли Инин, Карасик В. И. Осмысление ответственности в пословицах и афоризмах // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст. —

Тяньцзинь : Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2017. С. 30—38.

8. Лукьянова Л. В. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни А. И. Солженицына как художественно-публицистический феномен : дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2002.
9. Майданова Л. М. Очерки по практической стилистике для студентов-журналистов. — Свердловск : УрГУ, 1987. 182 с.
10. Осипова Н. О. Гендерный дисплей и конфликт межличностной коммуникации в политическом пространстве // Язык, культура и мягкая сила / УрГПУ. — Гуанчжоу, 2018. С. 35—39.
11. Стюфляева М. И. Человек в публицистике (Методы и приемы изображения и исследования). — Воронеж : ВГУ, 1989. 143 с.
12. Тертыйный А. А. Жанры периодической печати. — М. : Аспект-Пресс, 2000. 310 с.
13. Цзян Ямин. Параметры изучения ценностей политического дискурса в рамках концепции «Один пояс — один путь» // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст. — Тяньцзинь : Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2017. С. 189—198.
14. Чжу Жуйшуан. Содержание моральных ценностей в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2017. URL: <http://iling-ran.ru/main/theses/zhu>.
15. Шпилова Н. А. Поэтика очеркиста Г. И. Успенского (цикл «Письма с дороги») : дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2004.

N. B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

A. I. Suetina

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

Li Siqi

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

E-mail: verbalis@mail.ru; suetina@uspu.me; 459526706@qq.com.

The Genre of Political Portrait in the Chinese Mass Media in Russian: Values and Anti-Values

ABSTRACT. *The article deals with a genre variety of portrait essay – a political portrait. Proceeding from the assumption that the specificity of portrait essay in the Chinese Russian language media political discourse is determined, first of all, by the object of portrayal and the writer’s intention, the authors of the article analyze the category of communicative tone (V. I. Karasik) and come to the conclusion about the axiological markedness of the given category and its ideological variation. The system of values lying at the basis of the formation of the public opinion about a Chinese politician is presented as a dichotomy of “value/anti-value”, which allows regarding the axiological orientation of political portrait as the leading text-forming factor of this genre. The political portraits created by the Chinese language speakers are characterized by two main kinds of communicative tone – informative and ideological. The informative tone is actualized mostly in the biographical fragments of the essays. In its turn, the ideological tone appears in a whole range of positive/negative evaluations of the politician associated with it and forms an axiological dyad. The positive evaluations are given to ease, accessibility, closeness to the people, business competencies, professionalism, experience, courage, energy, decisiveness, readiness for action, perseverance, persistence, commitment, responsibility for one’s Motherland and the people, and patriotism. The anti-values in the essays under analysis are associated with external intervention and manifestations of irresponsibility. On the whole, the axiological priorities in the portraits of Chinese politicians are relatable, first of all, to the volitional sphere of man, and the genre of political portrait performs, to a great degree, the regulatory function relevant to efficient functioning of society at the present stage of its life.*

KEYWORDS: *political portrait; journalism; media linguistics; media texts; media discourse; mass media; political discourse; Russian language; Chinese mass media; communicative tonality.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Ruzhentseva Natal’ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Suetina Anastasiya Igorevna, Director of Department for Cooperation with Dissertation Councils and VAK, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Li Siqi, Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Ruzhentseva, N. B. The Genre of Political Portrait in the Chinese Mass Media in Russian: Values and Anti-Values/ N. B. Ruzhentseva, A. I. Suetina, Li Siqi // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 107-112. — DOI 10.26170/pl19-02-12.*

ACKNOWLEDGMENTS: *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-021-00465 A «Linguo-Political Personology: Discursive Turn».*

REFERENCES

1. Balandina E. S. Dynamics of the Family Image in the Language Consciousness of Bearers of Different Cultures : thesis of Cand. of Philol. Sciences. — Chelyabinsk, 2013. 234 p. [Dinamika obraza sem'i v yazykovom soznanii nositeley raznykh kul'tur : dis. ... kand. filol. nauk. — Chelyabinsk, 2013. 234 s.]. — (In Rus.)
2. Belyutin R. V. “Apply Dope” — is it Possible? On the Transformation of the Anti-value Status of the Concept of “doping” in the Metaphorical Space of the Language // Values in the Linguocultural Aspect: Language Consciousness, Communication, Text. — Tianjin : Tianjin Univ. of Foreign Languages, 2017. P. 203—299. [«Primenyat' doping» — možhno? O transformatsii antitsennostnogo statusa kontsepta «doping» v metaforicheskom prostranstve yazyka // Tsennosti v lingvokul'turnom aspekte: yazykovoe soznanie, kommunikatsiya, tekst. — Tyan'tszin' : Tyan'tszin'sk. un-t inostr. yazykov, 2017. S. 203—299]. — (In Rus.)
3. Glushkov N. I. Sketching Prose. — Rostov on Don : Publishing House of Rostov Univ., 1979. 215 p. [Ocherkovaya proza. — Rostov n/D : Izd-vo Rostovsk. un-ta, 1979. 215 s.]. — (In Rus.)
4. Kazakova N. Yu. The Universal Value of the “Family” in the Russian and German Language Consciousness // Problems of Psycholinguistics. 2012. № 1 (15). P. 194—203. [Obshechelo-vecheskaya tsennost' «sem'ya» v russkom i nemetskom yazykovom soznanii // Voprosy psikholingvistiki. 2012. № 1 (15). S. 194—203]. — (In Rus.)
5. Karasik V. I. Discursive Manifestation of Personality // RUDN Journ. Ser. “Linguistics”. 2016. № 20 (4). P. 56—77. [Diskursivnoe proyavlenie lichnosti// Vestn. RUDN. Ser. «Lingvistika». 2016. № 20 (4). S. 56—77]. — (In Rus.)
6. Larina T. V. Language as a Component of Ethnic Identity // Language, Culture and Soft Power / USPU. — Guangzhzhou, 2018. P. 56—62. [Yazyk kak komponent etnicheskoy identichnosti // Yazyk, kul'tura i myagkaya sila / UrGPU. — Guanchzhou, 2018. S. 56—62]. — (In Rus.)
7. Li Inin, Karasik V. I. Comprehension of Responsibility in Proverbs and Aphorisms // Values in the Linguocultural Aspect: Linguistic Consciousness, Communication, Text. — Tianjin : Tianjin. Univ. of Foreign Languages, 2017. P. 30—38. [Osmyslenie otvetstvennosti v poslovitsakh i aforizmax // Tsennosti v lingvokul'turnom aspekte: yazykovoe soznanie, kommunikatsiya, tekst. — Tyantszin' : Tyan'tszin'sk. un-t inostr. yazykov, 2017. S. 30—38]. — (In Rus.)
8. Luk'yanova L. V. Butted a Calf with an Oak. Essays on the Literary Life of A. I. Solzhenitsyn as an Artistic and Journalistic Phenomenon : thesis of Cand. of Philol. Sciences. — Rostov on Don, 2002. [Bodalsya telenok s dubom. Ocherki literaturnoy zhizni A. I. Solzhenitsyna kak khudozhestvenno-publitsisticheskii fenomen : dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 2002]. — (In Rus.)
9. Maydanova L. M. Essays on Practical Stylistics for Student Journalists. — Sverdlovsk : Ural State Univ., 1987. 182 p. [Ocherki po prakticheskoy stilistike dlya studentov-zhurnalistov. — Sverdlovsk : UrGU, 1987. 182 s.]. — (In Rus.)
10. Osipova N. O. Gender Display and Conflict of Interpersonal Communication in the Political Space // Language, Culture and Soft Power / USPU. — Guangzhou, 2018. P. 35—39. [Gendernyy displey i konflikt mezhlichnostnoy kommunikatsii v politicheskom prostranstve // Yazyk, kul'tura i myagkaya sila / UrGPU. — Guanchzhou, 2018. S. 35—39]. — (In Rus.)
11. Styuflyayeva M. I. Man in Journalism (Methods and Techniques of Image and Research). — Voronezh : VSU, 1989. 143 p. [Chelovek v publitsistike (Metody i priemy izobrazheniya i issledovaniya). — Voronezh : VGU, 1989. 143 s.]. — (In Rus.)
12. Tertychnyy A. A. Genres of the Periodical Press. — Moscow : Aspect-Press, 2000. 310 p. [Zhanry periodicheskoy pechati. — M. : Aspekt-Press, 2000. 310 s.]. — (In Rus.)
13. Jiang Yamin. Parameters of Studying the Values of Political Discourse within the Framework of the Concept of “One Belt — One Way” // Values in the Linguocultural Aspect: Language Consciousness, Communication, Text. — Tianjin : Tianjin. Univ. of Foreign Languages, 2017. P. 189—198. [Parametry izucheniya tsennostey politicheskogo diskursa v ramkakh kontseptsii «Odin poyas — odin put'» // Tsennosti v lingvokul'turnom aspekte: yazykovoe soznanie, kommunikatsiya, tekst. — Tyan'tszin' : Tyan'tszin'sk. un-t inostr. yazykov, 2017. S. 189—198]. — (In Rus.)
14. Zhu Ruishuan. The Content of Moral Values in the Linguistic Picture of the World (on the Material of the Chinese and Russian Languages) [Electronic resource] : synopsis of thesis of Cand. of Philol. Sciences. — Moscow, 2017. [Soderzhanie moral'nykh tsennostey v yazykovoy kartine mira (na materiale kitayskogo i russkogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2017]. URL: <http://iling-ran.ru/main/theses/zhu>. — (In Rus.)
15. Shipilova N. A. Poetics of the Essay Writer G. I. Uspensky (Cycle “Letters from the Road”) : thesis of Cand. of Philol. Sciences. — Voronezh, 2004. [Poetika ocherkista G. I. Uspenskogo (tsikl «Pis'ma s dorogi») : dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2004]. — (In Rus.)

Е. М. УслановаКемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1630-8259 **E-mail:** elena.uslanowa@yandex.ru.

Номинативное поле медиаконцепта «майдан» в российских СМИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена описанию номинативного поля одного из значимых для современной политической коммуникации концептов — концепта «майдан» — в российских массмедиа, наиболее оперативно реагирующих на изменения в жизни общества и во многом определяющих изменения в национальной политической концептосфере. Поскольку концепт «майдан» является относительно новым и его концептуальная структура находится в стадии формирования, номинативное поле концепта рассматривается в динамике, что позволяет проследить эволюцию политического концепта. В работе описываются ядро и периферия номинативного поля концепта в 2004—2012 и 2013—2018 гг., анализируется частотность номинантов в каждый период, эксплицируется подвижность структуры поля, фиксируется резкий рост числа номинантов с отрицательными коннотациями, что является показателем негативного отношения общества к исследуемому феномену. Периоды, выделенные для описания, соответствуют двум наиболее крупным протестным движениям на территории Украины. Период 2004—2012 гг. связан с «оранжевой революцией» и рефлексией по этому поводу, поскольку именно это событие способствует появлению текстов, где слово «майдан» используется как синоним «акции протеста». Отмечается, что в процессе эволюции концепта происходит его отрыв от украинских событий и активное использование для характеристики протестных акций во всем мире. Делается вывод о постепенном расширении и усложнении номинативного поля концепта, что свидетельствует о возрастающей роли данной ментальной единицы для современного социума.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; политический дискурс; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты, СМИ; средства массовой информации; российские СМИ; язык СМИ; медиаконцепты; украинский кризис.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Усланова Елена Михайловна, аспирант института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: elena.uslanowa@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Усланова, Е. М. Номинативное поле медиаконцепта «майдан» в российских СМИ / Е. М. Усланова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 113-118. — DOI 10.26170/pl19-02-13.

В современной лингвистике наиболее перспективными являются направления, возникшие в зоне пересечения нескольких отраслей научного знания. Одним из интенсивно развивающихся научных направлений подобного рода является политическая лингвистика, сформировавшаяся на пересечении лингвистики и политологии, учитывающая также достижения ряда других гуманитарных наук. Политическая лингвистика сосредоточена на исследовании политического языка разных периодов развития Российского государства, а также политического языка других государств. К числу важнейших направлений политической лингвистики относится «рассмотрение отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры» [Чудинов 2006: 9].

Для политического дискурса на всех этапах его развития наиболее значимыми являются концепты «политика», «политик», «власть», «государство», «народ», «свобода», «выборы» и др. Помимо константных политических концептов, активно функционирующих в политическом дискурсе во все эпохи, существуют также концепты, отража-

ющие специфику политической ситуации в обществе на определенном этапе. К числу подобных концептов, значимых для современной мировой политической коммуникации, относится концепт «майдан».

Большинство российских и украинских исследователей сходятся во мнении, что «майдан» — это сравнительно новый политический концепт. Широкое распространение и использование данного концепта связано с серией протестных акций на территории Украины: во-первых, с «Оранжевой революцией» 2004—2005 гг.; во-вторых, с «Революцией достоинства» 2013—2014 гг.

За последнее десятилетие слово *майдан* практически не сходит со страниц традиционных и социальных медиа и достаточно часто становится средством номинации событий, имеющих революционный характер. Каждый всплеск политической активности граждан той или иной страны находит отражение в различных средствах массовой информации, при этом в подавляющем большинстве случаев каждая новая акция протеста прямо или косвенно сравнивается с событиями на Украине. В российских СМИ су-

ществует тенденция к номинации любых протестных акций лексемой «майдан»: «...намечается „отрыв“ концепта „майдан“ от украинских событий и использование нового политического концепта для характеристики протестных акций во всем мире» [Кондратьева 2018: 319].

По мнению И. А. Соболевой, концепт «майдан» представляет собой «новый „квант“» социального сознания, «особый ментально-аксиологический комплекс, характеризующийся сложной когнитивной организацией, коррелирующей с сознанием социума» [Соболева 2014: 168]. Анализу концепта «майдан» посвящено достаточно большое количество научных статей, в которых предпринята попытка посредством различных методов исследования уяснить сущность этого явления [Антонова 2018; Ашраф М. Аттия 2014; Кондратьева 2017, 2018; Нефедов 2015; Полякова 2014; Соболева 2014; Химик 2015; Юнусова 2016 и др.]. Значительное внимание к концепту «майдан» свидетельствует о его коммуникативной релевантности, т. е. данный концепт часто используется в процессе обмена информацией, становится предметом обсуждения [Попова, Стернин 2007: 47].

Составной частью лингвистического исследования концепта является описание его номинативного поля, т. е. «совокупности языковых средств, репрезентирующих концепт в определенный период развития общества» [Попова, Стернин 2007: 47]. Расширение номинативного поля концепта, как правило, говорит о возрастающей роли данной ментальной единицы для современного социума.

Целью данной статьи является исследование номинативного поля концепта «майдан» в динамике. Периоды, выделенные нами для описания, соответствуют двум наиболее крупным протестным движениям на территории Украины. Период 2004—2012 гг. связан с «оранжевой революцией» и рефлексией по этому поводу, поскольку именно это событие способствует появлению текстов, где слово «майдан» используется как синоним «акции протеста». Следовательно, все последующие случаи употребления слова «майдан» соотносятся с событиями на Украине 2004—2005 гг. Выделение периода 2013—2018 гг. обусловлено другим эпизодом в современной истории Украины, так называемой «революцией достоинства» 2013—2014 гг. Интерес российских СМИ к данному событию обуславливает возрождение и все более активное использование слова *майдан* в новом значении.

Материалом исследования послужили тексты, относящиеся к медийному дискурсу,

размещенные в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка, а также в архиве СМИ системы «Медиалогия» за период с 2004 по 2018 г. Медийный дискурс, на наш взгляд, наиболее значим для понимания и осмысления нового феномена, поскольку именно СМИ влияют на формирование взглядов, убеждений и позиций носителей языка.

При рассмотрении вопроса о формировании номинативного поля концепта мы опираемся на модель, предложенную З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [Попова, Стернин 2007: 48]. Построение номинативного поля концепта предполагает установление и описание совокупности языковых средств, используемых для номинации концепта и его отдельных признаков [Агзамова 2011: 191]. Отметим, что номинативное поле концепта неоднородно, в его структуре выделяют как прямые номинации концепта, так и номинации его отдельных признаков, отражающих содержание концепта и отношение к нему в различных коммуникативных ситуациях. Таким образом, принято выделять ядро и периферию номинативного поля [Попова, Стернин 2007: 48].

Для построения ядра номинативного поля концепта необходимо выделить ключевое слово — репрезентант, а также его синонимы, функционирующие в медиадискурсе. В рамках данного исследования ключевым словом, репрезентирующим концепт, является лексема *майдан*. Согласно предложенной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным концепции, ядро номинативного поля будет установлено путем анализа контекстов, в которых функционирует изучаемый концепт, т. е. путем анализа текстов российских СМИ. В связи с вышесказанным нами будут рассмотрены синонимы, номинирующие концепт «майдан», в том числе индивидуально-авторские, окказиональные и описательные.

Начальным этапом анализа номинативного поля концепта является описание семантики его основного репрезентанта, т. е. лексемы *майдан*. Сопоставим толкования, представленные в ряде словарных статей.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля дано следующее толкование слова: «**Майдан** — м. площадь, место, поприще; || возвышенная прогалина и || стоящий на ней лесной завод: смолокурня, дегтярня, поташня, смолевой, селитряный *майдан*, завод, работающий на воле; см. буда; || сборное место...» [Словари.ру 2019]. «Семантический словарь» под редакцией Н. Ю. Шведовой содержит сходное в своей основе толкование: «**Майдан**, -а, м. В южных областях России, на Украине: базарная

площадь, базар» [Словари.ру 2019]. Подобное определение находим в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой: «**Майдан**, -а, м. Площадь, где происходят сходки, собрания, митинги, а также в торговые дни базары [Словари.ру 2019].

Каждое из приведенных толкований актуализирует значение 'площадь', однако, помимо закрепленного словарного значения, лексема *майдан* приобретает новое значение в текстах, относящихся к медийному и интернет-дискурсу. Данный факт отмечается в ряде лингвистических исследований, например в статье Ашраф М. Атия указывается, что слово *майдан* пополнилось несколькими политизированным значениями. Автор отмечает следующие: 'собрание толпы люмпенов с требованием чего-то от властей', 'толпа людей, целенаправленно выводимых на улицу для достижения политических целей', 'средство достижения каких-то политических целей' [Ашраф 2014: 67]. И. В. Нефедов насчитывает в своей работе шесть значений слова *майдан*, которые наиболее часто используются в интернет-дискурсе: 'участники протестного движения', 'митинг политического характера', 'политическое движение, стремящееся к захвату власти неконституционным путём', 'социальный переворот, бунт', 'средневековый способ голосования', 'площадь' [Нефедов 2015: 79—80].

Контекстуальные синонимы лексемы *майдан*, полученные в результате сплошной выборки из статей различных СМИ за период с 2004 по 2012 г., а также в результате работы с материалами газетного подкорпуса за аналогичный период, можно разделить на три группы в соответствии с критерием оценочности языковых средств: 1) синонимы, обладающие **положительной** коннотацией: *демократическая революция* (5), *ненасильственная революция* (2); 2) **нейтральные** синонимы: *оранжевая революция* (182), *народный протест* (8); 3) синонимы, обладающие **негативной** коннотацией: *демагогическая революция* (3), *перманентная революция* (3), *охлократия* (2), *праздник непослушания* (1), *революция сытых и креативных* (1), *волшебная палочка западной демократии* (1).

Отдельно среди номинантов концепта «майдан» следует выделить группу дериватов лексемы *майдан*: *майданство* (1); гипонимы: *антимайдан* (106), *автомайдан* (33).

В статьях за период 2013—2018 гг. нами были выделены следующие номинанты: 1) **положительные**: *гарант исполнения Конституции Украины* (1), *система контроля власти* (1); **нейтральные**: *револю-*

ция достоинства (35), *европейская революция* (7), *народный протест* (5), *бессрочная акция протеста* (5), *национальная украинская революция* (2), *революция целостности* (1); 3) **негативные**: *бандеровская революция* (3), *ночь длинных ножей* (3), *бессмысленная и беспощадная смерть* (1), *акт масштабного разрушения* (1), *вечная украинская драма* (1), *революционная стихия* (1), *дьявольская каша* (1), *междоусобица* (1), *тайная операция ЦРУ* (1), *Евромайдан — еврейский майдан* (ложная этимология) (1), *проект Кремля* (1), *инстанция Путина* (1).

Особенно активно в текстах СМИ данного периода в качестве номинантов концепта «майдан» используются его дериваты: *евромайдан* (55), *автомайдан* (27), *антимайдан* (21), *майданство* (7).

Для установления периферийной зоны номинативного поля концепта «майдан» нами были проанализированы различные варианты сочетаемости лексем, репрезентирующих изучаемый концепт в языке. В качестве наиболее показательных мы выделяем группу прилагательных и причастий, согласующихся со словом *майдан* и выступающих в предложениях в качестве определения.

Прилагательные и причастия, выполняющие в рассмотренных контекстах функцию определения слова *майдан*, в период 2004—2012 гг. дают разноаспектную характеристику рассматриваемого феномена и формируют периферию номинативного поля концепта. Доминирующей в данном аспекте является группа лексем с нейтральной оценкой, кроме того, группа нейтральных лексем является наиболее разнообразной по сравнению с другими группами.

Позитивные оценки майдана представлены в следующих определениях: *славный* (2), *знаменитый* (1), *любимый* (1), *культурный* (1), *бархатный* (1), *демократический* (1), *легендарный* (1), *романтический* (1). В некоторых случаях лексемы, отнесенные нами в данную группу и обладающие положительной семантикой и эмоциональной окраской, в текстах СМИ используются как средство выражения иронии, в итоге значение слова может трансформироваться до противоположного.

Нейтральные оценки в массмедиа выглядят следующим образом: *новый* (44), *многотысячный* (3), *большой* (3), *налоговый* (2), *предпринимательский* (1), *детский* (1), *малый* (1), *масштабный* (1), *странный* (1), *джинсовый* (1), *травяной* (1).

Обращает на себя внимание тематическая группа нейтральных прилагательных,

соотносящихся с наименованиями стран, городов или площадей, где проходили массовые акции протеста. **Тематическая группа «Страна и ее территории»:** 1) **Украина** и ее территории: *украинский* (7), *малороссийский* (1), *киевский* (20), *харьковский* (1); 2) **Россия** и ее территории: *русский* (3), *российский* (1), *челябинский* (8), *московский* (3), *манежный* (1), *пушкинский* (1); 3) **Киргизия** и ее территории: *киргизский* (7), *бишкекский* (1); 4) **Белоруссия** и ее территории: *белорусский* (1), *минский* (3); 5) **прочие страны и города:** *зимбабвийский* (1), *туркменский* (1), *молдавский* (1), *сухумский* (1), *цхинвальский* (1), *тбилисский* (1), *софийский* (1); 6) **обобщенное наименование территорий:** *городской* (1), *центральный* (1), *местный* (1). Среди наиболее частотных выделяется прилагательное *украинский* и связанные с ним в соотношении «общее» / «частное» прилагательные, образованные от наименований городов Украины, например *киевский*, *харьковский*. Аналогично соотносятся и остальные прилагательные данной тематической группы.

Помимо характеристики пространства, в котором происходят протестные события, можно выделить немногочисленную группу прилагательных с семантикой времени. **Тематическая группа «Время»:** *очередной* (7), *прошлый* (2), *следующий* (1), *нынешний* (1), *субботный* (1), *потенциальный* (1), *дальнейший* (1), *действующий* (1), *августовский* (1), *круглосуточный* (1).

Также следует выделить тематическую группы прилагательных, являющихся наименованиями оттенков цветов, которые достаточно часто выступают средством маркировки так называемых «цветных революций». В ряде случаев новые акции протеста приобретают в текстах, относящихся к массмедийному дискурсу, ассоциации с определенным оттенком цвета, что коррелирует с различными атрибутами участников событий. **Тематическая группа «Оттенок цвета»:** *оранжевый* (17), *бело-синий* (8), *синий* (2), *бело-голубой* (1), *радикально-оранжевый* (1), *розовый* (5), *зеленый* (1). Частотными для данной тематической группы являются оттенки цветов, которые в сознании носителей языка связаны с событиями на Украине 2004—2005 гг., а именно *оранжевый* и *синий*.

К группе прилагательных, содержащих негативную оценку майдана, можно отнести следующие: *революционный* (8), *преданный* (3), *проплаченный* (1), *антинаатовский* (1), *ющенковский* (1), *прокремлевский* (1), *искусственный* (1), *мятежный* (1).

Прилагательные и причастия в период 2013—2018 гг. в рассмотренных контекстах выполняют функцию определения слова

майдан. Наиболее разнообразной и многочисленной также является группа нейтральной лексики. **Положительные оценки:** *мирный* (5), *сочувствующий* (2), *лучший* (1), *любимый* (1); **нейтральные:** *новый* (6), *предполагаемый* (5), *нынешний* (5), *сегодняшний* (4), *бессрочный* (2), *митинговый* (1), *последний* (1), *перманентный* (1), *предыдущий* (1), *очередной* (1), *следующий* (1), *народный* (1), *языковой* (1), *демонстрационный* (1), *управляющий* (1), *грядущий* (1), *текущий* (1), *многотысячный* (1), *коричневый* (1), *церковный* (1), *студенческий* (1), *полноценный* (1), *потенциальный* (1), *внутренний* (1).

Аналогично предыдущему периоду в группе с нейтральной оценкой встречаются прилагательные, отражающие отношение к определенной территории, однако по сравнению с предыдущим периодом данная группа не отличается разнообразием языковых средств. Тематическая группа **«Страна и ее территория»:** 1) **Украина** и ее территории: *украинский* (11), *киевский* (36), *украиноязычный* (1), *запорожский* (1); 2) **Россия** и ее территории: *русский* (2), *московский* (1), *чистопрудный* (1), *екатериноградский* (1), *крымский* (1); 3) **прочие страны и территории:** *белорусский* (2), *абхазский* (1), *евразийский* (1), *атлантический* (1), *американский* (1), *армянский* (1), *ереванский* (1), *венесуэльский* (1), *французский* (2); 4) **обобщенное наименование территорий:** *столичный* (1), *городской* (1).

Также представлена группа, указывающая на период или продолжительность протестной акции, т. е. группа «Время»: *новый* (6), *нынешний* (5), *сегодняшний* (4), *бессрочный* (2), *перманентный* (1), *предыдущий* (1).

Следует отметить, что утратила актуальность цветовая характеристика майдана, поскольку оранжевая (*помаранчевая*) революция хронологически относится к предыдущему периоду.

К числу номинантов с негативной оценкой относятся прилагательные и причастия: *протестный* (5), *бандитский* (3), *революционный* (2), *реакционный* (2), *радикальный* (1), *импровизированный* (1), *психосоматическое* (1), *некрасивый* (1), *расстрелянный* (1), *булькающий на медленном огне* (1).

Рассмотрев номинативное поле концепта «майдан» в российских массмедиа, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в оба исследуемых периода (2004—2012 гг. и 2013—2018 гг.) номинации концепта «майдан» представлены преимущественно лексемами, характеризующимися негативными коннотациями, количество лексем с позитивными коннотациями минимально. Особо отметим, что в каждом из пе-

риодов слова и словосочетания, обладающие негативной окраской, представлены более разнообразно, чем нейтральные или положительные номинации. Данный аспект существенен, поскольку одной из основных функций массмедийного дискурса является формирование взглядов, убеждений, позиций по поводу тех или иных аспектов действительности. Таким образом, поскольку ядро и периферия номинативного поля концепта «майдан» представлены обозначениями нейтрального и негативного характера, массмедиа формируют в сознании носителей языка неодобрительное отношение к подобному рода событиям.

Во-вторых, следует особо отметить, что в каждом из периодов достаточно активно при характеристике майдана задействована тематическая группа «Страна и ее территория». Лексемы, входящие в данную группу, выступают в предложениях в качестве определений слова *майдан* и отсылают к политическим протестам, происходившим на территории того или иного государства или города. Это свидетельствует о том, что значение слова *майдан* существенно расширилось, в российских массмедиа данная лексема все чаще выступает средством номинации акций протеста по всему миру.

В-третьих, количество номинаций, представляющих концепт «майдан» в российских массмедиа, с 2004 г. к 2018 г. существенно увеличивается, кроме того, они становятся более разнообразными. Соответственно можно говорить о том, что «номинативная плотность» (термин В. И. Карасика) изучаемого концепта становится более высокой. Это убедительно свидетельствует об актуальности концепта «майдан» для современного общества и его коммуникативной востребованности [Карасик 2004: 112].

Таким образом, концепт «майдан» становится одним из наиболее значимых элементов современной политической концептосферы. Данный концепт находится в стадии интенсивного развития, поэтому перспективой исследования является изучение изменений, происходящих в деривационном,

образном и оценочном полях концепта.

ИСТОЧНИКИ

1. Медиагология. Мониторинг и анализ СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/>.
2. Национальный корпус русского языка (газетный корпус) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru>.

ЛИТЕРАТУРА

3. Агзамова Д. Б. Построение номинативного поля концепта «Память» в английском и узбекском языках путем проведения ассоциативного эксперимента // Вестн. ЦГПИ. 2011. № 2. С. 191—198.
4. Антонова Т. Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: факторы и аспекты вариативности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2018. 23 с.
5. Ашраф М. Аттия. Лексико-семантическое поле «майдан» в русском языке // Наука и мир. 2014. Т. 2. № 4 (8). С. 65—69.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004. 477 с.
7. Кондратьева О. Н. Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 80—84.
8. Кондратьева О. Н. Функционирование политического концепта «майдан» в российском медиадискурсе // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — СПб. : РОПРЯЛ, 2018. С. 315—320. Вып. 6. — (Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11—14 окт. 2018 г.)).
9. Нефедов И. В. Отражение взаимодействия социума и языка в интернет-дискурсе // Изв. Южн. фед. ун-та. Филологические науки. 2015. № 3. С. 78—87.
10. Полякова Т. М. Функционирование украинизма *майдан* в русском политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 173—179.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 314 с.
12. Словари.ру. Служба русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru> (дата обращения: 25.01.2019).
13. Соболева И. А. Концепт «майдан» в современном украинском медиаполитическом дискурсе // Жанры и типы текста в научном медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. — Орел : Орлов. гос. ун-т культуры и искусств, 2014. С. 168—174.
14. Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. 252 с.
15. Химик В. В. Майдан как феномен русской и восточнославянской языковой действительности // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 57—64.
16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. 254 с.
17. Юнусова М. О. Метафорическое моделирование в политическом дискурсе (на материале англоязычных и русскоязычных СМИ о событиях на Украине 2013—2014 гг.) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. статей V Междунар. науч. конф. молодых ученых (12 февр. 2016 г.). — Екатеринбург : Урал. фед. ун-т, 2016. С. 73—79.

E. M. Uslanova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1630-8259

 E-mail: elena.uslanowa@yandex.ru.

The Nominative Field of the Media Concept «Maydan» in Russian Media

ABSTRACT. *The article deals with the description of the nominative field of one of the most significant concepts for the modern political communication – the concept “maydan” – in Russian mass media, most readily responding to the change in the life of society and to a great extent determining new phenomena in the national political conceptosphere. As long as the concept “maydan” is relatively new, and its conceptual structure is in the making, the nominative field of the concept is viewed in its dynamics, which makes it possible to follow the evolution of the political concept. The article describes the core and the periphery of the*

nominative concept in 2004-2012 and 2013-2018, analyzes the frequency of the nominated events in each period, explicates the mobility of the structure of the field, and registers a marked increase of the number of nominated events with negative connotations during each period, which testifies to the negative attitude of society to the phenomenon under study. The periods chosen for description correspond to two biggest protest movements on the territory of Ukraine. The period of 2004-2012 is associated with the "orange revolution" and the reflection about this time, because it is this event that brings about the emergence of the texts in which the word "maydan" is used as a synonym to the expression "protest action". The article notes that in the process of its evolution, the concept breaks away from the Ukrainian context and is actively used to characterize protest actions across the globe. The author makes a conclusion about gradual expansion and complication of the nominative field of the concept, which demonstrates the growing role of the given mental unit for the contemporary society.

KEYWORDS: *political linguistics; political discourse; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; Russian mass media; mass media language; media concepts; Ukrainian crisis.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Uslanova Elena Mikhaylovna, Post-graduate Student, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University; Kemerovo, Russia.*

FOR CITATION: *Uslanova, E. M. The Nominative Field of the Media Concept «Maydan» in Russian Media / E. M. Uslanova // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 113-118. — DOI 10.26170/pl19-02-13.*

MATERIALS

1. Medialogy. Monitoring and Analysis of the media [Electronic resource]. [Medialogiya. Monitoring i analiz SMI]. URL: <https://www.mlg.ru/>. — (In Rus.)

2. National Corpus of the Russian Language (Newspaper Corpus) [Electronic resource]. [Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (gazetnyy korpus)]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. — (In Rus.)

REFERENCES

3. Agzamova D. B. Building the Nominative Field of the Concept "Memory" in the English and Uzbek languages by Conducting an Associative Experiment // CSPU Journ. 2011. No. 2. P. 191—198. [Postroenie nominativnogo polya kontsepta «Pamyat'» v angliyskom i uzbekskom yazykakh putem provedeniya assotsiativnogo eksperimenta // Vestn. ChGPU. 2011. № 2. S. 191—198]. — (In Rus.)

4. Antonova T. G. Metaphorical Modeling of Social Conflict in a Media Discourse: Factors and Aspects of Variability : synopsis of thesis of Cand. of Philol. Sciences. — Kemerovo, 2018. 23 p. [Metaforicheskoe modelirovanie sotsial'nogo konflikta v mediadiskurse: faktory i aspekty variativnosti : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2018. 23 s.]. — (In Rus.)

5. Ashraf M. Attiya. Lexical-semantic Field "Maidan" in Russian // Science and World. 2014. Vol. 2. № 4 (8). P. 65—69. [Leksiko-semanticheskoe pole «maydan» v russkom yazyke // Nauka i mir. 2014. T. 2. № 4 (8). S. 65—69]. — (In Rus.)

6. Karasik V. I. The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. — Moscow : Gnosis, 2004. 477 p. [Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — M. : Gnozis, 2004. 477 s.]. — (In Rus.)

7. Kondrat'eva O. N. Maidan in the Metaphorical Mirror of the Russian Mass-media // Political Linguistics. 2017. No 5 (65). P. 80—84. [Maydan v metaforicheskom zerkale rossiyskikh massmedia // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 80—84]. — (In Rus.)

8. Kondrat'eva O. N. Functioning of the Political Concept of "Maidan" in the Russian Media Discourse // Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia. — Saint Petersburg : ROPRYAL, 2018. P. 315—320. Iss. 6. — (Proceedings of the VI Congress of the RPLNR (Ufa, October 11—14, 2018)). [Funktsionirovanie politicheskogo kontsepta «maydan» v rossiyskom mediadiskurse // Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii. — SPb. : ROPRYAL, 2018. S. 315—320. Vyp. 6. — (Materialy VI Kongressa ROPRYAL (g. Ufa, 11—14 okt. 2018 g.)).] — (In Rus.)

9. Nefedov I. V. Reflection of the Interaction of Society and Language in the Internet Discourse // South Fed. Univ. Journ. Philology. 2015. № 3. P. 78—87. [Otrazhenie vzaimodeystviya sotsiuma i yazyka v internet-diskurse // Izv. Yuzhn. fed. un-ta. Filologicheskie nauki. 2015. № 3. S. 78—87]. — (In Rus.)

10. Polyakova T. M. Ukrainianism *Maidan* in the Russian Political Media Discourse // Political Linguistics. 2014. No 4. P. 173—179. [Funktsionirovanie ukrainizma maydan v russkom politicheskom mediadiskurse // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 173—179]. — (In Rus.)

11. Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive Linguistics. — Moscow : AST : East-West, 2007. 314 p. [Kognitivnaya lingvistika. — M. : AST : Vostok-Zapad, 2007. 314 s.]. — (In Rus.)

12. Slovare.ru. Service of the Russian language of the Institute of Russian language n. a. V. V. Vinogradov RAS [Electronic resource]. [Sluzhba russkogo yazyka Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN]. URL: <http://slovari.ru> (date of access: 25.01.2019).

13. Soboleva I. A. The Concept of "Maidan" in the Modern Ukrainian Media Political Discourse // Genres and Text Types in the Scientific Media Discourse : Interuniversity collection of scientific works. — Oryol : Oryol State Univ. of Culture and Arts, 2014. P. 168—174. [Kontsept «maydan» v sovremennom ukrainskom mediapoliticheskom diskurse // Zhanry i tipy teksta v nauchnom mediynom diskurse : mezhvuz. sb. nauch. tr. — Orel : Orlov. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2014. S. 168—174]. — (In Rus.)

14. Modern Political Linguistics : teaching aid / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasilnikova ; resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2011. 252 p. [Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasilnikova ; otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. 252 s.]. — (In Rus.)

15. Khimik V. V. *Maidan* as a Phenomenon of Russian and East Slavic Linguistic Reality // Political Linguistics. 2015. No 3. P. 57—64. [Maydan kak fenomen russkoy i vostochnoslavyskoy yazykovoy deystvitel'nosti // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 57—64]. — (In Rus.)

16. Chudinov A. P. Political Linguistics : teaching aid. — Moscow : Flinta : Science, 2006. 254 p. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.]. — (In Rus.)

17. Yunusova M. O. Metaphorical Modeling in Political Discourse (on the material of English-speaking and Russian-language media about events in Ukraine 2013-2014) // Actual Problems of Philology of the XXI Century : collection of articles for V Intern. scientific conf. of young scientists (Feb. 12, 2016). — Ekaterinburg : Ural. Fed. Univ. Pr., 2016. P. 73—79. [Metaforicheskoe modelirovanie v politicheskom diskurse (na materiale anglo-yazychnykh i russkoyazychnykh SMI o sobytiyakh na Ukraine 2013—2014 gg.) // Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka : sb. statey V Mezhdunar. nauch. konf. molodykh uchenykh (12 fevr. 2016 g.). — Ekaterinburg : Ural. fed. un-t, 2016. S. 73—79]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55
DOI 10.26170/pl19-02-14

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.01.10; 10.02.01

О. В. Ильина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3342-1624

Е. В. Каблук

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9112-4145

 E-mail: ilina.usu@gmail.com; ekablukov@gmail.com.

Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области

АННОТАЦИЯ. Региональная идентичность рассматривается как дискурсивный конструкт, в основе которого лежит пространственная и темпоральная идентификация субъектов дискурса, вступающая в сложное взаимодействие с набором разнородных тематических идентификаций. На материале журналистских текстов «Областной газеты» (Свердловская область) построена модель региональной идентичности уральцев. Анализируются дискурсивные практики отбора, номинации и описания объектов, а также практики конструирования концептов.

Показано, что географическая карта Урала размечается местными топонимами: это Урал, Средний Урал, а также названия городов, сел, гор, рек, озер, значимых для Свердловской области. При этом Урал конструируется как сложное и многомерное пространство, центр которого — это Свердловская область (Средний Урал), а столица — Екатеринбург.

Рассматривая темпоральную идентификацию Урала, авторы анализируют практики отбора исторических событий и персонажей. Значимыми для прошлого региона оказываются дореволюционная история горнозаводского Урала, гибель царской семьи, а также отдельные события советской истории, особенно Великая Отечественная война. Практики конструирования прошлого влияют и на конструирование настоящего и будущего. Так, авторы отмечают важность исторически сложившегося горнозаводского образа региона для экономической идентификации Урала. В статье также описаны политическая, этноконфессиональная и культурная идентификации жителей региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная идентичность; медиадискурс; дискурс-анализ; дискурсивные практики; журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ильина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ilina.usu@gmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Каблук Евгений Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ekablukov@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ильина, О. В. Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области / О. В. Ильина, Е. В. Каблук // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 119-131. — DOI 10.26170/pl19-02-14.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00143 «Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие».

Региональная идентичность является предметом изучения различных наук. Часто данный феномен исследуют представители социологии и политологии, акцентирующие внимание на русском региональном самосознании [Крылов 2005; Туровский 1999] либо на региональной идентичности россиян, проживающих в национальных республиках, например в Татарстане [Сагитова 2003; Макарова 2011]. Популярным становится изучение региональной идентичности в рамках

экономической науки, которая анализирует вопросы позиционирования и брендинга регионов [Наумов 2012; Тумакова 2010].

В литературоведении исследуется региональная идентичность в местном фольклоре и творчестве местных писателей [Баженова 2007; Приказчикова 2003]. Лингвисты же традиционно обращаются к региональной идентичности в связи с анализом диалектов и региолектов [Драчева, Черняева 2016; Оглезнева 2013], картины мира и социолинг-

вистического портрета жителей определенной территории [Демидова 2015; Иванищева 2015], в связи с изучением образа того или иного региона в СМИ [Манаенко 2010; Пятак 2008], региональных ценностных доминант [Купина 2016, 2017] и др.

При этом российские ученые, как правило, подходят к феномену региональной идентичности аналитически, отделяя ее от этнической, культурной, конфессиональной и т. д. Перечисленные идентичности рассматриваются как самостоятельные объекты: «Региональная идентичность во многом схожа с другими видами идентичности (национальной, этнической, культурной, профессиональной и пр.). Она тоже во многом опирается на социальные мифы об особых качествах местообитания» [Еремина 2011: 152]; «Под региональной (территориальной) идентичностью, отличной от идентичности этнической, следует понимать „солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом“. Данный вариант идентичности находит выражение в причислении себя к жителям определенной местности, региона, района, города, его части и т. д.» [Побережников 2013: 140].

Выходит, что региональная идентичность связана лишь с местом обитания общности, с территорией, на которой живет человек, искусственно — для удобства исследователя — лишенный этнических, культурных и конфессиональных характеристик. Между тем ни один исследователь не ставит под сомнение тот факт, что идентичность есть не свойство территории, а свойство людей, на этой территории проживающих, и эти люди неминуемо обладают сложным набором этнических, культурных, конфессиональных и других характеристик.

Наше исследование предусматривает переосмысление подходов к региональной идентичности, которую мы рассматриваем как комплексный дискурсивный конструкт, способный включать любые направления идентификации — этноконфессиональное, культурное, экономическое, политическое, национально-гражданское и т. д. — в соответствии с той реальностью, которая представлена в медиадискурсе. Другими словами, если СМИ изображает жителя Урала как этнически русского, то данная этническая идентификация включается в региональную. Если житель Урала — старообрядец, то данная конфессиональная идентификация также входит в региональную. Если же данные ни об этносе, ни о конфессии не актуализируются, то эти параметры исключаются из модели региональной идентичности

уральца. Таким образом, данный подход позволяет увидеть феномен региональной идентичности во всей его сложности, демонстрируемой в медиадискурсе.

В основе нашей методики лежит выделение дискурсивных практик, т. е. типичных социально детерминированных способов конструирования смыслов или фрагментов действительности в текстах медиадискурса. Это практики формирования объектов дискурса (их отбора, номинации и описания), практики формирования субъектных позиций дискурса и практики конструирования истины, определяющие функционирование дискурсивных концептов [см.: Енина, Чепкина 2011; Майданова, Чепкина 2011; Чепкина 2000]. Этот подход восходит к работам Мишеля Фуко, обосновавшего понятие дискурсивной практики как «совокупности анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [Фуко 2004: 227—228; см. также: Фуко 1996]. Данная методика не противоречит и популярному сегодня критическому дискурс-анализу в духе Т. А. ван Дейка, Р. Водак и др. [см.: Ван Дейк 2013; Wodak, Chilton 2005], в рамках которого «дискурс подвергается анализу не только как автономный вербальный „объект“, но и как контекстуальное взаимодействие, социальная практика или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте» [Ван Дейк 2013: 21]. Критические дискурсивные исследования «ориентированы на сложные отношения между социальной структурой и структурой дискурса, на выявление того, как дискурсивные структуры могут изменяться или зависеть от социальной структуры» [Ван Дейк 2013: 21—22].

Наиболее последовательно принципы критического дискурс-анализа при изучении идентичности реализованы в работе «Дискурсивное конструирование национальной идентичности» [De Cillia 1999], авторы которой исходят из следующих теоретических предпосылок: идентичность — это ментальный конструкт, который «производится, воспроизводится, трансформируется и разрушается посредством языка и других семиотических систем»; понятие идентичности соотносится с терминами «воображаемое сообщество» [см.: Андерсон 2016] и «габитус» [см.: Бурдые 1998], дискурсивное конструирование идентичности предполагает конструирование различий и уникальности; не существует одной-единственной иден-

тичности, поскольку она характеризуется динамичностью и фрагментарностью. Мы в целом разделяем эти положения, однако отстраняемся от анализа сознания человека и анализируем идентичность только как факт дискурса. Таким образом, идентичность можно определить как дискурсивный конструкт, который, будучи результатом комплекса идентификаций субъектов дискурса, характеризуется изменчивостью, фрагментарностью и ситуативностью, а идентификацию — как установление тождества или различия с кем-либо, чем-либо [см.: Проблемы конструирования... 2017: 22—23].

Важно также подчеркнуть, что идентичность — это всегда результат самоидентификации говорящего субъекта, нельзя говорить о конструировании идентичности другого, так как в этом случае речь идет уже о другой категории — образе персонажа или адресата [Каблуков 2018: 25—26]. Однако дискурс предлагает индивиду различные субъектные позиции, наполняет их значением и в этом смысле формирует его идентичность. «Идентичность — это идентификация человека с субъектной позицией в структуре дискурса» [Филлипс, Йоргенсен 2008: 84]. С этой точки зрения, в дискурсе может конструироваться идентичность адресата, если через «обращение» он примет эту идентичность [Филлипс, Йоргенсен 2008: 39—41, 80—81, 149—151]. В региональном медиадискурсе в качестве коллективного говорящего субъекта выступают журналист и редакция, которые и конструируют региональную идентичность. При этом журналист, редакция и аудитория — жители региона — объединяются в так называемый «свой круг», и таким образом массовая аудитория имеет возможность присвоить соответствующую идентичность, конструируемую в СМИ.

При этом мы намеренно отказываемся от такого подхода к идентификации, который ограничивает ее эксплицитными лингвистическими сигналами: «Мы, уральцы, считаем Екатеринбург третьей столицей». С нашей точки зрения, самоидентификация осуществляется в любом акте высказывания, независимо от наличия особых лингвистических маркеров, которые, безусловно, упрощают работу исследователя-лингвиста, но при этом искусственно ограничивают эмпирический материал. Таким образом, использование номинации «третья столица» для обозначения Екатеринбурга в уральских СМИ является для нас также и практикой идентификации уральцев, отличающей их от представителей других регионов, к примеру, Татарстана, которые использовали бы данную номинацию

для обозначения другой столицы — Казани [см., напр.: Гиллих, Ушакова 2018].

Исследование идентичности в русле дискурс-анализа привело нас к необходимости использования термина «модель идентичности», так как дискурс-анализ призван выявить не набор смыслов, не содержание, а способы структурирования этих смыслов, т. е. типовые практики установления отношений между концептами, объектами и субъектами дискурса, а также способы создания и восприятия этих смыслов, то есть, по сути, смысловые модели, включающие в себя характерные узловые точки, знаки дискурса и способы их взаимосвязи. Методологическая целесообразность использования термина «модель» обусловлена также следующим: идентичность, в том числе региональная, конструируется в дискурсе и присутствует в нем как идеальная сущность, однако эта сущность не дана исследователю, который всегда лишь моделирует ее на основе анализа высказываний субъектов дискурса (можно сказать, что исследователь воссоздает субъектов, стоящих за данными высказываниями, в их идентичности). Таким образом, исследователь, как и всякий сторонний наблюдатель, имеет дело лишь с моделью идентичности, а не с самой идентичностью — идеальной сущностью, принадлежащей дискурсу [Каблуков 2018: 26]. Такое признание ограниченности собственных исследовательских возможностей также является характерной чертой дискурс-анализа [см.: Ван Дейк 2013].

Ключевыми при построении модели региональной идентичности (как и любой другой территориальной идентичности) оказываются темпоральная и пространственная идентификации, задающие своеобразную систему координат той реальности, в которой существуют субъекты этой идентификации, т. е. «носители» данной идентичности. Эта система координат является конституирующей для всякой территориальной идентичности, в том числе региональной, поскольку идентификация пространства региона и исторического времени, в которое помещено это пространство и все его обитатели, становится необходимым и достаточным условием для выделения соответствующей территории как социальной реальности, а также для выявления характеристик общности, проживающей на данной территории. При этом, как показывает наш материал и другие исследования идентичности [Енина 2017; Проблемы конструирования... 2017], можно выделить различные тематические направления идентификации, в том числе культурную, экономическую, конфессио-

нальную, этническую и другие, которые не включаются в один ряд с пространственной и темпоральной, а встраиваются в них, т. е. существуют внутри описанной выше системы координат.

В центре внимания данного исследования — уральская региональная идентичность. При этом мы рассматриваем Урал как вернакулярный район [см.: Ильина, Халуторных 2018: 187; см. также: Казакова 2017], т. е. особое символическое пространство, которое может не совпадать с соответствующим административным образованием — Уральским федеральным округом — и с Уралом как географическим объектом. В состав УрФО входят Курганская, Свердловская, Челябинская области, а также Тюменская область с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами. С точки зрения физической географии Урал — это «территория между Вост.-Европейской и Зап.-Сибирской равнинами. В составе У.: Уральская горн. система, вытянутая почти меридионально к Ю. от берегов Карского м. Дл. более 2000 км, шир. от 40 до 150 км. <...> Делится на Полярный У., Приполярный У., Сев. У., Ср. У. и Юж. У.» [БЭС 1993: 1389].

Чтобы определить границы Урала как вернакулярного района, существующего в дискурсивном пространстве, мы провели мониторинг СМИ регионов, входящих в состав УрФО, а также географически и исторически связанных с Уралом. Помимо названных выше субъектов УрФО, в выборку вошли Пермский край и Коми-Пермяцкий автономный округ, который рассматривался отдельно, несмотря на то что в 2005 г. утратил статус субъекта Российской Федерации, Оренбургская область и Республика Башкортостан. В каждом из десяти регионов анализировались официальные региональные печатные издания (их учредителем обычно выступают органы государственной власти региона, а сами издания являются официальными публикаторами региональных нормативно-правовых актов): «Областная газета» (Свердловская область), «Южноуральская панорама» (Челябинская область), «Новый мир» (Курганская область), «Тюменская область сегодня» (Тюменская область), «Красный Север» (Ямало-Ненецкий автономный округ), «Новости Югры» (Ханты-Мансийский автономный округ), «Звезда» (Пермский край), «Парма» (Коми-Пермяцкий автономный округ), «Оренбуржье» (Оренбургская область), «Республика Башкортостан» (Республика Башкортостан). Все отобранные газеты входят в топ-10 либо в топ-20 региональных рейтингов «Медиалогии» за 2017 г., многие являются лидерами рей-

тинга среди печатных СМИ своего региона [Медиалогия].

Методом сплошной выборки из названных газет, вышедших в свет с 1 по 30 ноября 2017 г., были извлечены контексты, содержащие сигналы отнесения данной территории к Уралу как вернакулярному району. Мониторинг показал, что такие сигналы последовательно фиксируются в медиадискурсе трех регионов: Свердловской и Челябинской областей, Пермского края (за исключением Коми-Пермяцкого автономного округа). При этом абсолютными лидерами по результатам количественного и качественного анализа сигналов уральской идентичности стали областные газеты Свердловской и Челябинской областей. Приведем примеры типичных контекстов: *Большая часть съёмочной группы была не уральской. Преобладали москвичи и латыши. Тем не менее жизнь нескольких человек так или иначе была связана со Средним Уралом. Например, именно на Свердловской киностудии был реализован первый сценарий Анатолия Гребнева („Ждите писем“, 1960) (Областная газета. 03.11.2017); В биатлоне составить компанию Шипулину может ещё одна екатеринбурженка — молодая Светлана Миронова. <...> Основной плюс — скоростной потенциал, который является козырем уральской спортсменки на фоне „неспешности“ нынешних „сборниц“ (Областная газета. 02.11.2017); В этой связи южноуральцам действительно есть чем похвастать: на территории Челябинской области действуют десятки вузов (в числе приоритетных отмечаются ЮУрГУ, а также первый на Южном Урале университет — ЧелГУ)... (Южноуральская панорама. 30.11.2017); По большому счету этим проектом мы, уральцы, открываем себя как частичку мировой цивилизации. Очень важно, чтобы читатель понимал: мы, оказывается, совсем не на задворках были! А наоборот, находились в мощном историко-культурном эпицентре возникающих цивилизаций (Южноуральская панорама. 20.12.2018).*

В пермской краевой газете «Звезда» также обнаруживаются соответствующие сигналы: *Именно поэтому современные крупноплодные сорта малины нуждаются в дополнительной защите от морозов. Нам, уральцам, очень повезло. Зимы у нас многоснежные, а это означает, что кусты можно специально не укрывать, а только пригнуть их к земле (Звезда. 01.11.2017); Очёрский машиностроительный завод — одно из старейших на Урале промышленных предприятий (Звезда. 02.11.2017).* Однако этих сигналов значительно меньше, что

объясняется, вероятно, неоднородностью краевой идентичности (связь с Уралом может по-разному проявляться в разных районах, городах и селах края), а также наличием сигналов отнесенности к иному — прикамскому — вернакулярному району.

Газеты остальных регионов не содержат сигналов уральской идентичности. Отметим лишь, что для Курганской и Тюменской областей, а также для Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов связь с Уралом становится актуальной, если речь идет об административной отнесенности к УрФО (в публикациях о конкурсах, фестивалях, рейтингах округа и др.):

Ямальские общественные организации отличились на Урале. Сразу два арктических проекта стали победителями конкурса социальных программ 12 гражданских инициатив Уральского федерального округа (Красный север. 25.11.2017); *Наш округ является абсолютным лидером в рейтинге регионов на Урале и вторым в РФ по доле граждан, зарегистрированных на портале gosuslugi.ru (79,8 % от общего числа населения региона)* (Новости Югры. 16.11.2017); *Зауральские мастера примут участие в окружном фестивале „Промыслы и ремесла народов России“, который пройдет в Екатеринбурге и объединит умельцев со всего Уральского федерального округа* (Новый мир. 28.11.2017).

Можно сказать, что в этом случае уральская идентичность конструируется искусственно — под давлением формального, административного объединения субъектов Федерации в УрФО. Отметим также, что Курганская область идентифицируется как Зауралье и Урал для нее — это значимый «другой»: *Зауралье, как воин, прикрывало Урал, чтобы дать возможность Демидову построить заводы, чтобы защитить Россию от набегов кочевников с востока* (Новый мир. 28.11.2017). В СМИ некоторых регионов упоминаются важные для данных территорий географические объекты, связанные с Уралом: например, река Урал в Оренбургской области, южная часть Уральских гор в Оренбургской области и Республике Башкортостан, Приполярный Урал в ХМАО и ЯНАО. Это отражается и в наличии актуальных названий с топонимом «Урал»: оренбургский хоккейный клуб «Южный Урал», трасса М-5 «Урал». Однако административная, историческая и географическая связь рассматриваемых регионов с Уралом не становится основанием для конструирования уральской идентичности. Скорее, наоборот, для этих регионов Урал — это «другой» регион, уральцы — это «не мы», а

«они», жители Свердловской и Челябинской областей.

Таким образом, представляется целесообразным анализировать практики конструирования уральской идентичности на материале медиадискурса трех субъектов Федерации: Свердловской и Челябинской областей, Пермского края (исключив издания Коми-Пермьского автономного округа). В данной работе мы ограничим эмпирический материал журналистскими текстами свердловской «Областной газеты» за 2017—2018 гг. и рассмотрим практики конструирования свердловского варианта уральской идентичности.

Пространственная идентификация жителей региона

Пространственная идентификация предполагает конструирование географического пространства данного региона, а также других связанных с ним территорий. В связи с этим важнейшими дискурсивными практиками пространственной идентификации становятся практики отбора географических объектов, их наименования и описания. При этом способы наименования и описания позволяют установить различные отношения между теми или иными географическими объектами, в том числе отношения близости, части-целого и т. п.

Так, географическая карта Урала размечается топонимами, официальными и неофициальными. В первую очередь это само название вернакулярного района Урал и образованные от него прилагательное *уральский*, а также названия жителей территории *уралец*, *уралочка*, *уральцы*. При этом топоним Урал используется и как обобщенная номинация для группы территорий, в числе которых Свердловская область, и как метонимическое обозначение самой Свердловской области:

Сегодня на Урале работает целый ряд совместных российско-итальянских предприятий... <...> В основном это компании из Свердловской, Челябинской областей и других субъектов УрФО (22.06.2017); *На Урале снизилась ставка по кредитам* (заголовоч). *К 1 января 2018 года в Свердловской области средневзвешенная ставка по кредитам для физических лиц снизилась до 12,2 процента* (16.02.2018).

Если в первом примере речь идет об Уральском регионе, включающем «Свердловскую, Челябинскую области и другие субъекты УрФО», то во втором говорится исключительно о Свердловской области. При этом используется типичный для «Областной газеты» прием: метонимическое обозначение содержится в заголовке, что позволяет гиперпрофи-

ровать потенциальную значимость новости, однако из текста заметки становится ясно, что речь идет исключительно о Свердловской области. Еще чаще для обозначения Свердловской области используется конкретизированная номинация «Средний Урал», которая становится неформальным синонимом ее официального наименования:

Если поначалу на Средний Урал в основном приезжали люди из соседних областей, то в этот раз пленэр посетили художники из Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя, Коломны, Великого Новгорода, Пензы, Перми, Тюмени, Сыктывкара, Казани и других городов (27.07.2017); Вчера главный внештатный детский специалист-гематолог Минздрава России Александр Румянцев посетил медицинские учреждения Среднего Урала (28.02.2018).

Сигналом уральской идентичности выступает внутренняя топонимика Свердловской области: названия городов, сел, гор, рек, озер. Топонимы, значимые для Свердловской области, — это Уральские горы, реки Исеть, Сосьва, Чусовая, города Екатеринбург, Нижний Тагил, Полевской, Верхняя Пышма и др. Показательно, что все эти топонимы часто используются без родовых наименований и служат маркерами своих, свидетельствуют о принадлежности говорящего к жителям территории, а адресат, узнавая, понимая данную топонимику без специальных пояснений, присваивает предлагаемую ему региональную идентичность. Использование таких топонимов позволяет объединять редакцию и читателей в «свой круг» — круг жителей региона. Таким же маркером своих является приписывание Екатеринбургу особого столичного статуса, который поддерживается, во-первых, чрезвычайно частотными перифразами, называющими город столицей уральского региона, и, во-вторых, периодически актуализируемым концептом «третья столица России», который утверждает особое положение города не только в пространстве Урала, но и на карте всей страны:

Столица Среднего Урала обзаведётся своим „Эрмитажем“, к строительству которого приступят уже в этом году (23.01.2018); Екатеринбург это всё-таки третья столица России. Кроме того, Федерация сквоша Свердловской области пошла нам навстречу и выразила большую заинтересованность в проведении Кубка (3.11.2017).

Столичность Екатеринбурга — это еще и ведущая роль мегаполиса в различных сферах, особенно в сфере культуры и спорта:

По моему мнению и по мнению многих художников, с которыми я общаюсь, Ека-

теринбург — это российская столица современного стрит-арта (12.07.2017); Мы уже много раз писали о том, что наш город становится столицей не только бокса, но и единоборств в целом (3.08.2018).

Отметим, что подобные практики не нацелены на элиминацию столичного статуса Москвы и не связаны с исключением Урала из общероссийского пространства. Напротив, рассмотренный выше перифраз «третья столица России» лишь подчеркивает включенность в это пространство Екатеринбурга как третьего мегаполиса страны, признающего приоритет Москвы и Санкт-Петербурга. Это подтверждается и тем, что номинация «столица» без каких бы то ни было конкретизаторов указывает исключительно на Москву:

Если сравнивать со столицей, то у нас больше душевности (Якоб. 22.03.2017); Синоптики утверждают, что это был самый сильный природный катаклизм за всё время метеонаблюдений в столице, то есть более чем за сто лет. Во вторник в местных СМИ появилась информация о том, что мощный московский ураган приближается к Уралу (01.06.2017).

В некоторых случаях появляется даже противопоставление столичной Москвы и провинциального Екатеринбурга, хотя такие смыслы конструируются либо как маргинальные, либо как ненормативные [см. также: Купина 2016: 14]:

— Антон Алексеевич, что вас сподвигло заявить об участии в выборах? — Наверное, скука нашей провинциальной жизни. Мне уже шестой десяток, есть что сказать людям — не только своим близким, но и миру (05.10.2017); — Мы привыкли считать себя провинцией. Не нужно себя унижать! Надо ставить перед собой задачи и выполнять, — заявил Чернецкий (19.12.2017).

Таким образом, перед нами сложное и многомерное, но при этом четко структурированное пространство Урала, в центре которого Свердловская область, часто называемая Средним Уралом, и столица данного вернакулярного района — Екатеринбург. Кроме того, конструируемый в текстах «Областной газеты» Урал охватывает Челябинскую область, называемую Южным Уралом:

Благодаря усилиям соседей с Южного Урала к строительству высокоскоростной магистрали Челябинск — Екатеринбург присоединится китайская корпорация China Railway Group Limited (21.06.2017); Например, на Южном Урале в эти дни холоднее, чем в Свердловской области. У наших южных соседей погоду устанавливает казахстанский антициклон, который и

принёс морозы (20.12.2017).

Многомерность уральского пространства связана с неоднозначностью используемых топонимов. Так, Средний Урал — это типичный перифраз для обозначения Свердловской области, а не географического Среднего Урала, однако при этом в текстах встречаются противопоставления Северного, Приполярного и Среднего Урала, что отсылает нас к иному способу структурирования пространства — в соответствии с критериями физической географии:

Урал тянется примерно на 2 000 тысячи километров. И удивительно, что самое глухое место — Северный Урал — находится посередине (30.03.2017); Музыканты приехали на Северный Урал за день до выступления, и ночевать им пришлось в соседнем Серове, так как в Красноуральске в гостинице не нашлось места для такой большой делегации (10.07.2018).

Темпоральная идентификация жителей региона

Темпоральная идентификация предполагает конструирование исторического времени, в которое погружены субъекты дискурса. Историческое время традиционно распадается на прошлое, настоящее и будущее.

Прошлое. Исследователи отмечают, что особую важность для коллективной идентичности имеет общий исторический нарратив [Ачкасов 2018; Smith 1993]. На первый план здесь выходят практики отбора исторических событий и персонажей, которые — в результате такого отбора — оказывают воздействие как на настоящее, так и на будущее. Можно выделить следующие ключевые для уральской региональной идентичности конструкты прошлого.

1. Дореволюционная история горнозаводского Урала, связанная со строительством и функционированием многочисленных железоделательных заводов, вокруг которых часто и выросли уральские города:

На территории Северского трубного завода (Трубная металлургическая компания) сохранён и отреставрирован уникальный комплекс времён Демидовых — историческая постройка, известная не только на Урале, но и в Европе — доменный цех, который даёт полное представление о производственной выплавке чугуна в позапрошлом веке (16.06.2017); Становление Горнозаводского Урала состоялось именно во времена Российской империи. Наши демидовские заводы в Нижнем Тагиле и Верхней Салде, завод в Билимбае, основанный графом Строгановым, были одними из ведущих в стране по выплавке чугуна. Была открыта

железная дорога, которая стала важнейшей транспортной артерией (28.07.2017).

2. События советского периода, связанные с Великой Отечественной войной и формированием концепта «Урал — опорный край державы», который можно представить как переосмысление дореволюционных горнозаводских традиций:

В Свердловской области были размещены на хранение бесценные коллекции Эрмитажа. Отсюда голосом Левитана летели на всю страну фронтовые сводки. Здесь трудились сотни эвакуированных предприятий. Здесь был создан опорный край державы, мощь которого была направлена на достижение главной цели — Победу в Великой Отечественной войне (06.05.2017); В Великую Отечественную войну 400 петрокаменских мужчин ушли на фронт, а их жёны и дети колотили на фабрике „гробы для фашиста“ — ящики для снарядов. Там же вытачивали и приклады для стрелкового оружия, — рассказала ОГ директор местной библиотеки Оксана Бабайлова (02.08.2018).

3. Отдельно следует выделить трагические события, связанные с гибелью царской семьи:

В Екатеринбурге в историческом парке „Россия — моя история“ открылась персональная выставка московского художника Филиппа Москвитина, посвященная 100-летию гибели семьи последнего российского царя (15.02.2018); Для Свердловской области, Екатеринбурга революция и её последствия имеют особое значение: здесь провели последние дни члены царской семьи, здесь трагически оборвалась их жизнь (28.07.2017).

Будущее территории — это прогнозируемое время [см. также: Купина 2017: 21], которое связано с конструированием предстоящих масштабных событий. В их числе чемпионат мира по футболу 2018 г., который проходил в том числе и в Екатеринбурге, а также борьба за право принять Всемирную выставку 2025 г., закончившаяся, как нам теперь известно, неудачей:

Но у каждого здания должен появиться паспорт фасада, и все изменения первоначального облика придётся согласовывать с администрацией города, чтобы архитектурные сооружения выглядели эстетично. Важно привести город в порядок перед чемпионатом мира по футболу и 300-летием Екатеринбурга (10.02.2017); Глава Среднего Урала Евгений Куйвашев для увеличения в регионе числа гостиниц высокого уровня предложил ввести для них налоговые льготы. Преференции будут предоставляться на пять лет тем оте-

лям, которые введены в строй начиная с 2016 года при капитальных вложениях более 1 млрд рублей. Это необходимо, чтобы регион смог принять гостей в случае победы заявки Екатеринбурга на проведение ЭКСПО-2025 (14.02.2018).

Настоящее, которое и является основным предметом медиадискурса, конструируется как «информационный образ актуальности» [ср. с определением журналистики: Калмыков, Коханова 2005: 8] — чрезвычайно сложный конструкт, для рассмотрения которого мы выделим отдельные тематические направления идентификации.

1. Экономическая идентификация закрепляет исторически сложившийся горнозаводской образ региона. Уральцы по-прежнему живут в мире заводов, главным образом металлургических, с которыми связаны и экономические успехи, и некоторые проблемы, особенно в жизни моногородов:

Так, на Среднеуральском медеплавильном заводе модернизация металлургического производства позволила в разы снизить выбросы вредных веществ в атмосферу (16.02.2017); На первый взгляд Каменск-Уральский не похож на другие моногорода. Хотя у нас много предприятий, кризис 2008 года показал, как легко люди могут остаться без работы в случае спада производства, тогда около 4 тысяч человек высвободились с предприятий (18.03.2017).

Большую роль играет и сельское хозяйство, а также переработка сельхозпродукции, что связано, среди прочего, с антисанкционной повесткой СМИ и идеологией импортозамещения:

Лидер нашей молочной отрасли — ирбитский СПК „Килачёвский“, в прошлом году здесь от каждой коровы в среднем получили по 10 196 килограммов молока. Неслучайно и больше всего наград досталось вчера представителям этого хозяйства. Среди них — самая молодая доярка области, получающая в среднем от каждой коровы своей группы более 10 тысяч килограммов молока в год, Марина Мартынова (03.03.2017); Проблема импортозамещения в сфере аграрного производства стоит на сегодня очень остро. Несмотря на то, что государство оказывает большую поддержку предприятиям агропромышленного комплекса как на федеральном, так и региональном уровнях, отрасль сталкивается с недостатком финансовых ресурсов, что мешает её развитию (04.03.2017).

2. Политическая идентификация. Можно сказать, что позиция областных властей и лично губернатора Свердловской области оказывается определяющей для политиче-

ской идентификации «своего круга» «Областной газеты». Об этом свидетельствуют прежде всего практики отбора событий и персонажей медиадискурса. Любые действия губернатора являются поводом для освещения в СМИ, так же как и участие губернатора в любом событии становится поводом для включения данного события в информационную повестку, о чем свидетельствуют многочисленные заголовки «Областной газеты»: *Евгений Куйвашев обновил состав „высшей школы политических дискуссий“ (13.01.2017); Куйвашев назвал имена кандидатов в сенаторы (28.07.2017); Евгений Куйвашев стал лауреатом престижной экопремии (27.12.2017); Евгений Куйвашев поздравил бывшего начальника штаба ПУрВО с присвоением звания Героя России (29.12.2017); Губернатор взял под личный контроль очистку региональных дорог от снега (01.03.2018).*

Более того, обращение к губернатору области становится особой практикой конструирования истины, поскольку именно высшее должностное лицо региона в рассматриваемой реальности обладает ею:

Мэрия Екатеринбурга утвердила план внедрения новой маршрутной сети общественного транспорта. <...> Документ, появившийся без всяких комментариев со стороны мэрии, посеял настоящую панику среди горожан. <...> Евгений Куйвашев, губернатор Свердловской области: Необходимость оптимизации маршрутной сети общественного транспорта в Екатеринбурге очевидна (13.01.2017); Недостроенную телебашню в центре Екатеринбурга снесут во второй половине марта. <...> Губернатор Евгений Куйвашев также высказался за снос телебашни на своей странице в „Инстаграме“... (20.02.2018).

Наиболее острые политические события региона, например акции протеста, тоже попадают в повестку, однако при их конструировании наблюдается следующая закономерность: любая активность так называемой несистемной оппозиции, как правило, маркируется как ненормативная, в то время как активность, легитимированная участием представителей власти, напротив, оценивается положительно:

В воскресенье в Екатеринбурге толпа „борцов против коррупции“, собравшаяся на несанкционированный митинг по призыву осуждённого за хищение оппозиционера Алексея Навального, подобно украинским националистам прыгала и скандировала возле Ельцин Центра: „Кто не скачет, тот медведь!“ (28.03.2017); В субботу министр энергетики и ЖКХ Свердловской области

Николай Смирнов пришёл на митинг против роста тарифов на коммунальные услуги, организованный региональным отделением КПРФ. Он не только прокомментировал протестные заявления, но и лично проконсультировал митингующих. Как отметил первый секретарь свердловского обкома КПРФ Александр Ивачёв, на его памяти это первый случай, когда представители власти приходят на протестное мероприятие в Екатеринбурге (18.04.2017).

Следует также отметить, что региональная политическая идентификация лишена каких бы то ни было признаков сепаратизма и, можно сказать, гармонично встраивается в идеологию «вертикали власти», о чем свидетельствует активное конструирование актуальных для современной России официозных идеологем, таких как «импортозамещение» и «майские указы», исключительно в лояльном контексте [см.: Каблукоев 2012]:

В августе в рамках выполнения майских указов Владимира Путина в Академическом районе Екатеринбургa открылась первая очередь школы № 23. Это первый объект в рамках федеральной целевой программы по строительству новых школ и одно из самых больших и современных общеобразовательных учреждений в России (25.01.2017); Специалисты УрГАУ защитили два проекта, один из них — по повышению молочной продуктивности... <...> Как отметили в аграрном университете, оба проекта имеют большое значение для Свердловской области в рамках импортозамещения (22.06.2017).

Критическое осмысление деятельности Владимира Путина подменяется безоговорочной поддержкой со стороны простых граждан и представителей элиты:

Потом была травля в Интернете тагильских заступников. И быдлом заводчан называли, и черносотенцами. А они не только съездили на митинги в поддержку Путина в Екатеринбург и Москву, но и создали движение „В защиту человека труда“, которое вскоре выплеснулось за рамки региона. В непростое время тагильчане подставили своему кандидату плечо — крепкое, как танковая броня (07.10.2017); Антон Шипулин вступил в Putin Team в начале февраля этого года. „Вы все прекрасно знаете, что даже в личном виде спорта всегда важна командная работа вместе с тренерами и друзьями-спортсменами. Я никогда не скрывал и не буду скрывать, что поддерживаю нашего президента страны Владимира Путина и разделяю его ценности и взгляды“ (17.02.2018).

3. Этноконфессиональная идентификация.

«Областная газета» последовательно конструирует образ Урала как многонационального и многоконфессионального региона, в котором мирно проживают представители разных народов, освещает национальные праздники, рассказывает о традициях и культуре, подчеркивает внимание областных властей к представителям различных этносов и конфессий. Показательными являются приведенные ниже поздравления губернатора Свердловской области, опубликованные «Областной газетой». Они адресованы православным и мусульманам и воспроизводят идеологические предписания по конструированию образа региона как мультикультурного образования:

Этот праздник любим россиянами за свои добрые и красивые традиции, которые способствуют укреплению единства общества, сохранению гражданского мира, формированию высоких нравственных приоритетов... <...> В нашем многонациональном крае, где в мире и согласии проживают представители более 160 народов, православие является одной из основных конфессий (15.04.2017); Курбан-байрам учит помогать нуждающимся, быть щедрыми и милосердными. В мечетях и за общей трапезой верующие просят Всевышнего о благополучии семьи и друзей, о помощи в добрых делах. Суть этой молитвы близка представителям разных конфессий, особенно в нашем регионе, где мирно соседствуют 160 национальностей. Каждая имеет равные с другими возможности для развития, изучения обычаев и родного языка. Традиции ислама гармонично вплетаются в полотно уральской культуры (1.09.2017).

Единственное отличие, которое обнаруживается при конструировании образа разных конфессий, связано с тем, что авторы текстов в некоторых случаях используют местоимения третьего лица для обозначения мусульман, иудеев и других, однако не говорят так о православных. Получается, что представители других конфессий (и, очевидно, этносов), хоть и становятся персонажами журналистских материалов, но предстают скорее как «другие уральцы»:

Сегодня начинается месяц Рамадан. В течение этого времени мусульмане ежедневно — от рассвета до заката — не должны ни есть, ни пить, они не должны сквернословить, предаваться плотским радостям, а творить добрые дела (26.05.2017); Первыми Новый год встречают евреи Среднего Урала. Свой главный праздник, который называется Рош Ха-Шана, в 2017 году они отмечали с 20 по 22 сентября (1—2 тишрея по еврейскому ка-

лендарю) (26.12.2017).

4. Для культурной идентификации оказываются важными уральская горнозаводская мифология и фольклор (в том числе сказы Бажова), которые, в свою очередь, укоренены в горнозаводском прошлом Урала [см.: Баженова 2007; Бажовская энциклопедия 2007; Приказчикова 2003; Уральская историческая энциклопедия 2000 и др.], а также некоторые современные персонажи, события и явления: Николай Коляда и его театральные постановки, уральский рок и группа «Чайф», фестиваль песни студотрядов «Знаменка» и др.:

„Малахитовую шкатулку“ Павел Бажов сочинил, вдохновившись малахитным центром Урала того времени — Полевским (30.03.2017); Из года в год Коляда-Plays — одно из самых ярких событий лета. Это уже традиционный для Екатеринбурга Международный театральный фестиваль современной драматургии, куда съезжаются театры со всей страны и мира с постановками на пьесы уральских драматургов — Василия Сигарева, Валерия Шергина, Ярослава Пулинович, ну и, конечно же, самого Николая Коляды (26.05.2017); Музыкой Александр Пантыкин начал заниматься ещё в 70-х годах прошлого столетия. За это время дедушка уральского рока — как по праву называют Пантыкина — играл и сотрудничал почти со всеми культовыми свердловскими рок-группами — „Урфин Джюс“, „Сонанс“, „Наутилус Помпилиус“, „Настя“, „Агата Кристи“ (13.05.2017); В минувшие выходные на берегу реки Пышмы в 40-й раз прошёл фестиваль студенческих отрядов и авторской песни „Знаменка“ (08.08.2017).

Отметим, что названные феномены предстают как предметы гордости и становятся поводом для регионального патриотизма.

Выводы

Моделирование региональной идентичности уральцев на материале свердловской «Областной газеты» позволило выявить комплекс идентификаций, который характеризует прежде всего отношение субъектов дискурса к пространству-времени. Так, для конструирования пространства активно используются внутренние топонимы и неофициальные номинации географических объектов, которые понятны «своему кругу» издания и легитимны внутри данного дискурса. Пространство, в котором живут уральцы, оказывается четко структурированным: в его центре находится Свердловская область («Средний Урал») и Екатеринбург как «сто-

лица Среднего Урала» и «третья столица России». При этом Урал оказывается безусловно интегрированным в общероссийское пространство. Для темпоральной идентификации уральцев особенно важным оказывается исторический нарратив, связанный с формированием промышленного потенциала региона в дореволюционный и советский период. Будущее связывается с проектами мирового масштаба, число которых, впрочем, весьма невелико. Настоящее предстает как сложный конструкт, который включает следующие актуальные направления идентификации: 1) экономическое, закрепляющее исторически сложившийся образ горнозаводского региона, но при этом выявляющее и его агропромышленный потенциал; 2) политическое, демонстрирующее включенность региона в общероссийскую «вертикаль власти», причем губернатор области становится носителем «региональной истины»; 3) этноконфессиональной, свидетельствующей о последовательном конструировании образа региона как мультикультурного пространства, которое характеризуется абсолютной гармонией в отношении разных народностей и конфессий; 4) культурное, сочетающее старую горнозаводскую мифологию региона и новые культурные феномены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016.
2. Ачкасов В. А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118). С. 19—26.
3. Баженова Е. А. Механизмы формирования уральской идентичности в индустриальную эпоху // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. 2007. № 52. С. 261—269.
4. Бажовская энциклопедия. — Екатеринбург: Сократ: Изд-во Урал. ун-та, 2007.
5. Большой энциклопедический словарь. — М.; СПб.: Сов. энциклопедия: С.-петерб. фонд «Ленинградская галерея», 1993.
6. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44—59.
7. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
8. Гиллих А. Д., Ушакова П. П. Реализация концепции третьей столицы в структуре управленческих решений в городе Казань // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. 2018. Т. 2. № 4. С. 128—131.
9. Демидова К. И. Языковая картина мира в региональном аспекте (научная школа доктора филологических наук, профессора К. И. Демидовой) // Педагогическое образование в России. 2015. № 12. С. 47—51.
10. Драчева Ю. Н., Черняева М. И. Проблемы региональной идентичности в сфере изучения диалектной речи // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. 2016. № 6 (75). С. 83—87.
11. Енина Л. В., Ильина О. В., Каблуков Е. В., Чепкина Э. В. Практики политической идентификации россиян под влиянием медиаконцепта «Информационная война» // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 96—107.
12. Енина Л. В., Чепкина Э. В. Журналистский дискурс: анализ практик // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. 2011. № 2.

С. 76—85.

13. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. № 3 (76). С. 216—222.

14. Иванищева О. Н. Социолингвистический портрет приграничного северного региона: подходы и методы исследования. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015.

15. Ильина О. В., Халуторных Е. А. Урал как вернакулярный район // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018.

16. Каблукоев Е. В. Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: теоретические аспекты научного моделирования // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. 2018. № 3. С. 23—29.

17. Каблукоев Е. В. «Вернакулярный район» как специфика функционирования в современном российском медиадискурсе // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 6 : Журналистика. С. 84—88.

18. Казакова Г. М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57—65.

19. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. — М. : Юнити-Дана, 2005.

20. Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13—23.

21. Купина Н. А. Аксиологическая стратегия и ее речевая реализация в региональном газетном издании // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. 2017. № 4 (168). С. 19—31.

22. Купина Н. А. От города-завода к современному передовому городу: стилистические приметы и ценностные ориентиры газеты «Вечерний Первоуральск» // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. 2016. № 2 (150). С. 13—25.

23. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медiateкст в идеологическом контексте. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.

24. Макарова Г. И. Динамика российской региональной и этнических идентичностей в Татарстане // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 71—77.

25. Манаенко Г. Н. Деформации «Образа Кавказа» в современном дискурсе российских СМИ и общественном сознании, или О пользе политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2010. № 4. С. 50—53.

26. Медиалогия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mlg.ru> (дата обращения: 28.02.2019).

27. Наумов Д. Н. Региональная идентичность как главный фактор формирования благоприятного бренда территории (на примере ХМАО-Югры) [Электронный ресурс] // Современные про-

блемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7151> (дата обращения: 28.02.2019).

28. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 20—37.

29. Побережников И. В. Уральская региональная идентичность: у истоков формирования // Десятые Татищевские чтения. — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2013. С. 140—145.

30. Приказчикова Е. Е. Каменная сила Медных гор Урала // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 2. 2003. № 28. С. 11—23.

31. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война». — М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017.

32. Пятак В. И. Образ Дальнего Востока России в советском дискурсе: историческая специфика и мифология // Вестн. Приамур. гос. ун-та им. Шолом-Алейхема. 2008. № 1. С. 35—38.

33. Сагитова Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России. — М. ; СПб : Летний сад : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 77—124.

34. Тумакова К. Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70—73.

35. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? — М. : Гендальф, 1999. С. 87—136.

36. Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург : Академкнига, 2000.

37. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. — Харьков : Гуманитарный центр, 2008.

38. Фуко М. Археология знания. — СПб. : Гуманитарная академия : Университетская книга, 2004.

39. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — М. : Касталь, 1996. С. 47—97.

40. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

41. De Cillia R. The discursive construction of national identities / R. De Cillia, M.Reisigl, R.Wodak // Discourse & society. 1999. № 10 (2). P. 149—173.

42. Smith A. D. National Identity. — Reno : University of Nevada Press, 1991.

43. Wodak R., Chilton P. (eds.). A new agenda in (critical) discourse analysis: theory, methodology and interdisciplinarity. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2005.

O. V. Il'ina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3342-1624

E. V. Kablukov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9112-4145

 E-mail: ilina.usu@gmail.com; ekablukov@gmail.com.

Practices of Constructing Ural Identity in the Media Discourse of Sverdlovsk Region

ABSTRACT. *Regional identity is considered as a discursive construct, based on spatial and temporal discourse subjects' identification, entering into a complex interaction with a set of heterogeneous thematic identifications. The model of regional identity of the Urals is built on the material of journalistic texts of the "Oblastnaya Gazeta" (Sverdlovsk Region newspaper). The study analyzes the discursive practices of selection, nomination and description of objects and the practices of concept construction.*

It is shown that the geographical map of the Urals is marked by the local toponyms: Ural (the Urals), Sredniy Ural (the Central Urals) and the names of towns, villages, mountains, rivers and lakes important for Sverdlovsk Region. And the Urals region is constructed as a complex and multidimensional space, the center of which is located in Sverdlovsk Region (the Central Urals), and the capital of which is Ekaterinburg.

Analyzing the temporal identification of the Urals, the authors focus on the practices of selection of historical events and characters. The pre-revolutionary history of the mining industry in the Urals, the death of the royal family and some

events of the Soviet history (especially the Great Patriotic War) are significant for the region's past. The practices of construction of the past influence the construction of both the present and the future. Thus, the authors stress the importance of the historical mining and industrial image of the Urals region for its economic identification. The article also describes the political, ethno-confessional and cultural identification of the inhabitants of the region.

KEYWORDS: regional identity; media discourse; discourse analysis; discursive practices; journalism; media linguistics; media texts; mass media.

AUTHOR'S INFORMATION: *Il'ina Ol'ga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kablukov Evgeniy Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Il'ina, O. V. Practices of Constructing Ural Identity in the Media Discourse of Sverdlovsk Region / O. V. Il'ina, E. V. Kablukov // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 119—131. — DOI 10.26170/pl19-02-14.*

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project № 18-312-00143 "Regional Identity of Russians in Mass Media Discourse: Uniformity and Diversity".

REFERENCES

1. Anderson B. Imaginary Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. — Moscow : Kuchkovo Pole, 2016. [Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma. — M. : Kuchkovo pole, 2016]. — (In Rus.)
2. Achkasov V. A. National Identity as a Historical Narrative // Administrative Consulting. 2018. No. 10 (118). P. 19—26. [Natsional'naya identichnost' kak istoricheskiy narrativ // Upravlencheskoe konsul'tirovaniye. 2018. № 10 (118). S. 19—26]. — (In Rus.)
3. Bazhenova E. A. Mechanisms of Ural Identity Formation in the Industrial Age // Ural State Univ. Journ. Ser. 1. 2007. No. 52. P. 261—269. [Mekhanizmy formirovaniya ural'skoy identichnosti v industrial'nyu epokhu // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 1. 2007. № 52. S. 261—269]. — (In Rus.)
4. Bazhov Encyclopedia. — Ekaterinburg : Socrates : Publishing House of Ural Univ., 2007. [Bazhovskaya entsiklopediya. — Ekaterinburg : Sokrat : Izd-vo Ural. un-ta, 2007]. — (In Rus.)
5. Big Encyclopedic Dictionary. — Moscow ; S. Peterburg : Soviet Encyclopedia : S.-Petersburg. Foundation "Leningrad Gallery", 1993. [Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. ; SPb. : Sov. entsiklopediya : S.-peterb. fond «Leningradskaya galereya», 1993]. — (In Rus.)
6. Bourdieu P. Structure, Habitus, Practice // Journ. of Sociology and Social Anthropology. 1998. T. 1. № 2. P. 44—59. [Struktura, gabitus, praktika // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 1998. T. 1. № 2. S. 44—59]. — (In Rus.)
7. Van Dyke T. A. Discourse and power. Representation of dominance in language and communication. — Moscow : LIBROKOM, 2013. [Diskurs i vlast'. Reprerzentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — M. : LIBROKOM, 2013]. — (In Rus.)
8. Gillikh A. D., Ushakova P. P. Realization of the Concept of the Third Capital in the Structure of Management Decisions in the City of Kazan // Strategies for the Development of Social Communities, Institutions and Territories. 2018. Vol. 2. No. 4. P. 128—131. [Realizatsiya kontseptsii tret'ey stolitsy v strukture upravlencheskikh resheniy v gorode Kazan' // Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostey, institutov i territoriy. 2018. T. 2. № 4. S. 128—131]. — (In Rus.)
9. Demidova K. I. Language Picture of the World in the Regional Aspect (scientific school of the doctor of philological sciences, professor K.I. Demidova) // Pedagogical Education in Russia. 2015. No. 12. P. 47—51. [Yazykovaya kartina mira v regional'nom aspekte (nauchnaya shkola doktora filologicheskikh nauk, professora K. I. Demidovoy) // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. № 12. S. 47—51]. — (In Rus.)
10. Dracheva Yu. N., Chernyaeva M. I. Problems of Regional Identity in the Field of Studying Dialect Speech // Herald of Cherepovets State Univ. 2016. № 6 (75). P. 83—87. [Problemy regional'noy identichnosti v sfere izucheniya dialektnoy rechi // Vestn. Cherepovetskogo gos. un-ta. 2016. № 6 (75). S. 83—87]. — (In Rus.)
11. Enina L. V., Il'ina O. V., Kablukov E. V., Chepkina E. V. Practices of Political Identification of the Russians under the Influence of the Media Concept "Information War" // Political Linguistics. 2017. No. 4. P. 96—107. [Praktiki politicheskoy identifikatsii rossiyan pod vliyaniem mediakontsepta «Informatcionnaya vojna» // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 4. S. 96—107]. — (In Rus.)
12. Enina L. V., Chepkina E. V. Journalistic Discourse: Analysis of Practices // Ural Fed. Univ. Journ. Ser. 1. 2011. № 2. S. 76—85. [Zhurnalistskiy diskurs: analiz praktik // Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1. 2011. № 2. S. 76—85]. — (In Rus.)
13. Eremina E. V. Regional Identity in the Context of Sociological Analysis // Regionology. 2011. № 3 (76). P. 216—222. [Regional'naya identichnost' v kontekste sotsiologicheskogo analiza // Regionologiya. 2011. № 3 (76). S. 216—222]. — (In Rus.)
14. Ivanishcheva O. N. Sociolinguistic Portrait of the Border Northern Region: Approaches and Research Methods. — Moscow ; Berlin : Direkt Media, 2015. [Sotsiolingvisticheskiy portret prigranichnogo severnogo regiona: podkhody i metody issledovaniya. — M. ; Berlin : Direkt-Media, 2015]. — (In Rus.)
15. Il'ina O. V., Khalutornykh E. A. Ural as a Vernacular District // Priorities of the Mass Media and Values of the Journalist Profession. — Ekaterinburg : Publ. House of Ural Univ., 2018. [Ural kak vernakulyarnyy rayon // Prioritety massmedia i tsnosti professii zhurnalista. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2018]. — (In Rus.)
16. Kablukov E. V. Regional Identity of Russians in the Discourse of the Media: Theoretical Aspects of Scientific Modeling // Ural Fed. Univ. Journ. Ser. 1. 2018. No. 3. P. 23—29. [Regional'naya identichnost' rossiyan v diskurse SMI: teoreticheskie aspekty nauchnogo modelirovaniya // Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1. 2018. № 3. S. 23—29]. — (In Rus.)
17. Kablukov E. V. Official Ideologems: the Specifics of Functioning in the Modern Russian Media Discourse // Novosibirsk State Univ. Journ. Ser.: History, philology. 2012. V. 11. Vol. 6: Journalism. P. 84—88. [Ofitsial'nye ideologemy: spetsifika funkcionirovaniya v sovremennom rossiyskom mediadiskurse // Vestn. Novosibirsk. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2012. T. 11. Vyp. 6 : Zhurnalistika. S. 84—88]. — (In Rus.)
18. Kazakova G. M. "Vernakulyarny District" as a Condition for the Intensification of Social Processes // Sociological Studies. 2017. № 9. P. 57—65. [«Vernakulyarnyy rayon» kak uslovie intensivatsii sotsial'nykh protsessov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 9. S. 57—65]. — (In Rus.)
19. Kalmykov A. A., Kokhanova L. A. Internet Journalism. — Moscow : Unity-Dana, 2005. [Internet-zhurnalistika. — M. : Yuniti-Dana, 2005]. — (In Rus.)
20. Krylov M. P. Regional Identity in the Historical Core of European Russia // Sociological Studies. 2005. No. 3. P. 13—23. [Regional'naya identichnost' v istoricheskom yadre Evropeyskoy Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2005. № 3. S. 13—23]. — (In Rus.)

21. Kupina N. A. Axiological Strategy and Its Speech Realization in a Regional Newspaper // *Ural Fed. Univ. Journ. Ser. 1.* 2017. No. 4 (168). P. 19—31. [Aksiologicheskaya strategiya i ee rechevaya realizatsiya v regional'nom gazetnom izdanii // *Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1.* 2017. № 4 (168). S. 19—31]. — (In Rus.)
22. Kupina N. A. From the Factory City to the Modern Advanced City: Stylistic Signs and Values of the Vecherny Pervouralsk Newspaper // *Ural Fed. Univ. Journ. Ser. 1.* 2016. No. 2 (150). P. 13—25. [Ot goroda-zavoda k sovremennomu peredovomu gorodu: stilisticheskie primety i sennostnye orientiry gazety «Vecherniy Pervoural'sk» // *Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1.* 2016. № 2 (150). S. 13—25]. — (In Rus.)
23. Maydanova L. M., Chepkina E. V. Mediatext in an Ideological Context. — Ekaterinburg : University of Humanities, 2011. [Mediatekst v ideologicheskom kontekste. — Ekaterinburg : Gumanitarnyy universitet, 2011]. — (In Rus.)
24. Makarova G. I. Dynamics of the Russian Regional and Ethnic Identities in Tatarstan // *Sociological Studies.* 2011. No. 5. P. 71—77. [Dinamika rossiyskoy regional'noy i etnicheskikh identichnostey v Tatarstane // *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2011. № 5. S. 71—77]. — (In Rus.)
25. Manaenko G. N. The Deformations of the “Image of the Caucasus” in the Modern Discourse of the Russian Media and Public Consciousness, or the Benefits of Political Linguistics // *Political Linguistics.* 2010. No. 4. P. 50—53. [Deformatsii «Obraza Kavkaza» v sovremennom diskurse rossiyskikh SMI i obshchestvennom soznanii, ili O pol'ze politicheskoy lingvistiki // *Politicheskaya lingvistika.* 2010. № 4. S. 50—53]. — (In Rus.)
26. Medialogy [Electronic resource]. URL: <http://www.mlg.ru> (date of access: 28.02.2019). — (In Rus.)
27. Naumov D. N. Regional Identity as the Main Factor in the Formation of a Favorable Territory Brand (on the example of the Khanty-Mansi Autonomous District-Ugra) [Electronic resource] // *Modern Problems of Science and Education.* 2012. № 5. [Regional'naya identichnost' kak glavnyy faktor formirovaniya blagopriyatnogo brenda territorii (na primere KhMAO-Yugry) // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya.* 2012. № 5]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7151> (date of access: 28.02.2019). — (In Rus.)
28. Oglezneva E. A. The Far Eastern Regiolect of the Russian Language as a Regional Version of the Russian National Language // *Word: a folk-dialectological almanac.* 2013. No. 10. P. 20—37. [Dal'nevostochnyy regiolekt russkogo yazyka kak regional'nyy variant russkogo natsional'nogo yazyka // *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskyy al'manakh.* 2013. № 10. S. 20—37]. — (In Rus.)
29. Poberezhnikov I. V. Ural Regional Identity: at the Origins of the Formation // *Tenth Tatischev readings.* — Yekaterinburg : UMT UPI, 2013. P. 140—145. [Ural'skaya regional'naya identichnost': u istokov formirovaniya // *Desyatye Tatischevskie chteniya.* — Ekaterinburg : UMTs UPI, 2013. S. 140—145]. — (In Rus.)
30. Prikazchikova E. E. The Stone Power of the Copper Mountains of the Urals // *Ural Fed. Univ. Journ. Ser. 2.* 2003. No. 28. P. 11—23. [Kamennaya sila Mednykh gor Urala // *Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 2.* 2003. № 28. S. 11—23]. — (In Rus.)
31. Problems of Constructing the Identity of Russians in the Discourse of the Media under the Influence of the Concept of “Information war”. — Moscow ; Yekaterinburg : Cabinet Scientist, 2017. [Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatsionnaya voy-na». — M. ; Ekaterinburg : Kabinetnyy uchenyy, 2017]. — (In Rus.)
32. Pyatak V. I. The Image of the Russian Far East in Soviet Discourse: Historical Specifics and Mythology // *Priamur. State Univ. n.a. Sholem Aleichem Journ.* 2008. No. 1. P. 35—38. [Obraz Dal'nego Vostoka Rossii v sovetskom diskurse: istoricheskaya spetsifika i mifologiya // *Vestn. Priamur. gos. un-ta im. Sholom-Aleykhema.* 2008. № 1. S. 35—38]. — (In Rus.)
33. Sagitova L. V. Regional Identity: Social Determinants and Constructivist Media Activities (on the Example of the Republic of Tatarstan) // *Center and Regional Identities in Russia.* — Moscow ; St. Petersburg : Summer Garden : Publishing House of Europe University in St. Petersburg, 2003. P. 77—124. [Regional'naya identichnost': sotsial'nye determinanty i konstruktivistskaya deyatelnost' SMI (na primere Respubliki Tatarstan) // *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii.* — M. ; SPb : Letniy sad : Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2003. S. 77—124]. — (In Rus.)
34. Tumakova K. E. Regional Identity and Branding as a Social and Management Resource // *Power.* 2010. No. 3. P. 70—73. [Regional'naya identichnost' i branding kak sotsial'no-upravlencheskiy resurs // *Vlast'.* 2010. № 3. S. 70—73]. — (In Rus.)
35. Turovskiy R. F. Regional Identity in Modern Russia // *Russian Society: the Formation of Democratic Values?* — Moscow : Gandalf, 1999. P. 87—136. [Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii // *Rossiyskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticeskikh tsnnostey?* — M. : Gendal'f, 1999. S. 87—136]. — (In Rus.)
36. Ural Historical Encyclopedia. — Ekaterinburg : Academic, 2000. [Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya. — Ekaterinburg : Akademkniga, 2000]. — (In Rus.)
37. Fillips L. Dzh., Yorgensen M. V. Discourse Analysis: Theory and Method. — Kharkov : Humanitarian Center, 2008. [Diskurs-analiz: teoriya i metod. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2008]. — (In Rus.)
38. Foucault M. Archeology of Knowledge. — St. Petersburg : Academy of Humanities : University Book, 2004. [Arkheologiya znaniya. — SPb : Gumanitarnaya akademiya : Universitetskaya kniga, 2004]. — (In Rus.)
39. Foucault M. The Order of Discourse // *The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years.* — Moscow : Kastal, 1996. S. 47—97. [Poryadok diskursa // *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let.* — M. : Kastal', 1996. S. 47—97]. — (In Rus.)
40. Chepkina E. V. Russian Journalistic Discourse: Text-Generating Practices and Codes (1995—2000). — Ekaterinburg : Publishing House of Ural. Univ., 2000. [Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995—2000). — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000]. — (In Rus.)
41. De Cillia R. The discursive construction of national identities / R. De Cillia, M. Reissigl, R. Wodak // *Discourse & society.* 1999. № 10 (2). P. 149—173.
42. Smith A. D. National Identity. — Reno : University of Nevada Press, 1991.
43. Wodak R., Chilton P. (eds.). A new agenda in (critical) discourse analysis: theory, methodology and interdisciplinarity. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2005.

Я. В. Инживоткина

Гуаякильский ун-т, Эквадор

ORCID ID: 0000-0002-4297-2364 **E-mail:** yana.inzhivotkina@ug.edu.ec.

Особенности менталитета жителей Латинской Америки (на примере Эквадора)

АННОТАЦИЯ. Под воздействием российской пропаганды (сериалы, литература, телевизионные передачи) в нашем понимании сложился некий образ — стереотипное представление о латиноамериканской культуре. Как правило, в эту концептуальную картину входят горячие латинские мачо и страстные латинские девушки. И все они всегда готовы бороться за свободу и независимость своей страны. Любой стереотип всегда утрирован и дает очень однобокое представление о людях. Конечно же, жители Латинской Америки более темпераментны, чем в Европе или России, и нельзя сказать, что их не волнует судьба своей Родины, но уже давно прошли те времена когда за свободу нужно было сражаться. В данной работе была сделана попытка выделить некоторые характерные особенности менталитета жителей Эквадора и при помощи ассоциативного эксперимента сравнить их образ видения мира с образом мира испанцев и американцев. Испанцы и американцы были выбраны не случайно, так как Эквадор — это бывшая испанская колония, а Соединенные Штаты Америки территориально близки к Эквадору, в связи с чем американская культура оказывает большое влияние на страну и в настоящее время, в эпоху глобализации, осуществляется экспансия англосаксонской культуры через новые понятия. Ассоциативный эксперимент был проведен для того, чтобы понять, какой образ мира ближе эквадорцам: американский, в связи с территориальной близостью, или испанский, в связи с единством языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ассоциативный эксперимент; обновление сознания; национальная культура; национальный менталитет; лингвокультурология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Инживоткина Яна Викторовна, преподаватель английского языка, Гуаякильский университет, факультет журналистики и коммуникации; ЕС 090115, Гуаякиль, Эквадор, Cda. Salvador Allende, Av. Delta y Av. Kennedy; e-mail: bp.ru@mail.ru, yana.inzhivotkina@ug.edu.ec.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Инживоткина, Я. В. Особенности менталитета жителей Латинской Америки (на примере Эквадора) / Я. В. Инживоткина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 132-142. — DOI 10.26170/pl19-02-15.

Работа посвящена малоизученной теме — характерным особенностям менталитета жителей Эквадора. Методом ассоциативного эксперимента предпринята попытка эксплицитировать концепты их сознания и сравнить полученные реакции на стимулы с представлениями испанцев и американцев.

Под воздействием российских массмедиа (сериалы, литература, телевизионные передачи) в сознании россиян складывается стереотипный образ — отражение латиноамериканской культуры. Как правило, подобные представления включают латинских мачо и страстных латинских девушек, которые всегда готовы бороться за свободу и независимость своей страны. Естественно, такие стереотипы всегда утрированы и не дают объективного представления о другой стране и людях. Нельзя утверждать, что в Латинской Америке совсем нет горячих парней и страстных девушек и что их не волнует судьба своей Родины, однако распространенность подобных типов сильно преувеличена, к тому же давно прошли те времена когда за свободу нужно было сражаться.

Сначала хотелось бы подробнее остановиться на лингвокультурных и этикетных особенностях, на которых обычно не заостряют внимания в учебниках иностранного языка и которые при этом присущи многим жителям не только Эквадора, но и всей Латинской Америки.

Эквадор является высококонтекстной культурой [Фирсова [http](http://)]. Культурная и частная жизнь здесь тесно связаны друг с другом. Отсутствует четкое разделение сфер, и всё увязано со всем: работа, бизнес, личные отношения, общие знакомые. Очень важное значение здесь имеют титулы. Если человек овладел профессией (окончил университет), он уже *maestro*, если выучился на инженера или адвоката, то обращаться к нему нужно только со словами *ingeniero* или *doctor*. К преподавателю лучше обращаться *profesor (profesora)* или *docente*.

К любому предпринимателю (даже такому, у которого очень небольшой бизнес только с одним наемным работником) желательно обращаться *jefe*. При этом статус человека переносится и на его родственников (человека в обществе могут аттестовать как жену учителя или дочь учителя и т. п.).

Что касается коммуникации в бизнес-среде, то сначала здесь пытаются выстроить доверительные отношения с партнерами, а уже потом обсуждать дела. При долгом партнерстве, даже когда нет необходимости связываться по вопросам бизнеса, бывшие деловые партнеры часто продолжают общаться уже как друзья.

Особого внимания заслуживает культурно-специфичное восприятие времени у эквадорцев. Время с точки зрения иностранцев протекает медленно и практически никак не регламентировано. У местных есть даже выражение «эквадорское время» (*Ecuadorian time*). Остановимся подробнее на такой черте национальной культуры, как **непунктуальность**. Если эквадорец говорит *en una hora* (русск. *через час*) — это значит, что дело будет сделано скорее всего завтра, если *mañana* (завтра или утром) — значит придется подождать дольше, возможно, несколько дней.

Довольно частотное слово *mañana*. То, что было обещано вчера и должно быть готово сегодня, с очень высокой вероятностью выполнено не будет. Необязательность и непунктуальность — характерные черты жителей Эквадора. Здесь считается в порядке вещей пообещать что-нибудь и не сделать или сделать с огромной (многократной) задержкой по срокам.

Если что-то было сделано вовремя — это исключительный случай. Никого не волнует, что деловой партнер время и деньги. Если попытаться возмутиться — с таким человеком откажутся сотрудничать. Жители Латинской Америки никуда не спешат — это характерная «достопримечательность» страны.

Если эквадорцы пригласили Вас в гости к 18.00, не приходите раньше 19.30, иначе Вы не застанете дома даже хозяев. Опаздывать — это традиция.

На деловую встречу лучше приходите вовремя. Но в роли просителя (заинтересованной стороны) можно просидеть в ожидании приема несколько часов. Велика вероятность, что Вас в этот день вообще не примут.

Эквадор, как уже говорилось ранее, — это культура с сильной контекстуальной зависимостью. Люди держатся ближе друг к другу. Здесь присутствует культура коллективизма (как и в большинстве стран Латинской Америки). Групповые, семейные и общественные цели и интересы ставятся выше индивидуальных — для Эквадора характерна власть над индивидом не государства, а группы людей. Внутри этой группы человеку гарантированы внимание и забота со стороны других членов группы, но в обмен на безоговорочную лояльность индивида. Здесь

существует жесткая социальная структура, основанная на разделении «своих» от «чужих»: положение человека в обществе определяется не его индивидуальными качествами и особенностями, а местом в социальной иерархии — коллективист подчиняется многочисленным социально-экономическим и культурным ограничениям, взамен же ему гарантирована поддержка всей общины [Эквадор. В поисках приключения].

Рассмотрим еще несколько черт эквадорского менталитета и социальных взаимоотношений.

• **Нереальные обещания.** В Эквадоре слова мало что значат. Эквадорцы дают очень много обещаний, которые не собираются выполнять. Среднестатистический эквадорец может пообещать что угодно. Если эквадорец говорит «да» — это значит «может быть». Если он говорит «может быть» — это значит «нет». «Нет» говорить не принято.

• **Специальные цены для иностранцев.** Любой торговец на рынке, в маленьком магазине, таксист завышают цены для белых иностранцев (гринго) как минимум вдвое. Считается, что белые иностранцы богаты и должны оказывать посильную помощь многострадальному эквадорскому народу. Следует отметить, что в основной своей массе эквадорцы при этом очень доброжелательны, готовы выслушивать плохой испанский язык и в большинстве случаев готовы помочь.

• **Готовность объяснить и показать дорогу.** Как уже сообщалось ранее, говорить в Эквадоре «нет» — это моветон. Если Вы заблудились — дорогу Вам будет готов показать каждый прохожий, вне зависимости от того, знает ли он, где находится нужное Вам место. Вас могут отправить в любую сторону, которая по душе «проводнику».

С точки зрения истории страна в течение длительного периода времени была испанской колонией, поэтому здесь до сих пор заметна тесная связь с испанской культурой, обычаями и традициями. Впрочем, в настоящее время, в эпоху глобализации, отчетливо прослеживается тенденция к росту влияния западной (в нашем случае больше американской) культуры, страна старается приблизиться к западным, американским идеалам, тем более что территориально Соединенные Штаты близки к Эквадору.

Для более точного определения национально-специфичных представлений и лингвокультурных концептов возникла идея провести свободный ассоциативный эксперимент, поскольку это признанный метод экспликации когнитивных структур.

В нашем случае процедура проведения

ассоциативного эксперимента была достаточно стандартна. Основные трудности возникли при анализе данных. Респондентам, в нашем случае студентам факультета журналистики и социальной коммуникации, было предложено дать ответ (реакцию) на каждое из слов-стимулов — требовалось записать первое пришедшее на ум слово.

Как это принято делать, анкетирование в рамках ассоциативного эксперимента проводилось в письменной форме. Студентам был предложен список слов с местом для фиксации реакций. Следует отметить, что традиционно в подобных исследованиях применяется также и устная форма ассоциативного эксперимента, и в этом случае степень непосредственности реакций выше.

Время ответа было ограничено 5—6 секундами, учитывалась только первая ассоциация. Обычно список стимулов ограничивается 25—30 стимулами, в нашем случае было предложено 50.

В процессе пилотажного эксперимента мы предложили испытуемым (среди них было 162 эквадорца и 62 американца, были представлены носители испанского и английского языков) записать первую возникшую у них ассоциацию. На основе полученных результатов была составлена таблица в *Excel* с результатами эксперимента.

При выборе испытуемых мы учитывали следующие критерии.

1. Родной язык отвечающих. В эксперименте принимали участие эквадорские студенты факультета журналистики — носители испанского языка (соответственно список слов-стимулов для них был предложен на испанском языке) и американские студенты различных вузов. Для последних участников анкета была составлена на английском языке, поскольку испанским языком они владеют на начальном уровне (A1, A2) либо вообще не владеют, а с эквадорской культурой (и вообще с культурой Латинской Америки) практически не знакомы.

2. Количество испытуемых. Было опро-

шено 162 студента — носителя испанского языка и 62 студента — носителей английского языка. Для сравнения реакций с испанскими испытуемыми применялся опрос, проведенный Ю. Н. Карауловым и подробно описанный им и Марией Санчес Пуиг в совместной работе «Ассоциативные нормы испанского и русского языков» [Санчес Пуиг, Караулов, Черкасова 2001].

Полученные данные мы сравнили со словарем, созданным при участии Ю. Н. Караулова [Санчес Пуиг, Караулов 2004], который был принят за эталон языкового сознания носителей испанской лингвокультуры, и словарем Киша [Электронный ассоциативный словарь английского языка [http](http://www.kisha.ru/)], который отражает языковое сознание носителей английской культуры. В некоторых случаях привлекались материалы других ассоциативных словарей [Санчес Пуиг 1996, 2006; Мед 2008; Ufimtseva 2014] для подтверждения некоторых гипотез, выдвинутых в процессе исследования, при этом в ходе работы все слова-стимулы были подвергнуты тщательному анализу с последующим отбором слов, реакции на которые, согласно нашей гипотезе, могли трактоваться как демонстрирующие особенности лингвокультуры Эквадора.

Покажем на примере конкретных слов-стимулов, как различались реакции эквадорских, испанских и американских респондентов (см. табл. 1—3).

При анализе результатов нами был использован метод семантического гештальта, предложенный Ю. Н. Карауловым. При этом учитывалась система исходных местоимений, моделирующих знания человека о мире, разработанная Н. Ю. Шведовой [Шведова [http](http://www.shvedova.ru/)]. Зоны построенных гештальтов озаглавлены с помощью местоимений и глаголов широкой семантики: *кто, что, какой, делать, где*.

В таблицах 1, 2 и 3 представлены реакции на стимул *работа* и его эквиваленты в сравниваемых лингвокультурах.

Таблица 1. Реакции эквадорцев (испанский язык) на слово-стимул *trabajo* (работа)

Зоны	Ассоциаты	Всего	
Кто (человек)	<i>camello</i> (верблюд, здесь — сленг «работник») — 4 / 2,47 %; <i>padre</i> (отец) — 8 / 4,94 %	12	7,41 %
Что	<i>dinero</i> (деньги) — 37 / 22,84 %; <i>esfuerzo</i> (усилия) — 17 / 10,49 %; <i>sustento</i> (средства к существованию) — 17 / 10,49 %; <i>empleo</i> (занятость) — 12 / 7,41 %; <i>oportunidad</i> (возможность) — 8 / 4,94 %; <i>obligación</i> (обязательство) — 6 / 3,7 %; <i>bienestar</i> (благополучие) — 3 / 1,85 %; <i>experiencia</i> (опыт) — 3 / 1,85 %; <i>necesidad</i> (необходимость) — 3 / 1,85 %; <i>profesión</i> (профессия) — 3 / 1,85 %; <i>bendición</i> (благословение) — 2 / 1,23 %; <i>cansancio</i> (устомление) — 2 / 1,23 %; <i>diversión</i> (веселье) — 2 / 1,23 %; <i>ocupación</i> (профессия) — 2 / 1,23 %; <i>economía</i> (экономика) — 2 / 1,23 %; <i>lucha</i> (бой) — 2 / 1,23 %; <i>madurez</i> (зрелость) — 2 / 1,23 %; <i>responsabilidad</i> (ответственность) — 2 / 1,23 %; <i>social</i> (социальная) — 2 / 1,23 %; <i>currículum vitae</i> (резюме) — 1 / 0,62 %; <i>dignidad</i> (достоинство) — 1 / 0,62 %; <i>disciplina</i> (дисциплина) — 1 / 0,62 %; <i>estabilidad</i> (стабильность) — 1 / 0,62 %; <i>estudio</i> (обучение) — 1 / 0,62 %; <i>éxito</i> (успех) — 1 / 0,62 %; <i>ganancia</i> (прибыль) — 1 / 0,62 %; <i>importante</i> (важно) — 1 / 0,62 %; <i>pasión</i> (страсть) — 1 / 0,62 %	138	85,19 %
Какой	<i>forzado</i> (вынужденный) — 1 / 0,62 %	1	0,62 %
Делать	<i>producir</i> (производить) — 5 / 3,09 %; <i>sacrificar</i> (жертвовать) — 2 / 1,23 %; <i>cantar</i> (петь) — 1 / 0,62 %; <i>cuidar</i> (заботиться) — 1 / 0,62 %; <i>mejorar</i> (улучшать) — 1 / 0,62 %	10	6,17 %
Как	<i>actualmente</i> (в настоящее время) — 1 / 0,62 %	1	0,62 %
Словосочетание			
Другое			
		162	100 %

Таблица 2. Реакция американцев (английский язык) на слово-стимул *a job* (работа)

Зоны	Ассоциаты	Всего	
Кто (человек)	<i>a boss</i> (босс) — 6 / 9,83 %; <i>colleagues</i> (коллеги) — 4 / 6,6 %	10	16,39 %
Что	<i>career</i> (карьера) — 6 / 9,83 %; <i>motivation</i> (мотивация) — 6 / 9,83 %; <i>direction</i> (направление) — 5 / 8,19 %; <i>satisfaction</i> (удовлетворение) — 5 / 8,19 %; <i>employment</i> (занятость) — 3 / 4,91 %; <i>environment</i> (среда, окружение) — 3 / 4,91 %; <i>interview</i> (интервью) — 3 / 4,91 %; <i>money</i> (деньги) — 3 / 4,91 %; <i>electrician</i> (электрик) — 2 / 4,76 %; <i>offer</i> (предложение) — 1 / 1,64 %; <i>opportunity</i> (возможность) — 1 / 1,64 %; <i>pride</i> (гордость) — 1 / 1,64 %; <i>qualification</i> (квалификация) — 1 / 1,64 %; <i>search</i> (поиск) — 1 / 1,64 %	41	67,21 %
Какой			
Делать	<i>earn money</i> (зарабатывать деньги) — 4 / 6,6 %; <i>apply for</i> (обращаться, по поводу работы) — 2 / 3,28 %; <i>to take a job</i> (устроиться на работу) — 1 / 1,64 %	7	11,48 %
Как	<i>for life</i> (для жизни) — 1 / 1,64 %; <i>hard</i> (тяжело) — 1 / 1,64 %	2	3,28 %
Словосочетание	<i>of my dream</i> (моей мечты) — 1 / 1,64 %	1	1,64 %
Другое			
		61	100 %

Таблица 3. Реакция испанцев (испанский язык) на слово-стимул *trabajo* (работа)

Зоны	Ассоциаты	Всего	
Кто (человек)			
Что	<i>dinero</i> (деньги) — 54 / 16,6 %; <i>esfuerzo</i> (усилие) — 27 / 8,3 %; <i>paro</i> (безработица) — 23 / 7,07 %; <i>necesidad</i> (необходимость) — 15 / 4,6 %; <i>cansancio</i> (устомление) — 11 / 3,38 %; <i>suerte</i> (везение) — 11 / 3,38 %; <i>realización</i> (реализация) — 9 / 2,7 %; <i>rutina</i> (рутина, распорядок дня) — 9 / 2,7 %; <i>futuro</i> (будущее) — 8 / 2,46 %; <i>curro</i> (работа) — 7 / 2,15 %; <i>obligación</i> (обязательство) — 7 / 2,15 %; <i>labor</i> (труд) — 6 / 1,84 %; <i>agobio</i> (бремя) — 5 / 1,54 %; <i>satisfacción</i> (удовлетворение) — 5 / 1,54 %; <i>sudor</i> (пот) — 5 / 1,54 %; <i>bienestar</i> (благополучие) — 4 / 1,23 %; <i>ocupación</i> (занятие) — 4 / 1,23 %; <i>sacrificio</i> (жертва) — 4 / 1,23 %; <i>salud</i> (здоровье) — 4 / 1,23 %; <i>sustantivo</i> (существительное) — 4 / 1,23 %; <i>vida</i> (жизнь) — 4 / 1,23 %; <i>inem</i> (служба занятости) — 3 / 0,92 %; <i>lucha</i> (бой) — 3 / 0,92 %; <i>oficina</i> (офис) — 3 / 0,92 %;	256	78,77 %

Зоны	Ассоциаты	Всего	
Что	<i>sustento</i> (средства к существованию) — 3 / 0,92 %; <i>autorrealización</i> (самореализация) — 2 / 0,62 %; <i>ayuda</i> (помощь) — 2 / 0,62 %; <i>carga</i> (нагрузка) — 2 / 0,62 %; <i>casa</i> (дом) — 2 / 0,62 %; <i>placer</i> (удовольствие) — 2 / 0,62 %; <i>porvenir</i> (будущее) — 2 / 0,62 %; <i>seguridad</i> (безопасность) — 2 / 0,62 %; <i>tranquilidad</i> (спокойствие) — 2 / 0,62 %; <i>utopía</i> (утопия) — 2 / 0,62 %		
Какой	<i>duro</i> (жесткий) — 15 / 4,61 %; <i>escaso</i> (ограниченная, незначительная) — 4 / 1,23 %; <i>cansado</i> (уставший) — 2 / 0,62 %; <i>pesado</i> (тяжелая) — 2 / 0,62 %	23	7,07 %
Делать	<i>madrugar</i> (рано вставать) — 3 / 0,92 %	3	0,92 %
Как	<i>necesario</i> (необходимо) — 16 / 4,92 %; <i>difícil</i> (трудно) — 8 / 2,46 %; <i>diario</i> (ежедневно) — 4 / 1,23 %; <i>imposible</i> (невозможно) — 4 / 1,23 %; <i>importante</i> (важно) — 3 / 0,92 %; <i>mucho</i> (много) — 3 / 0,92 %; <i>poco</i> (постепенно) — 3 / 0,92 %; <i>siempre</i> (всегда) — 2 / 0,62 %	43	13,23 %
Словосочетание			
Другое			
		325	100 %

В зоне **что** у всех групп респондентов присутствует ассоциация *деньги*, у эквадорцев и испанцев эта ассоциация (*dinero*) является самой популярной (22,84 % у эквадорцев, 16,6 % у испанцев). На втором месте и у испанцев, и у эквадорцев оказалась реакция *усилия* — *esfuerzo* (10,49 % — эквадорцы, 8,3 % — испанцы). Это связано с тем, что и в Латинской Америке (в частности, в Эквадоре), и в Испании на данный момент очень сложная экономическая ситуация, трудно найти работу, особенно студентам без опыта трудовой деятельности (все респонденты — студенты). В Соединенных Штатах такой проблемы нет, и поэтому самые популярные ассоциации — *career* (карьера) — 9,83 % и *motivation* (мотивация) — 9,83 %.

В зоне **кто** у всех групп реакции разные. У эквадорцев на первых местах находятся *самелло* (верблюд, здесь — сленговое обозначение работника) — 2,47 % и *padre* (отец) — 4,94 %. Это связано с тем, что в семье работают в основном мужчины, и именно они являются добытчиками (на сленге — верблюдами); у американской группы самыми популярными ответами были *босс* и *коллеги* (*a boss* — 9,83 %; *colleagues* — 6,6 %), а у испанцев в этой зоне реакций не было.

В зоне **делать** сходства ассоциаций у трех групп минимальны. У эквадорцев самой

популярной ассоциацией является *производить* (*producir* — 3,09 %). Эта ассоциация связана с тем, что у многих сотрудников, например таксистов, продавцов, парикмахеров, швей, зарплата сдельная, зависящая от того, сколько продукции они произведут, или от количества клиентов. Так как опрос производился в университете города Гуаякиль, который является государственным, где студенты обучаются бесплатно, родители у многих из них являются непрофессиональными рабочими, получающими сдельную оплату. У американцев самой частотной ассоциацией является *зарабатывать деньги* (*earn money* — 6,6 %), а у испанцев — *рано вставать* (*madrugar* — 0,92 %).

В таблице 4 и на графике (рис. 1) представлены общие данные по распределению семантических зон ассоциатов.

На данном примере видно, что структура ассоциативного поля эквадорцев ближе к структуре ассоциативного поля испанцев: это определяется схожестью языка, культуры, истории, философии и религии. Именно эти составляющие оказывают влияние на формирование языкового сознания/языковой картины мира и на своеобразие взгляда на мир этих двух народов.

Рассмотрим следующее слово-стимул — *бабушка* (табл. 5—7).

Таблица 4. Соотношение семантических зон ассоциатов на стимул *работа*, %

Зоны	1. Эквадорцы (испанский язык)	2. Американцы (английский язык)	3. Испанцы (испанский язык)
Кто (человек)	7,41	16,39	0,00
Что	85,19	67,21	78,77
Какой	0,62	0,00	7,07
Делать	6,17	11,48	0,92
Как	0,62	3,28	13,23
Словосочетание	0,00	1,64	0,00
Прочее	0,00	0,00	0,00

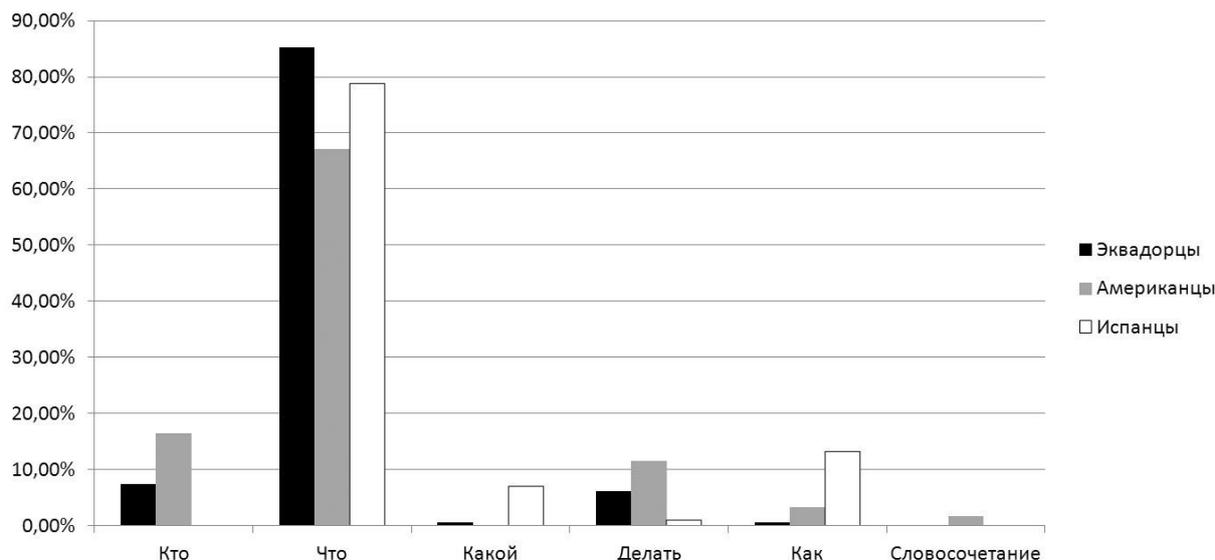

Рис. 1. Соотношение семантических зон ассоциатов на стимул *trabajo/job (работа)*

Таблица 5. Реакции эквадорцев (испанский язык) на слово-стимул *abuela (бабушка)*

Зоны	Ассоциаты	Всего	
Кто (человек)	<i>abuelo</i> (дедушка) — 39 / 24,07 %; <i>morena</i> (мулатка, досл. цвет кожи как коричневый сахар) — 1 / 1,62 %; <i>grandmother</i> (англ. бабушка) — 7 / 4,32 %	47	29,01 %
Что	<i>bondad</i> (доброта) — 21 / 12,96 %; <i>hogar</i> (дом) — 19 / 11,72 %; <i>historias</i> (истории) — 8 / 4,94 %; <i>tercer edad</i> (пожилая, дословно «третий возраст») — 7 / 4,32 %; <i>tradición</i> (традиция) — 7 / 4,32 %; <i>amor</i> (любовь) — 5 / 3,09 %; <i>hospital</i> (больница) — 1 / 1,62 %; <i>momento</i> (момент) — 1 / 1,62 %; <i>rizos</i> (кудри) — 1 / 1,62 %	71	43,82 %
Какой	<i>vieja</i> (старая) — 18 / 11,11 %, <i>feliz</i> (счастливая) — 14 / 8,64 %, <i>buena</i> (хорошая) — 7 / 4,32 %, <i>adorable</i> (обожаемая), 1 / 1,62 %, <i>carifosa</i> (любящая) — 1 / 1,62 %, <i>generosa</i> (великодушная) — 1 / 1,62 %, <i>suave</i> (мягкая, добрая) — 1 / 1,62 %	43	26,55 %
Делать			
Как			
Словосочетание			
Прочее			
		161	100 %

Таблица 6. Реакции американцев (английский язык) на слово-стимул *grandmother (бабушка)*

Зоны	Ассоциаты (американцы)	Всего	
Кто (человек)	<i>grandfather</i> (дедушка) — 12 / 19,62 %; <i>Gladys</i> — 2 / 3,27 %; <i>Tracy</i> — 1 / 1,63 %; <i>Emma</i> — 1 / 1,63 %	16	26,22 %
Что (предмет)	<i>love</i> (любовь) — 15 / 24,59 %; <i>childhood</i> (детство) — 8 / 13,11 %; <i>vacations</i> (каникулы) — 6 / 9,83 %; <i>happiness</i> (счастье) — 3 / 4,91 %; <i>pie</i> (пирог) — 2 / 3,27 %; <i>safty</i> (безопасность) — 2 / 3,27 %; <i>sweets</i> (конфеты) — 2 / 3,27 %; <i>a cake</i> (торт) — 2 / 3,27 %; <i>strawberry</i> (клубника) — 2 / 3,27 %	42	68,85 %
Какой	<i>unknown</i> (неизвестная) — 1 / 1,63 %	1	1,63 %
Делать	<i>was</i> (была) — 1 / 1,63 %; <i>passed away</i> (умерла) — 1 / 1,63 %	2	3,27 %
Как			
Словосочетание			
Прочее			
		61	100 %

Таблица 7. Реакции испанцев (испанский язык) на слово-стимул *abuela* (бабушка)

Зоны	Ассоциаты	Всего	
Кто (человек)	<i>abuelo</i> (дедушка) — 48 / 13,99 %; <i>madre</i> (мать) — 12 / 3,5 %; <i>anciana</i> (старуха) — 11 / 3,2 %; <i>nieto</i> (внук) — 10 / 2,9 %; <i>yaya</i> (бабушка) — 7 / 2,04 %; <i>nieta</i> (внучка) — 6 / 1,74 %; <i>nietos</i> (внучата) — 3 / 0,87 %; <i>tío</i> (дядя) — 2 / 0,58 %	99	28,86 %
Что	<i>cariño</i> (нежность) — 56 / 16,32 %; <i>ternura</i> (нежность) — 23 / 6,7 %; <i>familia</i> (семья) — 16 / 4,66 %; <i>amor</i> (любовь) — 15 / 4,37 %; <i>vejez</i> (старость) — 13 / 3,79 %; <i>pueblo</i> (деревня) — 12 / 3,49 %; <i>experiencia</i> (опыт) — 5 / 1,58 %; <i>muerte</i> (смерть) — 5 / 1,45 %; <i>sabiduría</i> (мудрость) — 5 / 1,45 %; <i>canas</i> (седые волосы) — 4 / 1,2 %; <i>cuento</i> (история) — 4 / 1,2 %; <i>moño</i> (шиньон) — 4 / 1,2 %; <i>sustantivo</i> (существительное) — 4 / 1,2	166	48,39 %
Какой	<i>vieja</i> (старая) — 28 / 8,16 %; <i>entrañable</i> (привлекательная) — 5 / 1,45 %; <i>buena</i> (хорошая) — 4 / 1,2 %; <i>viejo</i> (старый) — 4 / 1,2 %; <i>muerta</i> (мёртвая) — 3 / 0,87 %; <i>negro</i> (черный) — 3 / 0,87 %; <i>desconocida</i> (неизвестная) — 2 / 0,58 %; <i>dulce</i> (сладкий) — 2 / 0,58 %; <i>familiar</i> (семейный) — 2 / 0,58 %; <i>mía</i> (моя) — 2 / 0,58 %; <i>sabia</i> (мудрая) — 2 / 0,58 %; <i>simpática</i> (дружественная) — 2 / 0,58 %; <i>tierno</i> (сладкая) — 2 / 0,58 %	65	20,5 %
Делать	<i>recuerdo</i> (я помню) — 4 / 1,2 %; <i>no conozco</i> (не знаю) — 2 / 0,58 %; <i>querer</i> (хотеть, чтобы была) — 2 / 0,58 %	8	2,52 %
Как	<i>mayor</i> (старше) — 4 / 1,2 %	4	1,2 %
Словосочетание			
Прочее			
		343	100 %

Таблица 8. Соотношение семантических зон ассоциатов на стимул бабушка, %

Зоны	Группа 1. Эквадорцы (испанский язык)	Группа 2. Американцы (английский язык)	Группа 3. Испанцы (испанский язык)
Кто (человек)	29,01	26,22	28,86
Что	43,82	68,85	48,39
Какой	26,55	0,00	20,50
Делать	0,00	3,27	2,52
Как	0,00	0,00	1,26
Словосочетание	0,00	0,00	0,00
Прочее	0,00	1,63	0,00

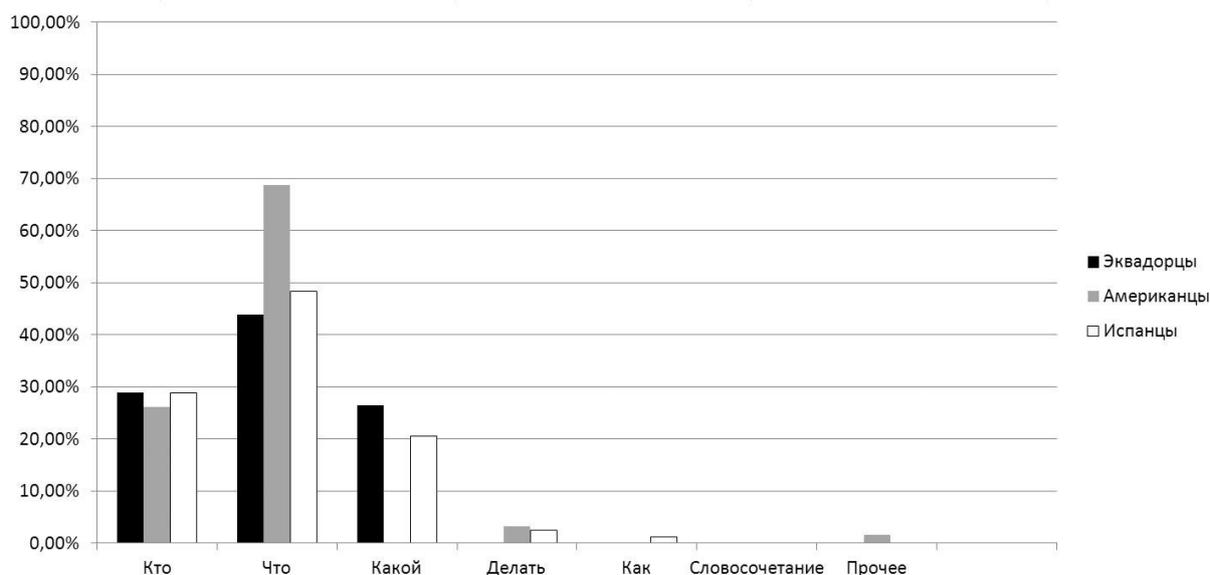

Рис. 2. Соотношение семантических зон ассоциатов на стимул *abuela/grandmother* (бабушка)

Результаты сопоставления приведены в таблице 8, а также показаны на графике (рис. 2). Из данного графика и таблицы мы видим, что зона **словосочетание и прочее** отсутствуют в ассоциациях всех групп испытуемых.

Анализ показывает, что наиболее важную роль для двух групп играет зона **что (зона 2), кто (зона 1) и какой (зона 3)**: в ассоциативном поле испанцев эта зоны также занимают ведущие места (68,85 % и 48,39 % соответственно), количественно это зона значительно больше у испанцев.

В зоне **кто** у всех групп испытуемых результаты примерно схожи (эквадорцы — 29,01 %, американцы — 26,22 %, испанцы — 28,86 %) и первой реакцией является *дедушка* (исп. *abuelo*, англ. *grandfather*).

Сравнение структуры ассоциаций группы 1 и группы 3 показывает, что реакции у эквадорских и испанских испытуемых схожи, это можно увидеть даже в соотношении процентных долей. У эквадорцев с бабушкой ассоциируются понятия *bondad* (доброта) — 21 / 12,96 %, *hogar* (дом) — 19 / 11,72 %, у испанцев — *cariño* (нежность), 56 / 16,42 %, и *ternura* (нежность), 23 / 6,7 %. Для группы американцев бабушка (*grandmother*) чаще вызывает ассоциации *love* (любовь) — 15 / 24,59 %, *childhood* (детство) — 8 / 13,11 %, *vacations* (каникулы) — 6 / 9,83 %, а также названия различных сладостей.

В таблицах 9—11 обобщены реакции, полученные на стимульный эквивалент слова «радость» (исп. *alegría*, англ. *cheerfulness*).

Таблица 9. Реакции эквадорцев (испанский язык) на слово-стимул *alegría* (радость)

Зоны	Ассоциаты	Всего	
Кто (человек)	<i>amigo</i> (друг) — 2 / 3,24 %; <i>payaso</i> (клоун) — 1 / 1,62 %; <i>mascota</i> (домашнее животное) — 1 / 1,62 %; <i>hermano</i> (брат) — 1 / 1,62 %	5	3,09 %
Что	<i>felicidad</i> (счастье) — 48 / 29,63 %; <i>sonrisa</i> (улыбка) — 31 / 19,14 %; <i>emocion</i> (эмоция) — 21 / 12,96 %; <i>familia</i> (семья) — 7 / 4,32 %; <i>Vida</i> (жизнь) — 7 / 4,32 %; <i>sentimiento</i> (чувство) — 7 / 4,32 %; <i>salud</i> (здоровье) — 3 / 1,85 %; <i>futbol</i> (футбол) — 3 / 1,85 %; <i>diversion</i> (веселье) — 3 / 1,85 %; <i>tristesa</i> (грусть) — 3 / 1,85 %; <i>musica</i> (музыка) — 3 / 1,85 %; <i>paz</i> (мир) — 2 / 1,23 %; <i>sensacion</i> (чувство) — 2 / 1,23 %; <i>belleza</i> (красота) — 2 / 1,23 %; <i>libertad</i> (свобода) — 2 / 1,23 %; <i>carisma</i> (харизма) — 2 / 1,23 %; <i>mar</i> (море) — 2 / 1,23 %; <i>happyness</i> (англ. счастье) — 1 / 0,62 %; <i>euforia</i> (эйфория) — 1 / 0,62 %; <i>unión</i> (союз) — 1 / 0,62 %; <i>amor</i> (любовь) — 1 / 0,62 %	152	93,83 %
Какой	<i>contento</i> (довольный) — 1 / 0,62 %; <i>hermoso</i> (красивая) — 1 / 1,62 %	2	1,23 %
Делать	<i>compartir</i> (делиться) — 2 / 1,23 %	2	1,23 %
Как	<i>temporal</i> (временно) — 1 / 0,62 %	1	0,61 %
Словосочетание			
Прочее			
		162	100 %

Таблица 10. Реакции американцев (английский язык) на слово-стимул *cheerfulness* (радость)

Зоны	Ассоциаты	Всего	
Кто (человек)	<i>beloved one</i> — (любимый, любимая) — 1 / 1,69 %	1	1,69 %
Что	<i>love</i> (любовь) — 12 / 20,33 %; <i>dream</i> (мечта) — 9 / 15,25 %; <i>joy</i> (радость) — 6 / 10,16 %; <i>emotions</i> (эмоции) — 3 / 5,08 %; <i>freedom</i> (свобода) — 3 / 5,08 %; <i>friends</i> (друзья) — 3 / 5,08 %; <i>glee</i> (веселье) — 2 / 3,38 %; <i>mood</i> (настроение) — 2 / 3,38 %; <i>pleasure</i> (удовольствие) — 2 / 3,38 %; <i>sadness</i> (печаль) — 1 / 1,69 %; <i>satisfaction</i> (удовлетворение) — 1 / 1,69 %; <i>state</i> (состояние) — 1 / 1,69 %; <i>well-being</i> (благополучие) — 1 / 1,69 %	46	77,97 %
Какой	<i>peaceful</i> (мирный) — 2 / 3,38 %; <i>free</i> (свободный) — 2 / 3,38 %	4	6,78 %
Делать	<i>dream</i> (мечтать) — 2 / 3,38 %; <i>to fly</i> (летать) — 1	3	5,05 %
Как	<i>sometimes</i> (иногда) — 3 / 3,38 %; <i>easily</i> (легко) — 1 / 1,69 %	4	6,78 %
Словосочетание	<i>as a bird</i> (как птица) — 1 / 1,69 %; <i>like air</i> (как ветер, дословно «как воздух») — 1 / 1,69 %	2	3,38 %
Прочее			
		59	100 %

Таблица 11. Реакции испанцев (испанский язык) на слово-стимул *alegría* (радость)

Зоны	Ассоциаты	Всего	
Кто (человек)	<i>amigos</i> (друзья) — 6 / 1,59 %; <i>juventud</i> (молодежь) — 3 / 0,8 %; <i>hijos</i> (дети) — 2 / 0,53 %; <i>niños</i> (дети) — 2 / 0,53 %	13	3,46%
Что	<i>felicidad</i> (счастье) — 92 / 24,46 %; <i>tristeza</i> (печаль) — 33 / 8,77 %; <i>sonrisa</i> (улыбка) — 27 / 7,2 %; <i>vida</i> (жизнь) — 21 / 5,59 %; <i>fiesta</i> (праздник) — 17 / 4,52 %; <i>risa</i> (смех) — 15 / 3,99 %; <i>diversión</i> (веселье) — 9 / 2,39 %; <i>pena</i> (печаль) — 9 / 2,39 %; <i>amistad</i> (дружба) — 8 / 1,64 %; <i>luz</i> (свет) — 7 / 1,86 %; <i>risas</i> (смех, мн. ч.) — 6 / 1,6 %; <i>amor</i> (любовь) — 5 / 1,33 %; <i>paz</i> (мир) — 5 / 1,03 %; <i>campo</i> (ареал) — 4 / 0,82 %; <i>estado</i> (состояние) — 4 / 0,82 %; <i>bienestar</i> (благополучие) — 3 / 0,8 %; <i>emoción</i> (эмоция) — 3 / 0,8 %; <i>esperanza</i> (надежда) — 3 / 0,8; <i>familia</i> (семья) — 3 / 0,8 %; <i>ilusión</i> (иллюзия) — 3 / 1,33 %; <i>júbilo</i> (ликование) — 3 / 1,33 %; <i>música</i> (музыка) — 3 / 1,33 %; <i>niño</i> (ребенок) — 3 / 1,33 %; <i>rosa</i> (роза) — 3 / 1,33 %; <i>sentimiento</i> (чувство) — 3 / 1,33 %; <i>sustantivo</i> (существительное) — 3 / 1,33 %; <i>vitalidad</i> (жизнеспособность) — 3 / 1,33 %; <i>camino</i> (путь) — 2 / 0,53 %; <i>cariño</i> (любовь, нежность) — 2 / 0,53 %; <i>dicha</i> (счастье) — 2 / 0,51 %; <i>gozo</i> (радость) — 2 / 0,53 %; <i>jovialidad</i> (веселость) — 2 / 0,53 %; <i>miedo</i> (страх) — 2 / 0,53 %; <i>placer</i> (удовольствие) — 2 / 0,53 %; <i>satisfacción</i> (удовлетворение) — 2 / 0,53 %; <i>simpatía</i> (симпатия) — 2 / 0,53 %; <i>sol</i> (солнце) — 2 / 0,56 %	319	93 %
Какой	<i>feliz</i> (счастливый) — 8 / 2,12 %; <i>contento</i> (довольный) — 5 / 1,32 %; <i>fugaz</i> (скоротечная) — 3 / 0,8 %; <i>triste</i> (грустный) — 3 / 0,8 %	19	5,05 %
Делать	<i>reír</i> (смеяться) — 5; <i>vivir</i> (жить) — 3 / 0,8 %; <i>aprobar</i> (пробовать, пытаться) — 2 / 0,53 %	10	2,65 %
Как	<i>bien</i> (хорошо) — 3 / 0,8 %; <i>con dinero</i> (с деньгами) — 1 / 0,27 %	4	1,06 %
Словосочетание			
Прочее	<i>vive</i> (да здравствует) — 1 / 0,27 %	1	0,27 %
		376	100 %

Таблица 12. Соотношение семантических зон ассоциатов на стимул *alegría*, %

Зоны	Группа 1. Эквадорцы (испанский язык)	Группа 2. Американцы (английский язык)	Группа 3. Испанцы (испанский язык)
Кто (человек)	3,09	1,69	3,46
Что	93,83	77,97	93,00
Какой	1,23	6,78	5,05
Делать	1,23	5,05	2,65
Как	0,61	6,78	1,06
Словосочетание	0,00	3,38	0,00
Прочее	0,00	0,00	0,27

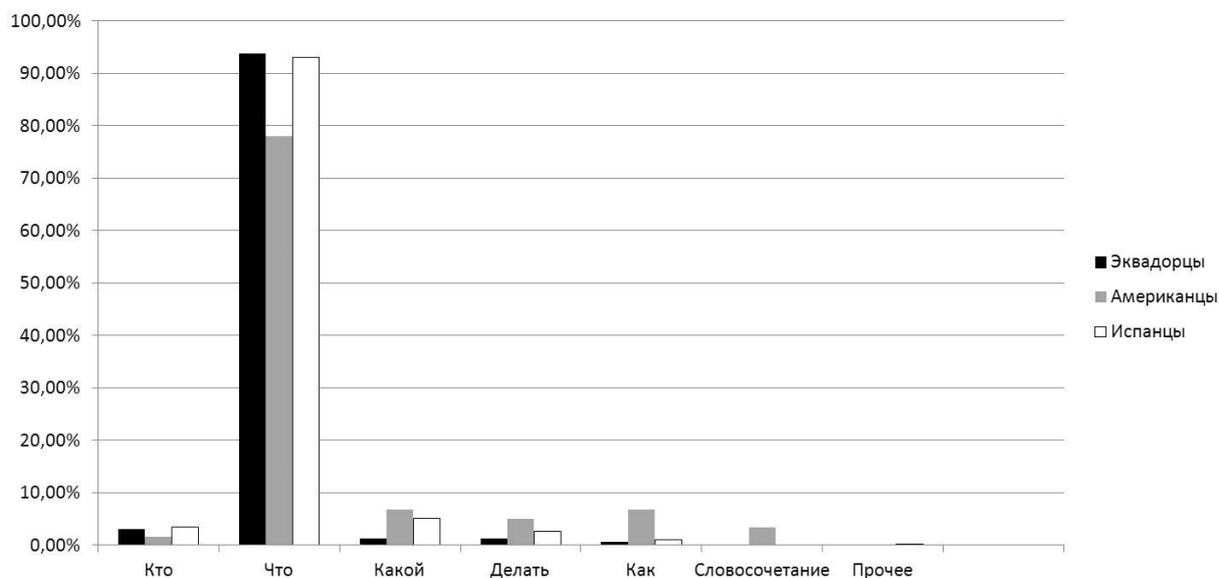

Рис. 3. Соотношение семантических зон ассоциатов на стимул *alegría* / *cheerfulness* (радость)

Как видно из табл. 9—11, в зону **что (предметы)** у эквадорцев входят *felicidad* (счастье, 29,63 %) и *sonrisa* (улыбка, 19,14 %); у испанцев — *felicidad* (счастье, 24,46 %) и *tristeza* (печаль, 8,77 %); *sonrisa* (улыбка, 7,2 %) является третьей реакцией по популярности. У американцев же счастье ассоциируется с такими понятиями, как *love* (любовь) — 20,33 %, *dream* (мечта) — 15,25 % и *joy* (радость) — 10,16 %. Как можно заметить, реакции испанцев и эквадорцев совпадают между собой и не совпадают с реакциями американцев.

В зоне **кто** (см. табл. 9—11) также обнаруживаются заметные расхождения в реакциях с американцами: у испанцев в этой зоне представлены *amigos* (друзья, 1,59 %), у эквадорцев — *amigo* (друг, 3,24 %), а для американцев *cheerfulness* — это *beloved one* (любимый, любимая, 1,69 %).

Выявленные лингвокультурные различия представлены в табл. 13 и графике на рис. 3.

Наше исследование показало, что ассоциативные поля, отражающие языковую картину мира эквадорцев, испанцев и американцев, имеют определенные сходства в структуре и при этом существенно различаются по критериям содержания и системности. Особенно глубоки различия между носителями разных языков (в нашем случае испанского и английского), что продиктовано спецификой культуры, истории, философии, религии.

Структура ассоциативного поля эквадорцев ближе к структуре ассоциативного поля испанцев, и это объясняется схожестью истории двух стран и их колониальным прошлым.

В данной работе было доказано, что хотя Соединенные Штаты Америки территориально находятся очень близко к Эквадору, в отличие от Испании, эквадорцы и американцы совершенно по-разному воспринимают мир.

В нашем случае нельзя не вспомнить слова Сепира о том, что люди живут не только в своём материальном, духовном и социальном мирах, но «и во власти своего языка. Их „реальный мир“ строится на основе языковых привычек их социальной группы. Миры

разных групп — это разные миры, а не один с навешанными на него разными языковыми ярлыками» [Сепир 2003: 130—155].

ЛИТЕРАТУРА

1. Испанско-русский словарь. Латинская Америка. 3-е изд. — М. : Русский язык Медиа, 2008. 610 с.
2. Мед Н. Г. Ассоциативные стандарты в испанской и русской оценочной картине мира (на материале лексики и фразеологии) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 3. Ч. 2. С. 201—203.
3. Санчес Пуиг М. Diccionario de términos lingüísticos ruso-español-ruso. Словарь лингвистических терминов (русско-испанско-русский). — М. ; Мадрид, 1994.
4. Санчес Пуиг М. Estudio de los procesos sociopolíticos y su reflejo en el lenguaje. Анализ социо-политических процессов и их отражение в языке. 1996.
5. Санчес Пуиг М., Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А. Normas asociativas del español y del ruso. — М. ; Мадрид, 2001.
6. Санчес Пуиг М., Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А. Ассоциативные нормы испанского и русского языка. — М. : Азбуковник, 2006.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. 270 с.
8. Этнографическое обозрение : журн. 2003. № 3. С. 108.
9. Фирсова Н. М. Испанский язык в испаноязычных государствах Латинской Америки. Эквадор [Электронный ресурс]. — М., 2001. URL: <http://web-local.rudn.ru/weblocal/uem/filolog/3/Html3/Doc/ekvador.pdf>.
10. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. URL: https://books.google.com.ec/books?id=GKcSAGAAQBAJ&pg=PA457&lpq=PA457&dq=%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0+%D0%B8%D1%81%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D0%BD-%D1%8E-%D1%88%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0&source=bl&ots=vid8fgV9qL&sig=ACfU3U1S7ezfaw8YGi7gPffE2D6Ks_dBrw&hl=es&sa=X&ved=2ahUKEwjilvHMtrvgAhUOHqwkH_UZha_UQ6AEwCnoECAQQAQ#v=onepage&q=%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0%20%D0%B8%D1%81%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%BD-%D1%8E-%D1%88%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0&f=false.
11. Эквадор. В поисках приключений [Электронный ресурс]. Ч. 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=31Z6rfx5u1Y>.
12. Эквадор. В поисках приключений [Электронный ресурс]. Ч. 2. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0yZ5q214QAQ>.
13. Эквадор на недельку / Путешествие в Эквадор [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5F0idxiBzUQ>.
14. Электронный ассоциативный словарь английского языка [Электронный ресурс]. URL: http://it-claim.ru/Anna/public/Public_Statya/ElAssotsSlovarAngl/ElAssotSlovarAngl.htm (дата обращения: 14.02.2019).
15. Ufimtseva N. V. The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World // Procedia. Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 154. P. 36—44. ISSN 1877-0428.

Y. V. Inzhivotkina

Universidad de Guayaquil, Guayaquil, Ecuador
ORCID ID: 0000-0002-4297-2364

 E-mail: yana.inzhivotkina@ug.edu.ec.

Peculiar Features of Mentality of Latin Americans (on the Example of Ecuador)

ABSTRACT. Under the influence of Russian propaganda (serials, literature, television programs), a certain image has formed in the minds of the Russian people — a stereotype of Latin American culture. As a rule, this conceptual image in-

cludes hot Latin machos and passionate Latin girls. And they are always ready to fight for the freedom and independence of their country. Any stereotype is always exaggerated and gives a rather one-sided impression of the people. Of course, people here are more temperamental than in Europe or Russia; they do care about the fate of their homeland, but the times when freedom had to be fought for have passed by now. The article makes an attempt to single out some of the characteristic features of Ecuadorian mentality, and, with the help of an associative experiment, to compare their vision of the world with the worldview of Spaniards and North Americans. The Spaniards and North Americans have not been chosen by chance, because Ecuador is a former Spanish colony, and the United States is geographically close to Ecuador. In this regard, American culture has a great influence on the country, and now, in the era of globalization, Anglo-Saxon culture expands to the neighboring countries through new concepts. An associative experiment has been conducted in order to understand which image of the world is closer to the Ecuadorians: the North American one, due to the territorial proximity, or the Spanish one, stemming from the unity of the language.

KEYWORDS: *associative experiment; change of mentality; national culture; national mentality; linguoculturology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Inzhivotkina Yana Viktorovna, English teacher, Faculty of Social Communication, University of Guayaquil (Universidad de Guayaquil), Guayaquil, Ecuador.*

FOR CITATION: *Inzhivotkina, Y. V. Peculiar Features of Mentality of Latin Americans (on the Example of Ecuador) / Y. V. Inzhivotkina // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 132-142. — DOI 10.26170/pl19-02-15.*

REFERENCES

1. Spanish-Russian dictionary. Latin America. 3rd ed. - M.: Russian Language Media, 2008. 610 p. [Ispansko-russkiy slovar'. Latinskaya Amerika. 3-e izd. — M. : Russkiy yazyk Media, 2008. 610 s.]. — (In Rus.)
2. Med N. G. Associative Standards in the Spanish and Russian Appraisal Picture of the World (on the material of vocabulary and phraseology) // *Hertald of the St. Petersburg Univ. Ser. 9. 2008. Vol. 3. Part 2. P. 201—203.* [Assotsiativnye standarty v ispanskoy i russkoy otsenochnoy kartine mira (na materiale leksiki i frazeologii) // *Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 9. 2008. Vyp. 3. Ch. 2. S. 201—203.*] — (In Rus.)
3. Sanchez Puig M. Diccionario de términos lingüísticos ruso-español-ruso. [Slovar' lingvisticheskikh terminov (russsko-ispansko-russkiy)]. — Moscow ; Madrid, 1994. — (In Rus.)
4. Sanches Puig M. Estudio de los procesos sociopolíticos y su reflejo en el lenguaje. Analysis of socio-political processes and their reflection in the language. 1996. [Analiz sotsio-politicheskikh protsessov i ikh otrazhenie v yazyke. 1996]. — (In Rus.)
5. Sanches Puig M., Karaulov Yu. N., Cherkasova G. A. Normas asociativas del español y del ruso. — Moscow ; Madrid, 2001.
6. Sanches Puig M., Karaulov Yu. N., Cherkasova G. A. Associative Norms of the Spanish and Russian Languages. — Moscow : Azbukovnik, 2006. [Assotsiativnye normy ispanskogo i russkogo yazyka. — M. : Azbukovnik, 2006]. — (In Rus.)
7. Sapir E. Selected Works on Linguistics and Cultural Studies. — Moscow, 1993. 270 p. [Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii. — M., 1993. 270 s.]. — (In Rus.)
8. Ethnographic Review : *journal*. 2003. № 3. P. 108. [Etnograficheskoe obozrenie : zhurn. 2003. № 3. S. 108]. — (In Rus.)
9. Firsova N. M. Spanish in the Spanish-speaking Latin American States. Ecuador [Electronic resource]. — Moscow, 2001. [UIspanskiy yazyk v ispanoyazychnykh gosudarstvakh Latinskoy Ameriki. Ekvador. — M., 2001]. URL: <http://web-local.rudn.ru/weblocal/uem/filolog/3/Html3/Doc/ekvador.pdf>.
10. Shvedova N. Yu. Pronoun and Meaning. [Mestoimenie i smysl]. URL: https://books.google.com.ec/books?id=GKcSgAAQBAJ&pg=PA457&lpg=PA457&dq=%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0+%D0%B8%D1%81%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%B4%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D0%BD-%D1%8E-%D1%88%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0&source=bl&ots=vid8fgV9qL&sig=ACfU3U1S7ezfaw8YGi7gPffED26Ks_dBrw&hl=es&sa=X&ved=2ahUKEwjilvHMtrvgAhUOHqwkKHU-ZhA_UQ6AEwCnoECAQQAQ#v=onepage&q=%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0%20%D0%B8%D1%81%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%B4%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%BD-%D1%8E-%D1%88%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0&f=false.
11. Ecuador. In Search of Adventure [Electronic resource]. Part 1. [Ekvador. V poiskakh prikl'yucheniya. Ch. 1]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=31Z6rfx5u1Y>.
12. Ecuador. In Search of Adventure [Electronic resource]. Part 2. [Ekvador. V poiskakh prikl'yucheniya. Ch. 2]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0yZ5q2l4QAQ>.
13. Ecuador for a Week / Travel to Ecuador [Electronic resource]. [Ekvador na nedel'ku / Puteshestvie v Ekvador]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5F0idxiBzUQ>.
14. Electronic Associative Dictionary of the English Language [Electronic resource]. [Elektronnyy assotsiativnyy slovar' angliyskogo yazyka]. URL: http://it-claim.ru/Anna/public/Public_Statya/EIAssotsSlovarAngl/EIAssotSlovarAngl.htm (date of access: 14.02.2019).
15. Ufimtseva N. V. The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World // *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 154. P. 36—44. ISSN 1877-0428.

Ю. Т. Мамаева

Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, Сургут, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** yulduz25_10@mail.ru.

Национальные особенности лексической категоризации овощей, фруктов и ягод в кумыкском и русском языках

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена определению специфики лексической категоризации в когнитивной лингвистике как средству репрезентации различных аспектов языковой картины мира и ее отражения в повседневной деятельности. Предмет интереса когнитивной лингвистики тесно связан с повседневным опытом какой-либо этнокультурной общности, ведь специалистов данной научной области интересует то, как каждодневные повторяющиеся действия формируют лексический запас, который в дальнейшем становится базой, определяющей различные сферы сознания. Тем самым опыт поколений определяет те лексические единицы, которые служат фундаментом для формирования когнитивных категорий. В работе использован метод психолингвистического эксперимента — опрос. На примере категоризации понятий сферы «Овощи» в кумыкском и русском языках демонстрируются различия между профессиональной и обыденной языковой картиной мира — люди без специального образования используют ненаучную классификацию овощей, основанную на популярных бытовых ситуациях; выделяются следующие классы: сезонные и несезонные; сладкие и кислые; круглые и овальные; с ярко выраженным цветом и бесцветные (для русского языка); зеленые, твердые, горькие, сладкие (для кумыкского языка). Были определены и категории фруктов для говорящих на кумыкском языке: сладкие, кислые, с приятным ароматом, круглые. Отмечается, что в кумыкском языке широко представлены названия имеющих сельскохозяйственное значение растений, есть и исконно кумыкские, и заимствованные, у кумыков есть немало пословиц, связанных с садоводством, огородами и обработкой земли. Особенно часто в них фигурируют виноград и яблоки. Важность для языковой картины мира кумыков флоры объясняется тем, что в Дагестане издревле занимались садоводством и виноградарством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическая категоризация; лексические категории; языковая картина мира; когнитивная лингвистика; наивная картина мира; русский язык; кумыкский язык; сравнительное языкознание; овощи; фрукты; ягоды.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мамаева Юлдуз Тажитовна, аспирант кафедры лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет ХМАО-Югры; 628412, Россия, г. Сургут, пр-т Ленина, д. 1; e-mail: yulduz25_10@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мамаева, Ю. Т. Национальные особенности лексической категоризации овощей, фруктов и ягод в кумыкском и русском языках / Ю. Т. Мамаева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 143-149. — DOI 10.26170/pl19-02-16.

В последние десятилетия в изучении языка утвердился когнитивный подход: рассматривается как средство хранения, передачи и систематизации знаний о мире в целом. Каждый человек владеет абстрактным мышлением, что делает его представления о мире сугубо индивидуальными, но наряду с самостоятельно накопленным индивидуальным опытом нельзя недооценивать важность транслируемых предыдущими поколениями социально-исторически обусловленных представлений.

А. С. Чикобава говорил: «Язык — сложнейший продукт общественной многовековой жизни народа, естественно, создает предпосылки для различных точек зрения о сущности научного анализа языка. Однако самым существенным в научном изучении естественных языков следует считать изучение языка в связи с культурой и ее историей, с мышлением и его историей: ибо только в таком случае познается самое важное в

сущности языка. Изучая язык, в связи с культурой, в первую очередь апеллируют к показателям лексики».

Для систематизации накопленного опыта, а также новых знаний о предмете или сферах действительности человеку необходимо, чтобы каждая сфера деятельности была обособлена и структурирована, соответственно возникает необходимость в упорядочении информации, отнесении того или иного объекта или познавательного процесса к более общей категории. По мнению Р. М. Фрумкиной, категоризация — это фундаментальная операция, которую мы совершаем незаметно для себя на каждом шагу. Кратко говоря, отнесение объекта и называющего его слова к более общей категории несет за собой определение его смысла в рамках более общей категории концептов [Гачев 1988]. Например, предметы, называемые словами типа *овощи, ягоды, фрукты* невозможно воспринять органами слуха,

зрения, осязания. Человек не может дотронуться до овоща вообще, прикоснуться можно только к определенному виду овощей, например к капусте или баклажану. Но обобщающие слова «овощи» и «фрукты» позволяют сокращать и представлять в компактном виде неисчерпаемое разнообразие мира.

У каждой культуры и народа существует собственная модель мира, и подобные приведенным категории не даны свыше, а формируются в нашем сознании в соответствии с требованиями общества. То есть определенные категории, позволяющие классифицировать объекты окружающего мира, не выдумываются полностью самостоятельно человеком в процессе познания, а зиждутся на некоем этнокультурном «фундаменте», позволяющем индивиду как бы «воздвигать» на нем стены, исходя уже из собственного жизненного опыта. Иными словами, все, что важно для культуры, выражено в языке. Ярким подтверждением этого является то, что, например, у народов Северного Кавказа имеются десятки слов для номинации деталей горной местности, что обусловлено местом проживания этих народностей.

Человек мысленно упорядочивает все вокруг не для того, чтобы «справиться» со всем многообразием окружающего мира, а в большей степени для того, чтобы не акцентировать внимание на деталях, которые не так важны в повседневном обиходе. Даже самые высокотехнологичные устройства не справляются с задачей упорядочения больших массивов информации так же эффективно, как человеческий мозг, поскольку при категоризации в целях сжатия информации человек не только рассматривает конкретные предметы, но и находит их взаимосвязи, закономерности в распределении предметов. Чтобы распределять объекты по категориям, люди используют концепты. Без способности концептуализировать и категоризировать мы бы не смогли функционировать ни в физическом, ни в интеллектуальном, ни в социальном плане.

Теория категоризации является центральной для понимания концептуальной системы, необходима для объяснения того, как функционирует человек и что делает нас людьми.

Большая часть категорий формируется неосознанно, человек начинает их осознавать только при возникновении проблемных ситуаций. Получая знания о мире, мы автоматически категоризируем людей, животных, физические объекты, как природные, так и созданные людьми. В результате у нас возникает иллюзия, будто сформированные в сознании категории в точности соотносятся с реальным миром, представления о том, что

на самом деле они абстрактны, отсутствуют. Категоризации подвергаются события, действия, ощущения, эмоции, социальные отношения и абстрактные определения широкого тематического спектра: «Государство», «Болезнь», «Социальная жизнь», научные определения.

Можно сказать, что концептуальная система человека по сути своей двойка, так как появляющиеся в ней категории могут быть и конкретными, и абстрактными. Практически неосознаваемая абстрактная категоризация характерна для любого языка. Каждый язык оперирует определениями и сложными системами категорий различного вида: фонологическими, лексическими, грамматическими, синтаксическими, семантическими и прагматическими.

Слова объединяются в классы по лексическим и грамматическим характеристикам, т. е. в зависимости от своих лексических и грамматических значений. Объединение слов в соответствии с их лексической семантикой называется лексической категоризацией языка или языковых единиц. Лексическая категоризация основана на тематическом принципе группировки лексики с выделением синонимических рядов, лексико-семантических групп, семантических классов и т. п. Например, в отдельную группу могут выделяться прилагательные, описывающие характер или эмоции, глаголы движения, географические названия и т. д. Поскольку лексические значения отражают знания о свойствах предметов и явлений окружающего мира, то и лексическая категоризация отражает принципы объединения этих предметов и явлений в естественные категории, т. е. категории естественных объектов. Соответственно лексические группы разного типа собственно языковыми категориями не являются. Их формирование в меньшей степени зависит от законов функционирования языка, в основном отражает принципы формирования в сознании естественных категорий. В то же время именно за счет лексической категоризации язык выполняет одну из своих важнейших функций — функцию отражения и хранения знаний [Болдырев 2006]. Иначе говоря, в основе формирования лексических групп лежат те или иные структуры знания о мире: разные типы концептов, фреймы, когнитивные модели. В процессе использования языковых единиц в речи мы передаем собеседнику не общие понятия, заключенные в концептах, а конкретные смыслы, т. е. общение состоит в передаче определенных смыслов друг другу. Системное значение используемого слова при этом активизирует соответствующий концепт, чем

обеспечивается понимание и формирование необходимого смысла.

Человеческое сознание представляет собой сложную когнитивную систему, способную бесконечно развиваться самостоятельно, которая моделирует мир и трансформирует его в процессе деятельности. Поскольку сознание является продуктом опыта и практической деятельности человека, значительные изменения в содержании деятельности приводят к переориентации структур сознания и, следовательно, языковых форм его упорядочения.

Таким образом, язык представляется одним из важнейших продуктов и инструментов концептуальной ориентации в мире и обществе. Обыденное сознание оперирует базовым уровнем, не требующим специальных теоретических знаний об объектах. Базовый уровень — это уровень, содержащий большую часть наших знаний. По мнению Дж. Лакоффа, категории базового уровня (*собака, стул*), в отличие от вышестоящих, функционируют как базовые с точки зрения 1) восприятия (целостное восприятие формы, быстрая идентификация), 2) функции (единая система действий), 3) коммуникации (наиболее частотные, нейтральные слова) и 4) организации знания [Гачев 1988].

В русском языке такие частотные в повседневной речи слова, как *стул, стол, кровать, шкаф, комод* и т. п., объединены общей категорией «мебель». Аналогичную картину демонстрирует английский язык: слова *a bed, a table, a chair, a wardrobe* также объединены обобщающим понятием *furniture*. В то же время общую категорию «мебель», как и английский вариант «*furniture*», можно подразделить на частные подкатегории, так как в сознании четко разграничиваются кухонная мебель, соответственно предназначенная для обустройства кухни, спальная мебель, предназначенная для обустройства спальни, и т. д. У англичан также существуют термины *kitchen furniture, bedroom furniture* и т. п.

На этом фоне кумыкский язык, относящийся к кыпчакской группе тюркских языков, демонстрирует национальную специфику, поскольку у категории «мебель» не выделяются подкатегории. Мебель в кумыкском языке объединена понятием «домашняя мебель». Например: *уйдеги шанжарлар, карават, ишкап* (на русский язык эти обозначения переводятся с кумыкского соответственно как *стулья, кровать, шкаф*). Слово «уйдеги» выступает в данном случае родовым обозначением, указывающим на то, что вышеназванные предметы интерьера представлены у человека дома.

Рассмотрим проблемы категоризации на примере таких категорий, как *фрукты, ягоды и овощи*. В категории «овощи» можно выделить следующие подкатегории:

- клубнеплоды (картофель, топинамбур, батат, маниок);
- корнеплоды (свекла, морковь, репа, брюква, редис, редька, петрушка, сельдерей, пастернак);
- корневищные (хрен, катран, съедобный лопух);
- капустные (капуста белокочанная, краснокочанная, брюссельская, савойская, брокколи, цветная, кольраби);
- листовые (салат, шпинат, щавель, мангольд, крапива, лебеда);
- пряные (укроп, мята, базилик, петрушка листовая, майоран, эстрагон, тимьян);
- луковичные (лук, чеснок, черемша);
- томатные (помидор, перец, баклажан);
- тыквенные (тыква, кабачок, патиссон, огурец, арбуз, дыня);
- бобовые (горох, фасоль, бобы);
- злаковые (сахарная кукуруза);
- десертные (спаржа, артишок, ревень).

Интересно, что численность культивируемых в мире овощных культур измеряется сотнями. В такой многообразии легко запутаться. Обычно овощи разделяют (группируют, классифицируют) на основании какого-либо значимого признака. Например, по ботаническим видам, по условиям возделывания, по употребляемой в пищу части овоща, по продолжительности жизни овощного растения. Но такие классификации овощных культур специфичны и не всегда удобны для использования в быту людьми, не обладающими специальным образованием. Таким образом, можно утверждать, что вышеперечисленные подкатегории субсферы «Овощи» в основном употребляются профессионалами (ботаниками, биологами и т. п.) и описывают профессиональную картину мира.

Что касается подкатегорий, используемых в быту людьми, которые не имеют профессионального образования, связанного с культивированием овощей, то можно выделить следующие группы: *сезонные, несезонные, сочные, черствые, имеют ярко выраженный запах, совсем не имеют запаха* (такие ответы были получены в ходе устного анкетирования, проведенного автором среди коллег и знакомых; всего было опрошено 23 человека в возрасте от 20 до 48 лет).

Таким образом, лексическая категоризация различается в зависимости от представлений и фреймов в рамках различных картин мира (профессиональной, наивной и т. д.), но первоначальным является вариант, ре-

конструируемый на основе повседневного мышления.

Далее более подробно разберем подкатегории субсферы «Фрукты».

Существует несколько классификаций сочных плодов. При выделении видов фруктов можно учитывать признаки, положенные в основу ботанической систематики. При таком подходе выделяют следующие виды фруктов и попадающих с ними в те же ряды ягод:

- розоцветные (яблоки, груши, айва, ирга, боярышник и некоторые другие наименования);
- косточковые (наиболее известными представителями семейства косточковых являются абрикосы, нектарины, персики, сливы и даже алыча, черешня, вишня);
- цитрусовые (апельсины, мандарины, клементины, грейпфруты, лаймы, лимоны, свити и другие виды фруктов);
- субтропические и тропические (к субтропическим фруктам относят гранаты, инжир, хурму, финики, киви, фейхоа, плоды земляничного дерева, адамово яблоко; к тропическим фруктам обычно причисляют папайю, бананы, ананасы, плоды хлебного дерева, суринамскую вишню и др.).

Очевидно, что выше представлена профессиональная картина мира: только люди, имеющие специальное образование либо хорошо разбирающиеся в огородничестве, разделили бы фрукты по вышеперечисленным категориям.

Чтобы установить категории наивной картины мира, был проведен устный опрос, и большинство респондентов указало на следующие подкатегории субсферы «Фрукты»:

- сезонные и несезонные;
- сладкие/кислые;
- круглые и овальные;
- с ярко выраженным цветом / без цвета.

Такая классификация ярко демонстрирует, что люди, не имеющие специального образования, при выделении лексических категорий исходят из жизненного опыта, опираются на бытовые ситуации, которые так или иначе связаны с повседневной жизнедеятельностью.

Ранее приводились данные, полученные в результате опроса русскоговорящих людей, но не для всех респондентов русский был родным языком.

В ходе опроса представителей разных лингвокультур была выявлена интересная особенность: какой бы язык ни был для человека родным, если он живет и вырос в стране с преобладанием русскоговорящего окружения, то перенимает часть представлений о мире, отраженных в наивной языковой картине мира этнического большинства,

т. е. различия между лингвокультурами в таком случае нивелируются.

Наряду с русскоязычными, нами были опрошены респонденты, которые являются носителями кумыкского языка, поскольку одной из задач работы было установление степени совпадения ответов, полученных от них и от русскоязычных респондентов. При этом мы учитывали, что большинство кумыков проживает на территории нынешнего Северного Кавказа, а народности, проживающие на Кавказе, сохранили свою этническую обособленность. Источниками метафоризации для кумыков является окружающий их мир: люди, животные, звери, природа, быт, исторические события. Для речи кумыков характерны красноречие, ироничность, каламбуры. Залог сохранения национально-специфичных особенностей каждого языка — неизменность среды обитания говорящего на нем народа: климата, времен года, пейзажа, национальной пищи, антрополого-этнического типа. Эти характеристики в совокупности с национальным языком поддерживают и непрерывно воспроизводят определенный менталитет.

Каждый народ по-своему видит мир, в лингвокультуре каждого предстает неповторимый образ материальной вселенной. В этом плане кумыки не являются исключением. Они не только разделяют общие со всеми родственными тюркскими народами представления, но и демонстрируют собственные национально-специфичные нюансы их восприятия. Кроме того, некоторые крупные кумыкские аулы отличаются тем, что имеют собственные концептуальные модели мира, обусловленные своеобразным бытом и другими этническими особенностями [Журавлев 2000].

Реконструируемая на основе языка модель мира кумыка существенно отличается от модели мира других тюркских народов, но вместе с тем они создают общетюркскую картину мира, так как культура любого кумыкского аула, какой бы оригинальной она ни была, является частью общетюркской культуры, демонстрирует несомненные черты сходства и определенные константы. Культуры и языковые модели мира различных тюркских народностей строятся по одному прототипическому образцу, формируя в совокупности общую картину мира.

Лексические категории, фразеологические единицы, устойчивые выражения — это нити, связывающие прошлое и настоящее, в них запечатлелись мысли народа, охватывающие буквально все стороны жизни.

Когда мы опросили носителей кумыкского языка и попросили предложить категории

для разделения овощей, то получили следующие результаты:

- яшыл (зеленые);
- къатды (твердые);
- атчы (горькие);
- татдли (сладкие).

Интересно было то, что большинство респондентов, назвав определенную категорию, начинали перечислять виды овощей, которые они в эту категорию включают.

Например, в первой категории, где овощи были разделены по цвету, многие назвали такие овощи, как капуста, зеленый болгарский перец, огурец, даже горох. Во вторую категорию, выделенную носителями кумыкского языка по степени жесткости, были включены такие овощи, как картофель, морковь, тыква.

В следующую категорию, которая была определена исходя из вкусовых ощущений, были включены такие представители, как лук, чеснок, острый красный перец. И в последнюю категорию, также описывающую вкус, были включены следующие репрезентанты: морковь, сладкий болгарский перец, помидор.

Таким образом, мы можем утверждать, что лексические категории и у носителей кумыкского языка формируются в результате повседневной деятельности: все перечисленные овощи люди употребляют в пищу, они произрастают в местности проживания анкетированных, и форма, цвет и вкус названных растений знакомы отвечающим с детства.

Далее мы попросили тех же самых респондентов разделить на категории фрукты и получили следующие результаты:

- татдли (сладкие);
- атчы (кислые);
- ари в ийсиман (с приятным ароматом);
- донгерекъ (круглые).

И также к каждой категории участники опроса подобрали примеры фруктов.

В подкатегорию «тадли» респонденты включили такие фрукты, как *сют алма* («молочное» яблоко, имеет маленький размер, по вкусу очень сладкое, отсюда взялось название, произрастает в равнинной местности Северного Кавказа, как раз таки на территории проживания кумыков), *хурма* (хурма), *юзюм* (виноград), *хармут* (груша).

В подкатегорию «атчы» были включены следующие фрукты: *кокан* (слива), *лимон* (лимон), *яшыл алма* (зеленое яблоко).

Подкатегория «арив ийсиман» включила в себя такие фрукты, как *шаптал* (персик), *курее* (абрикос).

Подкатегория «донгерекъ» включила в себя следующие фрукты: *хайва* (айва), *апельсин* (апельсин), *алма* (яблоко).

Таким образом, мы можем утверждать, что на формирование лексических категорий определенной лингвокультуры немаловажное влияние оказывают географические параметры, растущие на соответствующей территории фрукты.

Наше исследование показывает, что в кумыкском языке представления о растительном мире занимают важное место. Лексический пласт кумыкского языка, связанный с растительным миром, в частности, со съедобными и лекарственными растениями, а также с ягодами, растущими в лесах, достаточно обширен. Лексику тематической группы «Растительный мир» в кумыкском языке в основном составляют слова, являющиеся исконными. Названия растительной сферы являются простыми терминами. Встречаются и заимствованные из других языков обозначения. Перечень представленных названий фруктов, овощей и злаков достаточно богат, так как в садах и огородах кумыки выращивают все виды фруктов, за исключением цитрусовых. В Дагестане издревле занимались садоводством и виноградарством. У кумыков есть немало пословиц, связанных с садоводством, огородами и обработкой земли, где упоминаются виноград, яблоко и другие фрукты и овощи. Приведем примеры: *Алма заманындан алда бишмес* — «Яблоко раньше времени не созреет»; *Бавда юзюм бишгенде, салам-калам кеп болур* — «Когда в саду поспеет виноград, появится много друзей»; *Алма терегинден ари тюзшес* — «Яблоко от яблони далеко не падает» и т. д.

Языковая картина мира кумыка отличается от языковой картины мира, скажем, другого представителя Дагестана или говорящего на другом тюркском языке. На кумыков влияет проживание в равнинных районах Республики Дагестан, с присущими только этим областям флорой и фауной, поэтому мыслить точно так же, как представитель другого народа, кумык не сможет: его менталитет сформирован окружающей действительностью, в том числе природным миром, и очевидные для кумыка образы не будут использоваться его близкими или дальними соседями.

Категоризация относится к фундаментальным для человеческой деятельности феноменам и является одним из ключевых понятий когнитивного подхода. Тесно связанное со всеми когнитивными способностями человека, это явление также взаимодействует со всеми компонентами когнитивной системы — вниманием и распознаванием объектов, умозаключениями, памятью. Способность классифицировать явления, распределять их по разным классам, разря-

дам и категориям свидетельствует о том, что человек в восприятии мира судит об идентичности одних объектов другим, об их сходстве или, напротив, различии.

Е. С. Кубрякова утверждает, что понятие категоризации относится к центральным, основным терминам когнитивной лингвистики. Это одно из важнейших понятий в описании познавательной деятельности человека, связанное практически со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате, а также этапами в процессах мышления [Кубрякова 2004].

Категоризация — это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, как-то систематизировать наблюдаемое и увидеть в нем сходства одних явлений в противовес различию других. Поэтому важно пытаться понять, на основании каких критериев человек выносит подобные суждения и распределяет воспринятые посредством зрения, слуха и осязания явления по различным группировкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5—22.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М., 2004.

Yu. T. Mamaeva

Surgut State University KhMAO — Yugra, Surgut, Russia
ORCID ID: —

E-mail: yulduz25_10@mail.ru.

National Peculiarities of Representation of Lexical Categorization of Vegetables, Fruits and Berries in the Kumyk and Russian Languages

ABSTRACT. *The article deals with the study of specific features of lexical categorization in cognitive linguistics as a means of representation of various aspects of the linguistic worldview and its reflection in everyday activity. The object of research of cognitive linguistics is closely connected with everyday experience of an ethnocultural community, because the specialists of the given scientific area are interested in how everyday recurrent actions form the active vocabulary which later on becomes a basis determining different spheres of consciousness. Thus, the experience of generations defines the lexical units which serve as a foundation for the formation of cognitive categories. The author uses questionnaire as a method of psycholinguistic experiment. The paper demonstrates the differences between the professional and the everyday worldviews on the example of categorization of the notions from the sphere "Vegetables" in the Kumyk and Russian languages – people without special education use a scientific classification of vegetables based on popular everyday situations; the following classes are singled out: in season and out-of-season; sweet and sour; round and oval; colorful and colorless (for the Russian language); green, hard, bitter, sweet (for the Kumyk language). The article also distinguishes the categories of fruit for Kumyk speakers: sweet, sour, good-smelling, round. It is noted that the Kumyk language has a long list of crops. There are both borrowed and original Kumyk words, and there are also many proverbs connected with gardening, growing vegetables and agriculture. Grapes and apples appear in them more often than other fruits. The importance of flora for the linguistic worldview of the Kumyk can be explained by the fact that gardening and winegrowing have been practiced in Dagestan for ages.*

KEYWORDS: *lexical categorization; lexical categories; linguistic worldview; cognitive linguistics; naïve worldview; Russian language, Kumyk language; comparative linguistics; vegetables; fruit; berries.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Mamaeva Yulduz Tazhitovna, Post-graduate Student of Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University KhMAO — Yugra, Surgut, Russia.*

FOR CITATION: *Mamaeva, Yu. T. National Peculiarities of Representation of Lexical Categorization of Vegetables, Fruits and Berries in the Kumyk and Russian Languages / Yu. T. Mamaeva // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 143-149. — DOI 10.26170/pl19-02-16.*

3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. — М., 1988. 448 с.
4. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01/10.0219. — Екатеринбург, 2015. 62 с.
5. Журавлев А. Л. Концептуальное представление о совместной деятельности // Социальная психология в трудах отечественных психологов. — СПб., 2000.
6. Иванова Т. В. Зоонимы и фитонимы в английской и русской паремииологии в аспекте этнического менталитета // Языковые и речевые единицы в разных языках. — Уфа, 2006. С. 187—198.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. — М., 2004.
8. Раемужина З. М. Языковая картина мира в башкирской фразеологии. — Уфа, 1999.
9. Салаева Ж. А. Пословичная концептуализация мира в кумыкском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.002. — Махачкала, 2012.
10. Сатыбалов А. А. К вопросу о личной ономастике у кумыков // Советская тюркология. 1938. Т. 2. С. 90—106.
11. Солдатова Г. У. Психологическое исследование этнической идентичности // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. — М., 1994. С. 70—71.
12. Султанмурадов А. М. Способы выражения аспектуальных значений в кумыкском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 1997. 21 с.
13. Фрумкина Р. М. Психолингвистика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М. : Академия, 2003. 320 с.
14. Шахманова Б. Г. Морально-этический концепт «совесть» в кумыкской и русской языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2008.
15. Щербак А. М. Очерки сравнительной грамматики тюркских языков. Глагол. — Л. : Наука, 1982. 181 с.

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Language Categories as a Format of Knowledge // Problems of Cognitive Linguistics. 2006. № 2. P. 5—22. [Yazykovye kategorii kak format znaniya // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2006. № 2. S. 5—22]. — (In Rus.)
2. Kubryakova E. S. Language and Knowledge: on the Way to Gaining Knowledge about the Language. Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World. — Moscow, 2004. [Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. — M., 2004]. — (In Rus.)
3. Gachev G. D. National Pictures of the World. — Moscow, 1988. 448 p. [Natsional'nye obrazy mira. — M., 1988. 448 s.]. — (In Rus.)
4. Dzyuba E. V. Linguistic and Cognitive Categorization of Reality in the Russian Language Consciousness : abstract of doctoral thesis ... Dr. of Phil. Sciences : 10.02.01 / 10.0219. — Ekaterinburg, 2015. 62 p. pLingvokognitivnaya kategorizatsiya deystvitel'nosti v russkom yazykovom soznanii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01/10.0219. — Ekaterinburg, 2015. 62 s.]. — (In Rus.)
5. Zhuravlev A. L. Conceptual Presentation of Joint Activities, Social Psychology in the Works of Russian Psychologists. — Saint Petersburg, 2000. [Kontseptual'noe predstavlenie o sovmestnoy deyatel'nosti // Sotsial'naya psikhologiya v trudakh otechestvennykh psikhologov. — SPb., 2000]. — (In Rus.)
6. Ivanova T. V. Zoonymy and Phytonyms in English and Russian Paremiology in the Aspect of Ethnic Mentality // Language and Speech Units in Different Languages. — Ufa, 2006. P. 187—198. [Zoonimy i fitonimy v angliyskoy i russkoy paremiologii v aspekte etnicheskogo mentaliteta // Yazykovye i rechevye edinitsy v raznykh yazykakh. — Ufa, 2006. S. 187—198]. — (In Rus.)
7. Lakoff J. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories of Language Tell Us about Thinking. — Moscow, 2004. [Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. — M., 2004]. — (In Rus.)
8. Raemguzhina Z. M. Language Picture of the World in Bashkir Phraseology. — Ufa, 1999. [Yazykovaya kartina mira v bashkirskey frazeologii. — Ufa, 1999]. — (In Rus.)
9. Salavaeva Zh. A. Proverbial Conceptualization of the World in the Kumyk Language : abstract of doctoral thesis ... Dr. of Phil. Sciences: 10.02.002. — Makhachkala, 2012. [Poslovichnaya kontseptualizatsiya mira v kumykskom yazyke : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.002. — Makhachkala, 2012]. — (In Rus.)
10. Satybalov A. A. On the Issue of Personal Onomastics in the Kumyks // Soviet Turkology. 1938. T. 2. P. 90—106. [K voprosu o lichnoy onomastike u kumykov // Sovetskaya tyurkologiya. 1938. T. 2. S. 90—106]. — (In Rus.)
11. Soldatova G. U. Psychological Study of Ethnic Identity // National Identity and Nationalism in the Russian Federation in the Early 90s. — Moscow, 1994. P. 70—71. [Psikhologicheskoe issledovanie etnicheskoy identichnosti // Natsional'noe samosoznanie i natsionalizm v Rossiyskoy Federatsii nachala 90-kh godov. — M., 1994. S. 70—71]. — (In Rus.)
12. Sultanmuradov A. M. Methods of Expressing Aspectual Meanings in the Kumyk Language : abstract of doctoral thesis of Cand. in Filol. Sciences. — Makhachkala, 1997. 21 p. [Sposoby vyrazheniya aspektual'nykh znacheniy v kumykskom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Makhachkala, 1997. 21 s.]. — (In Rus.)
13. Frumkina R. M. Psycholinguistics : studies. allowance for stud. of higher education. — Moscow : Academy, 2003. 320 p. [Psikholingvistika : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. — M. : Akademiya, 2003. 320 s.]. — (In Rus.)
14. Shakhmanova B. G. The Moral and Ethical Concept of “Conscience” in the Kumyk and Russian Linguistic Pictures of the World : abstract of doctoral thesis of Cand. in filol. sciences. — Makhachkala, 2008. [Moral'no-eticheskiy kontsept «sovest'» v kumykskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Makhachkala, 2008]. — (In Rus.)
15. Shcherbak A. M. Sketches about Comparative Grammar of Turkic Languages. Verb. — Leningrad : Science, 1982. 181 p. [Ocherki sravnitel'noy grammatiki tyurkskiykh yazykov. Glagol. — L. : Nauka, 1982. 181 s.]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42:81'27:81'38

ББК Ш105.51+Ш100.621+Ш105.55

DOI 10.26170/pl19-02-17

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Н. С. Громова

Уральский ин-т коммерции и права; Уральский государственный экономический ун-т, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3667-1116

 E-mail: gromovans@mail.ru.

Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается актуализация феномена агрессивно-конфликтного поведения в современной коммуникации, не только субкультурной и контркультурной, но и магистральной. Исследуется сущность речевой агрессии как многоуровневого явления, понимаемого в науке неоднозначно. Анализируются различные формы проявления речевой агрессии в политической коммуникации, определяется взаимосвязь специфики речевой ситуации и поведения ее участников. Речевая агрессия рассматривается как лингвистическая, психологическая и правовая категория, что позволяет изучить особенности поведения участников коммуникации с различных позиций и установить широкий спектр причин распространения деструктивного начала в современном общении. Сущностные характеристики речевой агрессии классифицируются по разным основаниям. По целевой установке выделяются констатирующая, провоцирующая и манипулирующая виды речевой агрессии. По формальному аспекту: эксплицитная и имплицитная. По содержательному аспекту устанавливается противостояние девиантного и делинквентного видов речевой агрессии во взаимосвязи с наличием правовых последствий для участников коммуникации. Предложенные классификации дают возможность лучше понять разнородность феномена речевой агрессии в современной политической коммуникации и определить последствия ее эскалации. В результате делается вывод о необходимости понимания причин, провоцирующих проявление различных видов речевой агрессии, с целью предотвращения негативных последствий ее распространения в современной политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; речевая агрессия; политический дискурс; речевое поведение; речевая деятельность; вербальный экстремизм; экстремистский дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Громова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и социальных дисциплин, Уральский институт коммерции и права; доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет; 620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 81; e-mail: gromovans@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Громова, Н. С. Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия / Н. С. Громова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 150-155. — DOI 10.26170/pl19-02-17.

Современные общественные представления о коммуникации значительно изменились с распространением идей свободы слова: с одной стороны, каждый стремится к максимальной степени самовыражения как субъект коммуникативного процесса, с другой — внимательно следит за соблюдением собственных прав как объект воздействия в этом процессе. Если в бытовом общении можно говорить о социумной специфике речевой коммуникации, границы которой определяются личностными особенностями коммуникантов и отдельными общественными нормами, регламентирующими конкретную сферу взаимодействия, то в поле официальных контактов регуляторов поведения значительно больше. Однако нельзя не заметить, что различные социальные группы, не только субкультурные или контркультурные, все чаще обращаются к формам деструктивного поведения, в частности агрессивно-конфликтного. Агрессивное поведение само по себе может быть вызвано различ-

ными внешними и внутренними конфликтами индивида, однако его неотъемлемой характеристикой всегда является провокация столкновений между участниками взаимодействия, проекция негативного поля индивида на окружающих его субъектов.

Речевая агрессия в широком смысле — это «грубое, оскорбительное, обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме: оскорбление, угроза, грубое требование, насмешка» [Щербинина 2012: 13].

Параллельно с рассматриваемым термином исследователи используют также и иные, например, «вербальная агрессия», «словесная агрессия», «языковая агрессия». Однако они представляются нам менее обоснованными в силу того, что агрессия может выражаться в процессе коммуникации не только словами или иными единицами языка, но и психолингвистическими единицами, являющимися порождением речи. Так,

© Громова Н. С., 2019

можем отметить, что феномен речевой агрессии попадает в сферу интересов психолингвистов, так как языковые средства, которые использует индивид в процессе взаимодействия с миром, являются способом выражения его мыслей и чувств, а также психологического состояния в отдельно взятый момент его жизни. Речевое поведение выступает своеобразным зеркалом особенностей мышления и сознания человека, раскрывая природу его поведения. Так, агрессивное речевое поведение, как и физическая агрессия, говорят о девиациях у субъекта и выступают свидетельством деструкции личности.

К анализу сущности явления речевой агрессии ученые обратились относительно недавно — во второй половине XX в. Меньше чем за столетие количество фактов ее ретрансляции значительно увеличилось под воздействием возможностей медиакоммуникации и сетевого общения, а формы ее проявления стали очень разнообразными. Так, Ю. В. Щербинина совершенно справедливо замечает, что сложность определения понятия связана с его многоуровневостью: речевую агрессию «нельзя считать единой формой поведения или деятельности. Речевая агрессия может выражать самые разные побуждения и намерения, возникать в разных обстоятельствах, приобретать разные формы словесного воплощения» [Щербинина 2004: 12]. В связи с этим можем говорить о существовании различных подходов к пониманию речевой агрессии с учетом научной задачи авторов. Наиболее обоснованными представляются классификации видов речевой агрессии Ю. В. Щербининой с выделением слабой/сильной и открытой/скрытой, а также Е. И. Шейгал, различающей эксплицитную, манипулятивную, имплицитную агрессию [Шейгал 1999]. Мы обратимся к анализу проявлений речевой агрессии в политической коммуникации.

Под политической коммуникацией, вслед за А. П. Чудиновым, будем понимать коммуникацию, «которая посвящена политическим проблемам или в которой политические субъекты выступают в качестве автора политического текста или его адресата» [Чудинов 2006]. Также отметим, что это «непрерывный процесс создания, трансляции и оборота политической информации» [Бронников 2013], который во многом определяется взаимоотношениями субъектов коммуникации в процессе взаимодействия.

С целью анализа особенностей проявления речевой агрессии в политической коммуникации мы используем три классификации: по целевой установке, по формальному и содержательному аспектам, — что даст нам

возможность лучше понять разнородность феномена речевой агрессии и определить причины и последствия ее эскалации.

По целевой установке можем выделить три разновидности речевой агрессии: констатирующая, провоцирующая, манипулирующая.

Под констатирующей агрессией мы понимаем вид речевого поведения, при котором субъект агрессии своей основной целью видит выражение собственного отношения к объекту. Так, В. Ю. Апресян характеризует речевую агрессию как «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [Апресян 2003: 33]. Следовательно, субъект воспринимает свой речевой акт как однонаправленный, позволяющий отразить его личное состояние, без учета состояния объекта и его изменения в процессе самого акта. Л. В. Енина, анализируя речевую агрессию, акцентирует внимание на том, что это сфера речевого поведения, «которая мотивированна агрессивным состоянием говорящего» [Енина 2002], т. е. субъективным фактором. А значит, такая агрессия является субъектно ориентированной, интроспективной. Примеров такого рода текстов в последние годы становится достаточно много в связи с ростом личностного начала в СМИ и интернет-пространстве и стремлением создания аналитических материалов вместо информационных. Многие авторы резко оценивают поступки политиков не потому, что хотят получить общественную реакцию в отношении политического факта, а потому, что пытаются привлечь внимание аудитории, выражая собственное мнение. Также и спонтанная речь отдельных политиков, отражающая их мысли, часто становится примером речевой агрессии.

Под провоцирующей агрессией мы понимаем вид речевого поведения, при котором субъект агрессии своей основной целью видит провокацию объекта на совершение каких-либо действий или изменение его состояния. Данный вид можно считать объектно ориентированным, экстропективным. Так, К. Ф. Седов характеризует агрессивное речевое поведение как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [Седов 2003: 198]. Т. А. Воронцова дает следующее определение: «конфликтогенное речевое поведение, в основе которого лежит установка на субъектно-объектный тип общения и негативизирующее воздействие на адресата» [Воронцова 2006: 8]. Е. Ю. Аношина под рече-

вой агрессией понимает «грубое, резкое, оскорбительное высказывание, имеющее своей целью обидеть, оскорбить или унижить адресата» [Аношина 2015].

В рамках значительного интереса общественности к политическим процессам все большую популярность приобретают так называемые политические ток-шоу, где сам принцип подачи информации основан на антагонизме позиций участников и их агрессивном противоборстве в процессе дискуссии. Главной целью в этом случае становится не доказательство собственной позиции, а дискредитация позиции оппонента, его унижение в глазах общественности, т. е. налицо прямая ориентация на объект воздействия.

Под манипулирующая агрессией мы понимаем вид речевого поведения, при котором субъект агрессии своей основной целью видит изменение существующих у объекта убеждений, взглядов, позиций. Как в связи с этим отмечает А. П. Сковородников, речевая агрессия воздействует на адресата и ставит целью «изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.)» [Сковородников 1997: 14].

Для политической коммуникации важен тот факт, что адресат может быть непрямой, т. е. целью агрессивной дискуссии двух политиков является не прямое высказывание собственной позиции, а формирование мнения о политике в глазах общественности. Автор в этом случае использует различные агрессивные тактики для того, чтобы сформировать новую идеологию в сознании конечного адресата (общественной группы), а не у каждого политика о своем оппоненте.

В результате можем говорить о том, что речевая агрессия представляется как определенный вид поведения или же как их совокупность, т. е. адресант послания преследует комплексную цель: желает выразить свое отношение и воздействовать на адресата с целью побуждения к действию или изменения мнения.

По формальному основанию можно говорить о речевой агрессии как совокупности разных средств воздействия на адресата, поэтому следует разделить ее на эксплицитную и имплицитную.

Под эксплицитной речевой агрессией понимается «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка]. Это проявляется во включении в речь просторечных, грубых, социально лимитированных, инвективных языковых средств, а также грубой иронии, намеков, двусмысленностей,

провокативов и т. д. Официальная политическая коммуникация, как правило, лишена резко окрашенных слов и в основном включает экстралингвистические и просодические категории. Значение сказанного во многом зависит от интонации, громкости, тональности и пр. Если же рассматривать неофициальную коммуникацию, например, предвыборную агитацию в интернет-пространстве, то можно увидеть большое количество разнообразных средств речевой агрессии, включая не только эвфемизмы, но и инвективы. Также стоит отметить, что термин «жесткие переговоры» в политической сфере часто стал ассоциироваться с предоставлением участникам возможности употребить «крепкие» слова в речи.

Под имплицитной речевой агрессией стоит понимать скрытое воздействие на адресата, т. е. использование в речи определенного набора манипулятивных тактик, воздействующих на эмоционально-психологический фон сообщения, воспринимаемого адресатом, и апеллирование к ментальным схемам косвенных сообщений. Так, речь здесь идет о создании эмоциогенных текстов, которые «заражают» адресата, когда автор использует «провокативные психологические механизмы символизации, демонстрирования и ретрансляции» [Степанов 2014: 91] в процессе интерперсонального взаимодействия. Примерами такого вида агрессии может быть политическая реклама, основанная на поликодовом сообщении.

Однако в политической коммуникации все неоднозначно. Так, часто внешние признаки речевой агрессии не отражают суть передаваемого сообщения. Эксплицитная агрессия может быть коммуникативным приемом. Например, популярные в молодежной среде состязания в формате «батл» на политические темы формально содержат прямые оскорбления в отношении оппонента, но содержательно не являются традиционным видом речевой агрессии, так как представляются частью субкультурного поля коммуникации.

Поэтому особую значимость приобретает третья классификация — по содержательному основанию, согласно которой речевая агрессия делится на девиантную и делинквентную.

Первый вид связан с нарушением коммуникативных и этических норм в процессе общения, когда не нарушаются границы правовой дозволенности или такое нарушение допускается с обоюдного согласия участников коммуникативного акта. Так, речевую агрессию можно рассматривать как «отклоняющееся общение», что не предпо-

лагает обязательных юридических последствий. Речевая агрессия в этом смысле представляется скорее коммуникативным приемом, нежели общественной угрозой. Также она может выступать маркером обязательных социумных стереотипов в поведении. Например, можно говорить об агрессивности субкультуры спортивных фанатов, которая может стать причиной деструктивного поведения и в политическом поле (в частности, в отношении игроков из других стран).

Второй вид связан с нарушением прав индивида. Под речевой агрессией в таком случае можно понимать форму речевого поведения не только антиобщественного, но и противоправного, нацеленного на причинение вреда человеку, группе лиц, организации или обществу в целом. При такой интерпретации на первый план выходит ущемление прав индивида как субъекта правоотношений. При этом масштаб нарушения прав может быть различным: от оскорбления лица до провокации общественного, государственного или даже международного конфликта. В работе З. Б. Баучиевой рассматриваются некоторые социальные последствия: такая агрессия «нарушает межличностное общение, приводит к противостоянию между оппонентами, провоцирует социальные конфликты» [Баучиева 2015]. В эту категорию входит и такой вид агрессии, как вербальный экстремизм, являющийся крайней формой проявления речевой агрессии с точки зрения возможных последствий такого правонарушения. Л. М. Майданова в качестве одного из случаев речевой агрессии выделяет призыв адресата к агрессивным действиям против предмета речи [Майданова 1997], А. А. Попова отмечает побудительность этого явления, указывая, что «речевая агрессия манипулирует мыслями и поступками людей, побуждает их к действию» [Попова 2015].

С нашей точки зрения, важной характеристикой речевой агрессии является «сознательный выбор говорящего, намеренность и контролируемость его речевого поведения» [Стексова 2013], так как вербальный экстремизм следует рассматривать не как лингвистическую категорию, а как правовую. Это уже деликт, а не общественная оценка или коммуникативная неудача.

В последние годы уровень речевой агрессии повышается, что одновременно является и причиной, и следствием роста конфликтогенности окружающего мира. В связи с этим возникает вопрос: что провоцирует эскалацию речевой агрессии в политической коммуникации? Можем выделить несколько групп причин: общественно-

политические, субкультурно-специфические, личностно-психологические.

Напряженность отношений в обществе вследствие международных и внутригосударственных конфликтов провоцирует дестабилизацию существующих норм поведения, включая и речевую деятельность. Внешние факторы (социальное расслоение, рост безработицы, бюрократизм и др.) оказывают серьезное воздействие на тональность политической коммуникации, а неудовлетворенность в каких-либо вопросах провоцирует тенденциозно-агрессивный настрой в отношении всего процесса общения в целом. Характер и этап развития политических отношений создают контекст для ракурса восприятия сообщаемой информации — позитивного или негативного. Как справедливо замечает А. П. Чудинов, агрессивность резко возрастает, «когда политические решения должны принимать широкие массы граждан», и снижается, «когда политические соперники вынуждены действовать совместно» [Чудинов 2012: 59]. При этом нельзя отбрасывать и внешнеполитическую ситуацию: рост агрессии внешне сказывается и на поведении граждан, формируя полюс агрессии либо в отношении внешнего раздражителя (другого государства, народа, группы и др.), либо в отношении внутреннего (государства, иных граждан или их групп).

Таким образом, общественно-политические предпосылки так или иначе сказываются на «градусе агрессии» всего общества в целом, тогда как субкультурно-специфические оказывают воздействие на поведение только отдельных групп. Как правило, социально незащищенные группы или группы с промежуточным статусом являются априори более агрессивными. Так, речевая агрессия выступает одним из этапов социализации молодых людей в принципе и включается в молодежную субкультуру наравне с жаргоном как имманентный атрибут взросления. Однако и вполне состоявшиеся люди могут стать «носителями» речевой агрессии. Успех в современном обществе является следствием победы в конкурентной борьбе, что формирует определенный стиль агрессивного поведения. Нельзя не упомянуть и социальную моду на агрессивное поведение, которая в последние годы не только охватывает закрытые субкультурные группы, но и становится определенного рода мейнстримом благодаря прямой или косвенной пропаганде в СМИ. Личностно-психологические особенности индивида провоцируют факты непрогнозируемой агрессии, обусловленные субъективными процессами в жизни конкретного человека. Это может быть как пси-

хическое отклонение, так и приобретенная привычка. Можно заметить, что условия жизни человека, его привычки, духовно-нравственный уровень развития во многом определяют уровень его лояльности к внешнему миру, а следовательно, и степень агрессивности. При этом речевая агрессия чаще является сублимацией физической, т. е. позволяет избавиться от негативных эмоций наименее опасным для индивида способом.

Можем сделать вывод, что причины, провоцирующие проявление речевой агрессии в политической сфере, достаточно разнообразны и чаще всего имеют совсем нелингвистический характер. Агрессию в политической коммуникации чаще вызывает предмет речи, чем собственно адресат, он, наоборот, особенно при манипулятивной стратегии, должен быть дистанцирован от объекта агрессии на уровне речевых конструкций.

При этом следует понимать, что речевая агрессия вне зависимости от того, к какому виду она относится и является ли осознанным или неосознанным элементом в речи индивида, во многом становится следствием низкой речевой культуры носителей языка, а в результате широкого распространения начинает представлять угрозу речевой культуре общества.

Однако это не единственная проблема. По мнению Чжан Юэбо, «распространение речевой агрессии... мешает здраво оценивать возникшую ситуацию... приводит к снижению взаимопонимания» [Чжан 2015: 84]. И это совершенно справедливо, особенно для политической коммуникации, когда из-за негативного фона адресат не может получить объективную информацию о протекающих политических процессах, что затрудняет их понимание, может способствовать искажению сведений и создает новый повод для конфликтного общения.

Таким образом, понимая причины, провоцирующие проявление различных видов речевой агрессии, мы можем предотвратить негативные последствия ее распространения в современной политической коммуникации, минимизировав негативный характер

воздействия на сознание как отдельного индивида, так и социума в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аношина Е. Ю. Речевая агрессия как элемент публичных призывов к осуществлению преступлений экстремистской и террористической направленности // Вестн. Самар. гос. ун-та путей сообщения. 2015. Вып. 3 (29). С. 148—153.
2. Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 3 Междунар. конф. «Диалог 2003». — М.: Флинта-Наука, 2003. С. 32—35.
3. Баучиева З. Б. Речевая агрессия и пути ее преодоления // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. С. 389—396.
4. Бронников И. А. Политическая коммуникация и современность // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 66—88.
5. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Челябинск, 2006. 43 с.
6. Енина Л. В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения : материалы исследований и науч.-практ. конф. — М., 2002. С. 104—110.
7. Майданова Л. М. Агрессивность и речевая агрессия. — М., 1997.
8. Попова А. А. Речевая агрессия в СМИ как способ манипулирования сознанием человека // Молодой ученый. 2015. № 14. С. 697—700.
9. Седов К. Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Прямая и непрямая коммуникация. — Саратов : ГУНЦ «Колледж», 2003. С. 196—212.
10. Сковородников А. П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : науч.-метод. бюл. — Красноярск ; Ачинск, 1997. Вып. 2. С. 10—15.
11. Стеклова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 77—81.
12. Степанов В. Н. Провокативные речевые жанры как инструменты непрямой коммуникации: лингвистические признаки и анализ // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 89—99.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта-Наука, 2006. 696 с.
14. Чжан Юэбо. Проявление агрессии в средствах массовой информации в начале XXI века // Вестн. РУДН. Сер. «Вопросы образования: языки и специальность». 2015. № 4. С. 81—87.
15. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53—59.
16. Чудинов А. П. Политическая коммуникация. — М.: Флинта : Наука, 2006. 254 с.
17. Шейгал Е. И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики: антропоцентрические исследования. — Саратов : Саратов. гос. ун., 1999. Вып. 28. С. 204—222.
18. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. — М.: Форум, 2012. 397 с.
19. Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. — М.: Флинта-Наука, 2004. 224 с.

N. S. Gromova

Ural Institute of Commerce and Law, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3667-1116

 E-mail: gromovans@mail.ru.

Verbal Aggression in Political Communication: Causes and Consequences

ABSTRACT. *The article deals with the actualization of the phenomenon of aggressive conflict behavior not only in the modern subcultural and countercultural communication but also in the mainstream one. It investigates the essence of verbal aggression as a multi-level phenomenon with ambivalent interpretations in modern science. Various forms of manifestation*

of verbal aggression in political communication are analyzed, and the interrelation between the specific features of the communicative situation and the behavior of its participants is determined. Verbal aggression is considered as a linguistic, psychological and legal category, which allows one to study the behavioral patterns of communication participants from different positions and establish a wide range of reasons for the spread of destructive patterns in modern communication. The essential characteristics of verbal aggression are classified according to different criteria. Stating, provoking and manipulative types of verbal aggression are distinguished with reference to the target settings. Explicit and implicit types of verbal aggression are distinguished according to the formal aspect. In terms of content, an opposition between deviant and delinquent types of verbal aggression is established in conjunction with the presence of legal consequences for the participants of communication. The proposed classifications provide an opportunity to better understand the heterogeneity of the phenomenon of verbal aggression in modern political communication and to determine the consequences of its escalation. As a result, it is concluded that it is necessary to understand the causes that provoke the manifestation of various types of verbal aggression in order to prevent the negative consequences of its spread in modern political communication.

KEYWORDS: political communication; verbal aggression; political discourse; speech behavior; speech; verbal extremism; extremist discourse.

AUTHOR'S INFORMATION: Gromova Natal'ya Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of State, Legal and Social Disciplines, Ural Institute of Commerce and Law; Associate Professor of Department of Competition Law and Antitrust Regulation, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Gromova, N. S. Verbal Aggression in Political Communication: Causes and Consequences / N. S. Gromova // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 150-155. — DOI 10.26170/pl19-02-17.

REFERENCES

- Anoshina E. Yu. Speech aggression as an element of public calls for crimes of an extremist and terrorist nature // Herald of Samara State Univ of Railroads. 2015. Vol. 3 (29). P. 148—153. [Rechevaya agressiya kak element publicnykh prizyvov k osushchestvleniyu prestupleniy ekstremistskoy i terroristicheskoy napravlenosti // Vestn. Samar. gos. un-ta putey soobshcheniya. 2015. Vyp. 3 (29). S. 148—153]. — (In Rus.)
- Apresyan V. Yu. Implicit Aggression in the Language // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. 3 International conf. "Dialogue 2003". — Moscow : Flinta-Science, 2003. P. 32—35. [Implitsitnaya agressiya v yazyke // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. 3 Mezhdunar. konf. «Dialog 2003». — M. : Flinta-Nauka, 2003. S. 32—35]. — (In Rus.)
- Bauchieva Z. B. Speech Aggression and Ways to Overcome it // Modern Problems of Science and Education. 2015. № 2-1. P. 389—396. [Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 2-1. S. 389—396]. — (In Rus.)
- Bronnikov I. A. Political Communication and Modernity // Legal Studies. 2013. No. 4. P. 66—88. [Politicheskaya kommunikatsiya i sovremennost' // Yuridicheskie issledovaniya. 2013. № 4. S. 66—88]. — (In Rus.)
- Vorontsova T. A. Speech Aggression: a Communicative-discursive Approach : synopsis of thesis ... Dr. Phil. Sciences. — Chelyabinsk, 2006. 43 p. [Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyy podkhod : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Chelyabinsk, 2006. 43 s.]. — (In Rus.)
- Enina L. V. Speech Aggression and Speech Tolerance in the Mass Media // Russian Press in a Multicultural Society: Tolerance and Multiculturalism as Guidelines for Professional Behavior : research materials and scientific and practical works. conf. — Moscow, 2002. P. 104—110. [Rechevaya agressiya i rechevaya tolerantnost' v sredstvakh massovoy informatsii // Rossiyskaya pressa v polikul'turnom obshchestve: tolerantnost' i mul'tikul'turalizm kak orientiry professional'nogo povedeniya : materialy issledovaniy i nauch.-prakt. konf. — M., 2002. S. 104—110]. — (In Rus.)
- Maydanova L. M. Aggression and Verbal Aggression. — Moscow, 1997. [Aggressivnost' i rechevaya agressiya. — M., 1997]. — (In Rus.)
- Popova A. A. Speech Aggression in the Media as a Way to Manipulate Human Consciousness // Young Scientist. 2015. No. 14. P. 697—700. [Rechevaya agressiya v SMI kak sposob manipulirovaniya soznaniem cheloveka // Molodoy uchenyy. 2015. № 14. S. 697—700]. — (In Rus.)
- Sedov K. F. Speech Aggression in Interpersonal Interaction // Direct and Indirect Communication. — Saratov : GunTs College, 2003. P. 196—212. [Rechevaya agressiya v mezhlchnostnom vzaimodeystvii // Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya. — Saratov : GUNTs «Kolledzh», 2003. S. 196—212]. — (In Rus.)
- Skovorodnikov A. P. Language Violence in the Modern Russian Press // Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication: scientific method. bulletin. — Krasnoyarsk ; Achinsk, 1997. Vol. 2. P. 10—15. [Yazykovoe nasilie v sovremennoy rossiyskoy presse // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya : nauch.-metod. byul. — Krasnoyarsk ; Achinsk, 1997. Vyp. 2. S. 10—15]. — (In Rus.)
- Steksova T. I. Speech Aggression in the Internet Comments as a Manifestation of Social Tension // Political Linguistics. 2013. No. 3. P. 77—81. [Rechevaya agressiya v internet-kommentariyakh kak proyavlenie sotsial'noy napryazhennosti // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3. S. 77—81]. — (In Rus.)
- Stepanov V. N. Provocative Speech Genres as Tools of Indirect Communication: Linguistic Features and Analysis // Theory and Practice of Forensic Examination. 2014. № 4 (36). P. 89—99. [Provokativnye rechevye zhanry kak instrumenty nepryamoy kommunikatsii: lingvisticheskie priznaki i analiz // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. 2014. № 4 (36). S. 89—99]. — (In Rus.)
- Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / ed. M. N. Kozhina. 2nd ed., corr. and add. — Moscow : Flinta-Science, 2006. 696 p. [Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Flinta-Nauka, 2006. 696 s.]. — (In Rus.)
- Zhang Yuebo. The Manifestation of Aggression in the Media at the Beginning of the XXI Century // Vestnik RUDN. Ser. "Education issues: languages and specialty". 2015. No. 4. P. 81—87. [Proyavlenie agressii v sredstvakh massovoy informatsii v nachale XXI veka // Vestn. RUDN. Ser. «Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'». 2015. № 4. S. 81—87]. — (In Rus.)
- Chudinov A. P. Discursive Characteristics of Political Communication // Political Linguistics. 2012. No 2 (40). P. 53—59. [Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 53—59]. — (In Rus.)
- Chudinov A. P. Political Communication. — Moscow : Flinta : Science, 2006. 254 p. [Politicheskaya kommunikatsiya. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.]. — (In Rus.)
- Sheygal E. I. Verbal Aggression in Political Discourse // Stylistic Questions: Anthropocentric Studies. — Saratov : Saratov State Univ., 1999. Vol. 28. P. 204—222. [Verbal'naya agressiya v politicheskoy diskurse // Voprosy stilistiki: antropotsentricheskie issledovaniya. — Saratov : Saratov. gos. un., 1999. Vyp. 28. S. 204—222]. — (In Rus.)
- Shcherbinina Yu. V. Speech Aggression. Territory of Hostility. — Moscow : Forum, 2012. 397 p. [Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy. — M. : Forum, 2012. 397 s.]. — (In Rus.)
- Shcherbinina Yu. V. Russian. Speech Aggression and Ways to Overcome it. — Moscow : Flinta-Science, 2004. 224 p. [Russkiy yazyk. Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya. — M. : Flinta-Nauka, 2004. 224 s.]. — (In Rus.)

Т. Б. Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный ун-т им. Н. И. Лобачевского
ORCID ID: 0000-0002-7516-6705

М. В. Маркина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный ун-т им. Н. И. Лобачевского
ORCID ID: —

 E-mail: timur@radbil.ru; markinamv6213@yandex.ru.

Вероятностно-статистические модели в производстве автороведческой экспертизы русскоязычных текстов

АННОТАЦИЯ. В статье представлен опыт разработки компьютеризованной модели авторизации текста и ее адаптации к нуждам идентификационной и диагностической автороведческой экспертизы русскоязычных текстов. Цель исследования — продемонстрировать возможности идентификационного автороведческого экспертного исследования текстов посредством автоматической обработки текстов на основе комплексного применения вероятностно-статистических методов. Описан очередной этап апробации усовершенствованной версии программы «КАТ» (компьютерная авторизация текста) — эксперимент по определению относительных частот соотношения тех или иных языковых элементов (вычислению коэффициентов корреляции) в нескольких выборках из сравниваемых текстов по комплексу разноуровневых параметров — коэффициентам Б. Н. Головина, дополненному существующими в научной практике и прикладной сфере индексами понятности текста («индекс Флеша — Кинкейда», «FOG-индекс») и рядом других параметров. Материалом исследования являются первичные базы данных текстов русской классики (произведений Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева). В результате экспериментального исследования были выработаны следующие критерии идентификации авторства: считать текст принадлежащим автору, если коэффициент корреляции текста с существующей базой больше 0,87, т. е. в качестве доверительного интервала принять интервал 0,87—1,0; считать текст не принадлежащим автору, если коэффициент корреляции текста с существующей базой меньше 0,82; учесть, что точность работы программы увеличивается с возрастанием объема текстов в базе. Под базой понимается средний показатель, исчисленный по всем текстам, с достоверностью атрибутированным как принадлежащие данному автору. В случае успешной доводки предложенной программы автоматической обработки текстов «КАТ» с ее помощью можно будет решать экспертные задачи по авторизации и диагностике спорных текстов, реализованных в пространстве медийного и политического дискурсов, в юридической, официально-деловой и коммерческой документации и пр.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебное автороведение; автороведческая экспертиза; авторизация текстов; автоматическая обработка текстов; вероятностно-статистическая методика; русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Радбиль Тимур Беньяминович, доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естествознания, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23; e-mail: timur@radbil.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Маркина Марина Викторовна, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры теоретической, компьютерной и экспериментальной механики, Институт информационных технологий, математики и механики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23; e-mail: markinamv6213@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Радбиль, Т. Б. Вероятностно-статистические модели в производстве автороведческой экспертизы русскоязычных текстов / Т. Б. Радбиль, М. В. Маркина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 156-166. — DOI 10.26170/pl19-02-18.

0. Введение: к постановке проблемы

В статье представлен опыт разработки компьютерной программы диагностики и авторизации текста и ее адаптации к нуждам идентификационной и диагностической автороведческой экспертизы русскоязычных текстов.

Проблема отражения личности продуцента того или иного текста в результатах его речевой деятельности возникает еще задолго до появления лингвистики как науки.

Как криминалистике, так и филологии, входящей к герменевтике и экзегетике, хорошо известно, что активно и целенаправленно действующий субъект всегда оставляет значимые рефлексии, следы своей деятельности, по которым многое можно сказать о нем, о его внешних, внутренних и акциональных характеристиках.

Сегодня проблемы атрибуции текста находятся в самом эпицентре двух базовых взаимопересекающихся трендов современной гуманитаристики — это установка на

© Радбиль Т. Б., Маркина М. В., 2019

интердисциплинарность (все самое интересное в наши дни делается в гуманитарных исследовательских студиях именно на «стыке наук») и тенденция к диверсификации, т. е. к расширению возможных сфер прикладного (общественно полезного) применения «высокого» теоретического знания в максимально большом количестве областей общественной практики.

Одной из такой социально значимых сфер приложения идей и принципов современной лингвистики является речеведческая экспертиза, особенно такая энергозатратная и трудоемкая ее разновидность, как **экспертиза автороведческая**. С одной стороны, в связи с развитием компьютерных технологий, с другой — с успехом применения математических вероятностно-статистических моделей в исследовании самых разнообразных аспектов бытия человека в мире судебное автороведение сегодня получает новые импульсы.

Сама идея применения математических, прежде всего статистических методов для атрибуции текста возникает в **стилеметрии** [Мартыненко 1988], которая, будучи прикладной филологической дисциплиной, первоначально не ставила себе криминалистических задач. Она пыталась «поверить алгеброй гармонию», т. е. объективировать и формализовать интуитивно ощущаемые любым грамотным читателем различия между стилем одного и другого автора, чтобы ответить на «вечные вопросы» литературоведения, кто является автором классических произведений — Гомер или не Гомер, Шекспир или не Шекспир, Шолохов или не Шолохов и пр.

В России истоки традиции выявления частот встречаемости тех или иных повторяющихся элементов текста для определения констант авторского стиля связывают с появлением работы Н. А. Морозова «Лингвистические спектры» (1916). В 70-е гг. XX в. выходит известное учебное пособие Б. Н. Головина «Язык и статистика», в котором рассмотрены возможности применения вероятностно-статистических методик не только для определения автора, но и для выявления особенностей того или иного стиля, для характеристики языковой эволюции тех или иных участков системы и пр. [Головин 1970]. Современное состояние вопроса обстоятельно охарактеризовано в книге А. Н. Баранова «Введение в прикладную лингвистику» [Баранов 2001].

Научный инструментарий современного лингвистического автороведения существенно обогащается за счет упрочения союза лингвистики и математики. Именно ма-

тематики вносят существенный вклад в оснащение данной проблемы математическим научным аппаратом, прежде всего за счет повсеместного использования, например, вероятностных моделей А. А. Маркова [Хмелев 2000; Романов, Мещеряков 2009]. Совершенно справедливо отмечается многими авторами: «На сегодняшний день методы атрибуции текста отличаются большим разнообразием: одни направлены на изучение лексических показателей, другие на изучение синтаксических или грамматических характеристик. Существуют также некоторые другие подходы, авторы которых предлагают комплексный анализ текста на нескольких языковых уровнях» [Верзохин 2013: 24].

1. Цель, объект, методология и материал исследования

Одной из наиболее перспективных сфер применения вероятностных методов атрибуции текста является сегодня судебное автороведение и автороведческая экспертиза. Вероятностные модели используются для решения как идентификационных, связанных с установлением авторства спорных текстов, так и диагностических (определение необычного психофизиологического состояния, установление пола, возраста, области проживания, уровня образованности и пр.) задач [Галяшина, Ермолова 2005].

Термин «судебное автороведение» в криминалистической науке появился в начале 70-х гг. XX в. в работах известного автороведа С. М. Вула [Вул 1977]. Предметом судебного автороведения является установление фактических данных о личности автора при исследовании текста документа и иных материалов уголовного дела. Эти данные фиксируются в заключении эксперта и служат доказательством в процессе расследования и судебного разбирательства дел.

Между тем в судебном автороведении до сих пор не существует общепринятой теоретической платформы и единства методологических подходов в области идентификации и авторизации текста, абсолютно надежных методов и методик, дающих объективный, достоверный и не допускающий инотолкований результат экспертного автороведческого исследования, необходимый для доказательной базы в правоприменительной практике.

Таким образом, мы можем сформулировать цель настоящего исследования — продемонстрировать возможности разработанной нами компьютеризированной модели идентификационного автороведческого экспертного исследования текстов посредством

автоматической обработки текстов на основе комплексного применения вероятностно-статистических методов. Это очередной этап «прогона» усовершенствованной версии программы «КАТ» (компьютерная авторизация текста). Начальные стадии разработки описаны в работах [Юматов В., Маркина, Ковалева 2015; Юматов В., Маркина, Юматов С. 2016].

Иными словами, предполагается разработать концептуальные основы установления автора текста и на этой базе создать научно-практическую платформу для экспертного идентификационного анализа текстов на предмет их диагностики и авторизации. Поставленная задача требует междисциплинарного подхода. С одной стороны, исследование подобного рода базируется на данных лингвистики, в том числе фразеологии, грамматики и других областей знаний о языке и письменной речи, на системе знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека. С другой стороны, исследуемый текст характеризуется определенными статистическими закономерностями, которые измеряемы и вычислимы с достаточной степенью объективности, что позволяет применять математические методы для достижения требуемых результатов. Современное развитие компьютерных технологий позволяет в значительной степени формализовать и автоматизировать указанные исследования при наличии теоретически непротиворечивых и методологически оправданных параметров анализа.

Итак, в основу предлагаемой нами методики положено определение относительных частот соотношения тех или иных языковых элементов (вычисление коэффициентов корреляции и — на этой основе — колебания параметров) в нескольких выборках из сравниваемых текстов по комплексу разноразрядных параметров — коэффициентам Б. Н. Головина [Головин 1970], дополненно существующими в научной практике и прикладной сфере индексами понятности текста («индекс Флеша — Кинкейда», «FOG-индекс») и рядом других параметров. Материалом исследования являются первичные базы данных текстов русской классики (произведений Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и др.).

2. Основной алгоритм и исходные принципы компьютеризированной модели авторизации текста

В настоящее время для теории и практики лингвистической экспертологии характерно существенное усложнение решаемых задач посредством постепенной выработки

исследовательского инструментария, который сегодня позволяет выявить непрямо актуализованную информацию и дать экспертную квалификацию неявно выраженных, порою тщательно завуалированных и замаскированных диагностических языковых признаков, имеющих значение для выяснения обстоятельств дела (об этом подробнее см., например: [Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014]). Все это актуально и для современного состояния автороведческой экспертизы.

Задача идентификации авторства текстов и/или их диагностики, выступающая в качестве одной из основных в судебном автороведении, в ряде специфических практических областей, например в правоприменительной практике или в экспертной деятельности по делам о плагиате, об экстремизме, в арбитражном судопроизводстве по делам о недобросовестной конкуренции, по документационным спорам и прочим, является в настоящее время актуальной проблемой. Это связано прежде всего с возрастанием объема текстов и, в связи с этим, с возможными спорами в области авторства, которые возникают при распространении ряда текстов через сеть Интернет без элементов атрибуции или под псевдонимами.

В разрабатываемой компьютеризированной модели авторизации и диагностики осуществляется комплексное применение вероятностно-статистических методов в судебной автороведческой экспертизе, в результате чего производится характеристика разных уровней текста и объективируются константные и дифференциальные признаки спорных текстов на основе сопоставления относительных частот встречаемости повторяющихся элементов в нескольких репрезентативных выборках из сопоставляемых текстов по отношению друг к другу: это повышает степень достоверности и верифицируемости, так как относительные величины являются более индивидуализированными признаками речи.

Исследовательская модель базируется на следующих принципах.

Имеется несколько баз текстов. Каждая база — это тексты, написанные одним человеком. Имеется новый текст, авторство которого неизвестно. Необходимо определить, написан ли текст одним из авторов, тексты которых хранятся в базах, либо же новым автором.

Представим базы текстов в виде матриц, где количество столбцов m — количество обработанных текстов, количество строк n — количество параметров этих текстов.

Пусть у нас, например, три базы текстов с матрицами A , B , C (рис. 1).

a_{1_1}	a_{2_1}	...	a_{m_1}	b_{1_1}	b_{2_1}	...	b_{m_1}	c_{1_1}	c_{2_1}	...	c_{m_1}
a_{1_2}	a_{2_2}	...	a_{m_2}	b_{1_2}	b_{2_2}	...	b_{m_2}	c_{1_2}	c_{2_2}	...	c_{m_2}
...
a_{1_n}	a_{2_n}	...	a_{m_n}	b_{1_n}	b_{2_n}	...	b_{m_n}	c_{1_n}	c_{2_n}	...	c_{m_n}

Рис. 1

Для нового текста определены те же n параметров, как и для текстов из баз. Тогда новый текст можно охарактеризовать следующим вектор-столбцом:
 $new (new_1, new_2, \dots, new_n)^T$.

Для каждой матрицы посчитаем коэффициент корреляции Пирсона каждого столбца с вектором new и получим (с учетом наличия 3 баз) три вектора s , p , r длины m [Кремер 2007].

Далее найдем среднее значение элементов каждого вектора. Получим усредненные \bar{s} , \bar{p} , \bar{r} , из этих значений составим вектор $k(\bar{s}, \bar{p}, \bar{r})$.

Новый текст можно добавить в уже существующую базу текстов в том случае, если компонент вектора $k(\bar{s}, \bar{p}, \bar{r})$, соответствующий коэффициенту корреляции именно с этой базой, близок к единице в пределах доверительного интервала. Если это условие не выполняется, то текст добавляется в новую базу.

Выбор параметров анализа текста.

Наиболее важным моментом создания алгоритма является правильный подбор параметров корреляции. Параметры должны отражать сознательный выбор автором грамматических моделей и синтаксических конструкций и специфику отбора слов.

В качестве базовых параметров, которые позволяют только исключить определенное авторство, но не диагностировать его, предлагается включить показатели понятности текста: индекс Флеша — Кинкейда и индекс «туманности» текста — так называемый FOG-индекс. В данном исследовании учет этих параметров не проводится.

Еще раз отметим, что это — вспомогательные параметры, позволяющие исключить чье-либо авторство, но не идентифицировать его; иными словами, существенные расхождения в значениях этих индексов означают, что текст создан разными авторами, но одинаковое значение индексов может быть характерно и для разных авторов, и для одного автора. Из являющихся традиционными для методик данного рода вспомогательных параметров, которые исключают, но не идентифицируют авторство, мы включили значения по таким параметрам, как **средняя длина слова** и **средняя длина предложения**, и один формальный показатель — **отношение количества знаков препинания к количеству слов**.

Собственно идентификационные значения для авторизации имеют параметры, представленные в работе Б. Н. Головина «Язык и статистика» (1970).

- **Коэффициент предметности (Pr)** — отношение суммы существительных и местоимений к сумме прилагательных и глаголов.

- **Коэффициент качества (Qu)** — отношение суммы прилагательных и наречий к сумме глаголов и существительных.

- **Коэффициент активности (Ac)** — отношение суммы глаголов и глагольных форм к количеству слов в тексте.

- **Коэффициент динамизма (Din)** — отношение суммы глаголов и глагольных форм к сумме существительных, прилагательных и местоимений.

- **Коэффициент связности текста (Con)** — отношение суммы предлогов и союзов к числу предложений [Головин 1970].

Вычисление указанных параметров для большого количества текстов позволяет сделать вывод о возможности применения коэффициента корреляции Пирсона, так как выборки подчинены нормальному закону распределения.

Следует отметить, что при вычислении этих восьми параметров корреляции используются в целом двенадцать параметров текста:

- 1) количество знаков препинания;
- 2) количество слов;
- 3) количество предложений;
- 4) средняя длина слова;
- 5) средняя длина предложения;
- 6) количество существительных;
- 7) количество прилагательных;
- 8) количество глаголов;
- 9) количество местоимений;
- 10) количество наречий;
- 11) количество предлогов
- 12) количество союзов.

На этой основе в программе автоматизированы следующие алгоритмы:

1. Алгоритм формирования массива слов текста и знаков препинания после каждого слова. Список возможных знаков препинания задается.

2. Алгоритм определения частоты встречаемости слов и знаков препинания.

3. Алгоритм нахождения наиболее употребляемых слов и знаков препинания.

4. Алгоритм нахождения прилагательных в тексте и подсчета их количества. Прилагательные идентифицируются по окончанию слова.

5. Алгоритм нахождения глаголов в тексте и подсчета их количества. Глаголы идентифицируются по окончанию слова.

6. Алгоритм формирования массива предложений, из которых состоит исходный текст.

7. Алгоритм подсчета среднего количества слов в предложениях текста.

8. Алгоритм поиска слов в словаре, использующий бинарный поиск элемента в массиве. Для поиска замены для ошибочно написанного в тексте слова используется понятие «дистанция Левенштейна». Эта «дистанция» — минимальное количество правок первого слова (под правками подразумеваются три возможные операции: стирание символа, замена символа и вставка символа), чтобы превратить его во второе слово.

9. Алгоритм вычисления индекса Флеша — Кинкейда (FRE-индекс).

10. Алгоритм вычисления индекса Роберта Ганнинга (FOG-индекс).

Рекомендуемый размер выборки текста — не менее 500 слов и 30 предложений [Головин 1970].

Практическая реализация предложенной модели нашла свое выражение в создании компьютерной программы криминалистической диагностики и авторизации текста «КАТ», предназначенной для автоматизированной обработки текстовых данных.

3. Характеристики компьютерной программы криминалистической диагностики и авторизации текста «КАТ»

Компьютерная программа криминалистической диагностики и авторизации текста «КАТ» предназначена для автоматизированной обработки текстовых данных. В программе «КАТ» для получения интересующих нас данных об исполнителе текстов заложена возможность комплексного исследования: создаются заданные параметры (они могут быть расширены в зависимости от целей исследователя). Для реализации этих целей используется программный комплекс обработки текстовой информации с учетом особенностей русского языка. В этих целях исследуемый текст, предназначенный для обработки, должен быть подготовлен в виде текстового файла или введен в онлайн-режиме пользователем программы. Для проверки правильности написания слов применяется словарь, который также является текстовым файлом.

Основные функции программы. `Selection(list<Item> res, long&k)` — выборка слов из

исходной строки и вывод таблицы. Используется для нахождения количества глаголов и прилагательных; `IsEndSens(Item c)` — поиск конца предложений; `GetCountAdjective()` — вычисление количества прилагательных в тексте; `GetCountVerb()` — вычисление количества глаголов; `GetCountSentence()` — вычисление количества предложений текста; `GetMeanCountWordinSentence()` — поиск среднего количества слов в предложении; `Convert(char&symb)` — перевод символа из верхнего регистра в нижний; `DistLevinStane(const std::string& from, const std::string& to)` — возвращает количество действий для добавления/удаления/замены символов (используется для проверки грамотности); `findWord(string in)` — поиск слов в словаре; `getIndexFOG()` — подсчет индекса туманности; `getIndexFRE()` — подсчет индекса удобочитаемости; `IsVerb()` — поиск всех глаголов; `GetWord()` — поиск всех слов в тексте; `GetPrep()` — поиск знаков препинания; `GetCountSyllableInWord()` — подсчет слогов; `IsAdjective()` — поиск всех прилагательных в тексте.

Для работы с программой создан интерфейс, позволяющий пользователю выбрать одну из опций:

- создать новую базу текстов;
- сделать просмотр или редакцию существующих баз текстов;
- сделать проверку нового текста.

При создании новой базы запрашивается имя автора, добавляется текст, осуществляется расчет всех коэффициентов.

При просмотре выдается список всех существующих баз текстов. При редактировании предусмотрена возможность удаления текста из базы.

При проверке нового текста выдается один из двух запросов — либо запрос на разрешение поместить проверенный текст в уже существующую базу данных (если вычисленный коэффициент корреляции имеет соответствующую этой базе величину), либо запрос на создание новой базы текстов.

4. Описание работы программы «КАТ»

Приведем пример вычисления всех параметров и коэффициентов корреляции на предварительно созданных в целях экспериментальной проверки модели базах данных с текстами Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева. Ниже приводятся графики колебания каждого параметра в пределах существующей базы текстов (соответственно **рис. 2, 3 и 4**).

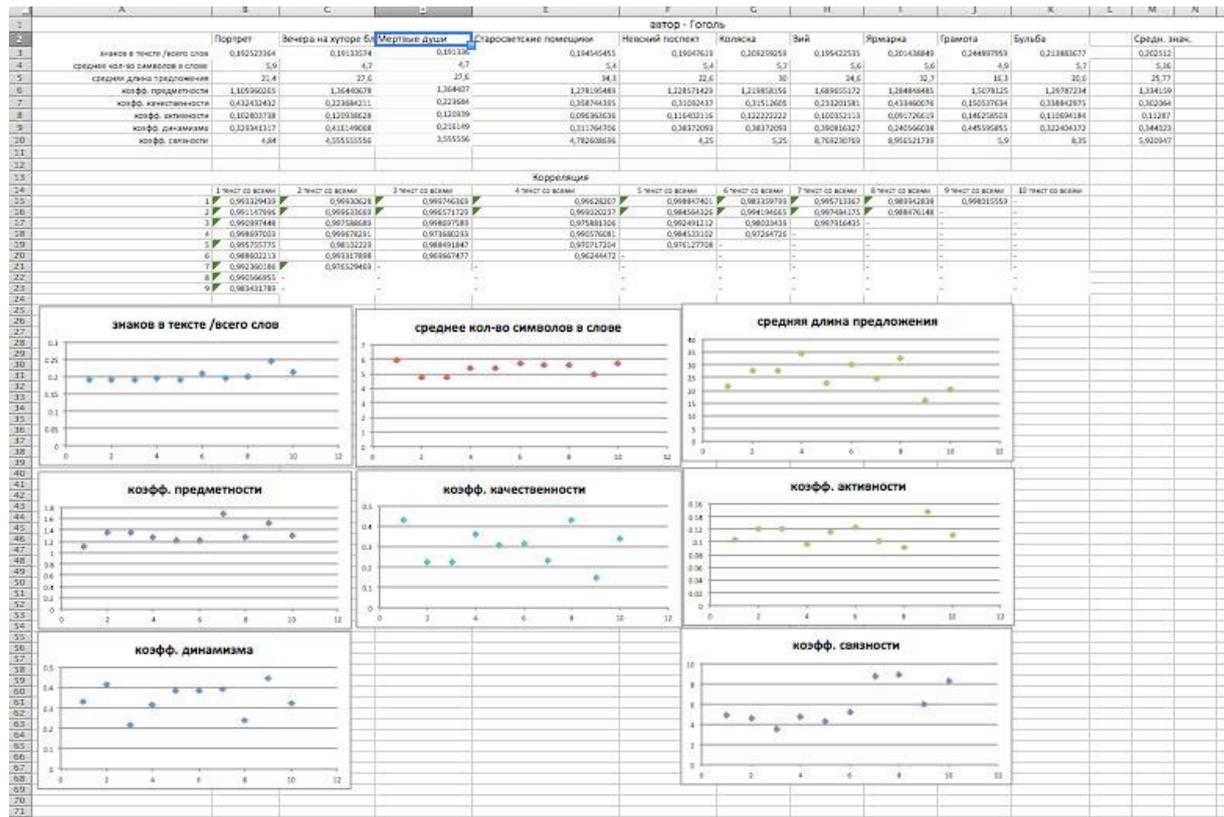

Рис. 2. Н. В. Гоголь

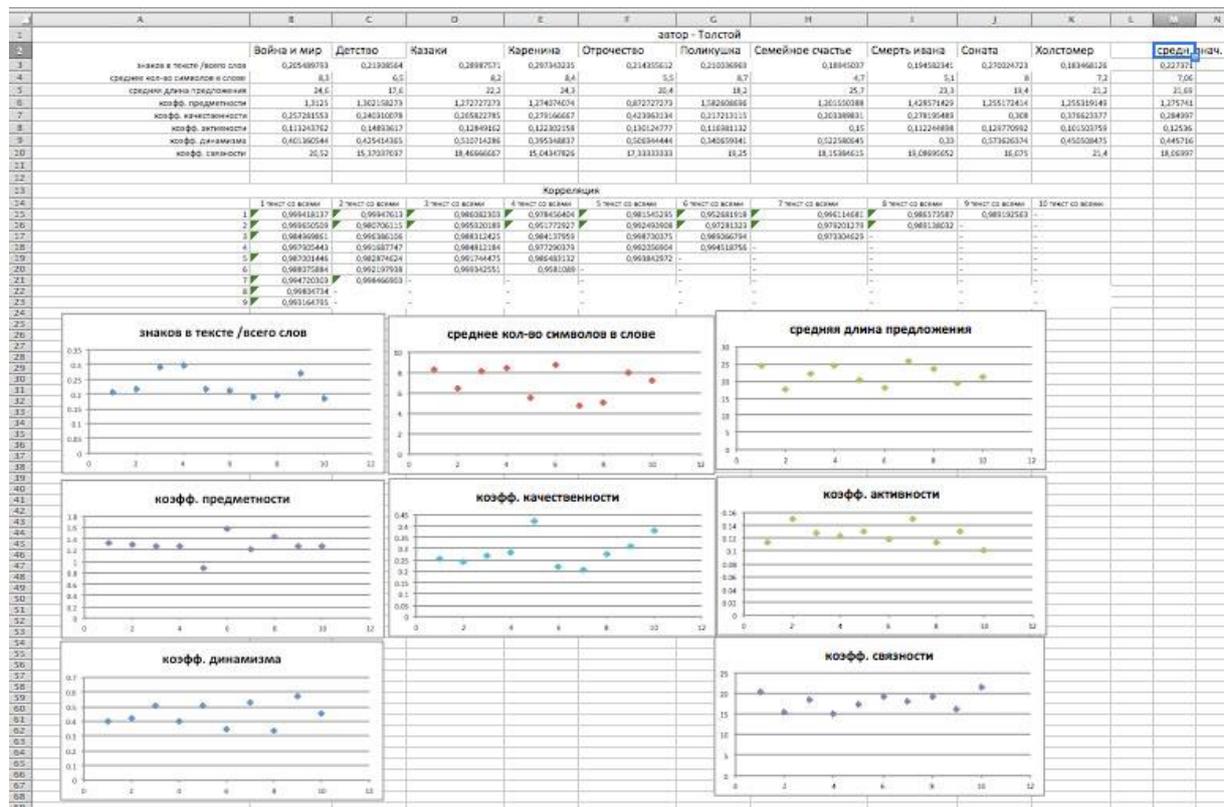

Рис. 3. Л. Н. Толстой

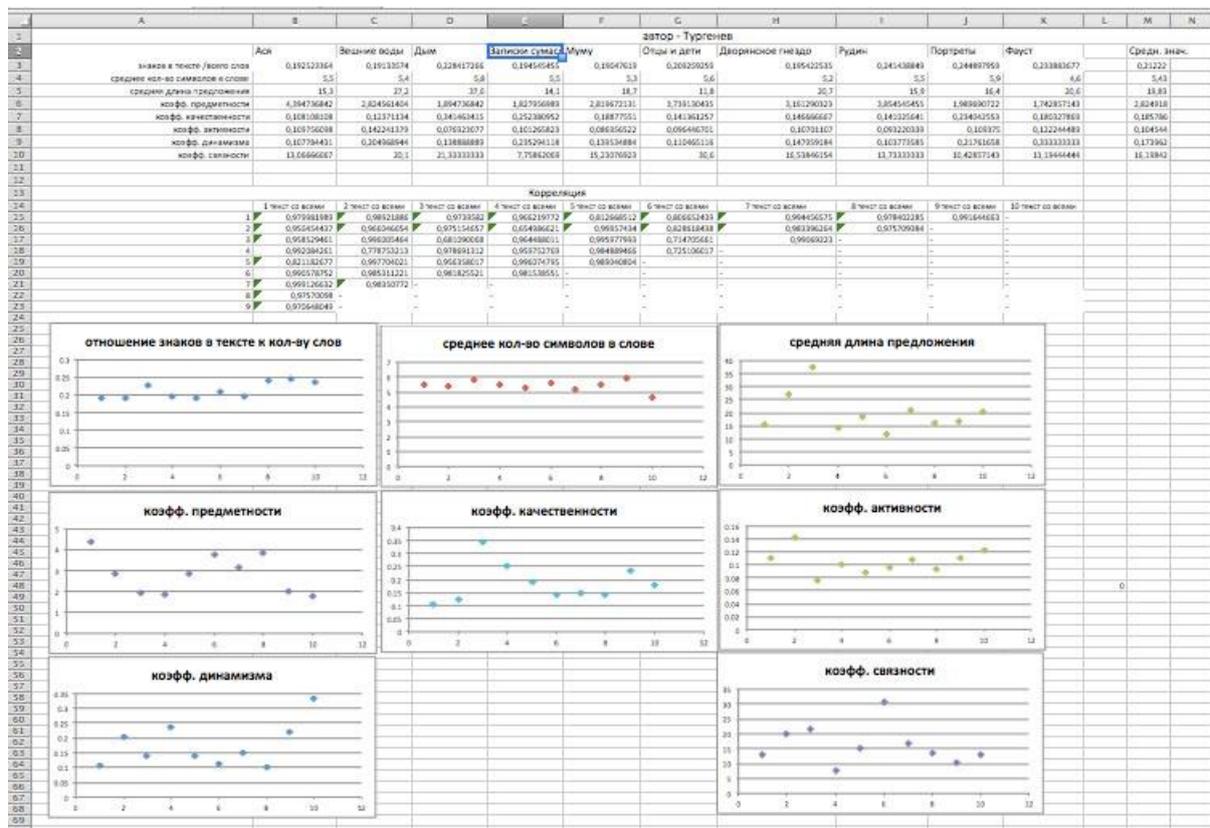

Рис. 4. И. С. Тургенев

Таблица 1. Параметры корреляции по выборке

знаков в тексте/всего слов	0,228417266
среднее кол-во символов в слове	5,2
средняя длина предложения	22,2
коэфф. предметности	0,96
коэфф. качества	0,300884956
коэфф. активности	0,147482014
коэфф. динамизма	0,569444444
коэфф. связности	8,2

Таблица 2. Сопоставительный анализ параметров корреляции

Параметры	Новый текст	1 база — Гоголь	2 база — Толстой	3 база — Тургенев
отношение кол-ва знаков в тексте к числу слов	0,191336	0,20622	0,251259	0,21622
среднее кол-во символов в слове	4,7	5,37	7,66	5,53
средняя длина предложения	27,6	25,83	20,19	18,93
коэфф. предметности	1,364407	1,293718	1,275741	2,924918
коэфф. предметности	0,223684	0,309784	0,284997	0,185786
коэфф. активности	0,120939	0,115524	0,12536	0,104544
коэфф. динамизма	0,216149	0,369352	0,501173	0,173962
коэфф. связности	4,555556	5,385392	18,76997	16,09842

Таблица 3. Сопоставительный анализ средних значений коэффициентов корреляции

Коэфф. корреляции с базой «Гоголь»	Коэфф. корреляции с базой «Толстой»	Коэфф. корреляции с базой «Тургенев»
0,998595	0,760158	0,813944

Для демонстрации работы программы возьмем новый отрывок текста. Пусть это будет отрывок из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», начинающийся со слов: *«Лицо Ноздрева, верно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Таких людей приходилось всякому встречать немало...»* — и заканчивающийся словами: *«...напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески и даже говорил: „Ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь“»*.

Вычислим все параметры корреляции текста (табл. 1).

Теперь сравним эти параметры с усредненными параметрами по каждой из трех существующих баз (которые играют роль сравнительных образцов для традиционной автороведческой экспертизы) — табл. 2.

Вычислим средние значения всех коэффициентов корреляции в сопоставлении нового текста с каждой базой (табл. 3).

Качественная интерпретация полученных коэффициентов. Возникает резонный вопрос, какая реальность стоит за сопоставлением средних значений коэффициентов корреляции нового текста в сравнении с базами 1, 2 и 3? Самая сложная проблема для всех без исключения количественных методик авторизации текста всегда заключалась в том, какие числовые показатели маркируют границу между отнесением принадлежности анализируемого текста к тому же автору, к которому относятся сравнительные образцы, и исключением его принадлежности данному автору. Иными словами, какие различия в числовых показателях сопоставляемых коэффициентов следует считать допустимыми, обусловленными, например, разницей в жанре, теме или времени написания текста одним и тем же автором, а какие нужно считать принципиальными с точки зрения исключения авторства?

Возвращаясь к полученным нами результатам (анализируемый «новый» текст имеет сходство с базой 1 «Гоголь» — 0,998595 при максимуме сходства 1 = тождество, что существенно выше, чем сход-

ство, соответственно, с базой 2 «Толстой» — 0,760158 и базой 3 «Тургенев» — 0,813944), отметим, что на данном этапе исследования эмпирическим и экспериментальным путем были выработаны следующие критерии идентификации авторства:

- считать текст принадлежащим автору, если коэффициент корреляции текста с существующей базой больше 0,87, т. е. в качестве доверительного интервала принять интервал 0,87—1,0;

- в диапазоне коэффициента корреляции 0,82—0,87 требуется дополнительное мнение эксперта (встречались единичные случаи авторства при таких значениях коэффициента);

- считать текст не принадлежащим автору, если коэффициент корреляции текста с существующей базой меньше 0,82;

- учесть, что точность работы программы увеличивается с увеличением текстов в базе. Под базой понимается средний показатель, исчисленный по всем текстам, с достоверностью известным как принадлежащие данному автору.

Таким образом, предполагаемое авторство Гоголя доказывается значением 0,998595, что существенно выше рекомендуемого «порогового» значения для установления авторства (0,82—0,87), на фоне значений предполагаемого авторства Толстого 0,760158 или Тургенева 0,813944, которые, соответственно, ниже «порогового» значения 0,82—0,87.

В целях верификации установленных критериев идентификации авторства в проводимом эксперименте для автоматической обработки был взят текст нового автора, не входящего в существующие базы — отрывок текста Д. Донцовой из романа «Огнетушитель Прометея».

Вычислим все параметры корреляции текста (табл. 4).

Сравним эти параметры с усредненными параметрами по каждой из трех существующих баз (табл. 5).

Вычислим средние значения всех коэффициентов корреляции в сопоставлении нового текста с каждой базой (табл. 6).

Таблица 4. Параметры корреляции по выборке

знаков в тексте/всего слов	0,65
среднее кол-во символов в слове	4,5
средняя длина предложения	9,3
коэфф. предметности	0,3329
коэфф. качественности	0,161551
коэфф. активности	1,763359
коэфф. динамизма	3,53333
коэфф. связности	3,215556

Таблица 5. Сопоставительный анализ параметров корреляции

Параметры	Текст для сравнения	1 база — Гоголь	2 база — Толстой	3 база — Тургенев
отношение кол-ва знаков в тексте к числу слов	0,65	0,20622	0,251259	0,21622
среднее кол-во символов в слове	4,5	5,37	7,66	5,53
средняя длина предложения	9,3	25,83	20,19	18,93
коэфф. предметности	0,3329	1,293718	1,275741	2,924918
коэфф. качества	0,161551	0,309784	0,284997	0,185786
коэфф. активности	1,763359	0,115524	0,12536	0,104544
коэфф. динамизма	3,533333	0,369352	0,501173	0,173962
коэфф. связности	3,215556	5,385392	18,76997	16,09842

Таблица 6. Сопоставительный анализ средних значений коэффициентов корреляции

Коэфф. корреляции с базой «Гоголь»	Коэфф. корреляции с базой «Толстой»	Коэфф. корреляции с базой «Тургенев»
0,718595	0,75235	0,747093

Нетрудно видеть, что в данном случае коэффициент идентификации совпадения авторства «нового» текста с Гоголем, Толстым или Тургеневым ожидаемо ниже «порогового» значения 0,82—0,87: соответственно 0,718595 при сопоставлении с Гоголем, 0,75235 при сопоставлении с Толстым и 0,747093 при сопоставлении с Тургеневым. Данный анализ дает еще и ряд дополнительных результатов, например, позволяет установить, что текст Донцовой по стилю несколько «ближе» к Толстому, чем к Тургеневу и тем более к Гоголю, но это уже представляет чисто умозрительный интерес и не имеет идентификационного значения.

5. Выводы и перспективы

Предлагаемая в работе модель автоматической обработки текста для его дальнейшей авторизации и диагностики, разумеется, может найти свое применение не только в судебном автороведении, но и в решении разнообразных задач атрибуции текста в гуманитарных исследованиях разной направленности.

«Пилотная» версия экспериментальной компьютерной программы «КАТ» прошла апробацию в реальной автороведческой экспертной практике. В 2018 г. одним из соавторов была произведена идентификационная судебная автороведческая экспертиза трех документов официально-делового стиля в рамках арбитражного судебного дела по иску налоговой инспекции о признании недействительной сделки. Необходимо было авторизовать данные документы на предмет возможной фальсификации авторства какого-либо из них. В силу отсутствия базы данных по официально-деловой документации в сфере финансово-договорных отношений тексты исследовались попарно, в сопоставлении 1 → 2, 1 → 3 и 2 → 3, и коэффициенты

корреляции сравнивались также попарно. Использование в ходе экспертного исследования программы «КАТ» подтвердило выводы истца о том, что документ 1 и 2 написаны одним лицом, а документ 3 написан другим лицом, т. е. помогло установить факт фальсификации авторства.

Однако при этом следует отметить, что представленная в настоящей работе компьютерная программа идентификации и диагностики авторства текста все же находится еще в стадии разработки. Уже на этом этапе видны преимущества и недостатки данной модели. Преимущества заключаются в относительной простоте использования, интуитивной понятности параметров авторизации и логики их исчисления, а также прозрачности качественной интерпретации результатов, что имеет порою решающее значение в представлении результатов автороведческого экспертного исследования в суде, перед лицами, не являющимися специалистами в данной области.

Определенным недостатком программы на данной стадии разработки является некоторая «грубость», «приблизительность». Относительно вычисления коэффициентов корреляции имеются вопросы и к самому составу параметров, и к необходимому и достаточному количеству выборок текстов (также и к объему самих выборок) и пр. Необходимы более тонкие и точные расчеты, что напрямую зависит от качественного состава и объема баз данных текстов.

Поэтому в перспективе необходимо как количественное расширение существующих баз данных, так и создание новых баз данных по текстам разной стилиевой принадлежности (тексты СМИ, политические тексты, юридические документы, официально-деловые документы и пр.). Также желательно осуществить дифференциацию баз данных

текстов по хронологическому принципу, по тематической направленности, по жанровой принадлежности, по авторам и т. п. Именно в этом случае можно будет решать экспертные задачи по авторизации и диагностике спорных текстов в наиболее юридизированных областях бытования текстов в современном мире — в медийном и политическом дискурсе, в юридической, официально-деловой и коммерческой документации и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. 347 с.
2. Верзохин С. С. К вопросу о лингвотейоретических основах методик авторизации текста // Учен. зап. ЗабГГПУ. 2013. № 2 (49). С. 22—27.
3. Вул С. М. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. — М. : ВНИИСЭ, 1977. 109 с.
4. Галяшина Е. И., Ермолова Е. И. Перспективы развития автороведческой экспертизы в России // Судебная экспертиза : науч.-практ. журн. 2005. № 3. С. 5—11.
5. Головин Б. Н. Язык и статистика. — М. : Просвещение, 1970. 190 с.
6. Кремер Н. Ш. Теория вероятностей и математическая статистика. Изд. 3-е, перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ—ДАНА, 2007. 543 с.

T. B. Radbil

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID ID: 0000-0002-7516-6705

M. V. Markina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID ID: —

 E-mail: timur@radbil.ru; markinamv6213@yandex.ru.

Probabilistic-Statistical Models in Conducting Authoring Expertise of Russian Texts

ABSTRACT. *The article presents the experience of developing a computerized text authorization model and its adaptation to the needs of identification and diagnostic authoring expertise of Russian texts. The purpose of the study is to demonstrate the possibilities of identification authoring expert examination of texts through automatic text processing based on the integrated application of probabilistic-statistical methods. The article describes one more stage of testing an improved version of the CAT program (computerized text authorization) – an experiment to determine the relative frequencies of the ratio of certain linguistic elements (calculation of correlation coefficients) in several samples of compared texts using a set of different-level parameters — B.N. Golovin's coefficients, supplemented by the text clarity indexes existing in scientific practice and applied field ("Flesch-Kincaid Index", "FOG-Index") and a number of other parameters. The research materials consist of primary databases of texts of Russian classics (works by L.N. Tolstoy, N.V. Gogol, I.S. Turgenev). As a result of the experimental study, the following criteria for identifying authorship were developed: the text is considered to belong to the author, if the correlation coefficient of the text with the existing base is greater than 0.87, i.e. the interval 0.87-1 should be taken as a confidence interval; the text is assumed not to belong to the author, if the correlation coefficient of the text with the existing base is less than 0.82; we should note that the accuracy of the program increases with longer texts in the database. The author defines a base as the average indicator, calculated for all texts, certainty known as belonging to this author. In case of successful refinement of the proposed CAT automatic text processing program, it will be possible to solve expert problems of authorization and diagnostics of contentious texts produced in the space of media and political discourses, in legal and official business, commercial documentation, etc.*

KEYWORDS: forensic authoring; authoring expertise; text authoring; automatic text procession, probabilistic-statistical method; Russian language.

AUTHOR'S INFORMATION: Radbil' Timur Ben'yuminovich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Markina Marina Viktorovna, Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor of Department of Theoretical, Computer and Experimental Mechanics, Institute of Information Technologies, Mathematics and Mechanics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

FOR CITATION: *Radbil', T. B.* Probabilistic-Statistical Models in Conducting Authoring Expertise of Russian Texts / T. B. Radbil', M. V. Markina // *Political Linguistics*. — 2019. — No 2 (74). — P. 156—166. — DOI 10.26170/pl19-02-18.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Introduction to Applied Linguistics : teaching aid. — Moscow : Editorial URSS, 2001. 347 p. [Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku : ucheb. posobie. — M. : Editorial URSS, 2001. 347 s.]. — (In Rus.)
2. Verzokhin S. S. On the Issue of Linguistic-theoretical Fundamentals of text Authorization Methods // *Proceedings of ZabGGPU*. 2013. No 2 (49). P. 22—27. [K voprosu o lingvotoreticheskikh osnovakh metodik avtorizatsii teksta // Uchen. zap. ZabGGPU. 2013. № 2 (49). S. 22—27]. — (In Rus.)
3. Vul S. M. Theoretical and Methodological Issues of Forensic Research in Writing. — Moscow : VNIISE, 1977. 109 p. [Teoreticheskie i metodicheskie voprosy kriminalisticheskogo issledovaniya pis'mennoy rechi. — M. : VNIISE, 1977. 109 s.]. — (In Rus.)
4. Galyashina E. I., Ermolova E. I. Prospects for the Development of an Author's Expert Examination in RUSSIA // *Forensic Examination : scientific and practical journal*. 2005. No. 3. P. 5—11. [Perspektivy razvitiya avtorovedcheskoy ekspertizy v Rossii // Sudebnaya ekspertiza : nauch.-prakt. zhurn. 2005. № 3. S. 5—11]. — (In Rus.)
5. Golovin B. N. Language and Statistics. — Moscow : Enlightenment, 1970. 190 p. [Yazyk i statistika. — M. : Prosveshchenie, 1970. 190 s.]. — (In Rus.)
6. Kremer N. Sh. Probability Theory and Mathematical Statistics. Ed. 3rd, rev. and add. — Moscow : UNITY — DANA, 2007. 543 p. [Teoriya veroyatnostey i matematicheskaya statistika. Izd. 3-e, pererab. i dop. — M. : YuNITI—DANA, 2007. 543 s.]. — (In Rus.)
7. Martynenko G. Ya. Basics of style-metrics. — Leningrad : Publishing House of Leningrad Univ., 1988. 173 p. [Osnovy stilemetrii. — L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. 173 s.]. — (In Rus.)
8. Morozov N. A. Linguistic Spectrs: a means for distinguishing of plagiarism and original works for famous authots. [Electronic resource]. — Petrograd : Type of Imp. Acad. Sciences, 1916. 42 p. [Lingvisticheskie spektry: sredstvo dlya otlicheniya plagiatov ot istin. proizvedeniy togo ili dr. izvestnogo avt. — Petrograd : tip. Imp. Akad. nauk, 1916. 42 s.]. URL: <http://www.textology.ru/library/book.aspx?bookId=1&textId=3>. — (In Rus.)
9. Radbil' T. B. Identification of content and speech signs of unfair information in expert activities of a linguist // *Nizhniy Novgorod Univ. n. a. N. I. Lobachevsky Journ*. 2014. No. 6. P. 146—149. [Vyyavlenie sodержatel'nykh i rechevykh priznakov nedobrosovestnoy informatsii v ekspertnoy deyatelnosti lingvista // *Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo*. 2014. № 6. S. 146—149]. — (In Rus.)
10. Radbil' T. B., Yumatov V. A. Ways to Identify Implicit Information in Linguistic Expertise // *Nizhniy Novgorod Univ. n. a. N. I. Lobachevsky Journ*. 2014. № 3 (2). P. 18—21. [Sposoby vyyavleniya implitsitnoy informatsii v lingvisticheskoy ekspertize // *Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo*. 2014. № 3 (2). S. 18—21]. — (In Rus.)
11. Romanov A. S., Meshcheryakov R. V. Identification of the Author of the Text Using the Support Vector Machine // *Computational linguistics and intellectual technologies: based on the materials of the annual International conf. "Dialogue-2009" (Bekasovo, May 27—31, 2009)*. — Moscow : RGGU, 2009. Vol. 8 (15). P. 432—437. [Identifikatsiya avtora teksta s pomoshch'yu apparata opornykh vektorov // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : po materialam ezhegodnoy Mezhdunar. konf. «Dialog-2009» (Bekasovo, 27—31 maya 2009 g.)*. — M. : RGGU, 2009. Vyp. 8 (15). S. 432—437]. — (In Rus.)
12. Khmelev D. V. Recognition of the Author of the Text Using the Chains of A. Markov // *Moscow State Univ. Journ. Ser. 9, Philology*. 2000. № 2. P. 115—126. [Raspoznavanie avtora teksta s ispol'zovaniem tsepey A. A. Markova // *Vestn. MGU. Ser. 9, Filologiya*. 2000. № 2. S. 115—126]. — (In Rus.)
13. Yumatov V. A., Markina M. V., Kovaleva A. S. The Program of Forensic Diagnostics and Authorization of the Text "KAT" // *Kostroma Univ. Journ*. 2015. Vol. 21. No. 3. P. 199—202. [Programma kriminalisticheskoy diagnostiki i avtorizatsii teksta «KAT» // *Vestn. Kostrom. un-ta*. 2015. T. 21. № 3. S. 199—202]. — (In Rus.)
14. Yumatov V. A., Markina M. V., Yumatov S. V. Mathematical Methods of Forensic Diagnostics and Text Authorization in Speech Expertise // *Nizhniy Novgorod Univ. n. a. N. I. Lobachevsky Journ*. 2016. No. 5. P. 227—232. [Matematicheskie metody kriminalisticheskoy diagnostiki i avtorizatsii teksta v rechevedcheskoy ekspertize // *Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo*. 2016. № 5. S. 227—232]. — (In Rus.)

Э. А. Салихова

Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9570-1763

✉ E-mail: salelah12@yandex.ru.

К вопросу о вербальной реализации призыва

АННОТАЦИЯ. *Материал публикации содержит данные об особенностях вербального воплощения жанра призыва в текстах различной (политической, религиозной, социальной) направленности. Автор пытается определить основные характеристики содержания призывов — высказываний побуждающего характера — при проведении судебных и досудебных экспертиз. На конкретных примерах демонстрируется анализ плана выражения явных и неявных (скрытых, косвенных) призывов. Приводятся необходимые для выявления последних лингвистические и психолингвистические обоснования, выделенные на базе проанализированных автором материала проверки. Учитываются и роль невербальной составляющей жанра призыва в контексте его вербального представления. Проанализированные классификации являются лишь очередным шагом к выработке четко обоснованной научной позиции по данной проблематике. Предстоит еще сложная и кропотливая работа для того, чтобы вывести окончательный перечень лингвистических критериев классификации призывов к экстремистской деятельности. Исследование поможет раскрыть отдельные вопросы, недостаточно освещенные в теории современного русского языка, в практике лингвоэкспертологии. Статья призвана продолжить научную дискуссию по этим вопросам, которая необходима для установления четкого понимания в данной сфере. Аргументируется объективная необходимость научных исследований в этой области, которые смогут принести как теоретическую, так и практическую пользу. Автор надеется на востребованность материала публикации при написании лингвистических исследований / экспертиз.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; призывы; лексическая семантика; психолингвистика; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Салихова Эльвина Ахнафовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики, Уфимский государственный авиационный технический университет; 450008, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 12, к. 1-301; e-mail: salelah12@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Салихова, Э. А. К вопросу о вербальной реализации призыва / Э. А. Салихова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 167-176. — DOI 10.26170/pl19-02-19.

В начале «нулевых» годов понятие «экстремизм» обозначало «насильственные действия или угрозу их применения религиозными фанатиками или другими людьми похожих взглядов», в последнее время на первый план в СМИ и Интернете стал выступать «словесный экстремизм» [Игисенов 2018: 59], или «язык вражды» (от английского «hatespeech») [Моровов 2016: 21].

При проведении лингвистических экспертиз одним из частых является вопрос о содержании в материалах проверки высказываний «побуждающего характера» [Бринев 2016: 69—71], т. е. призывов. На первый взгляд, вопрос достаточно ясен, однако такого рода ответ на них не всегда очевиден из-за неоднозначности термина «призыв». В большинстве лингвистических лексикографических изданий этот термин отсутствует, а в словарях литературного языка внимание привлекается к плану содержания [Власова 2016: 123]. В практике исследований целесообразным считается опора на формальные признаки призывов, убедительные для нелингвистов [Галяшина 2006; Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011 и др.].

Характеристика текста, содержащего элементы «языка вражды», безусловно, лингвистическая задача. Жанровыми признаками призыва в тексте являются те или иные лексические единицы, грамматические формы, синтаксические конструкции; в аудио- и видеотекстах — дополнительные интонационные средства. Варианты подтекстовой или затекстовой передачи информации тоже предполагают возможность их выявления совокупностью контекстуального, семантического и лингвопрагматического методов и приемов дискурсивного анализа. Призыв как особый тип побудительного речевого жанра традиционно описывается по семантической схеме: «хочу, чтобы ты сделал X / говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал / знаю, что ты это сделаешь, потому что ты знаешь, что ты обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал» [Бринев 2016: 69—71; Судебно-психологическая экспертиза... 2012: 10].

Приведем дефиницию слова «побуждение» (или «призыв») в толковом словаре: «2. Звуки, слова, с помощью которых приказывают или зовут для чего-либо. 3. Обращение в краткой форме, выражающее полити-

ческое требование; лозунг» [Большой толковый словарь... 2000: 978]; «2. Политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую политическую идею, требование. 3. Обращение, в краткой форме выражающее руководящую идею, политическое требование; лозунг» [Ожегов 1989: 480].

В «Русской грамматике» (1982) отмечены формальные (языковые) признаки призывов: 1) наличие глагола в повелительном наклонении; 2) наличие эксплицитной перформативной формы призыва (глагол «призывать» в 1 л. ед. или мн. числа); 3) формы глагола «давать» (даешь, давай, давайте); 4) форма «долой!»; 5) частицы «пусть» и «пускай», форма «вон» и частица «да»; 6) использование номинализаций; 7) предлог «к» с императивной интонацией; 8) инфинитивные предложения с императивной интонацией; 9) именные предложения; 10) отрицательная частица с императивной интонацией; 11) модальные глаголы с семантикой должноствования типа *необходимо, следует, требуется, нужно* [Грачев 2016: 54—111; Судебно-психологическая экспертиза... 2012: 12—15].

Многие исследователи (М. А. Осадчий, К. Бредемайер, О. Б. Власова, Д. В. Мороров и др.) считают признаком присутствия призыва в тексте реализацию его полной или сокращенной формулы: «наименование адресата — наименование действия — наименование объекта — императив». Иными словами, наличие призыва к осуществлению экстремистской деятельности предлагается определять по выявлению в тексте адресата, императива, побуждающего осуществить противоправное действие в отношении определенного объекта. В речевой ситуации отсутствия одного из этих компонентов имеет смысл говорить о наличии косвенного призыва.

Специалист в области речевой коммуникации Карстен Бредемайер, квалифицируя призывы, дает им следующее определение: «Призыв — более эффективное средство, чем вопрос, так как вы прямо указываете собеседнику, что нужно что-то сделать. Вы не спрашиваете собеседника о его решении, вы предлагаете ему уже готовое» [Бредемайер 2005: 85]. Он также отмечает, что «призывы — чудесный инструмент, помогающий разнообразить коммуникацию, потому что призывы, как и вопросы, могут: умиротворить собеседника или спровоцировать; выявить факты или скрыть факты; разубедить в чем-то или внушить что-то; побудить к чему-либо или демотивировать; заострить внимание на предмете обсуждения или на личности собеседника; просить поделиться

впечатлениям или допрашивать; выявить оценку или признать оценку ошибочной; попросить объяснения или потребовать оправдания; призвать к более детальному описанию или перекрыть источник красноречия» [Там же: 86].

В типологии исследователя высказывания побудительного характера выделяются на основе коммуникативных и прагматических установок говорящего/пишущего. Дадим краткое описание каждого из видов призывов, проиллюстрировав собранным материалом (орфография и пунктуация, стиль источников здесь и далее сохранены). Так, *коммуникативные призывы* содержат четкое указание и прямое обращение, в них обязательно наличие императивного глагола: *...тогда надо действовать варварски и жестоко, поднять бунт!*

Тесно связаны с первыми *призывы к действию*, предусматривающие требование произвести действие и прямое обращение: *Давайте в количестве 500-1000 человек ворвемся к нему в кабинет... и скинем мэра, за волосы вытащим на площадь и обосцым..., искупаем их в моче; Давай замутим митинг!; давайте сожжем чуело мэра в связи с масленицей; второй майдан надо устроить!*

Предсказуемые призывы — те, при произнесении/написании которых изначально известны ответ или предполагаемое направление рассуждения собеседника, и адресат получит желаемую информацию: *набираю армию для атаки... никого из вас не заставляю мне помочь, но если есть желание, то я буду рад, за последствия, которые с вами могут случиться, вы отвечаете сами (ранения в драке или огнестрелом); лучше сжечь самого мэра; ... а представь, хотя бы 70% населения города <...> будет, кто же их посадит?*

Позитивные цели *открытых призывов*, как указывается в ряде работ [Мороров 2016; Пинкевич 2014], в иных жанрах коммуникации заключаются в том, чтобы позволить адресату дать более подробный и основательный ответ, не ограничиваясь краткими «да» или «нет». Параллельно эти призывы стимулируют мотивацию собеседника, его вовлеченность в разговор: собеседник становится более красноречивым. В рассматриваемых нами побуждениях к экстремистской деятельности часто употребляются вопросительные слова — *кто, что если, где, когда, каким образом, куда: ...а что если перекрыть выезд из гаражных ворот мэрии?* Негативные цели состоят в том, чтобы принудить человека к оправданию, выявить противоречия в его выступлении, под-

толкнуть его к тому, чтобы он углубился в такие сферы, в которых он некомпетентен: *...исправление такой ситуации нуждается не в единицах рядовых мусульман, а нуждается во вмешательстве мусульманских стран!*

Позитивные цели закрытых призывов в общении состоят в том, чтобы ограничить красноречие собеседника, уточнить какой-либо факт; в высказываниях-побуждениях к экстремизму они приобретают целенаправленность: *Если ты вернешься к правилам Салафии, касаясь отношений с бидачиками, то увидишь, что это правило твердо установлено... надо унижать, позорить, стыдить их и тому подобные действия, которые необходимы в отношении к ахлюль бид'а...правила ...единогласны в обязательности унижения их, т. е. бидачиков, в необходимости изгнания их, а также враждебности к ним и предостережении людей от них...Мы не должны обходиться с ними мягко....* К негативным целям относится также стремление с помощью высказанного призыва внушить собеседнику определенную ответную реакцию, побудить его сделать неправильные выводы или признания, к которым он нерасположен: *Разве вы не побоитесь Аллаха? Не начат ли вам беречь ваших женщин и детей и хранить то, что вверил вам Аллах и Он спросит вас об этом вверенном в судный день? В религиозно ориентированных дискурсах они используются для того, чтобы не оставить собеседнику или оппоненту права выбора. Отличия этого вида призывов состоят в том, что они стимулируют собеседника к тому, чтобы он четко обозначил свою позицию, констатировал факты или уточнил положение вещей: Д-а-а...кто не уважает себя и свое будущее. Никто в <город> не пойдет митинговать. Все трусы и пессимисты!*

Полуоткрытые/полузакрытые призывы носят компромиссный характер, сужая тем самым тематическое поле ответа с помощью заданной возможности. При этом используются наводящие слова, например, союз «или» для получения исчерпывающего ответа, но с соблюдением установленных уже самой формулировкой границ: *...или заполнить площадь машинами и непрерывно сигналить в течение 15 минут?*

Прямые призывы оповещают об открытой коммуникации, во время которой выяснение фактов и состояния дел сознательно ставится на первое место с учетом личных особенностей коммуникантов (религиозность/нерелигиозность, профессиональные предпочтения и пр.) и темы разговора: *Не ле-*

нись распространить эту информацию в группах и соцсетях, в которых ты зарегистрирован и которыми ты пользуешься, и надейся за это на награду в Судный день!

Приведенные выше примеры относятся к эксплицитным (явным) призывам, в которых последние вводятся в текст за счет предикации. В качестве смыслового и структурного ядра выступает форма повелительного наклонения, кроме которого явный призыв структурирует грамматическая форма будущего времени глагола 2 лица мн. числа: *не должны думать* и т. д. [Власова 2016: 124]. Призывный характер могут приобретать в соответствующих контекстах и вставки (например, стихотворения или их фрагменты и пр.). Так, в песнопении «Войны Аллаха. Нашид (с переводом)», в котором присутствует большое количество глаголов повелительного наклонения и будущего времени в обобщенном значении, используется «мы»-обращение, объединяющее массу мусульман. Такие тексты в рассматриваемом контексте всего материала, где преобладают сведения, оправдывающие и поддерживающие террористическую деятельность, могут иметь иное воздействие на аудиторию, так как их коммуникативная цель ведет за собой «потерю нравственных ориентиров и, как следствие, возможную заинтересованность деятельностью различных псевдорелигиозных движений» [Волкова 2016: 26—27].

Имеющаяся в тексте песнопения «Войны Аллаха. Нашид (с переводом)» директивная информация, побуждающая к тем или иным насильственным действиям: *До тех пор, пока начнется наступление / мы придем, войны, отвечающие на зов, // О войны Аллаха, / Никогда мы не отклонимся; И несомненно, / однажды Мы освободим Аль-Аксу // И наш выкуп останется навсегда // В Сады Господа моего отправится шахид / с Его пути мы не отклонимся никогда; Мы пойдем, дальше, // как войны, крушащие врагов / С Кораном Нашего Господа, как источником для нас / И это вселяет в нас новую убежденность!* — направлена против группы лиц по их отношению к религии. Дан обобщенный образ жертвы политического режима с конкретизацией религии (мусульманской). В контексте всего материала песнопение, безусловно, воспринимается читателем применительно к социально-политическим условиям Сирии. В идеологическом тексте сознательно нагнетается религиозный пафос: *Никогда мы не отклонимся... / от пути Веры // Наш путь — прямой путь // Наш путь — прямой путь, с указаниями Корана / Идущие, по пути истины, // О войны Алла-*

ха // О войны Аллаха! Это объясняется тем, что «сакральная семантика» оказывает особо глубокое воздействие на человека в силу «связи представлений о сакральном с базовыми структурами сознания (центральная зона ментальности, по С. В. Лурье)», а именно с локализацией образов добра и зла [Казаков 2013: 202]. В песнопении определенно образуются два семантических полюса: добро выражается словами «мы», «не отклонимся», «от пути веры» (оно приобретает в этом тексте сакральный статус), а зло — словами и словосочетаниями «как войны, крушащие врагов».

Косвенные призывы имеют отрицательную характеристику, поскольку являют собой попытку замаскировать истинную цель высказывания или же негативно оценить разговор посредством ложных утверждений: *...но если есть желание, то я буду рад; за последствия, которые с вами могут случиться, вы отвечаете сами (ранения в драке или огнестрелом);* используют косвенную провокацию: *Они сами этого хотели и добились, никто не заставлял их воровать и делать жизнь гражданам хуже; Дорогами бы занялись!*

Показательными в перечисленных группах косвенного (скрытого) призыва являются часто используемые единицы со значением долженствования, необходимости (*надо₂, нужно₂, необходимо₂, недопустимо* (= допустимо не), *следует, должно, не должно* (= должно не), *(не) должно быть, должны, обязаны, обязательно, (является/становится) обязанностью / обязательным / необходимым / неизбежным, обязывает* и т. п.), а также единицы (например, перформативы), побудительная семантика которых не имеет формальных средств выражения, является лексической [Власова 2016: 124] — *требует(ся), рекомендует(ся), не позволяет(ся), за-воспрещает(ся), остается (лишь), хотеть, нельзя, хватит, довольно* и др.: *Наши сердца с вами, хватит пресмыкаться! Наше богатство с вами и наше оружие по воле Аллаха скоро будет с вами! Остается лишь сражаться за свободу!* Не вызывает сомнений положение о том, что иллокуцию призыва могут принимать и «высказывания, не имеющие формы побуждения и не включающие перформативные глаголы класса директивов (*Я призываю, Я приказываю...*), ...порожденные в некоторой коммуникативной ситуации (в аудитории, на городской площади, в телестудии) и произнесенные с определенной интонацией» [Мишланов, Салимовский 2013: 72]. Высказывания типа *Как вы думаете, если подать на них в суд — их посадят за оправдание тер-*

роризма лет на 24? Пескова например?; ...Когда несправедливость становится законом — противостояние становится долгом мотивированы теми же интенциями и имеют ту же коммуникативную цель, что и прямые призывы [Там же].

В основе неявного призыва, как отмечалось [Мишланов, Салимовский 2013: 73—74], нет императива и слов императивной семантики, однако они могут быть добавлены в контекст, например: *...Вы с американцами раздавали нам оружие, учили нас воевать думая, что мы будем вашими цепными псами, а мы — не псы. Теперь у нас есть ваше оружие, и мы готовы умереть за Аллаха. Мы вас победим!; ...Ни один мусульманин не должен мириться с тем, чтобы мусульманку, которая была воспитана на Коране, схватили и насильно привели в спальню жестокого тирана* и пр.

Доказать наличие неявного призыва, когда конструкция с предикатом не имеет императива, с нашей точки зрения, можно, если анализируемая фраза расположена на фоне какого-либо изображения, дополняющего смысл текста. Например, выстрелы в кадрах в видеозаписи под названием «Кафир»: *...с именем Аллаха милостивого, я получил твоё видео в ютубе, о сын кафира, и запомни об одной вещи, ты не услышишь мой ответ, ты увидишь мой ответ* — не оставляют сомнений в том, что такая концовка дается с целью косвенного призыва, даже скрытой угрозы, к выбору способа претворения в жизнь действий, об итогах которых дана следующая информация: *...на юге Москвы прихожане храма Апостола Фомы молятся об упокоении священника Даниила Сысоева, убитого в ночь четверга на пятницу, у него много друзей среди священников, они будут непрерывно совершать по нему панихиду, вплоть до дня похорон* (по материалам из социальных сетей).

Если бы текст не сопровождался указанным изображением, обосновать позицию о наличии данного косвенного призыва в составе первой фразы с предикатом и с отсутствующим императивом было бы сложнее. Этому выводу способствует двухчастная оппозиция, где негативно-оценочные слова *от пробиваемого шайтана, сын кафира* противопоставлены выражению *ты не услышишь мой ответ, ты увидишь мой ответ*. Именно эта бинарная оппозиция является основанием для квалификации высказывания как неявного призыва.

Содержание видеоматериала на странице может по-разному интерпретироваться зрителями, но в контексте выкладываемой

информации квалифицируется как скрытое побуждение к формированию негативного отношения к немусульманам (преимущественно лицам неисламской религии). Подтверждением этому служат последующие 37 комментариев к видеозаписи «Гниду нашли и наказали»: **Надо было застрелить!**; **...весь его тухум надо убить**; **Красавчики, что избили этого придурка** и под.

Предлагаемые для исследования материалы в своей совокупности часто представляют собой сложную систему языковых, визуальных (статические изображения — преимущественно фото) знаков [Голикова 2014: 67]. Следуя семиотической традиции, подобный феномен как осмысленную последовательность знаков разного рода мы называем поликодовым текстом — текстом, фактура которого состоит из двух неомогенных частей (вербальной, языковой (речевой) и невербальной — принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [Салихова 2016: 61]; текстом, обладающим всеми необходимыми признаками креолизованности: синтетический операторный способ (ориентация на зрительное восприятие), особая сфера функционирования (оценивается при восприятии как общественно и политически значимая деятельность), синтетический тип функционирования (пространственная и временная протяженность, изобразительность, непрерывность, виртуальная расположенность на плоскости и в пространстве) [Рогожникова, Салихова 2019]. Синтетическая форма креолизованного текста обусловлена требованиями современного общества, ориентирующегося на визуальный способ представления информации, что, в свою очередь, значительно повышает прагматический, т. е. «воздействующий потенциал» данного типа текстов [Рогожникова 2018; Экстремистский текст и деструктивная личность 2011].

Исходя из перечисленных особенностей креолизованного текста к числу скрытых, или косвенных, призывов отнесем фотоизображение негативного характера, потому что оно представляет собой попытку скрыть, замаскировать истинную цель провокации: огнестрельное оружие и военный рюкзак в совокупности несут контекстуальное значение призыва к военным действиям, участию в них. Последующий к фото комментарий-реакция участника чата *Хочу в ИГИЛ* (запрещенная в РФ террористическая организация) семантически дополняет затекстовую информацию — сведения о событии или его отдельных аспектах, в тексте непосредственно не выраженные; вместе с тем предполагается, что и читатель, и располагаю-

щий на странице фото знают ее [Салихова 2016: 62]. Речь идет о скрытом приглашении участвовать в военных действиях, согласно кораническому описанию, — таухиде, т. е. распространении единобожия на земле. Подобная интерпретация имеет место еще и потому, что фото размещено на странице, название которой в переводе с арабского означает «мусульманское священное предание о единобожии, излагающее примеры из жизни исламского пророка Мухаммада как образец и руководство для всей мусульманской общины (уммы) и каждого мусульманина». Таухид является одним из основных, фундаментальных догматов ислама, означает прежде всего отрицание политеизма (ширк), выражающееся в формуле «Нет иного божества, кроме Аллаха» (из текстовых материалов социальных сетей).

Исходя из лингвопрагматического определения «побуждения (призыва)» как речевого акта, обращенного к адресату, можно выделить основной признак данного вида обращения — оно делается с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, способствующих достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы [Игисенов 2018; Иссерс 2008]. Данное определение речевого акта призыва и описанные условия его успешности составляют центральную часть того множества речевых актов (так называемых классических призывов), которое неомогенно: в нем выделяются виды призывов, которые, как кажется, с равным правом относятся к центру обсуждаемой категории. Рассматривая соотношение между говорящим и адресатом при осуществлении речевого акта побуждения, легко заметить, что далеко не всегда они противопоставлены по отношению к предполагаемому действию (деятельности) [Власова 2016; Кара-Мурза 2009].

По общему правилу, то или иное побуждение/призыв может рассматриваться как провоцирующий некие незаконные действия, только если содержание таких действий в части, нарушающей действующее законодательство, непосредственно раскрыто в нем [Памятка... 2004; Пинкевич, Черных 2013].

Воздействие звучащего высказывания складывается из созначений, которые выражаются его лексико-семантическим составом, синтаксической конструкцией, интонацией, и может быть уточнено контекстом. Интонация формирует различные смысловые и эмоционально-стилистические оттенки высказывания. Выявление специфики взаимодействия интонационных и лексико-син-

таксических средств при выражении значения высказываний, а также семантико-синтаксических связей между ними и их частями основывается на учете коммуникативных факторов, влияющих и на их просодическую сегментацию [Салихова 2016]. Так, с точки зрения содержания в аудиоматериалах читающий раскрывает в речи отдельные положения мусульманского вероучения, опираясь на тексты священных книг (Корана), свидетельства пророков, а также рассуждает, разъясняя их с учетом жизненного опыта слушателей, при этом умело и гармонично соотнося сиюминутные проблемы дня с вечными истинами бытия, и стремится убедить адресата. В этом аспекте для говорящего важно и необходимо акустически выделить актуальные для каждого конкретного духовного наставления понятия, ключевые, опорные слова, а также обозначить связи между ними.

Анализ материала показывает, что, в отличие от чтения молитвенного текста, звучание одной из проанализированных аудиозаписей семантически обусловлено. Выбор интонационных средств зависит от коммуникативного типа высказывания, его лексического состава и степени синтаксической распространности. Совокупность просодических характеристик принимает участие в противопоставлении таких коммуникативных значений высказываний, как сообщение, побуждение; дифференцирует оттенки значений в высказываниях одного и того же коммуникативного типа.

Отличительной особенностью звучащей речи является объединение разных каналов передачи информации. Сочетание устойчивой видекартинки (арабская запись названия белым шрифтом на черном фоне) и аудиоканала обладает значительным преимуществом по сравнению с традиционным текстовым способом описания: звуковая и визуальная составляющие, интонационные элементы (логическое ударение, пауза, мелодика, темп, тембр). В сознании слушателя, воспринимающего аудиозапись, черно-белый контраст представления слов и выражений устойчиво ассоциируется с атрибутикой воинов джихада — черными флагами с белой надписью, символически представляющих обозначение территорий, граничащих с Дар аль-исламом (территория ислама), лидеры которой призывают принять ислам и следовать его канонам [Салихова 2016: 63—64].

Интонационные особенности речи помогают конструировать образ говорящего, по ним слушатели могут составить представление о личности говорящего, его компетент-

ности и привлекательности.

О. С. Иссерс отмечает, что эффект воздействия наблюдается при изменении некоторых супrasegmentных характеристик: интонации, логического ударения, тембра, скорости речи [Иссерс 2008: 155]. По мнению Е. В. Шелестюк, роль ритма «заключается в бессознательной запоминаемости образа текста, рецепторной и двигательной направленности реципиента на текст, желании его имитации» [Шелестюк 2008: 169]. Согласно методике исследования и типологии интоном (О. В. Филиппова), мы разбиваем звучащий текст записи на сегменты — отрезки речи разной длины, характеризующиеся относительной смысловой независимостью и полученные в результате членения речевого потока на составляющие отрезки по правилу сохранения непрерывности речевой цепочки при следовании управляемого компонента за управляющим словом [Там же]. Таким образом было выделено несколько типов интоном, оказывающих воздействие на слушателя.

Интономы важности подчеркивают преимущества выполнения верующими религиозных наставлений: **Тем же, которые избегают поклонения идолам и обращаются с мольбой к Аллаху, — радостная весть...** Они выполняют задачу привлечения внимания к наиболее значимой информации и способствуют лучшему запоминанию. Важное выделяется разными способами: замедлением темпа, увеличением интенсивности (силы произнесения), изменением диапазонной высоты (изменение основного тона по отношению ко всему диапазону голоса), повышением или понижением мелодического тона, которое происходит, как правило, на одном слове [Иссерс 2008]. Указанные способы в некоторых фрагментах аудиозаписи объединяются.

При перечислении наставлений иногда используется *пословное акцентирование* — оно создается путем выделения каждого слова логическим ударением, интенсивностью, замедленным темпом и паузами: **Самый низкий уровень отречения // необходимого для каждого взрослого // и без которого он не спасется /// это // отдаление от тагута // не поклонение ему // и не последование ему в его ширке //...** Пословное акцентирование позволяет достичь особого риторического эффекта, который подчеркивает высокую информационную значимость в глазах говорящего и становится средством риторического воздействия на слушающего [Там же].

Выявленные *волюнтаривные интономы* в аудиозаписи выполняют функцию

управления вниманием слушателя, придают речи побуждающий тон, отличаются высокой диапазонной высотой, увеличенной интенсивностью (в случае произнесения глаголов-императивов), волнообразной мелодикой (восхождение и нисхождение тона): *...Все-вышний сказал: „Поклоняйтесь Аллаху и избегайте тагута“; тагут, которого ты должен отвергать; если вы им не подчинитесь, то вы мушрики; И вот, мой брат, когда ты все это понял, знай, что самая высшая степень приверженности... к исламу...* (из материалов социальных сетей). В отличие от призыва, которому свойственны высокая диапазонная высота в сочетании с интенсивным произнесением глагола в повелительном наклонении, восклицательный характер сегмента и наличие восходящего тона на реме сообщения, совет (*Также обрати внимание, мой брат, как всевышний выдвинул вперед вражду перед ненавистью; О, раб Аллаха, если ты намереваешься спастись и надеешься на милость твоего Господа, которому Он предписал для богобоязненных рабов, отдались от всех тагутов, и берегись их ширка сейчас и др.*) оформляется при помощи высокой диапазонной высоты глаголов в повелительном наклонении.

Интонаемы приказа и призыва оформляются при помощи резкого падения тона на глаголах в повелительном наклонении и увеличенной интенсивностью.

В числе *эмотивных интоном* выявлены интонаемы сочувствия, которые помогают говорящему выразить свое расположение и внимание к слушателю, готовность помогать: *Остерегайся, о раб Аллаха, отступиться от слов единобожия, остерегайся проявлять небрежность в утверждении того, что утверждают эти слова и в отрицании того, что они отрицают...* (из текстовых материалов социальных сетей). Характеризуются замедленным темпом речи, низкой диапазонной высотой, «теплым» тембром голоса. Таким способом создается впечатление доверительного контакта, говорящий как бы сообщает слушателю: «Я готов тебе помочь».

Согласно поправке к ФЗ от 23 ноября 2015 г. № 314-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии экстремистской деятельности“», ст. 1 священные книги мировых религий не могут приравниваться к экстремистским материалам: «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами». Поэтому в том случае, если в тексте цитируется какая-либо из указанных в законе

священных книг, интерпретация такой цитаты не представляется возможной. В рамках дискурсивного анализа цитата может быть проанализирована не с точки зрения своего смысла, а с точки зрения ее функционирования в тексте и ее включенности в текст [Волкова 2016: 27]. Несмотря на обилие религиозной лексики и речевых оборотов религиозной тематики, такие тексты, как отмечалось нами выше, могут принимать характер псевдорелигиозных.

Тексты подобного рода могут быть в жанровом плане определены как назидательные, наставнические, тем не менее в них авторские суждения зачастую обретают такие модусные составляющие, что главная цель публикаций / аудио-, видеотекстов заключается в побуждении массового адресата к активным действиям по отношению к определенной социальной группе [Мишланов, Салимовский 2013]: *...не входите в эту несправедливую группу только потому, что они называют себя „халифатом“, ... Будьте внимательны в своей религии, ... а псевдомуджахиды из псевдохалифата с их жестокими сердцами, криками и проклятиями — они мне до лампочки — не к ним обращаюсь; ...шахиды из них — это лучшие из мусульман... отдают свои жизни не задумываясь ради Лука Аллаха...* (Хадис аль-Бухари); *ибн Теймия сказал: Ваджиб, обязательно убить того, кто ругает Посланника Аллаха!* (из текстовых материалов социальных сетей).

Не все выделенные нами фрагменты содержат призывы, но по содержанию и эмоционально-экспрессивной окраске объективно должны рассматриваться как речевые действия, имеющие одной из коммуникативных целей внушить враждебное (неприятное, негативное) отношение к немусульманам (внутри одной религии — к тагутам, т. е. идолопоклонникам, и лжемуджахедам, которые не совершают джихад), возбудить резко отрицательно-оценочные чувства к ним. Не являясь по формальным признакам призывами, эти высказывания и обращения «коммуникативно и тактически ориентированы» (термины и некоторые обозначения В. А. Мишланова и В. А. Салимовского [Мишланов, Салимовский 2013]) на усиление иллюзии призыва. В контексте публикуемого/распространяемого материала они становятся мощным аргументирующим средством, возможно, и манипулятивной тактикой «апеллирования к чувствам адресата» [Там же].

Конечно, у различных слоев общества, контактирующих с объектами описания, может наблюдаться индивидуальная реакция, которая, в свою очередь, лежит в пределах

от одобрения до отрицания излагаемого устно или письменно, в аудитории или в социальных сетях. В ряде случаев возможно полное безразличие к содержательному и воздействию моменту. Особенности анализируемых дискурсов (социально-политических или религиозных и пр.), используемые в объектах исследования коммуникативные тактики вербального воздействия сводятся к группам коммуникативных установок донести идею и оказать нужное воздействие на определенную группу реципиентов.

Исследователи справедливо отмечают, что успешная интерпретация смысла экстремистского текста возможна при условии, когда его структура и содержание соответствуют особенностям сознания и восприятия «деструктивной личности». Указывается, что «априори экстремистская деятельность деструктивна, как и реализующий ее субъект, однако их отождествление не будет верно» [Экстремистский текст и деструктивная личность 2011]. Иными словами, взаимосвязь между деструктивностью и готовностью к экстремистским действиям установить только лингвистическими методами не удастся. Лингвоэкспертологические результаты показывают, что понятия «деструктивность» и «экстремистский текст» взаимообусловлены: например, достаточно высокий уровень деструктивной установки может привести и обычно приводит к связи экстремистских идей в сознании читателя/слушателя, следствием которой является ксенофобия по отношению к представителям определенной национальности, религии, субкультуры [Там же].

Таким образом, проведение лингвистических экспертиз помогает наметить пути решения актуальных вопросов, связанных с многообразием вербальных (в сравнении и совокупности с невербальными) способов репрезентации призывов (побуждений, обращений и высказываний, иллюкативно связанных с призывами) в связи со степенью их определенности в восприятии адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. — М.: Либроком, 2016.
2. Бредемайер К. Искусство словесной атаки: практическое руководство : пер. с нем. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
3. БТСРЯз = Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: РАН, ИЛИ : Норинт, 2007.
4. Власова О. Б. Признаки призыва в контексте лингвистической экспертизы // Международный исследовательский журнал. 2016. № 9 (51). Ч. 4. С. 123—125.
5. Волкова А. Г. Методика дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе религиозных текстов: особенности применения // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. — Ростов н/Д, 2016. С. 26—30.
6. Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизм: в помощь судьям, следователям, экспертам. — М., 2006.
7. Голикова Л. М. Семантика экстремистского текста // Уголовный процесс. — М., 2014. № 7. С. 66—69.
8. Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза. — М.: Флинта, 2016.
9. Игисенов Б. К. Словесный экстремизм как явление: истоки, признаки, интерпретации и формы проявления в тексте // Национальные приоритеты России. — Омск, 2018. № 2 (29). С. 59—61.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: ЛКИ, 2008.
11. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юридический мир, 2006.
12. Казаков Г. А. Религиозный пафос советских гимнов // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 196—203.
13. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 47—73.
14. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методологические основы психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. — М., 2011.
15. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Этнический экстремизм в средствах массовой коммуникации с точки зрения судебной лингвистической экспертизы // Вестн. Перм. ун-та. 2013. Вып. 4 (24). С. 63—75.
16. Мороров Д. В. Вербальные средства манипуляции в русскоязычном экстремистском тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Н. Новгород, 2016.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1989.
18. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. — М.: Медя, 2004.
19. Пинкевич Т. В., Черных Е. Е. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2014. № 3 (27). С. 141—145.
20. Рогожникова Т. М. Суггестивные ресурсы вербальных моделей // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38). С. 163—177.
21. Рогожникова Т. М., Салихова Э. А. Лингвистические и психолингвистические признаки креолизованного конфликтного текста: технологии выявления и описание // Евразийская адвокатура. — М.: АНО «Евразийский НИИ проблем права», 2019. № 1 (38). С. 26—38.
22. Салихова Э. А. Экспертиза конфликтного текста: об отдельных лингвистических и о лингвосемиотических признаках экстремистского текста // Евразийская адвокатура. — М.: АНО «Евразийский НИИ проблем права», 2016. № 3 (22). С. 58—63.
23. Судебно-психологическая экспертиза. Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности : учеб.-метод. пособие / сост. Л. З. Подберезкина, Е. Ю. Федоренко. — Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2012.
24. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. — Челябинск : Энциклопедия, 2008.
25. Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. / Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, Ю. Р. Тагильцева, А. А. Карапетян. — Екатеринбург, 2011.

E. A. Salikhova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9570-1763

 E-mail: salelah12@yandex.ru.

To the Question of the Verbal Realization of Appeal

ABSTRACT. *The paper contains data on the peculiarities of verbal realization of the genre of appeal in texts of different (political, religious, social) orientation. The author tries to determine the main characteristics of the content of appeals – statements of inducing nature – while conducting trial and pre-trial linguistic expertise. The author demonstrates the analysis of explicit and implicit (hidden, indirect) appeals on concrete examples. Linguistic and psycholinguistic criteria necessary for identification of the abovementioned appeals are singled out by the author on the basis of analysis of expertise materials. The paper also takes into account the role of the non-verbal component of the genre of appeal in terms of its verbal representation. The analyzed classifications are just another step towards the development of a well-founded scientific position on this issue. Complex and meticulous work is still to be done in order to work out a final list of linguistic criteria for a comprehensive classification of appeals to extremist activity. The study may help to highlight certain issues that are insufficiently covered in the theory of the modern Russian language and in the practice of linguo-expertise studies. The article aims to continue the scientific discussion on these issues, which is necessary to establish clear understanding in this area. The paper argues the objective necessity of scientific research in this area which can be beneficial both theoretically and practically. The author hopes the publication material might be useful for future linguistic research or expertise.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; appeals; lexical semantics; psycholinguistics; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Salikhova El'vina Akhnafovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Language Communication and Psycholinguistics, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia.*

FOR CITATION: *Salikhova, E. A. To the Question of the Verbal Realization of Appeal / E. A. Salikhova // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 167-176. — DOI 10.26170/pl19-02-19.*

REFERENCES

1. Brinev K. I. Reference Book on Judicial Linguistic Expertise. — Moscow : Librokom, 2016. [Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize. — M. : Librokom, 2016]. — (In Rus.)
2. Bredemayer K. Art of Verbal Attack: a Practical Guide : transl. from Deutch. — Moscow : Alpina Business Books, 2005. [Iskusstvo slovesnoy ataki: prakticheskoe rukovodstvo / per. s nem. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2005]. — (In Rus.)
3. BТСRYaz = Big Dictionary of the Russian Language / comp. and ch.-ed. S. A. Kuznetsov. — Saint Petersburg : RAS, OR: Norint, 2007. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : RAN, ILI : Norint, 2007]. — (In Rus.)
4. Vlasova O. B. Signs of Appeal in the Context of Linguistic Expertise // International Research Journ. 2016. № 9 (51). Part 4. P. 123—125. [Priznaki prizyva v kontekste lingvisticheskoy ekspertizy // Mezhdunarodnyy issledovatel'skiy zhurnal. 2016. № 9 (51). Ch. 4. S. 123—125]. — (In Rus.)
5. Volkova A. G. Methodology of Discursive Analysis in the Linguistic Examination of Religious Texts: Features of Application // Language and Law: Actual Problems of Interaction. — Rostov on Don, 2016. P. 26—30. [Metodika diskursivnogo analiza v lingvisticheskoy ekspertize religioznykh tekstov: osobennosti primeneniya // Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya. — Rostov n/D, 2016. S. 26—30]. — (In Rus.)
6. Galyashina E. I. Linguistics vs Extremism: to Help Judges, Investigators, Experts. — Moscow, 2006. [Lingvistika vs ekstremizm: v pomoshch' sud'yam, sledovatelyam, ekspertam. — M., 2006]. — (In Rus.)
7. Golikova L. M. Semiotics of Extremist Text // Criminal Procedure. — Moscow, 2014. № 7. P. 66—69. [Semiotika ekstremistskogo teksta // Ugolovnyy protsess. — M., 2014. № 7. S. 66—69]. — (In Rus.)
8. Grachev M. A. Forensic Linguistic Expertise. — Moscow : Flinta, 2016. [Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza. — M. : Flinta, 2016]. — (In Rus.)
9. Igisenov B. K. Verbal Extremism as a Phenomenon: Sources, Signs, Interpretations and Forms of Manifestation in the Text // National Priorities of Russia. — Omsk, 2018. № 2 (29). P. 59—61. [Slovesnyy ekstremizm kak yavlenie: istoki, priznaki, interpretatsii i formy proyavleniya v tekste // Natsional'nye priority Rossii. — Omsk, 2018. № 2 (29). S. 59—61]. — (In Rus.)
10. Issers O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. — Moscow : LKI, 2008. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : LKI, 2008]. — (In Rus.)
11. How to Conduct a Linguistic Examination of a Controversial Text? Memo for Judges, Media Lawyers, Lawyers, Prosecutors, Investigators, and Experts / ed.: prof. M. V. Gorbanevskiy. 2nd ed., corr. and add. — Moscow : Legal World, 2006. [Kak provesti lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta? Pamyatka dlya sudey, yuristov SMI, advokatov, prokurorov, sledovatelye, doznavateley i ekspertov / pod red. prof. M. V. Gorbanevskogo. 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Yuridicheskii mir, 2006]. — (In Rus.)
12. Kazakov G. A. Religious Pathos of Soviet Anthems // Political Linguistics. 2013. № 4 (46). P. 196—203. [Religioznyy pafos sovetsskikh gimnov // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). S. 196—203]. — (In Rus.)
13. Kara-Murza E. S. Linguistic Expertise as a Procedure for Political Linguistics // Political Linguistics. 2009. № 1 (27). P. 47—73. [Lingvisticheskaya ekspertiza kak protsedura politicheskoy lingvistiki // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 1 (27). S. 47—73]. — (In Rus.)
14. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. Theoretical and Methodological Foundations of Psychological and Linguistic Expertise in Cases Related to Countering Extremism. — Moscow, 2011. [Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu. — M., 2011]. — (In Rus.)
15. Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. Ethnic Extremism in the Media from the Point of View of Judicial Linguistic Expertise // Perm. Univ. Journ. 2013. Vol. 4 (24). P. 63—75. [Etnicheskiy ekstremizm v sredstvakh massovoy kommunikatsii s tochki zreniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy // Vestn. Perm. un-ta. 2013. Vyp. 4 (24). S. 63—75]. — (In Rus.)
16. Morovov D. V. Verbal Means of Manipulation in the Russian-language Extremist Text : thesis of Cand. of Philol. Sciences : 10.02.01. — Nizhny Novgorod, 2016. [Verbal'nye sredstva manipulyatsii v russkoyazychnom ekstremistskom tekste : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — N. Novgorod, 2016]. — (In Rus.)
17. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language / ed.: N. Yu. Shvedova. — Moscow : Russian language, 1989. [Slovar' russkogo yazyka / pod red. N. Yu. Shvedovoy. — M. : Russkiy yazyk, 1989]. — (In Rus.)
18. Memo on the Appointment of Judicial Linguistic Expertise: for Judges, Investigators, Prosecutors, Experts, Lawyers and

Legal Advisers / ed.: prof. M. V. Gorbanevskij. — Moscow : Medea, 2004. [Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy: dlya sudey, sledovateley, doznava-teley, prokurorov, ekspertov, advokatov i yuriskonsul'tov / pod red. prof. M. V. Gorbanevskogo. — M. : Medeya, 2004]. — (In Rus.)

19. Pinkevich T. V., Chernykh E. E. Public Calls for Terrorist Activities or Public Justification of Terrorism: Problems of Qualification // Acad. of Ministry of Internal Affairs of Russia in Nizh-nij Novgorod Journ. 2014. № 3 (27). P. 141—145. [Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma: problemy kvalifikatsii // Vestn. Nizhegor. akad. MVD Rossii. 2014. № 3 (27). S. 141—145]. — (In Rus.)

20. Rogozhnikova T. M. The Suggestive Resources of Verbal Models // Questions of Psycholinguistics. 2018. No. 4 (38). P. 163—177. [Suggestivnye resursy verbal'nykh modeley // Voprosy psikholingvistiki. 2018. № 4 (38). S. 163—177]. — (In Rus.)

21. Rogozhnikova T. M., Salikhova E. A. Linguistic and Psycholinguistic Features of a Creolized Conflict Text: Identification Technologies and Description // Eurasian Advocacy. — Moscow : ANO “Eurasian Research Institute of Legal Problems”. 2019. № 1 (38). P. 26—38. [Lingvisticheskie i psikholingvisticheskie priznaki kreolizovannogo konfliktogennogo teksta: tekhnologii vyyavleniya i opisaniye // Evraziyskaya advokatura. — M. : ANO «Evraziyskiy NII problem prava», 2019. № 1 (38). S. 26—38]. — (In Rus.)

22. Salikhova E. A. Examination of a Conflict Text: On Separate Linguistic and on Linguo-Semiotic Signs of an Extremist Text // Eurasian Advocacy. — Moscow : ANO “Eurasian Research Institute of Legal Problems”, 2016. No. 3 (22). P. 58—63. [Ekspertiza konfliktogennogo teksta: ob otdel'nykh lingvisticheskikh i o lingvosemioticheskikh priznakakh ekstremistskogo teksta // Evraziyskaya advokatura. — M. : ANO «Evraziyskiy NII problem prava», 2016. № 3 (22). S. 58—63]. — (In Rus.)

23. Forensic Psychological Examination. Psychological and Linguistic Examination of Extremist Materials : studies.-method. manual / comp. L. Z. Podberezkina, E. Yu. Fedorenko. — Krasnoyarsk : Siberian Federal Univ., 2012. [Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza. Psikhologo-lingvisticheskaya ekspertiza materialov ekstremistskoy napravlenosti : ucheb.-metod. posobie / sost. L. Z. Podberezkina, E. Yu. Fedorenko. — Krasnoyarsk : Sibirskiy federal'nyy un-t, 2012]. — (In Rus.)

24. Shelestyuk E. V. Speech Impact: Ontology and Research Methodology. — Chelyabinsk : Encyclopedia, 2008. [Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya. — Chelyabinsk : Entsiklopediya, 2008]. — (In Rus.)

25. Extremist text and Destructive Personality : Monograph / Yu. A. Antonova, L. E. Vesnina, M. B. Voroshilova, K. V. Zlokazov, Yu. R. Tagiltseva, A. A. Karapetyan. — Ekaterinburg, 2011. [Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost' : monogr. / Yu. A. Antonova, L. E. Vesnina, M. B. Voroshilova, K. V. Zlokazov, Yu. R. Tagil'tseva, A. A. Karapetyan. — Ekaterinburg, 2011]. — (In Rus.)

А. Ю. ХоменкоНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3564-6293 **E-mail:** akhomenko@hse.ru.

Лингвистическое атрибуционное исследование коротких письменных текстов: качественные и количественные методы

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье речь пойдет о практическом исследовании, проведенном на основе интегративной атрибуционной методики, сочетающей качественный и количественный подходы к атрибуции текста и используемой в судебном автороведении. Качественный анализ представляет собой исследование авторского индивидуального стиля как целостного конструкта, репрезентирующего речевые компетенции автора текста и уровень владения ими. С помощью этого вида анализа имеется возможность создать лингвистическую модель авторского индивидуального стиля. Количественный анализ есть экстрагирование статистических данных из текстового массива. Эти данные помогают сделать атрибуционную экспертизу более полной, всесторонней и объективной.

Описанное в статье исследование предваряется критическим анализом теории, практики и методической базы судебной атрибуционной экспертизы за рубежом, преимущественно в англоязычных странах, Британии и Америке, и в России. Сделан вывод о сходной методической базе атрибуционной экспертизы в указанных регионах. Также на основе этого анализа сформулирован постулат о необходимости применения междисциплинарного подхода к исследованию текста в судебном автороведении. Сделаны выводы о целесообразности использования статистических текстовых данных в ходе судебного атрибуционного анализа для объективации его результатов и повышения верифицируемости выводов. Подтверждено утверждение о важной функции идиосинкратических параметров индивидуального стиля при атрибуции текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная автороведческая экспертиза; письменные тексты; текстомайнинг; текстовая статистика; стилометрия; индивидуальный авторский стиль; лингвистическое моделирование.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Хоменко Анна Юрьевна, старший преподаватель, департамент прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская д.25/12, каб. 310; эксперт-лингвист, эксперт-авторовед, эксперт-фоноскопист, Центр экспертизы и оценки «ЕСИИ», г. Нижний Новгород, г. Москва; e-mail: akhomenko@hse.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хоменко, А. Ю. Лингвистическое атрибуционное исследование коротких письменных текстов: качественные и количественные методы / А. Ю. Хоменко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 177-187. — DOI 10.26170/pl19-02-20.

Введение

В современной лингвистике справедливо главенствует междисциплинарный подход к исследованиям языка, ученые пытаются совместить знания нескольких областей при анализе языковых реалий. Сходная тенденция наблюдается и в ветви лингвистики, занимающейся вопросами атрибуции текстового материала. В настоящем исследовании речь пойдет об атрибуции письменного текста в судебном автороведении. Данная отрасль в отечественной науке является достаточно консервативной, в судебных исследованиях в подавляющем большинстве случаев используются исключительно методы качественного лингвистического анализа [Вул 1973, 1977, 1982, 1992, 2007; Галяшина 2005а, б]. В сфере внесудебных атрибуционных исследований, в собственно научных публикациях методы качественного анализа на современном этапе развития науки практически не разрабатываются (в силу того, что представляют собой методы собственно лингвистического анализа

текста на всех уровнях языка в сочетании с некоторыми методиками когнитивных и социопсихологических исследований), в то время как количественные методики осваиваются очень активно [Захаров 2000; Марусенко 2003; Родионова 2008а, б; Романов 2010; Медведева 2010; Батура 2012; Мартыненко 2015 и пр.]. Эта тенденция пришла в отечественную научную школу из англоязычной, где автороведение классически связано с количественными, стилометрическими методами анализа [Campbell L. 1867; Mendenhall 1887; Lutoslawski 1897; Jule 1944; Mosteller, Wallace 1964; Somers 1972; Foster 1989, 2001; Merriam 1989, 2003; Holmes 1994; Holmes, Forsyth 1995; Baayen, van Halteren, Tweedie 1996; Labbe, Labbe 2001; Koppel, Schler 2003; Coulthard 2004; Juola, Sofko, Brennan 2006; Wright 2016].

Интересен тот факт, что в судебной атрибуционной науке Запада сложилась сходная с отечественной традиция, а именно использование собственно лингвистических, качественных методов и методик как ин-

струментария определения авторства [McMenamin 2002]. Как в русскоязычной, так и в англоязычной судебной атрибуционных школах преимущественное использование качественных методов обусловлено не столько традиционностью этой области лингвистики, сколько личной ответственностью эксперта (как перед гражданским обществом, так и перед государством). Так, ни на Западе, ни в России не существует в полном объеме верифицированных и повсеместно рекомендованных методик автоматического (машинного) атрибуционного анализа, использующего только полученные из текста статистические данные. Это мотивировано сложностью объекта анализа: тексты, представляемые на исследование, могут различаться объемом, функциональным стилем, метаданными, налагающими отпечаток на их структуру, и пр.

Именно поэтому на данном этапе накопления научного знания и практического опыта использование только количественных методов анализа текста с целью определения авторства в рамках судебной разбираемости не получает широкого распространения.

С опорой на современные тенденции можно утверждать, что будущее за методиками, интегрирующими в себе два подхода к атрибуции: качественный и количественный. Попытки такой интеграции впервые были предприняты в англоязычной автороведческой школе [Koppel, Schler 2003]. Характерны они и для отечественной судебной лингвистики [Баранов 2001: 43—52; Хоменко 2013; 2014а, б, в, 2018].

Именно подход, основанный на сочетании качественных и статистических методов, будет освещен в настоящем исследовании. Подход этот будет апробирован на материале коротких текстов отзывов. Рассматриваемый материал является сложным для атрибутивного анализа в силу своей специфики: малый объем текста не позволяет в полной мере использовать возможности математической статистики [Хоменко 2018а], поскольку для нее необходимы большие массивы данных. В то же время исследование текстов малого объема с применением исключительно методов лингвистического интерпретационного анализа таит в себе значительную опасность. Вывод эксперта подкрепляется, по сути, только его опытом и уровнем компетентности (интерпретация одного и того же языкового знака может кардинально отличаться у разных исследователей). Таким образом, справедливым представляется вывод о том, что в данном случае не обойтись без интеграции двух подходов: качественного и количественного. Каче-

ственный анализ даст возможность создать полную (насколько это возможно) модель индивидуального авторского стиля [Хоменко 2018б], количественный позволит сделать эту модель более объективной [Баранов 2001; Хоменко 2013].

В настоящем исследовании под моделью понимается «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого („настоящего“) устройства (оригинала) в лингвистических целях» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002; цит. по: Медведева 2010: 4]. Авторский индивидуальный стиль моделируется с помощью вычленения идиосинкразем (авторски маркированных особенностей стиля), их структурирования и параметризации. Далее исследователь проводит анализ некоторых статистических данных, позволяющих подтвердить или опровергнуть гипотезу об авторстве, выдвинутую на основе лингвистических данных. Важно понимать, что «работа со статистическими характеристиками текста и квантитативное исследование собственно лингвистических параметров авторского идиостиля могут быть уместны при анализе коротких текстов только в случае грамотной интерпретации результатов исследования и принятия идиосинкратических характеристик в качестве центральных, ключевых для модели ЯЛ» [Хоменко 2018а: 126—127]. Тем не менее обойтись без статистики не представляется возможным, она может сыграть решающую роль в атрибуции.

Исследование

Исходными данными для работы стали следующие: в экспертную организацию обратился работодатель, обнаруживший несколько очень похожих друг на друга отзывов, опубликованных в сети Интернет и содержащих негативную информацию в форме утверждений (повод для подачи иска по ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»); работодатель высказал гипотезу о том, что отзывы написаны одним и тем же человеком — одним из уволенных работников компании. На исследование были предоставлены тексты 4 спорных отзывов общим объемом 219 слов, авторство которых необходимо определить, и два блока сравнительных текстовых образцов, принадлежащие двум разным лицам (сравнительные образцы (далее СО) лица А — 835 слов; СО лица Б — 1908 слов). Тексты сравнительных образцов обоих авторов представляют собой корпоративную пере-

писку (сообщения небольшого объема официально-делового стиля, отправленные по электронной почте и с помощью мессенджеров). С точки зрения объема и функционального стиля спорные тексты и сравнительные образцы следует считать сопоставимыми.

Текст отзывов представлен в таблице 1 (авторские орфография, пунктуация и оформление здесь и далее сохранены).

Каждый представленный на анализ отзыв и массивы сравнительных образцов (СО) были подвергнуты лингвистическому исследованию в соответствии с приведенной выше методикой (на всех уровнях языка, с точки зрения лексики, стилистики, семантики, грамматики, орфографии, синтаксиса и пунктуации, а также особенностей оформления). По результатам анализа для каждого отзыва была составлена неформализованная лингвистическая модель. Пример такой модели приведен в таблице 2.

Таблица 1. Текст отзывов, представленных на исследование

Отзыв 1
Их просто нет Ужасное руководство, коллектив, з/п в конвертах, увольняют в один день без предупреждения.
Отзыв 2
Положительного ничего не помню Вся з/п в конвертах, оклад у кого какой, обсуждать строго нельзя, увольняют в один день, без объяснения причин. Коллектив ужатник, где руководят детки...Повышение не светит, только, если ты угоден для Сергея и его жены. Набирают Чувашей (далеких умом, одни амбиции) и они теперь правят компанией. Хотите сберечь свои нервы, бегите от туда. Лобановы — это ужас.
Отзыв 3
Раньше был классный коллектив. Ужасный коллектив. Нарушается трудовое законодательство. Зарплата выплачивается в конвертах. В офисе настоящий бардак. Наплевательское отношение к сотрудникам. Между тем идет разбазаривание денег, как вздумается отделу рекламы, где руководит сильно закомплексованный человек с манией величия, который не то чтобы руководить, общаться с людьми не умеет.
Отзыв 4
Нет Коллектива нет вообще. Каждый стучит друг на друга, кто первый настучал тот и прав. Говорить с кем то кроме работы настоятельно не рекомендую, так как все сказанное будет использовано против Вас. HR набирает крайне неадекватных людей, либо своих, таких же неадекватов. Руководство будто замбирванное доверяет ей. Хотя остальные сотрудники понимают, что это какие-то сектанты, пытающиеся захватить или разрушить компанию изнутри. Если вы хотите построить карьеру и проработать на одном месте до пенсии то это не тот работодатель.

Таблица 2

Лингвистический анализ текста отзыва 2

Авторски маркированная характеристика идиостиля	Примеры реализации
Лексический уровень	
Использование конвенциональных сокращений	Вся з/п в конвертах
Использование разговорных лексем	Коллектив ужатник , где руководят детки ... Повышение не светит , только, если ты угоден для Сергея и его жены
Использование негативно окрашенных лексем	Коллектив ужатник , где руководят детки ... Лобановы — это ужас .
Использование лексики официально-делового стиля	Повышение не светит, только, если ты угоден для Сергея и его жены

Авторски маркированная характеристика идиостиля	Примеры реализации
Орфография	
Описки	Коллектив ужатник
Неверное (раздельное) написание наречий	Хотите сберечь свои нервы, бегите от ту-да
Синтаксис и пунктуация	
Инверсия	Положительного ничего не помню обсуждать строго нельзя
Отсутствие тире (на месте пропуска сказуемого)	Вся з/п__ в конвертах
Отсутствие знаков препинания в сложноподчиненных предложениях	оклад__ у кого какой
Отсутствие знаков препинания в сложносочиненных предложениях	Набирают Чувашей (далеких умом, одни амбиции)__и они теперь правят компанией
Неверная расстановка знаков препинания в сложноподчиненных предложениях	Повышение не светит, только_если ты угоден для Сергея и его жены.
Использование осложнённых конструкций	увольняют в один день, без объяснения причин
Использование сложных предложений и осложненных предложений	Вся з/п в конвертах, оклад у кого какой, обсуждать строго нельзя, увольняют в один день, без объяснения причин. Коллектив ужатник, где руководят детки...
Использование многоточия	Коллектив ужатник, где руководят детки...
Использование вставных конструкций	Набирают Чувашей (далеких умом, одни амбиции)и они теперь правят компанией
Оформление	
Немотивированная постановка пробелов	Набирают Чувашей (далеких умом, одни амбиции __)и они теперь правят компанией
Отсутствие пробелов в необходимых местах	Набирают Чувашей (далеких умом, одни амбиции) __и они теперь правят компанией
Постановка точки в конце сообщения	Лобановы — это ужас.
Речевые ошибки	
В управлении	Повышение не светит, только, если ты угоден для Сергея и его жены
В словоупотреблении	Набирают Чувашей (далеких умом, одни амбиции)и они теперь правят компанией

Таблица 3

Идиосинкратические параметры автора А и Б

Диктор А	Диктор Б
Лексический уровень	
Использование конвенциональных сокращений	Использование конвенциональных сокращений
Использование разговорных лексем	Использование разговорных лексем
Использование негативно окрашенных лексем	Использование негативно окрашенных лексем
Использование слов — усилителей значения	Использование слов — усилителей значения
Использование усилительных частиц	Использование лексики официально-делового стиля
Использование лексики официально-делового стиля	
Использование лексики художественного стиля	
Использование в речи эвфемизмов	
Использование коллокаций	

Диктор А	Диктор Б
Орфография	
Описки Неверное (раздельное) написание наречий Неверное (раздельное) написание прилагательных с «не» Ошибки в глагольных формах Ошибки при написании удвоенной «н» Неверное написание коллокативных сочетаний	Описки Неверное, бездефисное (раздельное и слитное) написание наречий Ошибки в непроверяемых гласных корня Ошибки в непроверяемых гласных корня
Синтаксис и пунктуация	
Инверсия Отсутствие знаков препинания в сложноподчиненных предложениях Отсутствие знаков препинания в сложносочиненных и бессоюзных предложениях Неверная расстановка знаков препинания в сложноподчиненных предложениях Использование сложных предложений и осложненных предложений Использование авторских знаков препинания (тире как «любимый» знак) Использование вставных конструкций Ошибки при вводных конструкциях Использование восклицательных предложений Использование в речи эллипсиса	Инверсия Отсутствие знаков препинания в сложноподчиненных предложениях Отсутствие знаков препинания в сложносочиненных предложениях Использование осложненных конструкций Использование сложных предложений и осложненных предложений Пунктуационные ошибки при оборотах-осложнителях Использование многоточия Использование вставных конструкций
Оформление	
Непоследовательная постановка точек в конце сообщения Использование в речи многоточий в неконвенциональном оформлении (постановка более чем трех точек) Использование смайлов	Немотивированная постановка пробелов Постановка точки в конце сообщения Использование смайлов
Речевые ошибки	
В управлении Уровень прагматики (прагматикон) Использование в речи юмора	В формообразовании В управлении В словоупотреблении

Для двух блоков СО (СО лица А, СО лица Б) была проведена та же процедура, давшая набор идиосинкратических параметров обоих авторов (см. табл. 3).

Итак, видим, что модели индивидуальных авторских стилей двух лиц А и Б имеют некоторые пересечения, но разнятся в концептуально значимых аспектах (объемные различия на лексическом уровне, гносеологически разные орфографические и речевые ошибки, различия в оформлении текста, прагматиконе пишущих). Пересечения на синтаксическом уровне мотивированы в первую очередь особенностями функционального стиля текстов (официально-деловой с элементами разговорного), а также их дискурсивной отнесенностью.

Одновременно абсолютно однозначны результаты статистического анализа массивов СО. В силу объема материала спорных текстов представляется возможным посчитать лишь стандартные, обобщенные стило-статистические характеристики, а именно различного рода длины. Эти параметры являются конвенционально принятыми и часто используемыми в атрибуционной науке [Mendenhall 1887; Kruh 1988; Fucks 1952; Somers 1972]. Анализ статистических параметров двух текстовых блоков проводился с помощью специализированного программного обеспечения [Лексикатор <http>], созданного для целей текстомайнинга группой исследователей Высшей школы экономики (Ю. Барановой, Ф. Витюгиным, Т. Елипашевой и др.). Результаты анализа представлены в таблице 4.

Таблица 3. Значения формально-статистических текстовых параметров для СО

СО для А	Средняя длина предложения в словах: 10,65 Средняя длина слова: 4,78
СО для Б	Средняя длина предложения в словах: 5,2 Средняя длина слова: 5,12

На основе моделей авторских идиолектов можно провести анализ уровня речевых компетенций и уровня речевой культуры означенных лиц.

Автор А характеризуется высоким уровнем речевой культуры (сложный синтаксис, художественная лексика, коллокативные сочетания, отсутствие орфографических ошибок и пр.); автором текста является мужчина (краткость в изложении мысли; использование конкретной лексики и пр.), вероятнее всего, в возрасте от 30 до 45 лет (использование стратегий аргументации, развитый прагматикон в сочетании с эвфемистическими заменами и разговорными элементами). Средняя длина предложения автора разнится в зависимости от функционального стиля текста (сообщения в мессенджере и полнотекстовая электронная переписка; коммуникативные ситуации с разными адресатами); усредненный показатель — это 11 слов в предложении. Длина слова в СО устойчива и является индивидуализирующим показателем; составляет она в среднем 5 знаков.

Сопоставлять СО с текстами отзывов также целесообразно, изначально объединив отзывы в группы: с лингвистической и статистической точек зрения языковой однородностью обладают тексты отзывов 1, 2 и отзыва 4. Для этих текстов характерно однородное использование идиосинкратических средств лексического уровня (употребление конвенциональных сокращений, разговорных лексем, негативно окрашенных лексем, лексики официально-делового стиля), сходный синтаксис (достаточно сложный, говорящий о среднем уровне речевой культуры) в сочетании с одинаковым пунктуационным оформлением (например, отсутствие знаков препинания в сложносочиненных предложениях), тождественные орфографические ошибки (неверное (раздельное) написание наречий («от туда», «изнутри»); данный параметр является ярко индивидуализирующим); сходный стиль оформления сообщения, важный маркирующий параметр (немотивированная постановка пробелов — то, что этот параметр встречается в обоих текстах столь малого объема, является очень показательным; постановка точки в конце сообщений в сети Интернет пользователи редко ставят точку)). Для трех рассматриваемых отзывов также близки статистические рас-

пределения длин: в среднем предложение в каждом из трех отзывов состоит из 8—10 слов, а длина слова составляет 5—6 знаков.

Одновременно с помощью автороведческого исследования удалось установить тот факт, что отзыв 3 отличается от отзывов 1, 2 и 4 в стилистическом и статистическом отношении, несмотря на некоторое «перекрытие» модельной его структуры и структуры отзывов 1, 2 и 4 (сходство некоторых параметров). Так, для отзыва 3 в основном характерно использование коротких номинативных предложений, имеет место использование коллокативных сочетаний («мания величия»), употребление разговорных компонентов, просторечий, увеличение по сравнению с отзывами 1, 2 и 4 количества негативно окрашенных элементов, присовокупление к ним слов — интенсификаторов значения. Итак, налицо яркая, эмоционально окрашенная речь с большим количеством соответствующей лексики и синтаксических структур. Письменная речь из отзыва 3, вероятнее всего, принадлежит женщине (несмотря на мужскую подпись в отзыве). Об этом говорит высокий процент эмоционально окрашенной лексики, усилители значения в ней, а также короткие номинативные предложения. Вообще краткость обычно присуща мужчинам, продуцирующим письменный текст, тем не менее номинативность как черта стиля — собственно женская особенность; ее сочетание с высоким градусом эмоциональности речи позволяет сделать вывод именно о феминной принадлежности текста отзыва 3 (отзыв 3, вероятнее всего, писала женщина). В то же время, несмотря на разную материальную авторизацию 1, 2 и 4 отзывов, они были написаны одним автором-мужчиной. Что касается формально-статистических особенностей отзыва 3, то предложения в нем короткие (около 7 слов), а сами слова, наоборот, длиннее, чем в 1, 2 и 4 отзывах — около 7 знаков.

Таким образом, со сравнительными образцами (СО) сопоставлялись два блока отзывов: 1) отзыв 1, 2 и 4 как единый блок; 2) отзыв 3.

Ни в одном из указанных блоков в сопоставлении с СО для А не удалось установить достаточное количество тождественных индивидуально-авторских текстовых характеристик, позволивших бы атрибутировать отзывы и сравнительные образцы как тек-

сты, принадлежащие одному автору. В модельных структурах отзывов 1, 2 и 4 и отзыва 3 и СО для А, безусловно, есть «перекрытия», т. е. сходные характеристики, тем не менее эти характеристики не создают устойчивого индивидуально-авторского тождества между отзывами и СО для А. Происходит это в первую очередь в силу того, что в обоих текстах образцов присутствуют очень яркие идиосинкратические, индивидуализирующие (важнейшая роль именно идиосинкратических параметров постулируется в таких работах, как [Argamon-Engelson, Koppel, Avneri 1998; Koppel, Schler 2003]), устойчивые (встречаются не один раз) параметры, наличие которых в образцах маркирует авторский индивидуальный стиль, а отсутствие их в отзывах говорит о невозможности приписывания этих отзывов автору А.

К таким параметрам относятся следующие характеристики: 1) использование наряду с иными словами — усилителями значения грамматического класса усилительных частиц; 2) использование лексики художественного стиля как признак высокой речевой культуры; 3) использование в речи эвфемизмов; 4) использование авторских знаков препинания (тире как «любимый» знак) и авторских идеографических знаков; 5) использование в речи эллипсиса; 6) отсутствие точек в конце сообщения; 7) использование в речи юмора; 8) использование восклицательных предложений. Наиболее важными характеристиками, наличие которых позволяет сделать вывод о различной атрибуции текстов отзывов и СО для А, являются следующие: 1) наличие авторских знаков препинания (автор часто использует тире в неконвенциональных местах для выражения своих прагматических интенций; это очень яркая индивидуальная особенность, в эмоционально окрашенной речи (отзывах) она обязательно проявилась бы, если бы автором отзывов и сравнительных образцов было одно лицо); 2) эллипсис: в образцах автор использует этот художественный прием в своей речи для экономии языковых средств; его можно сравнить с использованием номинативных конструкций в отзыве 2, там они также использованы для экономии языковых средств; если бы автором текста сравнительных образцов и отзыва 2 было одно лицо, прагматикон (языковые средства, используемые для достижения коммуникативной задачи) этого лица должен был бы репрезентироваться одинаково, т. е. либо с помощью эллипсиса, либо с помощью номинативных конструкций; 3) в отличие от авторов отзывов (как блока 1 и 3, так и отзыва 2), автор сравнительных образцов часто

не ставит точку в конце сообщения; 4) в объеме текстовых образцов, который значительно больше объема отзывов, не встретилось ни одной орфографической ошибки, что подтверждает высокий уровень речевой культуры автора А; одновременно в блоке отзывов 1, 2 и 4 встречаются сходные по своей природе орфографические ошибки (неверное, раздельное написание наречий); 5) как было указано выше, в модельных структурах идиостиля авторов спорных текстов и автора А есть «перекрытия» (т. е. сходные характеристики), в том числе те, которые можно было бы в иных условиях считать создающими индивидуально-авторское тождество; к таким характеристикам относится, например, использование многоточий; тем не менее автор отзыва 2 и автор А абсолютно по-разному оформляют этот знак: автор отзыва правильно, с использованием трех точек, а автор А неверно, ошибочно, поставив четыре и пять точек в разных местах.

Итак, видим, что лингвистические особенности идиостилей авторов двух блоков отзывов (блока отзывов 1, 2 и 4; отзыва 3) и автора А не совпадают; это дает возможность сделать вывод, что тексты отзывов и СО для А, представленные на исследовании, были выполнены разными людьми.

Этот вывод полностью подтверждается и объективируется статистическими данными: усредненный показатель длины предложения для автора А — 11 слов, что несколько выше значения для отзывов 1, 2 и 4 и значительно выше, чем значение для отзыва 2. Отличается в текстах отзывов и СО для А и длина слова. Длина слова СО для А составляет в среднем 5 знаков, что меньше, чем в отзывах обоих блоков.

В ходе исследования удалось установить сходство модельной структуры в совокупности с идентичностью идиосинкратических параметров для блока отзывов 1, 2 и 4 и СО для Б. Отзыв 3 не схож с СО для Б.

Так, в сравнительных образцах и отзывах 1, 2 и 4 наблюдается практически полная идентичность модельной структуры текстов. Для них характерны следующие параметры:

- использование конвенциональных сокращений;
- использование разговорных лексем;
- использование негативно окрашенных лексем;
- использование слов — усилителей значения;
- использование лексики официально-делового стиля;
- описки;
- неверное, бездефисное (раздельное и

- слитное) написание наречий;
- ошибки в гласных корня;
- инверсия
- отсутствие знаков препинания в сложно-подчиненных предложениях;
- отсутствие знаков препинания в сложно-сочиненных предложениях;
- использование осложненных конструкций;
- использование сложных предложений и осложненных предложений;
- пунктуационные ошибки при оборотах-осложнителях;
- использование многоточия;
- использование вставных конструкций;
- немотивированная постановка пробелов;
- постановка точки в конце сообщения;
- речевые ошибки: а) в формообразовании; б) в управлении; в) в словоупотреблении.

Важно, что сходны не только модельные структуры идиостиля авторов отзывов 1, 2 и 4 и СО для Б, но и наиболее яркие идиосинкратические параметры стиля: большое количество описок, неверное, бездефисное (раздельное и слитное) написание наречий, ошибки в гласных корня, использование многоточия, использование вставных конструкций, немотивированная постановка пробелов, постановка точки в конце сообщения, речевые ошибки: а) в формообразовании; б) в управлении; в) в словоупотреблении. Указанный набор характеристик позволяет сделать вывод о том, что отзывы 1, 2, и 4 и СО для Б написаны мужчиной со средним уровнем речевой культуры, предположительно среднего возраста (от 25 лет до 45 лет: сочетание в речи разговорной молодежной лексики («не адекватов») с саркастически окрашенной («детки») и лексикой официально-делового стиля — «повышение»). Интересно, что в речи автора наряду с осложненным и сложным синтаксисом имеется достаточно большое количество орфографических ошибок и описок («отъезде», «сумашедший», «позадовал», «вме», «на прелприятти»); типизация этих ошибок одинакова как для отзывов, так и для сравнительных образцов, что лишним раз подтверждает вывод об атрибутировании этих текстов одному лицу. Большое количество ошибок наряду со сложным синтаксисом «усредняет» уровень речевой культуры пишущего: коммуникант владеет навыками официально-делового общения, но одновременно недостаточно компетентен в орфографии и не уделяет должного внимания деталям оформления (описки, лишние пробелы).

Сходны также и статистические распределения для блока отзывов 1, 2 и 4 и срав-

нительных образцов: для трех рассматриваемых отзывов в среднем длина слова составляет 5—6 знаков. То же справедливо и для сравнительных образцов (длина слова = 5,12 знака). В отзывах в среднем предложение состоит из 8—10 слов, в тексте сравнительных образцов предложения несколько короче (около 5 слов в предложении). Тем не менее статистическое распределение словесных длин в данном случае играет наибольшую роль в силу коммуникативных особенностей исследуемого материала и в свете результатов собственно лингвистического исследования представленных на анализ текстов [Хоменко 2018а].

Модельная структура идиостиля автора отзыва 3, несмотря на некоторые пересечения, не тождественна модельной структуре идиостиля автора Б. Пересечение параметров не создает устойчивого комплекса, позволяющего отождествить этих двух лиц. Более того, отзыв 3 имеет яркие идиосинкратические параметры, не встречающиеся в СО для Б: использование коллокативных сочетаний, использование большого количества номинативных конструкций.

Выводы

В ходе исследования удалось показать релевантность использования комбинаторного подхода к атрибуции текста на примере текстов малого объема (одного из сложнейших материалов для автороведения). В статье описаны и проиллюстрированы этапы применения интегративной методики, охарактеризована ее методологическая и гносеологическая база. Именно этот подход в сочетании с методиками лингвистического моделирования позволяет получить обоснованные выводы по исследованию, объективирует данные интерпретационного анализа. В ходе работы также удалось подтвердить постулат о том, что идиосинкраземы зачастую играют ведущую роль в автороведческих исследованиях (данное утверждение делается, например, в следующей работе: [Koppel, Schler 2003]). При анализе учитывалось также мнение о том, что работать со статистикой на текстах малого объема следует с осторожностью в силу специфики материала [Хоменко 2018а].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
2. Батура Т. В. Формальные методы определения авторства текстов // Вестн. НГУ. Сер.: Информационные технологии. 2012. Т. 2. Вып. 4.
3. Вул С. М. Криминалистическое исследование признаков письменной речи. — Киев, 1973.
4. Вул С. М. Особенности оценки следователем и судом заключения идентификационной судебно-автороведческой экспертизы //

Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев, 1982. Вып. 24.

5. Вул С. М., Горошко Е. И. Судебно-автороведческая классификационная диагностика: установление половой принадлежности автора документа // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью : материалы науч.-практ. конф. — Минск, 1992.

6. Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы : метод. пособие. — Харьков : ХНИИСЭ, 2007. 64 с.

7. Вул С. М. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. — М., 1977.

8. Галяшина Е. И., Ермолова Е. И. Лингвокриминалистические возможности авторизации письменных и устных текстов : Междунар. науч. конф. — М., 2005.

9. Галяшина Е. И., Ермолова Е. И. Перспективы развития автороведческой экспертизы в России // Судебная экспертиза. — Саратов, 2005. № 3.

10. Захаров В. Н., Леонтьев А. А., Рогов А. А., Сидоров Ю. В. Программа систем поддержки атрибуции текстов статей Ф. М. Достоевского // Труд / ПетрГУ. — Петрозаводск, 2000. Вып. 9. Сер. «Прикладная математика и информатика». С. 113—122.

11. Лексикатор [Электронный ресурс]. URL: <http://corplings.pythonanywhere.com/>.

12. Мартыненко Г. Я. Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия // Структурная и прикладная лингвистика : межвуз. сб. Вып. 11 / под ред. А. С. Герда, И. С. Николаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. С. 9—28.

13. Марусенко М. А. Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов как типичная задача распознавания образов // Историография и источниковедение отечественной истории. — СПб, 2003. Вып. 3.

14. Медведева Т. Н. Формальные модели в лингвистике : учеб. пособие. — Саратов : Науч. книга, 2010. 56 с.

15. Родионова Е. С. Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (к проблеме «Мольер — Корнель») [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2008. URL: <http://epir.ru/pragmat/projects/corneille/files/autoreferat.pdf> (дата обращения: 29.11.2018).

16. Родионова Е. С. Методы атрибуции художественных текстов // Структурная и прикладная лингвистика : межвуз. сб. Вып. 7 / под ред. А. С. Герда. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 118—127.

17. Романов А. С. Методика и программный комплекс для идентификации автора неизвестного текста : автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Томск, 2010. 26 с.

18. Хоменко А. Ю. Атрибуция текстов малого объема. Статистические закономерности // Язык. Право. Общество : сб. ст. 5-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под ред. О. В. Барабаш. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. 483 с. С. 123—127.

19. Хоменко А. Ю. Алгоритм для автоматической идентификации автора письменного речевого произведения в судебном автороведении // Юрислингвистика. — Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та. 2014. Вып. 3 (14). С. 83—93.

20. Хоменко А. Ю. Анализ языковой личности автора текста с применением методов математической статистики как способ установления авторства текста // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии : сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. молодых ученых (15—16 апр. 2014 г.). — Н. Новгород : Мининский ун-т, 2014. — Вып. 12. С. 293—297.

21. Хоменко А. Ю. Апробация методов математической статистики при атрибуции текста в рамках судебного автороведения // Язык. Право. Общество : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 23—24 апр. 2013 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2013.

22. Хоменко А. Ю. К вопросу об исследовании письменного речевого произведения в рамках автороведческой экспер-

тизы на предмет его оригинальности // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 306—312.

23. Хоменко А. Ю. Лингвистическое моделирование как инструмент выявления искажений речевых навыков автора письменного речевого произведения. Опыт практического исследования // Вопросы психолингвистики. — М. : Ин-т языкознания РАН, 2018. Вып. 2 (36). С. 209—226.

24. Argamon-Engelson Sh., Koppel M., Avneri G. Style-based Text Categorization: What Newspaper Am I Reading? Technical Report WS-98-05. Compilation copyright, 1998.

25. Baayen H., van Halteren H., Tweedie F. Outside the cave of shadows: using syntactic annotation to enhance authorship attribution [Electronic resource] // Literary and Linguistic Computing. 1996. Vol. 11, Iss. 3. P. 121—132. URL: <https://doi.org/10.1093/lc/11.3.121> (date of access: 29.11.2018).

26. Campbell L. The Sophistries and Polilicus of Plato. — Oxford : Clarendon, 1867. 170 p.

27. Coulthard M. Author identification, idiolect, and linguistic uniqueness // Applied Linguistics. 2004. No 24 (4). P. 431—447.

28. Forensic Linguistics: advances in forensic stylistics / G. R. McMenamin, 2002. 331 p.

29. Foster D. An Elegy by W.S.: A Study in Attribution. — Newark : Univ. of Delaware Pr., 1989.

30. Foster D. Author Unknown: On the Trail of Anonymous. — New York : Henry Holt and Company, 2001.

31. Fucks W. On the mathematical analysis of style // Biometrika. 1952. Vol. 39. P. 122—129.

32. Holmes D., Forsyth R. The Federalist Revisited: New Directions in Authorship Attribution // Literary and Linguistic Computing. 1995. Vol. 10, Iss. 2. P. 111—127. DOI: <https://doi.org/10.1093/lc/10.2.111>.

33. Holmes D. I. Authorship attribution // Computers and the Humanities. 1994. Vol. 28, No. 2. P. 87—106.

34. Jule G. U. The Statistical study of Literary Vocabulary. — Cambridge, 1944.

35. Juola P., Sofko J., Brennan P. A Prototype for Authorship Attribution Studies // Literary and Linguistic Computing. 2006. Vol. 21, Iss. 2. P. 169—178. DOI: <https://doi.org/10.1093/lc/fql0>.

36. Koppel M., Schler J. Exploiting Stylistic Idiosyncrasies for Authorship Attribution // Proceedings of IJCAI'03 Workshop on Computational Approaches to Style Analysis and Synthesis. 2003. No 69. P. 72—80.

37. Kruh L. The Beale cipher as a bamboozlement: Part II // Cryptologia. 1988. Vol. 12, No. 4. P. 241—246.

38. Labbe C., Labbe D. Inter-Textual Distance and Authorship Attribution. Comeille and Molière // Journ. of Quantitative Linguistics / Taylor & Francis (Routledge). 2001. No 8 (3). P. 213—231.

39. Lutoslawski W. The origin and growth of Plato's logic. — London, 1897. 547 p.

40. Mendenhall T. The characteristic curves of composition // Science. 1887. No 9. P. 237—249.

41. Merriam T. An Application of Authorship Attribution by Inter-textual Distance in English // Corpus. 2003. № 2. P. 142—168.

42. Merriam T. An Experiment with the Federalist Papers // Computers and the Humanities. 1989. No. 23. P. 251—254.

43. Matthews R. Neural Computation in Stylometry II: An Application to the Works of Shakespeare and Marlowe // Literary and Linguistic Computing. 1994. No 9 (1). P. 1—6.

44. Mosteller F., Wallace D. L. Applied Bayesian and Classical Inference: The Case of the Federalist Papers. — Springer, 1964.

45. Somers H. Statistical methods in literary analysis // The Computer and Literary Style / J. Leed, ed. — Kent, OH : Kent State Univ. Pr., 1972.

46. Wright D. Using word n-grams to identify authors and idiolects: A corpus approach to a forensic linguistic problem [Electronic resource] // International Journal of Corpus Linguistics. 2017. No 22 (2). P. 212—241. URL: <https://benjamins.com/#catalog/journals/ijcl.22.2.03wri/details> (date of access: 29.11.2018).

A. Yu. Khomenko

National Research University «Higher School of Economics», Nizhny Novgorod, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3564-6293

 E-mail: akhomenko@hse.ru.

Linguistic Attributional Examination of Short Written Texts: Qualitative and Quantitative Methods

ABSTRACT. This article focuses on practical research conducted on the basis of an integrative attributional technique combining qualitative and quantitative approaches to text attribution and used in forensic authoring expertise. Qualitative analysis is a study of the author's individual style as a holistic construct, representing the author's speech competences and the level of their mastery. Using this type of analysis, it is possible to create a linguistic model of the author's individual style. Quantitative analysis is an extraction of statistical data from the text. These data help to make attributional expertise more complete, comprehensive and objective.

The study described in the article is preceded by a critical analysis of the theory, practice and methodological basis of the forensic attributional expertise abroad, mainly in English-speaking countries – Great Britain and the USA – and in Russia. According to the analysis, the conclusion about the similar methodological base of attributional expertise in these regions has been made. The postulate on the need to apply an interdisciplinary approach to forensic attributional text study has been also formulated. The conclusions about the expediency of using statistical text data to objectify the results of forensic attributional expertise and increase the verifiability of conclusions have been drawn. The article has confirmed the statement about the important function of idiosyncratic parameters of the individual style of the author in text attribution.

KEYWORDS: forensic authoring expertise; written texts; text mining; text statistics; stylometry; idiostyle; linguistic modeling.

AUTHOR'S INFORMATION: Khomenko Anna Yur'evna, Senior Lecturer, Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University «Higher School of Economics», Russia, Nizhny Novgorod; Forensic Expert, LLC «Expertise and Estimate Center «ESIN», Nizhny Novgorod, Moscow.

FOR CITATION: Khomenko, A. Yu. Linguistic Attributional Examination of Short Written Texts: Qualitative and Quantitative Methods / A. Yu. Khomenko // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 177-187. — DOI 10.26170/pl19-02-20.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Introduction to Applied Linguistics : teaching aid. — Moscow : Editorial URSS, 2001. 360 p. [Vvedenie v prikladnyy lingvistiku : ucheb. posobie. — M. : Editorial URSS, 2001. 360 s.]. — (In Rus.)
2. Batura T. V. Formal Methods for Determining Authorship of Texts // NSU Journ. Ser.: Information technology. 2012. Vol. 2. Iss. 4. [Formal'nye metody opredeleniya avtorstva tekstov // Vestn. NGU. Ser.: Informatsionnye tekhnologii. 2012. T. 2. Vyp. 4]. — (In Rus.)
3. Vul S. M. Forensic Investigation of Signs of Writing. — Kiev, 1973. [Kriminalisticheskoe issledovanie priznakov pis'mennoy rechi. — Kiev, 1973]. — (In Rus.)
4. Vul S. M. Features of the Evaluation by the Investigator and the Court of the Conclusion of the Identification Forensic Author's Examination // Forensic and Forensic Examination. — Kiev, 1982. Vol. 24. [Osobennosti otsenki sledovatelem i sudom zaklyucheniya identifikatsionnoy sudebno-avtorovedcheskoy ekspertizy // Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza. — Kiev, 1982. Vyp. 24]. — (In Rus.)
5. Vul S. M., Goroshko E. I. Forensic-scientific Classification Diagnosis: Establishing the Gender of the Author of the Document // Modern Achievements of Science and Technology in the Fight against crime : materials of scientific-practical conf. — Minsk, 1992. [Sudebno-avtorovedcheskaya klassifikatsionnaya diagnostika: ustanovlenie polovoy prinadlezhnosti avtora dokumenta // Sovremennye dostizheniya nauki i tekhniki v bor'be s prestupnost'yu : materialy nauch.-prakt. konf. — Minsk, 1992]. — (In Rus.)
6. Vul S. M. Forensic Imaging Expertise: Methodological Foundations : method. aid. — Kharkov : KhNIISE, 2007. 64 p. [Sudebno-avtorovedcheskaya identifikatsionnaya ekspertiza: metodicheskie osnovy : metod. posobie. — Xar'kov : KhNIISE, 2007. 64 s.]. — (In Rus.)
7. Vul S. M. Theoretical and Methodological Issues of Forensic Research in Writing. — Moscow, 1977. [Teoreticheskie i metodicheskie voprosy kriminalisticheskogo issledovaniya pis'mennoy rechi. — M., 1977]. — (In Rus.)
8. Galyashina E. I., Ermolova E. I. Lingual and Criminal Possibilities of Authorization of Written and Oral Texts : Intern. scientific conf. — Moscow, 2005. [Lingvokriminalisticheskie vozmozhnosti avtorizatsii pis'mennykh i ustnykh tekstov : Mezhdunar. nauch. konf. — M., 2005]. — (In Rus.)
9. Galyashina E. I., Ermolova E. I. Prospects for the Development of an Author's Expert Examination in Russia // Forensic Examination. — Saratov, 2005. № 3. [Perspektivy razvitiya avtorovedcheskoy ekspertizy v Rossii // Sudebnaya ekspertiza. — Saratov, 2005. № 3]. — (In Rus.)
10. Zakharov V. N., Leont'ev A. A., Rogov A. A., Sidorov Yu. V. Program of Support Systems for Attribution of Texts of Articles by F. M. Dostoevsky // Work / Petrozavodsk SU. — Petrozavodsk, 2000. Vol. 9. Ser. "Applied Mathematics and Computer Science". P. 113—122. [Programma sistem podderzhki atributsii tekstov statey F. M. Dostoevskogo // Trud / PetrGU. — Petrozavodsk, 2000. Vyp. 9. Ser. «Prikladnaya matematika i informatika». S. 113—122]. — (In Rus.)
11. Lexicator [Electronic resource]. [Leksikator]. URL: <http://corplings.partyonanywhere.com/>.
12. Martynenko G. Ya. Stilemetry: the Emergence and Formation in the Context of Interdisciplinary Interaction // Structural and Applied Linguistics : intercollege collection of works. Iss. 11 / eds.: A. S. Gerd, I. S. Nikolaev. — St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg Univer. 2015. P. 9—28. [Stilemetriya: vznik i formirovaniye v kontekste mezhdistsiplinarnogo vzaimodeystviya // Strukturnaya i prikladnaya lingvistika : mezhd. sb. Vyp. 11 / pod red. A. S. Gerda, I. S. Nikolaeva. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2015. S. 9—28]. — (In Rus.)
13. Marusenko M. A. Attribution of Anonymous and Pseudonymous Texts as a Typical Pattern Recognition Problem // Historiography and Source Study of National History. — St. Petersburg, 2003. Vol. 3. [Atributsiya anonimnykh i psevdonimnykh tekstov kak tipichnaya zadacha raspoznavaniya obrazov // Istoriografiya i istochnikovedenie otechestvennoy istorii. — SPb, 2003. Vyp. 3]. — (In Rus.)
14. Medvedeva T. N. Formal Models in Linguistics : teaching aid. — Saratov : Scientific book, 2010. 56 p. [Formal'nye modeli v lingvistike : ucheb. posobie / T. N. Medvedeva. — Saratov : Nauch. kniga, 2010. 56 s.]. — (In Rus.)
15. Rodionova E. S. Linguistic Methods of Attribution and Dating of Literary Works (to the Problem "Moliere / Corneille")

[Electronic resource] : synopsis of doctoral thesis of Cand. Philol. Sciences, 2008. [Lingvisticheskie metody atributsii i datirovki literaturnykh proizvedeniy (k probleme «Mol'er — Kornel'») : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, 2008]. URL: <http://epir.ru/pragmat/projects/corneille/files/autoreferat.pdf> (date of access: 29.11.2018). — (In Rus.)

16. Rodionova E. S. Methods of Attribution of Artistic Texts // Structural and Applied Linguistics : Intercollegiate collection of works. Iss. 7 / ed. A. S. Gerd. — St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg Univ., 2008. P. 118—127. [Metody atributsii khudozhestvennykh tekstov // Strukturnaya i prikladnaya lingvistika : mezhvuz. sb. Vyp. 7 / pod red. A. S. Gerda. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. S. 118—127]. — (In Rus.)

17. Romanov A. S. Methodology and Software for Identifying the Author of an Unknown Text : synopsis of thesis of Cand. of Tech. Sciences. — Tomsk, 2010. 26 p. [Metodika i programmy kompleks dlya identifikatsii avtora neizvestnogo teksta : avtoref. dis. ... kand. tekh. nauk. — Tomsk, 2010. 26 s.]. — (In Rus.)

18. Khomenko A. Yu. Attribution of Small Texts. Statistical Laws // Language. Right. Society : collection of articles from 5th Intern. scientific-practical conf. (Penza, May 22—25, 2018) / ed. O. V. Barabash. — Penza : PGU Publishing House, 2018. 483 p. P. 123—127. [Atributsiya tekstov malogo ob'ema. Statisticheskie zakonomernosti // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. 5-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod red. O. V. Barabash. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. 483 s. S. 123—127]. — (In Rus.)

19. Khomenko A. Yu. Algorithm for Automatic Identification of the Author of a Written Speech Work in Forensic Authoring // Jurislinguistics. — Barnaul : Publishing House of Altay State Univ. 2014. Vol. 3 (14). P. 83—93. [Algoritm dlya avtomaticheskoy identifikatsii avtora pis'mennogo rechevogo proizvedeniya v sudebnom avtorovedenii // Yurislingvistika. — Barnaul : Izd-vo Altaysk. gos. un-ta. 2014. Vyp. 3 (14). S. 83—93]. — (In Rus.)

20. Khomenko A. Yu. Analysis of the Language Identity of the Author of the Text Using the Methods of Mathematical Statistics as a Way to Establish Authorship of the Text // Problems of Language Picture of the World in Synchrony and Diachronic : collection of articles on materials from All-Russia Scientific Conf. for Young Scientists (April 15—16, 2014). — N. Novgorod : Mininsky Univ., 2014. Vol. 12. P. 293—297. [Analiz yazykovoy lichnosti avtora teksta s primeneniem metodov matematicheskoy statistiki kak sposob ustanovleniya avtorstva teksta. Problemy yazykovoy kartiny mira v sinkhronii i diakhronii : sb. st. po materialam Vseros. nauch. konf. molodykh uchenykh (15—16 apr. 2014 g.). — N. Novgorod : Mininskiy un-t, 2014. — Vyp. 12. S. 293—297]. — (In Rus.)

21. Khomenko A. Yu. Approbation of Mathematical Statistics Methods for Text Attribution in the Framework of Judicial Author Study // Language. Right. Society : collection of articles for All-Russia scientific-practical conf. (Penza, April 23—24, 2013) / eds.: O. V. Barabash, G. I. Kanakina. — Penza : PGU Publishing House, 2013. [Aprobatsiya metodov matematicheskoy statistiki pri atributsii teksta v ramkakh sudebnogo avtorovedeniya // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 23—24 apr. 2013 g.) / pod red. O. V. Barabash, G. I. Kanakinoy. — Penza : Izd-vo PGU, 2013]. — (In Rus.)

22. Khomenko A. Yu. The Problem of Originality Determination of a Text in the Framework of Authorship Identification Expertise // Political Linguistics. 2014. No 4 (50). P. 306—312. [K voprosu ob issledovanii pis'mennogo rechevogo proizvedeniya v ramkakh avtorovedcheskoy ekspertizy na predmet ego originalnosti // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 306—312]. — (In Rus.)

23. Khomenko A. Yu. Linguistic Modeling as a Tool for Identifying the Distortions of the Speech Skills of the Author of a Written Speech Work. Experience of Practical Research // Problems of

Psycholinguistics. — Moscow : Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2018. Iss. 2 (36). P. 209—226. [Lingvisticheskoe modelirovanie kak instrument vyyavleniya iskazheniy rechevykh navykov avtora pis'mennogo rechevogo proizvedeniya. Opyt prakticheskogo issledovaniya // Voprosy psikholingvistiki. — M. : In-t yazykoznavaniya RAN, 2018. Vyp. 2 (36). S. 209—226]. — (In Rus.)

24. Argamon-Engelson Sh., Koppel M., Avneri G. Style-based Text Categorization: What Newspaper Am I Reading? Technical Report WS-98-05. Compilation copyright, 1998.

25. Baayen H., van Halteren H., Tweedie F. Outside the cave of shadows: using syntactic annotation to enhance authorship attribution [Electronic resource] // Literary and Linguistic Computing. 1996. Vol. 11, Iss. 3. P. 121—132. URL: <https://doi.org/10.1093/lc/11.3.121> (date of access: 29.11.2018).

26. Campbell L. The Sophistries and Polilicus of Plato. — Oxford : Clarendon, 1867. 170 p.

27. Coulthard M. Author identification, idiolect, and linguistic uniqueness // Applied Linguistics. 2004. No 24 (4). P. 431—447.

28. Forensic Linguistics: advances in forensic stylistics / G. R. McMenamin, 2002. 331 p.

29. Foster D. An Elegy by W.S.: A Study in Attribution. — Newark : Univ. of Delaware Pr., 1989.

30. Foster D. Author Unknown: On the Trail of Anonymous. — New York : Henry Holt and Company, 2001.

31. Fucks W. On the mathematical analysis of style // Biometrika. 1952. Vol. 39. P. 122—129.

32. Holmes D., Forsyth R. The Federalist Revisited: New Directions in Authorship Attribution // Literary and Linguistic Computing. 1995. Vol. 10, Iss. 2. P. 111—127. DOI: <https://doi.org/10.1093/lc/10.2.111>.

33. Holmes D. I. Authorship attribution // Computers and the Humanities. 1994. Vol. 28, No. 2. P. 87—106.

34. Jule G. U. The Statistical study of Literary Vocabulary. — Cambridge, 1944.

35. Juola P., Sofko J., Brennan P. A Prototype for Authorship Attribution Studies // Literary and Linguistic Computing. 2006. Vol. 21. Iss. 2. P. 169—178. DOI: <https://doi.org/10.1093/lc/fql0>.

36. Koppel M., Schler J. Exploiting Stylistic Idiosyncrasies for Authorship Attribution // Proceedings of IJCAI'03 Workshop on Computational Approaches to Style Analysis and Synthesis. 2003. No 69. P. 72—80.

37. Kruh L. The Beale cipher as a bamboozlement: Part II // Cryptologia. 1988. Vol. 12, No. 4. P. 241—246.

38. Labbe C., Labbe D. Inter-Textual Distance and Authorship Attribution. Comeille and Molière // Journ. of Quantitative Linguistics / Taylor & Francis (Routledge). 2001. No 8 (3). P. 213—231.

39. Lutoslawski W. The origin and growth of Plato's logic. — London, 1897. 547 p.

40. Mendenhall T. The characteristic curves of composition // Science. 1887. No 9. P. 237—249.

41. Merriam T. An Application of Authorship Attribution by Inter-textual Distance in English // Corpus. 2003. № 2. P. 142—168.

42. Merriam T. An Experiment with the Federalist Papers // Computers and the Humanities. 1989. No. 23. P. 251—254.

43. Matthews R. Neural Computation in Stylometry II: An Application to the Works of Shakespeare and Marlowe // Literary and Linguistic Computing. 1994. No 9 (1). P. 1—6.

44. Mosteller F., Wallace D. L. Applied Bayesian and Classical Inference: The Case of the Federalist Papers. — Springer, 1964.

45. Somers H. Statistical methods in literary analysis // The Computer and Literary Style / J. Leed, ed. — Kent, OH : Kent State Univ. Pr., 1972.

46. Wright D. Using word n-grams to identify authors and idiolects: A corpus approach to a forensic linguistic problem [Electronic resource] // International Journal of Corpus Linguistics. 2017. No 22 (2). P. 212—241. URL: <https://benjamins.com/#catalog/journals/ijcl.22.2.03wri/details> (date of access: 29.11.2018).

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.12-36
DOI 10.26170/pl19-02-21

ГСНТИ 16.21.49; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

Цзюй Хайна

Хэйхэский университет, Китай
ORCID ID: 0000-0002-2981-7108

 E-mail: moskva20090923@mail.ru.

Модель фразеосемантического поля темпоральности в русской фразеологии

АННОТАЦИЯ. На материале русской фразеологии рассматриваются зафиксированные в русской языковой картине мира представления о времени (отобрано около 500 устойчивых оборотов данной тематики). Фразеологизмы анализируются с построением семантического поля: такой подход позволяет выделить особенности осмысления времени конкретным этносом, помогает выявить культурно-исторические стереотипы, зияющие на национальном менталитете и религиозных идеях. Совокупность фразеологических оборотов, объединенных общей темой «время», трактуется в работе как фразеосемантическое поле. Понятие времени может быть основным в значении фразеологизма, темпоральность может проявляться и в виде характеристики явления, процесса или признака. В соответствии с различной степенью близости фразеологизмов фразеосемантическое поле делится на сегменты, а они, в свою очередь, на микросегменты (пример: сегмент — единицы со значением выделенного временного отрезка, микросегменты — начальная фаза действия, период максимального проявления признаков, завершающая стадия действия). Установлено 13 сегментов рассматриваемого фразеосемантического поля, определена его структура (устойчивые обороты в центре отражают представления о времени отстраненно, как проявление изменчивости, вокруг центра поля расположены группы фразеологизмов, в значении которых помимо темы времени есть и другие, характеризующие конкретную ситуацию или объект). Отмечается, что различия между оборотами одного и того же сегмента могут быть как денотативными, так и экспрессивно-стилистическими (одни характерны для книжного стиля, другие носят сниженный, разговорный характер). Рассматриваются механизмы пересмысления, идиоматизации, в результате действия которых появляются фразеологизмы, прежде всего метафоризация. Особое внимание уделяется национально-специфичным оборотам, в том числе связанным с историческими реалиями. Представляется оптимальным структурировать фразеосемантическое поле времени в виде модели «лестничкового» типа (центральная часть окружена секторами «лестницами»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеосемантические поля; темпоральность; микросегменты; фразеологические единицы; русский язык; фразеология русского языка; фразеологизмы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Цзюй Хайна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка, Хэйхэский университет; 164300, Китайская Народная Республика, провинция Хэйлуньцзян, г. Хэйхэ, ул. Институтская, 1; e-mail: moskva20090923@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цзюй, Хайна. Модель фразеосемантического поля темпоральности в русской фразеологии / Цзюй Хайна // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 188-194. — DOI 10.26170/pl19-02-21.

В исследовании анализируется степень значимости концепта «Время» для русского языкового сознания. Данный концепт занимает важное место в языковой картине мира, отражающей представления русских людей о жизни, поскольку осознание времени играет определяющую роль в концептуализации мира. Обобщенные представления о времени конкретного народа находят отражение во фразеологии: *не нами началось, не нами и кончится; жизнь коротка, каждый час дорог; не ровён час, под Богом ходим; судьба написана на небесах; что на роду написано, то и сбудется; Бог терпел и нам велел; думы за горами, а смерть за плечами; жизнь прожить — не поле перейти. На жизненном пути будут беды и скорби, но мужик умирать собирайся, а земельку паши, Бог не оставит, будут и красные дни.*

В. К. Хониг, введший понятие «темпоральной когнитивной карты», определил его как психологическую структуру в долгосрочной памяти, которая формируется на основе опыта повторяющихся последовательностей событий. Н. А. Потаенко считает, что совокупность языковых средств репрезентации времени формирует функционально-семантическое поле. В подобном аспекте данная проблема отражена в других работах [Булыгина, Шмелев 1997; Категоризация мира: пространство и время 1997; Логический анализ языка 1997; Серебренников 1988; Хайдеггер 1993].

С утверждением в лингвистической науке антропоцентрической парадигмы, сосредоточенной на анализе языковой картины мира как языкового воплощения результатов познания действительности, актуализируются проблемы сущности семантического

го поля.

По нашему мнению, полевой подход к исследованию фразеологии времени дает возможность установить особенности восприятия времени конкретным этносом, помогает выявить культурно-исторические стереотипы, связанные с оценкой времени говорящим, позволяет определить принципы восприятия времени, в основе которых лежат «народная философия» и религиозные представления.

В лингвистических работах не сформулированы единые подходы к исследованию фразеосемантического поля. Само понятие семантического поля, репрезентированное в терминах «понятийное поле» и «словесное поле», было предложено в 30-х гг. XX в. немецким лингвистом Й. Триром. Позже теория Й. Трира была доработана представителем современного неогумбольдтианства Л. Вейсгербером. Взгляды Й. Трира подверглись критике со стороны лингвистов. В качестве главной ошибки ученого называли то, что в анализе он исходит не из языковых единиц, а из понятий. Проблема системной организации номинативного инвентаря языка была рассмотрена Д. Н. Шмелёвым [Шмелев 1964]. Также исследователей интересовал вопрос системных отношений во фразеологии [Алефиренко, Семенов 2009; Жуков 1986; Жуков В. П., Жуков А. В. 2006; Телия 1996].

Под фразеосемантическим полем мы понимаем совокупность фразеологических оборотов, объединенных общей семой, в нашем случае — «время». Элементы поля связаны разными видами отношений, которые определяются денотативной направленностью на определенный фрагмент действительности (временное существование человека и окружающей его действительности), концептуальной совместимостью конкретных единиц, ситуативной соположенностью называемых элементов действительности, ассоциативными связями. Другими словами, изучаемое семантическое поле состоит из ряда устойчивых оборотов, в значении которых есть сема «время» и которые активно используются при обозначении временных отрезков, или темпорального аспекта явлений и процессов: *в наши дни; испокон веку (веков); в прошлом; прекрасное далёко; на заре жизни; со школьной скамьи; к шапочному разбору; лихие девяностые; адмиральский час; в недалёком будущем; новые русские; Смутное время; в темпе вальса; время не ждёт.*

В роли семантической скрепы поля выступает интегральная сема «время». Этот признак может быть основным в значении

фразеологизма, как, например, в оборотах *медовый месяц, на закате жизни, в расцвете сил, на ночь глядя.* Темпоральность может являться характеристикой явления, процесса или признака: *как блины печёт* (о творческой активности), *на пике славы, Улита едет, с места в карьер, период застоя.*

Элементы фразеосемантического поля характеризуются разной степенью близости, в связи с этим в пространстве поля можно выделить участки — так называемые сегменты, куда входят элементы, близкие по значению. В «Словаре-тезаурусе русской идиоматики», подготовленном А. Н. Барановым, Д. О. Добровольским, Ю. Н. Карауловым и другими исследователями, отражен опыт дифференциации темпорального семантического поля русской фразеологии. Членение фразеосемантического поля представлено в издании достаточно убедительно и аргументированно. Оправданны и концептуализированы выделенные на базе денотативного критерия группы фразеологизмов. Члены фразеосемантического поля являются результатом осмысления носителями языка категории времени как важной категории существования. Категория времени отражает восприятие человеком сути жизни как протекающей в определенных пределах существования в изменяющемся природном, социально-культурном и историческом контекстах.

В настоящем исследовании объединения фразеологизмов носят название сегментов, а конкретные ряды внутри сегмента обозначаются как микросегменты. Например, устойчивые обороты со значением выделенного временного отрезка формируют сегмент, для единиц которого характерна рамочная структура «от — до», «с — до» (*от звонка до звонка, от темна до темна, с утра до ночи, с вечера до рассвета*). В свою очередь, данный сегмент может разделяться на микросегменты, в состав которых будут входить фразеологизмы, обозначающие различные фазы явления: 1) начальную фазу — *лиха беда начало, с пелёнок, со школьной скамьи*; 2) период максимального проявления каких-либо качеств: *в пору зрелости, в соку, на пике*; 3) завершающую стадию явления: *сойти на нет, исчерпать силы, прийти к финишу.*

В структуре семантического поля темпоральных фразеологизмов русского языка нами были выделены 13 сегментов: 1) этапы жизненного пути человека; 2) моменты суточного цикла; 3) фразеология времен года; 4) оценка темпа явлений; 5) соответствие/ несоответствие времени обозначаемых со-

бытий; 6) будущее — во власти судьбы; 7) неопределенность/неизвестность времени будущих событий; 8) раньше ожидаемого — позже ожидаемого; 9) выделенные моменты времени; 10) непрерывность изменений во времени мира и человека; 11) время приближения ухода человека из жизни; 12) разумное/неразумное использование времени; 13) время далекого прошлого.

Представим сегменты фразеосемантического поля в виде модели «лепесткового» типа («ромашки»), с сердцевинкой — центральной частью и секторами — «лепестками» (см. рис.).

Приведенная на рисунке модель фразеосемантического поля отражает сформировавшуюся в русском сознании картину времени, упорядоченную в представлениях людей, наблюдающих жизненные процессы и переживающих их в отведенное судьбой время. Важной стороной пословичной темпоральной картины в русском языке является ее «самобытность, коренная сила, обилие и разнообразие в изъяснении мыслей и чувств, <...> как живые, гласные памятники самородного ума, свободной фантазии и языка <...>» [Снегирев 2012: 133].

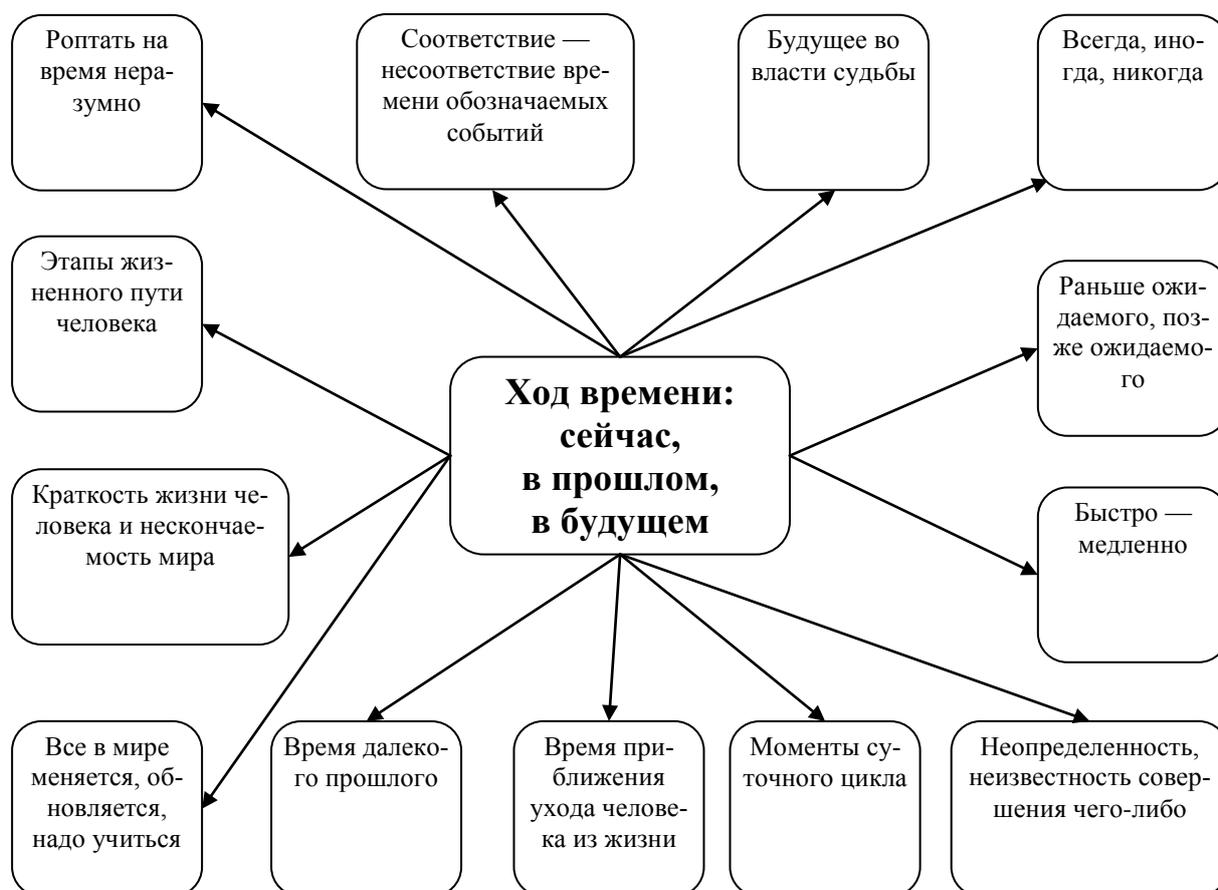

Рис. 1. Модель фразеосемантического поля темпоральности

Устойчивые обороты в центре отражают представление о времени отстраненно, без конкретизации жизненных явлений, «философски», как некий поток, в который включено всё на Земле, и материальное, и духовное по сути. В данном случае концепт «время» занимает доминирующее положение как воплощение идеи изменения. К фразеологизмам центра можно отнести небольшое количество оборотов: *текущий момент, время идёт, время не ждёт, время истекло, летят года, прошлое не воротить, актуальный период, что день грядущий нам готовит?* Внимание человека сосредоточено

но на прошедших событиях и ожидаемых явлениях. Настоящее не акцентировано, поэтому так мало оборотов, фиксирующих явления этого момента.

Вокруг центральной идеи времени находятся группы фразеологизмов, в значении которых, помимо семы времени, есть и другие, характеризующие конкретную ситуацию или объект. Скрепляют обороты разных сегментов семы, которые объединяют единицы с точки зрения практического восприятия. Так, сегмент «начало — конец» состоит из оборотов, где актуализируются временные границы процессов: *первый шаг (первые*

шаги), вступать/вступить на путь, вступать/вступить в строй, с азов, проба пера, первым делом, закладывать/заложить фундамент, лёд тронулся, первая ласточка, чуть свет, с первым вздохом, от печки; дело в шляпе, с плеч/с рук долой, песенка слета, выходит/выйти в тираж, ставить/поставить точку, к шапочному разбору, идти/катиться под гору, лебединая песня, дышать на ладан.

Как уже отмечалось, в семантике устойчивых оборотов есть интегральная сема «начальный момент процесса», «завершающий момент процесса», но она конкретизируется за счет других сем, связывающих фразеологизм с конкретной реалией. Например, оборот *с азов* имеет значение «начало познания чего-л., начальные шаги в освоении какого-л. мастерства, усвоение основ, простейших правил чего-л.». Фразеологизм *закладывать/заложить фундамент* обозначает «создавать то, что является исходным, начальным, основным (для какой-то отрасли науки, культуры, образования и т. п.)» [Яранцев 1997: 467]. Сравнивая обороты *к шапочному разбору* и *лебединая песня/песнь*, приходим к следующему: первый оборот обозначает «опоздать, прийти, когда присутствующие, завершив дела, уже уходят»; фразеологизм *лебединая песня/песнь* имеет значение «последнее, завершающее произведение кого-л.; последнее проявление гения или таланта кого-л.» [Яранцев 1997: 483]. Данные обороты описывают различные ситуации, кроме того, обладают различиями в сфере употребления: *к шапочному разбору* — ситуация опоздания, стиль — разговорный, *лебединая песня/песнь* — ситуация оценки, стиль — книжный.

Различия между оборотами одного и того же сегмента могут быть как денотативными, так и экспрессивно-стилистическими. Обратимся к сочетаниям *лебединая песня/песнь* и *песенка слета*. Первый оборот характерен для книжного, высокого стиля, а второй носит сниженный, разговорный характер. Представим контексты их употребления: «„Вишнёвый сад“ справедливо считается „лебединой песнью“ Чехова-драматурга. Новаторские поиски ранних драматургических опытов в сфере композиции, структуры, стиля слились здесь в гармоническое единство»; «Я о вас часто думаю: как вы перешли этот ужасный рубеж, пятьдесят пять? Это ужас — пенсия! — Не сама пенсия, а право её получать. *Песенка твоя слета*, пора на заслуженный отдых» (Грекова. Пороги).

Анализ фразеологизмов русского языка из фразеосемантического поля «Время» по-

казывает, что корпус устойчивых оборотов, в значении которых есть указание на время, в русском языке репрезентативен и включает около 500 единиц. Все они формируют фразеосемантическое поле темпоральности за счет интегрального признака «время». Однако семантика фразеологизмов неоднородна, поскольку они характеризуют субъект и его действия во времени с разных сторон. Одни обороты характеризуют этапы жизни человека, другие — выделяемые в сутках периоды, третьи содержат осмысление причин позитивного или негативного характера жизни человека и т. д. В целом картина темпоральности в русском языке представлена различными сторонами бытия (практического и духовного). Дифференциация фразеосемантического поля проводится в опоре на переносные значения устойчивых оборотов. Кроме этого, принимается во внимание характер семантики фразеологизмов со значением времени.

Обращение к семасиологической стороне обозначений временных периодов, темпа протекающих событий или явлений позволяет определить национальный взгляд на происходящее с человеком и окружающим миром во времени. В данном случае мы говорим о способах переосмысления, идиоматизации, которые сформировались в русском языке для вербализации суждений о временном аспекте явлений. Во-первых, это метафоризация. Метафоры формировались в результате наблюдений человека над реальными процессами или в опоре на его мышление. В процессе образования фразеологизмов существенную роль играла и символика (*душа, сон, медовый, допотопный, нежный*). Национальной самобытностью характеризуются сравнения, алогизмы и другие средства.

Система языковых средств особого рода, которые оценочно репрезентируют ход бытия в национальной картине мира, является вследствие коммуникативных потребностей (экспрессивно представить картину мира) и необходимости осмыслить динамику жизни.

Современными учеными (в частности, Московской семантической школой во главе с В. Н. Телия) определено, что фразеология — это сокровищница национальной культуры, поскольку устойчивые обороты отражают установки культуры и национальный менталитет, передаваясь из поколения в поколение. Представление о времени и разумное существование человека в нем находят свое отражение в культурологическом компоненте фразеологизмов, передающих временные характеристики жизненных процессов. Это

можно проследить на примере отбора образов, в национально окрашенных уподоблениях, в использовании наивных и мифологических оценок (*на роду написано, боженька поцеловал, все там будем, детское время, обгонять время, в одно мгновение*), в символике временных отрезков, в кодах культуры, в морально-нравственных установках.

Национальный колорит русской темпоральной фразеологии передают обороты, отражающие исторические реалии, например: *незванный гость хуже татарина, Смутное время, лихие девяностые, культурная революция, в Европу прорубить окно, священная война*. Сочетания, повлиявшие на жизнь народа и ставшие воспроизводимыми, несут отпечаток минувших событий и сохраняют национальный колорит.

С точки зрения когнитивной лингвистики совокупность устойчивых оборотов, передающих значение времени, можно рассматривать как репрезентацию разветвленной структуры концепта «Время», отражающего время вечности и время личности. Данный концепт в некоторых проявлениях этнически и культурно ориентирован. Его структура состоит из ядра, ближайшей периферии и дальней периферии. Власть времени невозможно преодолеть, его однонаправленное движение к бесконечности становится главной пружиной жизни. Русская этническая общность молода по сравнению с некоторыми, однако у нее сформировался оригинальный культурный и ментальный мир, который в вербальной форме представил неповторимость и своеобразие мировоззрения и миропонимания в аспекте времени. Фразеологическая модель концепта «Время» представлена сегментарно: в центре — ядро, фразеологизмы, образы которых ярко характеризуют суть временной динамики: *время идет/летит/мчится/льется*; сегменты заключают обороты, которые актуализируют разные стороны проявления времени.

Таким образом, полевой подход к изучению фразеологизмов русского языка, объединенных интегральной семей «время», позволяет определить различные аспекты осмысления категории времени и описать ее репрезентацию в русском быте, менталитете и в национальной культуре, в том числе религиозной. В нашем исследовании фразеосемантическое поле времени наглядно представлено в виде модели «лепесткового»

типа, т. е. «ромашки» с сердцевиной — центральной частью, окруженной секторами «лепестками».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология : учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования. — М. : Флинта : Наука, 2009. 344 с.
2. Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / под ред. Е. Л. Березович. — М. : АСТ-Пресс книга, 2015. 544 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — М. : АТС-Пресс книга, 2006. 784 с.
4. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
5. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». — М. : Просвещение, 1986. 160 с.
6. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. — М. : Высшая школа, 2006. 408 с.
7. Категоризация мира: пространство и время : материалы науч. конф. / под ред. Е. С. Кубряковой, О. В. Александровой. — М. : Диалог-МГУ, 1997. 250 с.
8. Китайский фразеологический словарь. — Пекин, 2006. 1001 с. = 中华成语词典, 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2006.
9. Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. — М. : Индрик, 1997. 352 с.
10. Потаенко Н. А. Лингвистические аспекты концептуализации возраста человека. Сфера темпоральности в структуре языковой картины мира // Время и человек (Человек в пространстве концептуальных времен) : сб. науч. тр. / под науч. ред. В. С. Чуракова. — Новочеркасск : НОК, 2008. С. 193—208.
11. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. — М. : Наука, 1988. 242 с.
12. Снегирёв И. М. Русские в своих пословицах: рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. Изд. 2-е. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 184 с. (Лингвистическое наследие XIX века).
13. Солодуб Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). — М. : МГПИ им. Ленина, 1985. 112 с.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 286 с.
15. Тянь Цзюнь. Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2001. 214 с.
16. Хайдеггер М. Время и бытие. — М. : Республика, 1993. 447 с.
17. Шмелёв Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. — М. : Просвещение, 1964. 244 с.
18. Яранцев Р. И. Русская фразеология : словарь-справочник. — М. : Русский язык, 1997. 845 с.
19. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. — М. : Наука, 1981. 111 с.
20. Чжао Синью, Чжао Синьмао. Многофункциональный фразеологический словарь. — Пекин, 2004. 1074 с. = 赵辛予, 找辛茅. 多功能成语词典, 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2004.

Tsjui Haina

Heihe University, Republic of China
ORCID ID: 0000-0002-2981-7108 *E-mail:* moskva20090923@mail.ru.

A Model of Phraseosemantic Field of Temporality in Russian Phraseology

ABSTRACT. *The article deals with the expressions of time (the sample includes about 500 phraseological units with the temporal meaning) in the Russian worldview on the material of Russian phraseology. Phraseological units are analyzed alongside with the construction of a semantic field: such approach allows distinguishing the peculiarities of understanding of time by a concrete ethnos and helps to reveal the cultural-historical stereotypes based on the national mentality and religious ideas. A group of phraseological units with the common semantic component “time” is treated in the paper as a phraseosemantic field. The notion of time may be the basic one in the semantic structure of a phraseological unit; temporality may be also expressed in the form of a characteristic of a phenomenon, process or quality. In accordance with various degree of semantic proximity of phraseological units, the phraseosemantic field is subdivided into segments, and they, in their turn, are broken into microsegments (for example, the segment – units with the meaning of a stretch of time, microsegments – the initial phase of an action, the phase of the maximum manifestation of the properties, the final phase of an action). The article singles out 13 segments of the phraseosemantic field under study and defines its structure (the core phraseological units reflect the temporal notions from a distance, as a manifestation of changeability; around the core of the field there are groups of phraseological units the meanings of which, alongside the temporal seme, incorporate other ones, characterizing a concrete situation or object). It is noted that the differences between the units of the same segment may be either denotative or expressive-stylistical (some of them are typical of the literary style, while others have the features of the low colloquial nature). The author considers the mechanisms of transfer of meaning and idiomatization which result in the emergence of phraseological units and the process of metaphorization. Special attention is paid to nationally-specific units, and specifically to those associated with historical realia. It is convenient to represent the structure of the phraseosemantic field in the form of radar chart (in which the core area is surrounded by a number of sectors).*

KEYWORDS: phraseosemantic fields; temporality; microsegments; phraseological units; Russian language; Russian phraseology; phraseologisms.

AUTHOR'S INFORMATION: Tsjui Haina, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Russian Language Department, Heihe University, China.

FOR CITATION: Tsjui, Haina. A Model of Phraseosemantic Field of Temporality in Russian Phraseology / Tsjui Haina // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 188-194. — DOI 10.26170/pl19-02-21.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. Phraseology and Paremiology: teaching aid for the bachelor level of philological education. — M.: Flinta : Science, 2009. 344 p. [Frazeologiya i paremiologiya : ucheb. posobie dlya bakalavrskogo urovnya filologicheskogo obrazovaniya. — M.: Flinta : Nauka, 2009. 344 s.]. — (In Rus.)
2. Atroschenko O. V., Krivoshchapova Yu. A., Osipova K. V. Russian Folk Calendar. Ethnolinguistic Dictionary / ed. E. L. Bezrezovich. — Moscow : AST-Press book, 2015. 544 p. [Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar' / pod red. E. L. Bezrezovich. — M.: AST-Press kniga, 2015. 544 s.]. — (In Rus.)
3. Large Phraseological dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural Commentary / resp. ed. V. N. Teliya. — Moscow : AT-Press book, 2006. 784 p. [Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentariy / otv. red. V. N. Teliya. — M.: AT-Press kniga, 2006. 784 s.]. — (In Rus.)
4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. The Language Conceptualization of the World (on the Material of Russian Grammar). — Moscow : School “Languages of Russian culture”, 1997. 576 p. [Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki). — M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. 576 s.]. — (In Rus.)
5. Zhukov V. P. Semantics of Phraseological Phrases: teaching aid for students of universities, specialisation: “Rus. lang. and literature”. — Moscow : Enlightenment, 1986. 160 p. [Semantika frazeologicheskikh oborotov : ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po spets. «Rus. yaz. i lit.». — M.: Prosveshchenie, 1986. 160 s.]. — (In Rus.)
6. Zhukov V. P., Zhukov A. V. Russian Phraseology: teaching aid. 2nd ed., rev. and add. — Moscow : High School, 2006. 408 p. [Russkaya frazeologiya : ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Vysshaya shkola, 2006. 408 s.]. — (In Rus.)
7. Categorization of the World : Space and Time : materials of scientific conf. / ed. E. S. Kubryakova, O. V. Alexandrova. — Moscow : Dialogue-MSU, 1997. 250 p. [Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya : materialy nauch. konf. / pod red. E. S. Kubryakovoy, O. V. Aleksandrovoy. — M.: Dialogue-MGU, 1997. 250 s.]. — (In Rus.)
8. Chinese phrasebook. — Beijing, 2006. 1001 p. [Zhonghua chengyu cidan. — Beijing : Shangwu yinshuguan guoji youxian gongsi, 2006. 1001 s.]. — (In Chinese.)
9. Logical Analysis of the Language. Language and Time / resp. ed. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko. — Moscow : Indrik, 1997. 352 p. [Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya / otv. red. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko. — M.: Indrik, 1997. 352 s.]. — (In Rus.)
10. Potaenko N. A. Linguistic Aspects of Conceptualizing a Person's Age. The sphere of Temporality in the Structure of the Linguistic Picture of the World // Time and Man (Man in the Space of Conceptual Times) : collection of scientific works / under scientific ed. of V. S. Churakova. — Novocherkassk : NOK, 2008. p. 193—208. [Lingvisticheskie aspekty kontseptualizatsii vozrasta cheloveka. Sfera temporal'nosti v strukture yazykovoy kartiny mira // Vremya i chelovek (Chelovek v prostranstve kontseptual'nykh vremen) : sb. nauch. tr. / pod nauch. red. V. S. Churakova. — Novocherkassk : NOK, 2008. S. 193—208]. — (In Rus.)
11. Serebrennikov B. A. The Role of the Human Factor in the Language. Language and Thinking. — Moscow : Science, 1988. 242 p. [Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie. — M.: Nauka, 1988. 242 s.]. — (In Rus.)
12. Snegirev I. M. Russians in their Proverbs: Reasoning and Research on Russian Proverbs and Sayings. Ed. 2nd — M.: Book House “LIBROCOM”, 2012. 184 p. (Linguistic heritage of the nineteenth century). [Russkie v svoikh posloviatsakh: rassuzhdeniya i issledovaniya ob otechestvennykh posloviatsakh i pogovorkakh. Izd. 2-e. — M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2012. 184 s. (Lingvisticheskoe nasledie XX veka)]. — (In Rus.)
13. Solodub Yu. P. Russian Phraseology as an Object of Comparative Structural-Typological Research (on the material of

phraseological units with the value of a person's qualitative assessment). — Moscow : MGPI n. a. Lenin, 1985. 112 p. [Russkaya frazeologiya kak ob"ekt sopostavitel'nogo strukturno-tipologicheskogo issledovaniya (na materiale frazeologizmov so znacheniem kachestvennoy otsenki litsa). — M. : MGPI im. Lenina, 1985. 112 s.]. — (In Rus.)

14. Teliya V. N. Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. — Moscow : School "Languages of Russian culture", 1996. 286 p. [Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 286 s.]. — (In Rus.)

15. Tian Jun. Structural and Semantic Features of Somatic Phraseological Units in Russian and Chinese doctoral thesis of Cand. of Philol. Sciences. — Volgograd, 2001. 214 p. [Strukturnye i semanticheskie osobennosti somaticheskikh frazeologizmov v russkom i kitayskom yazykakh : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2001. 214 s.]. — (In Rus.)

16. Heidegger M. Time and Being. — Moscow : Republic, 1993. 447 p. [Vremya i bytie. — M. : Respublika, 1993. 447 s.]. — (In Rus.)

17. Shmelev D. N. Essays on the Semasiology of the Russian Language. — Moscow : The Enlightenment, 1964. 244 p. [Ocherki po semasiologii russkogo yazyka. — M. : Prosveshchenie, 1964. 244 s.]. — (In Rus.)

18. Yarantsev R. I. Russian Phraseology: Dictionary. — Moscow : Russian Language, 1997. 845 p. [Russkaya frazeologiya : slovar'-spravochnik. — M. : Russkiy yazyk, 1997. 845 s.]. — (In Rus.)

19. Yartseva V. N. Contrastive Grammar. — Moscow : Science, 1981. 111 p. [Kontrastivnaya grammatika. — M. : Nauka, 1981. 111 s.]. — (In Rus.)

20. Zhao Xinyu, Zhao Xinmao. Multifunctional Phraseological Dictionary. — Beijing, 2004. 1074 p. [Zhao Xinyu, Zhao Xinmao. Duogongneng chengyu cidian. — Beijing : Shangwu yinshuguan guoji youxian gongsi, 2004. 1074 s.]. — (In Chinese.)

Чэнь Хуань

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай
ORCID ID: 0000-0003-0021-7050

 E-mail: upa712@hotmail.com.

Сопоставительный лингвокультурологический анализ английского и русского переводов текстов китайского политического дискурса (на материале Доклада Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде КПК)

АННОТАЦИЯ. На примере осуществленного с лингвокультурологических позиций сопоставительного анализа английского и русского переводов текста китайского политического дискурса рассматривается проблема влияния при передаче подобных текстов национальной лингвокультуры языка перевода. Материалом для исследования послужил Доклад генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде КПК с официальными переводами. В статье рассмотрены различия между двумя переводческими дискурсами в трех аспектах: 1) «understatement» / «overstatement» (важность недосказанности, сдержанности для английской лингвокультуры и эмоциональности для русской; на рассматриваемом материале проявляется в снижении патристического пафоса в английском варианте); 2) политическая корректность (присущее европейской культуре стремление к избеганию языковых единиц, способных задеть чувства отдельных индивидуумов; на рассматриваемом материале проявляется в эвфемизации некоторых понятий в английском варианте: заменяются считающиеся оскорбительными обозначения, характеризующие человека по возрасту и физическим возможностям, такие как «старый» и «инвалид», а компоненты, намекающие на дискриминацию по имущественному положению, указывающие на разделение на «бедных» и «богатых», в английском варианте вообще опускаются); 3) отношение к рационализму (ориентация русского менталитета на интуицию и чувства, а английского — на прагматизм; проявляется в межтекстовых переводческих эквивалентах «духовный» / *mindset, intellectual, moral, ethical*, «судьба» / *future*). Результаты исследования показали, что в русском переводе точнее передается модальность китайского оригинала в силу сходства русской и китайской культур по вышеуказанным трем аспектам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайский язык; политический дискурс; английский язык; переводы; русский язык; сопоставительное языкознание; лингвокультурология; эвфемизмы; национальный менталитет; политические деятели; политические тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чэнь Хуань, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, пр-т Байюндао Бэй, 2; e-mail: upa712@hotmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чэнь, Хуань. Сопоставительный лингвокультурологический анализ английского и русского переводов текстов китайского политического дискурса (на материале Доклада Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде КПК) / Чэнь Хуань // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 195-202. — DOI 10.26170/pl19-02-22.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке по гранту программы 13-й пятилетки в области философии и общественных наук города Гуанчжоу в 2019 г. (проект 2019GZYB43 «Исследование перевода на русский язык текстов политического дискурса с китайской спецификой в новую эпоху») и Стипендиального фонда Китая (201807150004). 本文系广州市哲学社会科学“十三五”规划 2019 年度一般课题“新时代中国特色政治话语俄译策略研究” (2019GZYB43), 国家留学基金委资助项目 (201807150004) 的阶段性成果。

1. Введение

18—24 октября 2017 г. в Пекине состоялся XIX Всекитайский съезд КПК (Коммунистической партии Китая), проходящий раз в пять лет. Одним из главных событий съезда стал доклад действующего генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина, который потом был переведен на 10 языков, в том числе на английский и русский. Доклад вызвал широкий общественный резонанс и привлек внимание ученых разных областей: международных от-

ношений, международной политики, лингвистики. В лингвистических исследованиях, посвященных этому выступлению, основное внимание уделялось переводу текста доклада и проблемам перевода текстов китайского политического дискурса в целом, но в большинстве подобных работ рассматривались способы перевода в рамках «внутренней» лингвистики, в собственно лингвистическом аспекте, т. е. на лексическом, семантическом, синтаксическом, стилистическом и прочих уровнях, значительно меньше при-

меров анализа с точки зрения «внешней» лингвистики, с привлечением экстралингвистических параметров.

Лингвистика «внешняя», антропологическая, рассматривает явления языка в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью. Это направление, также известное как «лингвокультурология», требует рассматривать язык не просто как средство коммуникации, а как культурный код нации. Поскольку политический дискурс является продуктом социальной, идеологической культуры, сформированной и развивающейся в той или иной стране, перевод его текстов является не только лингвистической, но и культурологической задачей. Именно этим и обусловлена необходимость рассмотрения перевода примеров политического дискурса с лингвокультурологических позиций.

Как известно, расхождения языков и культур лучше всего выявляются при их сопоставлении. С. Г. Тер-Минасова в известной монографии «Язык и межкультурная коммуникация» [Тер-Минасова 2008] сопоставила лингвоспецифичные концепты «understatement» и «overstatement», политическую корректность, отношение к здравому смыслу и другие явления на материале английского и русского языков и культур. В основу предлагаемого исследования — сопоставительного анализа английского и русского переводов (в данной работе использованы официальные переводы Доклада, английский и русский переводные тексты цитируются соответственно по следующим изданиям: [Secure a Decisive Victory... 2018; Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества... 2018]) Доклада XIX съезда КПК (далее — «Доклад») легли именно эти три параметра.

Как полагают А. Э. Попова и П. П. Дашинаева, «политические лидеры, опираясь

на основные правила построения речи и аргументации, строят свое выступление для убеждения и воодушевления не только членов своего государства, но и мира в целом. Однако способы убеждения и воздействия на сограждан у представителей разных стран неодинаковы» [Попова, Дашинаева 2016: 252]. Это положение подтверждают различия в англоязычном и русскоязычном переводах Доклада. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

2. «Understatement» в английском и «overstatement» в русском переводе

Лингвоспецифичным для англосаксонского менталитета является понятие «understatement», которое часто переводится на русский язык как «языковая сдержанность, недосказанность, недооценка». А для русского языкового сознания характерна повышенная эмоциональность, переоценка («overstatement») [Тер-Минасова 2008: 195, 231]. Это можно объяснить тем, что «в русской культуре проявление эмоций является одной из культурных ценностей, а в английской культуре открытое проявление эмоций не приветствуется, оно считается свидетельством недостаточной зрелости и невоспитанности человека и ставит окружающих в неловкое положение» [Ларина 2015: 146—147]. Поэтому для англосаксов, «какие бы сильные эмоции ни кипели в душе, внешне этого никто не должен видеть, человек должен не терять самоконтроль» [Ларина 2009: 111]. Более того, такая эмоциональная сдержанность касается не только отрицательных, но и положительных эмоций, т. е. распространяется на все сферы речевой деятельности. Об этом свидетельствуют английский и русский переводы Доклада (см. табл. 1).

Таблица 1

Сдержанность/эмоциональность в английском и русском переводах

Исходный язык (китайский)	Английский перевод	Русский перевод
(1) 让香港、澳门同胞同祖国人民共享祖国繁荣富强的伟大荣光	our compatriots in Hong Kong and Macao will share the pride of a strong and prosperous <i>China</i>	чтобы они (сянганцы и аомэньцы) с народом <i>Родины</i> сообща наслаждались величием и славой процветающей, богатой и могущественной <i>Отчизны</i>
(2) 中国特色大国外交	<i>major country</i> diplomacy with Chinese characteristics	дипломатия <i>великой державы</i> с китайской спецификой
(3) 制造强国	a manufacture of quality	<i>держава</i> с передовой обрабатывающей промышленностью

Окончание таблицы 1

Исходный язык (китайский)	Английский перевод	Русский перевод
(4) 贸易强国	a trader of quality	полноценная торговая держава
(5) 建设教育强国	strengthening education	превращение Китая в державу образования
(6) 建设科技强国	building China's strength in science and technology	превращение Китая в одного из мировых лидеров в сфере науки и технологии

Как видно из приведенных в табл. 1 примеров, когда речь идет о своей (родной) стране, более близкими оказываются тексты на китайском и русском языках, демонстрирующие открытое словесное выражение патриотизма. Словам 祖国, 大国, 强国 оригинального текста в русском переводе соответствуют следующие варианты: *Родина/Отчизна, великая держава, держава*, а в английском переводе такие эквиваленты, как *motherland/fatherland, major power, great power*, которые можно признать буквальным переводом, не встречаются. Вместо этого в примере (1) слово 祖国 (*Родина/Отчизна*) переведено на английский как *China*, что звучит нейтрально и чуть отстраненно, хотя вполне соответствует английской манере говорить о своей стране «в третьем лице» *this country*. Та же сдержанность («understatement») английского языка проявляется в примере (2), где слово 大国 (*великая держава*) переведено на английский как *major country*, а не *major power*. Следует отметить, что в последнем случае переводной вариант вызвал бы у реципиентов негативную ассоциацию с политикой силы (*power politics*), которая противоречит мирной внешней политике Китая. А в примерах (3) — (6) нейтрализация повышенной эмоциональности осуществляется посредством опущения слова 强国 (*держава*) и перестраиванием исходного контекста с учетом особенностей восприятия английской аудитории: к примеру, в варианте английского перевода *a manufacture of quality* вообще отсутствует концепт *держава*, однако слово *quality*, указывающее на то, что китайская экономика переходит от высоких темпов роста к высококачественному развитию, обеспечивает

английским реципиентам адекватное восприятие исходного выступления.

В сопоставлении с русским переводом заметно, что «understatement» английского языка также проявляется при передаче слова 优越性 / 优势 (*преимущество*): как оптимальный вариант перевода используется не слово *superiority*, а *strength* (см. табл. 2).

3. Политическая корректность в английском переводе и меньшая степень ее проявления в русском переводе

Другой отличительной чертой английского перевода Доклада является политкорректность, зиждущаяся на свойственном английской лингвокультуре превознесении индивидуализма в сочетании с игнорированием коллектива. По мнению А. В. Павловской, в отличие от исконной склонности русских к коллективизму, обусловленной географией и историей народа, в основе идеологии Запада, наоборот, лежит культ индивидуума, уважение к потребностям и чувствам отдельного человека [Павловская 2003: 17—18]. Соответственно такой «культ отдельной личности» проявляется во всех сферах жизни англоязычного сообщества, в том числе и в политическом дискурсе. В последнем случае речь идет о феномене политической корректности, которая, как отмечает С. Г. Тер-Минасова, «требуется убрать из языка все те языковые единицы, которые задевают чувства, достоинство индивидуума, вернее, найти для них соответствующие нейтральные или положительные эвфемизмы» [Тер-Минасова 2008: 277]. В результате в англоязычных текстах происходит замена одних выражений другими, призванная избежать употребления потенциально задевающих кого-либо языковых единиц (см. табл. 3).

Таблица 2

Сдержанность/эмоциональность в английском и русском переводах

Исходный язык (китайский)	Английский перевод	Русский перевод
(7) 我国社会主义制度优越性	the strengths of China's socialist system	преимущества социалистического строя Китая
(8) 我国社会主义民主政治的优势	the strengths of China's socialist democracy	преимущества политического строя социалистической демократии Китая

Таблица 3

Политкорректные эвфемизмы английского перевода
в сопоставлении с русским переводом и оригиналом

Исходный язык (китайский)	Английский перевод	Русский перевод
(9) 构建养老、孝老、敬老社会环境	foster a social environment in which senior citizens are respected, cared for, and live happily in their later years	формировать социальную среду, обеспечивающую достойную старость , почитание старости и уважение к престарелым
(10) 老年人关爱服务体系	the system for supporting and caring for elderly people	система помощи и обслуживания престарелых
(11) 发展残疾人事业	develop programs for people with disabilities	развивать дело, касающееся инвалидов
(12) 基层医疗卫生服务体系	community-level healthcare services	система лечебно-санитарного сервиса низового уровня
(13) 香港特别行政区同胞、澳门特别行政区同胞和台湾同胞	our fellow countrymen and women in the Hong Kong and Macao special administrative regions and in Taiwan	соотечественники из особых административных районов Сянган и Аомэня, тайваньские соотечественники

Из приведенных в таблице 3 примеров явствует, что одним из наиболее частотных проявлений и эффективных средств соблюдения политической корректности на лексическом уровне является эвфемизация. Эвфемизмы, которые применяются для замены более употребительных слов или выражений на более подходящие, можно условно отнести к нескольким тематическим группам. В первую очередь это единицы, обозначающие расовую и национальную принадлежность, физические и умственные недостатки, непрестижные профессии, социальное и финансовое положение, возраст, гендерную идентификацию [Кузьмина 2014: 97; Мисуно, Шаблыгина 2009: 167]. Как показывают примеры (9) — (10), в английском переводе для обозначения пожилых граждан используются политически корректные номинации *senior citizens*, *elderly*, которые звучат гораздо мягче и тактичнее, чем слово *old*. В примере (11) при обращении к людям с ограниченными физическими возможностями употребляется словосочетание *people with disabilities* вместо слова *invalid*, которое для английского менталитета чаще всего звучит как оскорбление [Урманова 2014: 152], поскольку подразумевает отнесение инвалидов к

категории людей с серьезными проблемами. В примере (12) слово 基层 переведено на английский как *community-level*, хотя существует более традиционный и точный эквивалент *grassroots*. Русский перевод в этом плане демонстрирует привычную категоричность и прямолинейность: *старость*, *престарелый*, *инвалид*, *низовой (уровень)* — все эти варианты свидетельствуют об отсутствии заботы о политкорректности, но подобное словоупотребление нормально для стилистики русского языка.

Политкорректность проявляется в английском переводе и в контексте (13), где для того, чтобы избежать половой дискриминации, наряду с *fellow countrymen* употребляется слово *women*. В русском переводе присутствует только слово мужского рода *соотечественники*.

В английском переводе для соблюдения принципов политкорректности иногда, кроме эвфемизации, приходится применять прием опущения [Кузьмина 2014: 98]. В английском варианте Доклада такие опущения используются во избежание употребления слов и выражений, которые могут обидеть представителей иноязычной культуры (см. табл. 4).

Таблица 4

Политкорректные опущения английского перевода
в сопоставлении с русским переводом и оригиналом

Исходный язык (китайский)	Английский перевод	Русский перевод
(14) 六千多万 <u>贫困人口</u> 稳定脱贫	more than 60 million people have been lifted out of poverty	свыше 60 млн человек нуждающегося населения гарантированно избавились от бедности
(15) <u>弱有所扶</u>	ensure people's access to social assistance	чтобы уязвимая группа людей получала помощь
(16) <u>最低生活保障制度</u>	subsistence allowance system	система обеспечения прожиточного минимума
(17) 企业 <u>优胜劣汰</u>	business survival is determined by competition	лучшие предприятия сохранились, а худшие — отсеивались

Как видно из примеров (14) — (16), при упоминании бедных, социально незащищенных и малообеспеченных групп населения в английском переводе опущены компоненты, указывающие на дискриминацию по имущественному положению, иными словами, на разделение людей на «богатых» и «бедных»: *people* вместо *poor people*, *subsistence allowance* вместо *minimum subsistence allowance*. Политкорректность выражается и в примере (17), где переводчик на английский язык стремился избежать употребления антонимической пары «best — worst», чтобы не ставить под сомнение равенство всех субъектов социально-экономической сферы. Следует отметить, что хотя в русском переводе прием опущения в сравниваемых фрагментах не применяется, в то же время имеется тенденция к поиску менее резких выражений. Например, потенциально обидное для неимущих слоев населения слово *бедный* меняется на *нуждающийся* и *уязвимый*. Следует отметить, что сегодня под влиянием английского в русском языке тоже появляются термины, которые с полным основанием можно назвать политически корректными, однако политически корректная лексика такого рода в русском языке используется значительно реже, чем в английском.

4. Различия в отношении к рационализму через призму английского и русского переводов

При сопоставительном анализе было выявлено еще одно заметное различие между английским и русским переводами, отражающее разное восприятие здравого смысла в соответствующих лингвокультурных сообществах. Как полагает С. Г. Тер-Минасова, «для русского народа, у которого в национальной системе ценностей на первом месте стоит духовность, душа — главное, стержневое понятие, превалирующее над рассудком, умом, здравым смыслом. Англоязычный же мир, наоборот, поставил в основу своего существования Его Величество Здравый Смысл» [Тер-Минасова 2008: 210]. Другими словами, в отличие от русского менталитета, для которого приоритетны интуиция, чувство, созерцание, английский менталитет больше ориентирован на рационализм и прагматизм. В английском переводе Доклада это проявляется в стремлении переводчиков избежать демонстрации иррационального восприятия действительности, примером чего является передача концептов *精神* (*дух*) и *命运* (*судьба*) — см. табл. 5.

Таблица 5

Концепты «дух», «судьба» в оригинале на китайском языке
и переводах на английский и русский

Исходный язык (китайский)	Английский перевод	Русский перевод
(18) 中国人民就从 <u>精神上</u> 由被动转为主动	the <i>mindset</i> of the Chinese people has changed, from passivity to taking the initiative	В духовном отношении в китайском народе произошла трансформация от пассивного ожидания к активным действиям
(19) <u>精神文化</u> 产品	cultural and <i>intellectual</i> products	продукты духовной культуры
(20) <u>精神食粮</u>	<i>intellectual</i> nourishment	духовная пища

Исходный язык (китайский)	Английский перевод	Русский перевод
(21) 为人民提供精神指引	provide a source of cultural and <i>moral</i> guidance for our people	служить народу духовным ориентиром
(22) 精神文明创建	raise cultural- <i>ethical</i> standards	формирование духовной культуры
(23) 人类命运共同体	a community with <i>a shared future</i> for humanity	сообщество единой судьбы человечества
(24) 共命运	share the same <i>future</i>	делить с ним одну судьбу
(25) 一个政党, 一个政权, 其命运取决于人心向背	the <i>future</i> of a political party or a government is determined by whether it enjoys public support	судьба той или иной политической партии, той или иной политической власти зависит от народной поддержки

Слово 精神 (的), под которым в приведенных контекстах понимается то, что противопоставляется телу или материальному миру, переводится на русский язык одним словом — *духовный*, а на английский — совершенно разными словами: *mindset, intellectual, moral, ethical*, но ни разу не передается прилагательным *spiritual*, которое у носителей английского языка, как правило, ассоциируется с религиозными представлениями. Это обусловлено тем, что в английском менталитете телу противопоставляются не душа или дух, носящий возвышенный характер, а «рассудок, ум, разум (*mind*), ментальное или моральное качество (*mental or moral quality*)» [Черникова 2005: 14].

Другое слово, 命运, для передачи которого в русском варианте используется эквивалент *судьба*, переведено на английский язык как *future*, а не *destiny*. Такой выбор вызван тем, что дословный вариант перевода *destiny* может ассоциироваться у носителей английского языка с фаталистическим взглядом на мир, представлениями о неконтролируемых человеком случайностях, хотя концепт 命运 (*судьба*) может трактоваться как «движение, изменение, развитие, будущее», требующее усилий человека. В таких переводческих вариантах отражаются «идеи эмпиризма и рационализма, индивидуализма и приоритета собственных усилий» в англоязычном сознании [Жданова 2006: 14].

5. Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что по сравнению с английским переводом Доклада в русском переводе точнее передана модальность китайского оригинала. Это объясняется тем, что русская культура ближе к китайской по таким параметрам, как повышенная эмоциональность, склонность к коллективизму и отношению к здравому смыслу. В отличие от русско- и китайскоговорящих,

англоговорящие оказываются менее эмоциональными, более склонными к индивидуализму и более рациональными, отчего в английском переводе Доклада проявляется стремление к недооценке эмоциональности, к политкорректности и рационализму. Проведенный с учетом лингвокультурологического аспекта межъязыковой и межкультурной коммуникации сопоставительный анализ позволяет сделать вывод, что для адекватного перевода относящегося к китайскому политическому дискурсу текста на разные языки, во-первых, нельзя сбрасывать со счетов человеческий фактор и, во-вторых, необходимо принимать во внимание разницу механизмов восприятия исходных идей оригинала носителями разных культур.

Автор выражает особую благодарность д-ру филол. наук, профессору, президенту факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова Светлане Григорьевне Тер-Минасовой за ценные советы при проведении исследования и рекомендации по оформлению данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология концептов. Т. 1 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград : Парадигма, 2005. 352 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М. : Рус. яз., 1980. 320 с.
3. Добиться решающей победы в полном построении среднеазиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху : Доклад на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. — Пекин : Изд-во литературы на иностранных языках, 2018. 103 с.
4. Жданова Н. В. Национальная специфика концепта «судьба» в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Великий Новгород, 2006. 19 с.
5. Кузьмина О. Д. Политическая корректность при переводе с русского языка на английский // Международный научно-исследовательский журн. 2014. № 2-2 (21). С. 97—98.
6. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

7. Ларина Т. В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 144—163.

8. Мисуно Е. А., Шаблыгина И. В. Перевод с английского языка на русский язык. Практикум. — Минск : Аверсэв, 2009. 255 с.

9. Павловская А. В. Как иметь дело с русскими. Путеводитель по России для деловых людей. — М. : Изд-во МГУ, 2003. 96 с.

10. Попова А. Э., Дашинимаева П. П. Переконструирование пафоса политического дискурса в целевом языке (на примере перевода китайского дискурса на русский) // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность — X : материалы Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых / под ред. Т. И. Гармаевой. — Улан-Удэ, 2016. С. 252—254.

11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М. : Изд-во МГУ, 2008. 352 с.

13. Урманова Л. Э. Политическая корректность в англо-русском и русско-английском переводе // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы 3-й Междунар. науч. конф. — М. : Буки-Веди, 2014. С. 150—155.

14. Черникова Е. В. Концепты душа и дух в русском, английском и эвенкийском языках (сопоставительное исследование на фразеологическом уровне) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2005. 20 с.

15. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era: Report to the 19th National Congress of the Communist Party of China. — Beijing : Foreign Languages Pr., 2018. 87 p.

Chen Huan

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
ORCID ID: 0000-0003-0021-7050

✉ E-mail: upa712@hotmail.com.

Comparative Linguocultural Analysis of English and Russian Translations of Chinese Political Discourse (A Case Study of the 19th CPC National Congress Report)

ABSTRACT. *The paper considers the issue of interference of the national linguoculture of the target language in English and Russian translations of the texts of the Chinese political discourse on the basis of comparative analysis from the culturological point of view. The research was carried out on the material of the report of the general secretary of the Central Committee of the CPC, the president of the PRC Xi Jinping at the 19th National Congress of the CPC and its official translations. The paper studies the differences between the two translation discourses from three aspects: 1) “understatement” / “overstatement” (the importance of implicitness and reserve for the English linguoculture and emotionality for the Russian one; it is manifested on the material under study in reduced national pathos in the English translation); 2) political correctness (the tendency to avoid linguistic units likely to hurt the feelings of certain people typical of the European culture; it is manifested on the material under study in euphemisation of some notions in the English translation: some nominations of people characterizing them via age or physical ability, such as “old” and “invalid”, are considered insulting and are substituted for, and the components hinting at discrimination on the basis of property qualification, dividing the people into “poor” and “rich” are dropped in the English translation altogether); 3) reference to rationalism (orientation of the Russian mentality towards intuition and feelings, and of the English one – towards pragmatism are manifested in the intertextual translation equivalents “dukhovniy (spiritual)” / mindset, intellectual, moral, ethical, “sud’ba (fate)” / future). The results of the study have demonstrated that the Russian translation reflects the modality of the Chinese original better due to the similarity between the Russian and Chinese cultures in the three aspects mentioned above.*

KEYWORDS: Chinese language; political discourse; English language; translations; Russian language; comparative linguistics; linguoculturology; euphemisms; national mentality; politicians; political texts.

AUTHOR’S INFORMATION: *Chen Huan, PhD in Philology, Senior Lecturer of Department of Russian Language, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

FOR CITATION: *Chen, Huan. Comparative Linguocultural Analysis of English and Russian Translations of Chinese Political Discourse (A Case Study of the 19th CPC National Congress Report) / Chen Huan // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 195-202. — DOI 10.26170/pl19-02-22.*

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the grant of the Program of the 13th five-year plan in the field of philosophy and social sciences of Guangzhou in 2019 (Project 2019GZYB43 “Investigation of Translation into the Russian Language of the Texts of Chinese Political Discourse in the New Epoch”) and the Scholarship Foundation of China (201807150004).

REFERENCES

1. Anthology of Concepts. Vol. 1 / ed. V. I. Karasik, I. A. Sternin. — Volgograd : Paradigm, 2005. 352 p. [Antologiya kontseptov. T. 1 / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. — Volgograd : Paradigma, 2005. 352 s.]. — (In Rus.)

2. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Linguistic and Cultural Theory of Words. — Moscow : Rus. lang., 1980. 320 p. [Lingvostranovedcheskaya teoriya slova. — M. : Rus. yaz., 1980. 320 s.]. — (In Rus.)

3. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era: Report to

the 19th National Congress of the Communist Party of China. — Beijing : Foreign Languages Pr., 2018. 103 p. [Dobit'sya reshayushchey pobyedy v polnom postroenii srednezazhitochno go obshchestva, odezhat' velikuyu pobedu sotsializma s kitayskoy spetsifikoy v novuyu epokhu : Doklad na XIX Vsekitayskom s"ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya. — Pekin : Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 2018. 103 s.]. — (In Rus.)

4. Zhdanova N. V. The National Specificity of the Concept “Fate” in Russian and English Languages : synopsis of doctoral thesis of Cand. of Filol. Sciences. — Great Novgorod, 2006. 19 p. [Natsional'naya spetsifika kontseptov «sud'ba» v russkom i an-

gliyskom yazykakh : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Velikiy Novgorod, 2006. 19 s.]. — (In Rus.)

5. Kuz'mina O. D. Political Correctness when Translating from Russian into English // *International Scientific Research Journal*. 2014. № 2-2 (21). P. 97—98. [Politicheskaya korrektnost' pri perevode s russkogo yazyka na angliyskiy // *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurn.* 2014. № 2-2 (21). S. 97—98]. — (In Rus.)

6. Larina T. V. The Category of Politeness and Style of Communication: a Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions. — Moscow : Handwritten Monuments of Ancient Russia, 2009. 512 p. [Kategoriya vezhливosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 512 s.]. — (In Rus.)

7. Larina T. V. Pragmatics of Emotions in an Intercultural Context // *Russian Univ. of Friendship of Nations Journ. Ser.: Linguistics*. 2015. No. 1. P. 144—163. [Pragmatika emotsiy v mezhkul'turnom kontekste // *Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*. 2015. № 1. S. 144—163]. — (In Rus.)

8. Misuno E. A., Shablygina I. V. Translation from English into Russian. Workshop. — Minsk : Aversev, 2009. 255 p. [Perevod s angliyskogo yazyka na russkiy yazyk. Praktikum. — Minsk : Aversev, 2009. 255 s.]. — (In Rus.)

9. Pavlovskaya A. V. How to Deal with Russians. A Guide to Russia for Business People. — Moscow : Publishing House of Moscow State Univ., 2003. 96 p. [Kak imet' delo s russkimi. Putevoditel' po Rossii dlya delovykh lyudey. — M. : Izd-vo MGU, 2003. 96 s.]. — (In Rus.)

10. Popova A. E., Dashinimaeva P. P. Redesigning the Paths of Political Discourse in the Target Language (using the example of translating Chinese discourse into Russian) // *Asia-Pacific: History and Modernity — X : Proceedings of the Intern. scientific-practical conf. for young scientists / ed. T. I. Garmaeva. —*

Ulan-Ude, 2016. P. 252—254. [Perekonstruirovaniye pafosa politicheskogo diskursa v tselevom yazyke (na primere perevoda kitayskogo diskursa na russkiy) // *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: istoriya i sovremennost'* — X : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh / pod red. T. I. Garmaevoy. — Ulan-Ude, 2016. S. 252—254]. — (In Rus.)

11. Stepanov Yu. S. Constants. Dictionary of Russian Culture. — Moscow : School "Languages of Russian culture", 1997. 824 p. [Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. 824 s.]. — (In Rus.)

12. Ter-Minasova S. G. Language and Intercultural Communication. — Moscow : Moscow State University Publishing House, 2008. 352 p. [Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — M. : Izd-vo MGU, 2008. 352 s.]. — (In Rus.)

13. Urmanova L. E. Political Correctness in the English-Russian and Russian-English Translation // *Philology and Linguistics in Modern Society : Proceedings of the 3rd International. scientific conf.* — Moscow : Buki-Vedi, 2014. P. 150—155. [Politicheskaya korrektnost' v anglo-russkom i russko-angliyskom perevode // *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve : Materialy 3-y Mezhdunar. nauch. konf.* — M. : Buki-Vedi, 2014. S. 150—155]. — (In Rus.)

14. Chernikova E. V. Concepts of Soul and Spirit in Russian, English and Evenki (comparative study at a phraseological level) : synopsis of doctoral thesis of Cand. of Filol. Sciences. — Moscow, 2005. 20 p. [Kontsepty dusha i dukh v russkom, angliyskom i evenkiyskom yazykakh (sopostavitel'noe issledovanie na frazeologicheskom urovne) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2005. 20 s.]. — (In Rus.)

15. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era: Report to the 19th National Congress of the Communist Party of China. — Beijing : Foreign Languages Pr., 2018. 87 p.

Юе Сюе

Даляньский университет иностранных языков, Китай
ORCID ID: 0000-0002-1597-3927

 E-mail: yuex570@126.com.

Анализ лингвокультурных концептов в политическом дискурсе В. В. Путина

АННОТАЦИЯ. На имидж любого политика, в том числе В. В. Путина, значительное влияние оказывают публичные выступления, в связи с чем они привлекают внимание лингвистов. Под политическим дискурсом в статье понимается совокупность речевых актов конкретного политика или определенного жанра. Материалом исследования послужили такие масштабные медиамероприятия 2008—2018 гг., как «Прямая линия с президентом», Послания Президента Федеральному собранию, крупные ежегодные пресс-конференции для международных и отечественных СМИ, а также «Разговор с Владимиром Путиным». Отмечается устойчивость основных черт риторики политика независимо от занимаемого поста (президента страны или Председателя Правительства). Основным методом донесения своих взглядов до населения стала «Прямая линия с президентом» — новый для России жанр политического дискурса, введенный в обиход В. В. Путиным. Среди лингвокультурных концептов в выступлениях В. В. Путина особо важное место занимают пространственные, причем лидирует обобщенное название страны — «Россия». В отдельных речах отмечается упоминание городов федерального значения или проблемных в тот или иной период регионов. С точки зрения темпоральных показателей характерно употребление форм настоящего времени глаголов. Типичный риторический способ построения высказывания — «от общего к частному»; такой способ позволяет убедить собеседника в том, что политик не только знаком с самой проблемой, но и думает о ее причинах. Отмечается стабильность политического дискурса президента в течение всего периода его правления: повторяются однажды найденные точные и емкие формулировки, что приводит к сравнительному однообразию, повтору частотных терминов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурные концепты; лингвокультурология; политический дискурс; политические деятели; российские президенты; политический имидж; языковая личность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юе Сюе, аспирантка (специализация «Политическая лингвистика»), Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; e-mail: yuex570@126.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юе, Сюе. Анализ лингвокультурных концептов в политическом дискурсе В. В. Путина / Юе Сюе // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 203-206. — DOI 10.26170/pl19-02-23.

Комплексное изучение языковых и культурных концептов привлекает сегодня многих ученых, так как позволяет установить пути закрепления в языке результатов осмысления действительности и выявить приоритетные ценности в коллективных и индивидуальных языковых картинах мира. Лингвоконцептология синтезирует идеи философского анализа познаваемого мира, когнитивного моделирования реальности, культурного описания этнической и социально-групповой специфики мировоззрения, семантического структурирования реальности [Алифанова, Сенцов 2015].

Тенденция к взаимопроникновению различных отраслей научного знания является одной из особенностей всех наук XXI в. В области гуманитарных наук выражением этого стремления к синтезу стала активизация культурологии, т. е. изучения феномена культуры, включающего в себя все многообразие человеческой деятельности и ее результатов [Кубрякова 1996]. В настоящее время наблюдается стремительное становление и развитие лингвокультурологии — науки,

посвященной изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии [Попова, Стернин 2001].

Такая личность, как Владимир Владимирович Путин, становится объектом не только политологических, но и лингвистических исследований. Популярность российского политического лидера во многом связана с его имиджем активного и уверенного человека действия, который стоит на страже интересов страны и ее граждан. В значительной степени такие представления являются результатом четких, грамотных и острых выступлений [Воркачев 2001]. Исторически сложилось, что публичные выступления политиков высокого уровня имеют определяющее влияние на социально-политическую, экономическую и часто даже культурную обстановку в стране. В. В. Путин играет важнейшую роль на политической арене России и является одним из влиятельнейших политиков мира [Лихачев 2003]. Многие исследователи задаются целью изучить и сравнить историю и эволюцию его публичных выступлений, их характер и разнообразие формы.

С точки зрения политологии актуальность таких работ объясняется тем, что они позволяют не только выявлять существующие в выступлениях закономерности и особенности, но и делать прогнозы на будущее [Слышкин 2004].

Роль политических процессов в жизни современного общества становится определяющей, потому важно рассматривать в когнитивном аспекте политическую коммуникацию [Никитин 2004]. Это обуславливает необходимость более детального изучения понятий массового политического сознания и социальных стереотипов, присущих большинству носителей той или иной культуры. На современном этапе познания мира во многих науках основным объектом изучения является человек, а потому приобретают особую актуальность исследования в области когнитивистики, позволяющие реконструировать мыслительные процессы, этапы человеческого познания [Карасик 2001].

Выдвинутым нами задачам соответствует следующее определение политического дискурса: «Политический дискурс — это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 1991].

Роль политических речей В. В. Путина в общественно-политической жизни страны часто становится предметом научных дискуссий. Важно также отметить, что выступления В. В. Путина важны для всего населения России: об этом свидетельствует популярность таких масштабных медиамероприятий, как «Прямая линия с Президентом» (2001—2018), оглашение «Послания Президента Федеральному собранию», крупные ежегодные пресс-конференции для международных и отечественных СМИ, а также телепередача «Разговор с Владимиром Путиным» (2008—2018).

Дискурс названного политического лидера менялся в соответствии со сменой занимаемого поста: президент и председатель правительства. Можно заметить и то, что в различных по форме публичных выступлениях Владимир Путин четко и последовательно излагает свои политические взгляды, которые частично корректируются в соответствии с меняющейся социально-политической ситуацией. Особенно заметно это в переходные периоды деятельности В. В. Путина: во время его первого избрания на пост президента, переизбрания в 2004 г. приоритеты были одни и несколько другие — в 2007 г., когда страна переживала этап роста благосостояния и достигла наивысшего пика раз-

вития перед глобальным финансовым кризисом. Следует отметить, что риторика публичных выступлений в период ухода с поста президента не изменилась, лишь усилились отдельные составляющие, стабильно присутствующие в выступлениях главы страны.

Основным для В. В. Путина методом общения с населением стала «Прямая линия». Этот формат, новый для российского политического дискурса, появился во время президентства В. В. Путина. Данный жанр постоянно развивался, привлекая к себе все больше внимания общественности и исследователей [Попова, Стернин 2002].

Обобщим характерные особенности публичных выступлений В. В. Путина. В речи В. В. Путина чаще, чем у других политиков, используются номинации, связанные с пространством. В то же время пространство в языковой картине мира выступлений В. В. Путина абстрактно, часто лишено конкретики. Пространство России представлено в основном общим названием — «Россия». Конкретизация осуществляется либо в связи с обращением к «проблемным» регионам, в которых требуется постоянно поддерживать российское влияние, либо в связи с упоминанием функционирования военных баз, либо в связи с «элитарными» локусами (Москва, Санкт-Петербург, Сочи). Остальная часть России для В. В. Путина абстрактна, слабо дифференцирована, а значит, не настолько важна, чтобы стать предметом заинтересованной дискуссии, исключена из речевого пространства политика.

Время традиционно представлено словами, обозначающими настоящее. Из временных периодов чаще всего упоминается год, т. е. ритм времени В. В. Путина умеренный [Попова, Стернин 2005].

Языковые и стилистические средства, с помощью которых В. В. Путин выражает свои мысли, а также предпочтительные способы их организации, аргументации своей позиции демонстрируют стиль мышления политика, выявляют акценты, органичные его мировоззрению. Анализ материала выявил типичный для В. В. Путина способ рассуждения — «от общего к частному». Такой способ выстраивания речи призван убедить собеседника в том, что политик не только знаком с самой проблемой, но и думает о ее причинах, осведомлен о местах, связанных с этой проблемой, и т. д. [Попова, Стернин 2003].

Обращает на себя внимание логичность и проработанность речевого пространства, сформированного политиком. Подчеркнутая логика речи, демонстрируемое умение упорядочивать элементы картины мира на фоне незначительного внимания к частностям за-

дает определенную коммуникативную позицию говорящего по отношению к собеседнику [Аскольдов 1997].

В речи В. В. Путина сталкиваются два противоположных коммуникативных приема, имеющих сходную цель — подчеркнуть его особую коммуникативную позицию: с одной стороны, выступающий предстает как профессионал, способный решать масштабные задачи, с другой — как политик, заинтересованный в доверии собеседника. Эти приемы, наложенные друг на друга, в рамках созданного коммуникативного пространства вытесняют «коммуникативный круг» недовольного собеседника, при этом активно поощряя собеседника, который проявил доверие и одобрение. Указанное скрытое противоречие между двумя направлениями риторических ходов раскрывает характерное для речи Владимира Путина противоречие между его образом мышления (элитарным) и тщательно продуманными коммуникативными приемами.

Используемые В. В. Путиным методы аргументации подтверждают существование этих тенденций. В неконфликтном общении (в основном с согражданами) делается прямой акцент на положительных оценках собственной деятельности, сопровождающихся аргументами «к здравому смыслу» и «к фактам». То есть создается аргументативная ситуация, в которой доверие аудитории формируется путем создания собственного положительного имиджа и приводимых в подтверждение этого доказательств. В конфликтной коммуникации (с иностранными журналистами) обращение к фактам и здравому смыслу сочетается с указанием на недостатки зарубежных партнеров в политическом и экономическом пространстве.

В целом можно сказать, что политический дискурс В. В. Путина отличался стабильностью на протяжении всех лет его пре-

зидентства. Это обусловлено в том числе тем, что особым политическим значением неизменно обладают в политической сфере государства и деятельности политической элиты такие ритуализированные жанры, как Послание к Федеральному собранию. Владимир Путин регулярно использует однотипные точные и емкие формулировки, употребляет в целом постоянный набор терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алифанова Ф. С., Сенцов А. Э. О некоторых особенностях политического дискурса // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1778—1780.
2. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М.: Знание, 1991.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. — М.: Academia, 1997.
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Изв. РАН. Сер. лит.-ры и языка. 2001. Т. 60. № 6.
5. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. — Волгоград: Перемена, 2001.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.
7. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.
8. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 2003. Т. 52. № 1.
9. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2004. № 1.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. — Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2001.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: коллектив. моногр. — Кемерово: Графика, 2003.
13. Попова З. Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестн. ВГУ. Сер. 1, Гуманитарные науки. 1996. № 2.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. — Воронеж: Истоки, 2002.
15. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: моногр. — Волгоград: Перемена, 2004.

Yue Xue

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China
ORCID ID: 0000-0002-1597-3927

 E-mail: yuex570@126.com.

Analysis of Linguo-Cultural Concepts in the Political Discourse of V. V. Putin

ABSTRACT. *The image of any politician, and specifically V. V. Putin, is considerably influenced by public speeches, due to which they attract the attention of linguists. The article interprets political discourse as a set of speech acts of a politician or genre. Such wide scale media events of 2008-2018 as Presidential Hotline, Presidential Address to the Federal Assembly, large annual press-conferences for international and domestic mass media, as well as “Talk with Vladimir Putin”, served as material for the given study. The author highlights the stability of the main features of the politician’s rhetoric irrespective of his official position (President or Head of Government). The Presidential Hotline became the main venue of presenting his views to the public at large – a new genre of the Russian political discourse introduced by V. V. Putin. Spatial linguocultural concepts occupy an especially important place in V. V. Putin’s speeches, and the general name of the country – Russia – takes the lead. The names of federal cities or regions with problems at certain periods of time are also mentioned in*

some speeches. In terms of temporal concepts, the speeches are characterized by the use of the present tense forms of verbs. The typical rhetoric method of constructing an utterance consists in moving "from the general to the particular"; such method makes it possible to convince the listener of the fact that the politician is not only familiar with the problem but is also thinking about its causes. The article notes the stability of the President's discourse over the whole course of his office: exact and meaningful definitions are used recurrently, which leads to a certain monotony and reiteration of frequently used terms.

KEYWORDS: *linguocultural concepts; linguoculturology; political discourse; politicians; Russian presidents; political image; linguistic personality.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yue Xue, Post-graduate Student (specialization "Political Linguistics"), Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

FOR CITATION: *Yue, Xue. Analysis of Linguo-Cultural Concepts in the Political Discourse of V. V. Putin / Yue Xue // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 203-206. — DOI 10.26170/pl19-02-23.*

REFERENCES

1. Alifanova F. S., Sentsov A. E. On Some Features of Political Discourse // *Young Scientist*. 2015. No. 11. P. 1778—1780. [O nekotorykh osobennostyakh politicheskogo diskursa // *Molodoy uchenyy*. 2015. № 11. S. 1778—1780]. — (In Rus.)
2. Baranov A. N., Kazakevich E. G. Parliamentary Debates: Traditions and Innovations. — Moscow: Knowledge, 1991. [Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii. — M.: Znanie, 1991]. — (In Rus.)
3. Askol'dov S. A. Concept and Word // *Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text: an Anthology*. — Moscow: Academia, 1997. [Kontsept i slovo // *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya*. — M.: Academia, 1997]. — (In Rus.)
4. Vorkachev S. G. The Concept of Happiness: Conceptual and Figurative Components // *RAS Journal. Ser. of Literature and Language*. 2001. Vol. 60. № 6. [Kontsept schast'ya: ponyatiynyy i obraznyy komponenty // *Izv. RAN. Ser. lit-ry i yazyka*. 2001. T. 60. № 6]. — (In Rus.)
5. Karasik V. I. On the Categories of Cultural Linguistics // *Language Personality: Problems of Communicative Activity*. — Volgograd: Change, 2001. [O kategoriyakh lingvokul'turologii // *Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoy deyatel'nosti*. — Volgograd: Peremena, 2001]. — (In Rus.)
6. A Brief Dictionary of Cognitive Terms / under total. ed. of E. S. Kubryakova. — Moscow: Philol. depart. of Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov, 1996. [Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / pod obshch. red. E. S. Kubryakovoy. — M.: Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1996]. — (In Rus.)
7. Kubryakova E. S. On the Installations of Cognitive Science and Current Problems of Cognitive Linguistics // *Questions of Cognitive Linguistics*. 2004. № 1. [Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2004. № 1]. — (In Rus.)
8. Likhachev D. S. The Conceptsphere of the Russian Language // *Academy of Sciences of the USSR Journ. Ser. of Literature and Language*. 2003. Vol. 52. № 1. [Kontseptosfera russkogo yazyka // *Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 2003. T. 52. № 1]. — (In Rus.)
9. Nikitin M. V. Expanded Theses on Concepts // *Problems of Cognitive Linguistics*. — Tambov, 2004. № 1. [Razvernutyte tezisy o kontseptakh // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. — Tambov, 2004. № 1]. — (In Rus.)
10. Popova Z. D., Sternin I. A. The Main Features of the Semantic-cognitive Approach to the Language // *Anthology of concepts*. — Volgograd: Paradigm, 2005. Vol. 1. [Osnovnye cherty semantiko-kognitivnogo podkhoda k yazyku // *Antologiya kontseptov*. — Volgograd: Paradigma, 2005. T. 1]. — (In Rus.)
11. Popova Z. D., Sternin I. A. *Essays on Cognitive Linguistics*. — Voronezh: Origins, 2001. [Ocherki po kognitivnoy lingvistike. — Voronezh: Istoki, 2001]. — (In Rus.)
12. Popova Z. D. The Problem of Concept Modeling in Linguistic-cognitive Research // *The world of man and the world of language: the collective. monogr. / Z. D. Popova, I. A. Sternin*. — Kemerovo: Graphics, 2003. [Problema modelirovaniya kontseptov v lingvokognitivnykh issledovaniyakh // *Mir cheloveka i mir yazyka: kollektiv. monogr. / Z. D. Popova, I. A. Sternin*. — Kemerovo: Grafika, 2003]. — (In Rus.)
13. Popova Z. D. The Semantic Space of a Language as a Category of Cognitive Linguistics // *VSU Oshkgt. Ser. 1, Humanities*. 1996. № 2. [Semanticheskoe prostranstvo yazyka kak kategoriya kognitivnoy lingvistiki // *Vestn. VGU. Ser. 1, Gumanitarnye nauki*. 1996. № 2]. — (In Rus.)
14. Popova Z. D., Sternin I. A. *Language and National Picture of the World*. — Voronezh: Origins, 2002. [Yazyk i natsional'naya kartina mira. — Voronezh: Istoki, 2002]. — (In Rus.)
15. Slyshkin G. G. *Linguocultural Concepts and Metaconcepts: monograph*. — Volgograd: Change, 2004. [Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monogr. — Volgograd: Peremena, 2004]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621
DOI 10.26170/pl19-02-24

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Ян Кэ

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай

ORCID ID: —

E-mail: mashayang1963@aliyun.com.

Лингвистическое направление исследований международной политики: «Лингвистика международных политических отношений: теория и практика»

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию Сунь Цзишэн и соавторов «Лингвистика международных политических отношений: теория и практика» (Пекин, издательство «World Affairs Press», 2017. 584 с.). Автор монографии предлагает описание лингвистики международных политических отношений как новой междисциплинарной области научного знания. Рецензируемая книга является академическим исследованием, в центре внимания оказываются такие аспекты международного политического дискурса, как речевые привычки, нарратив, интертекстуальность, межъязыковые соответствия, дискурсивные стратегии, конфликтный дискурс, стратегии обучения иностранному языку. Монография состоит из введения и двенадцати глав. В них рассматриваются такие актуальные проблемы, как манипулятивный дискурс, обеспечение и поддержание гегемонии дискурсивными средствами, выстраивание дискурсивными средствами идентичности на международной политической сцене, герменевтические аспекты интерпретации политических выступлений, влияние языка на распространение международных политических норм, вопросы перевода политических текстов, управление интернет-сферой, угрозы безопасности, связанные с воздействием на общественное мнение посредством распространения информации в Интернете. Политическая лингвистика в основном трактует язык как средство получения кем-либо доминирующих позиций в обществе. Исследования международного политического дискурса могут быть разделены на две большие группы: расширение теории международных отношений за счет применения лингвистических методов исследования; анализ и корректировка мероприятий в рамках дипломатической практики. Указывается на особую важность второго, практического направления, связанного с разработкой принципов государственной языковой политики, в том числе в сфере преподавания иностранных языков, и формированием национального имиджа в международной среде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; языковая политика; интернет-коммуникация; политические тексты; переводоведение; манипулятивный дискурс; международные отношения; политическая лингвистика; лингвистические исследования; рецензии.

ТИП ПУБЛИКАЦИИ: рецензия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор факультета русского языка, Институт европейских языков и культур, исследователь Центра изучения иностранной литературы и культуры, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, пр-т Байюньдао, д. 2; e-mail: mashayang1963@aliyun.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ян, Кэ. Лингвистическое направление исследований международной политики: «Лингвистика международных политических отношений: теория и практика» / Ян Кэ // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 207-213. — DOI 10.26170/pl19-02-24.

Сунь Цзи-шэн — профессор Китайского университета международных отношений (China Foreign Affairs University). Ее основные научные интересы связаны с теорией международных отношений, лингвистическими аспектами международной политики, китайской дипломатии. В Китае она известна как автор монографий «Язык, смысл и международная политика» и «Сравнительное исследование дискурса „Возрождение Китая“» (соавтор). В 2017 г. проф. Сунь Цзи-шэн совместно с коллегами представила вниманию читателей новую монографию «Лингвистика международных политических отношений: теория и практика» («Internati-

onal Political Linguistics: Theory and Practice»), являющуюся не только продолжением ее предыдущих работ, но и своего рода их обобщением. Кроме того, это первая книга в серии «Лингвистика международных политических отношений». В данном исследовании автор предлагает описание лингвистики международных политических отношений как новой междисциплинарной области научного знания.

Язык всегда был и остается важным фактором международной политики, влияющим на процессы и результаты политического взаимодействия. В конце 1980-х гг. начался «лингвистический поворот» в изучении

международных отношений, появился ряд соответствующих исследований. Рецензируемая монография является академическим исследованием, освещающим международные отношения в аспекте речевых привычек, языка изображений, нарратива, понимания речи, интертекстуальности, межъязыковых соответствий, дискурсивных стратегий, конфликтного дискурса и стратегий обучения иностранному языку.

Теоретические прорывы в изучении международных отношений обеспечиваются постоянным заимствованием сведений из других научных дисциплин, поэтому для развития теории международных отношений очень важны междисциплинарные исследования. Лингвистика и философия языка — одни из тех областей, к которым активно обращается теория международных отношений. Благодаря таким междисциплинарным контактам теория международных отношений добилась больших результатов как в изучении онтологического аспекта роли языка в международных отношениях, так и в части эпистемологии. В то же время углубленное взаимодействие теории международных отношений с лингвистикой, философией языка и другими дисциплинами привело к появлению новой научной области — лингвистики международных политических отношений. Эти процессы эволюции науки рассматривает разбираемая книга.

В композиционном плане рецензируемая монография делится на введение и двенадцать глав. Во введении с заголовком «Лингвистика международных политических отношений с точки зрения междисциплинарных связей» освещаются следующие вопросы: взаимодействие научных дисциплин и эволюция теории международных отношений, язык и развитие теории международных отношений, программа исследований в рамках лингвистики международных политических отношений.

Первая глава — «Речь, привычки и дилемма безопасности». В ней предпринята попытка преодолеть крайности материализма и рационализма, представленные в существующей теории дилеммы безопасности, подчеркивается роль речевой привычки в формировании дилеммы безопасности. Предлагается более полная, уточненная картина взаимодействия различных сил в сфере международных отношений.

Во второй главе «Дискурс, изобразительный ряд и национальная безопасность» характеризуется значимость языка и речевого поведения для процессов обеспечения безопасности. Рассматриваются теоретические предпосылки и стратегии обеспечения

безопасности при презентации и интерпретации изобразительного ряда. Этот процесс включает такие этапы, как формирование уникального смысла и политической идентичности визуального языка. На концептуальном уровне представлена концепция визуальной безопасности, кроме того, намечены пути обеспечения безопасности при распространении изображений.

Третья глава — «Манипуляция дискурсом, безопасность и политический климат». В ней рассматривается аналитический модуль теории безопасности, основанный на манипуляциях с дискурсом, при которых субъект обеспечения безопасности контролирует степень безопасности определенной проблемы посредством манипулятивных методов, таких как выделение дискурса, его оформление и позиционирование.

В четвертой главе «Дискурс, взаимозависимость и взаимное сдерживание, обеспечение и поддержание гегемонии» подчеркивается, что взаимозависимость и взаимное сдерживание могут обеспечивать политическую гегемонию с наименьшими издержками. Одновременно указывается на необходимость учета существующих ограничений и рисков.

В пятой главе, озаглавленной «Нарратив, идентичность и международное сотрудничество», рассматривается роль нарратива в практике международного сотрудничества политических субъектов, субъектов местного самоуправления с позиций лингвистики международных политических отношений; представлено системное исследование связанного с нарративом содержания, методы и базовые концепции передачи нарратива в международных отношениях; предлагается схема теоретического анализа, основанная на понимании нарратива, принятом в дискурсивных исследованиях, и использующая объяснительную силу практических процессов коммуникации.

Шестая глава названа «Дискурс, идентичность и внешняя политика». В ней внимание авторов сконцентрировано на постструктуралистской теории международных отношений. Теоретически осмыслена взаимосвязь между дискурсом, идентичностью и внешней политикой, а также рассмотрены принципы изучения идентичности и внешней политики с опорой на дискурс, с тем чтобы появилась возможность применения соответствующей методологии постструктурализма.

Седьмая глава — «Понимание, осмысление и восприятие международного политического дискурса». В ней подчеркивается, что изучение функционирования языка в

сфере международных отношений также должно учитывать процесс восприятия и понимания информации адресатом (аудиторией). По мнению авторов, аудитория активно участвует в международном политическом дискурсе, а рецепция соответствующих политических текстов — это социокреативный процесс, сводящийся к осмыслению, интерпретации. Авторы выдвигают «концепцию активного адресата дискурса». На фоне всестороннего рассмотрения социального контекста исследуются особенности презентации информации в дискурсе. Рассматривается влияние дискурса на интерпретацию сообщения аудиторией и такие субъективные факторы, как способы представления информации в дискурсе, каналы ее распространения, фоновые знания адресата и его эмоциональное отношение к информации.

Цель восьмой главы «Язык, сила языкового воздействия и распространение международных норм» — с одной стороны, охарактеризовать роль «силы языкового воздействия» в распространении международных правовых норм, с другой — выработать более эффективные механизмы влияния языка на распространение международных норм. По мнению авторов, с опорой на язык как на уникальный инструмент человечества, обладающий онтологическим статусом, можно лучше понять возникновение, развитие, распространение, интернационализацию, деградацию и гибель такого социального феномена, как международные политические нормы.

В девятой главе, озаглавленной «Перевод, идентичность и международный системный конфликт», показывается, как межъязыковой компонент международных отношений обуславливает высокую значимость перевода в международной политике. Авторы считают, что как основной субъект международных отношений национальное государство должно уделять особое внимание важной связи между переводческим дискурсом и реальной политической идентификацией с учетом защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности: с одной стороны, необходимо использовать конструктивную функцию перевода, а с другой — выявлять политические манипуляции в переводческом дискурсе.

В десятой главе, названной «Дискурс, обеспечение власти и управление Интернетом», обсуждаются вопросы борьбы между ключевыми заинтересованными сторонами в сфере Интернета на основе анализа становления политики управления Интернетом. Использование языка рассматривается с

учетом соответствующего социального и исторического контекста. Показано, как борьба за власть и конфликт интересов между правительством США, крупными интернет-компаниями и технологическими элитами повлияли на формирование раннего управленческого дискурса Интернета, характеризующегося связью практики использования языка с социально-историческим своеобразием эпохи. Выявляется, как доминирующий альянс, состоящий из упомянутых выше элитарных групп, использует дискурс в целях легитимации модели управления, отвечающей его интересам, исключая или подавляя участие других групп и тем самым эффективно поддерживая собственное господствующее положение в области управления Интернетом.

Одиннадцатая глава, названная «Дискурсивные стратегии повсеместного распространения и выстраивания международных интернет-правил», посвящена угрозам безопасности, создаваемым Интернетом при распространении информации и воздействию на общественное мнение. Обсуждаются стратегические и тактические проблемы всеобщего распространения и процесса разработки международных правил Интернета в следующих четырех аспектах.

Во-первых, научное обоснование и политическая поддержка создания международных интернет-правил. Во-вторых, сама возможность выработки международных интернет-правил. В-третьих, характер дискурса, сопровождающего повсеместное распространение информации при формировании международных интернет-правил. В-четвертых, конкретная коммуникативная стратегия для создания международных интернет-правил. В заключительной части данной главы подчеркивается, что для сегодняшнего Китая трансляция информации вовне и дискурсивные стратегии этого процесса имеют первостепенное значение.

В настоящее время мир переживает сложные и глубокие изменения. Важность языкового фактора для национальной безопасности становится все более очевидной. В двенадцатой главе «Стратегия продвижения иностранных языков, возможности иностранных языков и национальная безопасность» анализируется современное состояние стратегий продвижения иностранных языков в Китае и США, а затем обсуждаются вопросы взаимосвязей этих стратегий и национальной безопасности. Стратегия продвижения иностранных языков в США имеет эталонное значение для формулирования соответствующей стратегии в нашей стране. Как справедливо отметил автор в заключительном

разделе данной главы, в современной ситуации национальная безопасность Китая сталкивается со многими новыми вызовами, угрозами и проблемами, в связи с чем построение стратегий в отношении иностранных языков для поддержания национальной безопасности является неотложной задачей.

Появление лингвистики международных политических отношений в первую очередь связано с необходимостью рассмотрения фактора языка при исследовании международной политической жизни. Основная причина применения лингвистических подходов в изучении международных отношений заключается в том, что международные отношения и язык неразделимо связаны друг с другом. Политическая ориентация речи, ее особенности как инструмента власти постоянно оказывают влияние на ход и результат международных дел. Политика осуществляется с помощью языка, язык отражает ее и служит ей. В политическом дискурсе особенно отчетливо отражается политическая направленность речи и политические намерения ее автора. В определенной степени это отражение политической практики, и оно выполняет ориентативную и инструктивную функции в развитии социальной деятельности, а также потенциально определяет направления развития общества.

Политическая лингвистика — это изучение языка в контексте политической ситуации, включающее лингвистические аспекты политологического анализа и политологические аспекты лингвистического анализа, а также изучение политической «силы» языка и особенностей его социальной перцепции. Если говорить конкретно, политическая лингвистика в основном изучает язык в определенных политических условиях, рассматривая его как средство получения кем-либо доминирующих позиций в обществе; ее интересует язык как инструмент власти, а также социальная перцепция языка. Учитывая важность языка для изучения международных отношений и имеющиеся на сегодня научные достижения, лингвистика международных политических отношений как одна из областей исследования международной политики в основном ориентирована на изучение роли языка в международной политике и отражение реалий международной политики в языке. В целом можно выделить два основных направления в рамках этой исследовательской области. Одно из них — рассмотрение языка как важного элемента системы международных отношений, изучение его наряду с другими объектами международной политики: интересами, идентичностью, познанием и т. п. Другое направление —

использование передовых достижений в области лингвистики для решения многих связанных с языком проблем в международных отношениях. Содержание исследований может быть связано с двумя сферами: теоретическими разработками и прикладным изучением политики. Таким образом, лингвистика международных политических отношений дает возможность: 1) расширять область исследований теории международных отношений путем применения лингвистических подходов; 2) обеспечивать руководство дипломатической практикой.

1. Расширение области исследований теории международных отношений путем применения лингвистических подходов

Язык — достаточно сложный и многоаспектный феномен, поэтому в теоретических исследованиях рассматривается с разных точек зрения, причем количество этих ракурсов изучения постоянно увеличивается. Например, философия языка разрабатывает философскую основу представлений о языке, т. е. отвечает на вопрос: что же такое язык? Психолингвистика, в свою очередь, освещает процесс порождения, понимания и осмысления речи, например, то, как речевая информация принимается и обрабатывается мозгом. Многомерное понимание языка в этих дисциплинах обеспечивает комплексную основу для изучения роли языка в международных отношениях и помогает в дальнейшем изучении языка как элемента системы международных отношений и его влияния на политику государства, а также в объяснении разнообразных явлений в сфере международных отношений. Таким образом, углубление теоретического осмысления языка на междисциплинарной основе позволяет расширить границы существующих теорий международных отношений. Фактически тексты, речевые акты, метафоры, дискурсы, социально маркированные смыслы, культура и другие феномены, тесно связанные с языком, являются объектами, на которые было обращено особое внимание в рамках «четвертой дискуссии» по вопросам теории международных отношений.

Во-первых, на теоретическом уровне обсуждается взаимосвязь между языком, культурой, мышлением и деятельностью государства. В сфере международных отношений существует много теоретических вопросов, связанных с языком и требующих специального изучения. Отношения между языком, мышлением, культурой и действиями власти — одна из важных проблемных областей. Накопленная в Китае за многие века культурная информация и китайские дискур-

сивные практики, несомненно, сказываются на характере мышления носителей китайского языка. Различные языки мира формируют различные типы и модели мышления. Такие различия, в свою очередь, могут приводить к различиям в восприятии мира. Соответствующие исследования могут выявить содержательные структуры с китайской спецификой. Примером может служить психолингвистическое исследование влияния особенностей китайского дискурса на мышление китайцев. В области международных отношений часто высказывается идея создания «китайской школы» теории международных отношений, нацеленной на выявление специфически китайских семантических объектов, и тем самым на дополнение и углубление западных теорий международных отношений.

Во-вторых, лингвистика международных политических отношений может расширить область теоретических исследований дискурса. Дискурс — это не только процесс коммуникации между субъектами речевого общения, но и сложный процесс взаимодействия смысла и власти. Данный процесс связан не только с языком, но и с ситуацией и когнитивным фоном коммуникации. Только в результате решения основных теоретических вопросов, связанных с дискурсом, мы можем получить полноценное всестороннее представление о нем, необходимое для решения некоторых серьезных проблем, с которыми сталкивается Китай. Например, хотя люди, в том числе политики, дипломаты, стремятся задействовать конструктивный потенциал языка, почему-то не всегда достигается желаемый эффект, не всякий дискурс оказывается эффективным. В действительности оперирование языком само по себе не вызывает произвольную рецепцию, понимание речи. При выборе определенного языка необходимо овладеть соответствующим культурным фоном и когнитивной базой. Эффективное использование языка требует его предварительного тщательного исследования и обработки, что позволит прийти к порождению, распространению и доминированию дискурса, в конечном счете к формированию когнитивно и социально значимой связи между объектами. В изучение данной проблематики вовлечены многие области когнитивной лингвистики и психолингвистики, такие как теория обработки информации, графическая теория, коммуникативная теория дискурса и др. Вышеперечисленные проблемы решаются только на основе достижений когнитивной психологии и психолингвистики.

В-третьих, нужно усилить разработку

правовых аспектов в теории дискурса. Проблематика, связанная с гегемонистским дискурсом, составляет важную сферу исследований международной политики. Дискурс становится гегемонистским в результате поддержки конкретных политических сил, достаточной материальной базы и соответствующего законодательства. Гегемонистский дискурс подавляет другие дискурсы и маргинализирует их. Гегемонистский дискурс, как правило, быстро распространяется в международной политике, выполняя нормативную функцию и непосредственно влияя на международные политические процессы и их результаты. Например, после «холодной войны» США выдвинули такие концепты, как «несостоявшиеся государства», «страны-изгои» и «ось зла». Эти термины многократно использовались не только представителями американских политических и академических кругов, но и учеными и журналистами других стран, в результате чего постепенно стали атрибутами гегемонистского дискурса. Применяя инструментарий данного гегемонистского дискурса, США насаждают свои собственные критерии классификации стран во всем мире. Нередко встречаются проявления гегемонистского дискурса данного типа и в исследованиях международных отношений. Многие новые концепции в теории международных отношений, такие как «мягкая сила», «умная власть», «заинтересованные стороны» и т. д., предложены именно американскими учеными или политиками. Часто эти концепции вызывают научный бум мирового масштаба, однако в действительности они учитывают в первую очередь сугубо американские национальные условия и интересы США в современной международной обстановке. В связи с этим важно обратить внимание и на такой вопрос: как более эффективно предлагать какие-то новые идеи и концепции в теоретических исследованиях, с тем чтобы в дальнейшем они были приняты в научных кругах всего мира.

2. Обеспечение руководства дипломатической практикой

В дополнение к академическим исследованиям лингвистика международных политических отношений также видит свою задачу в изучении некоторых вопросов реальной политики в целях выработки конкретных рекомендаций для дипломатической практики. Это такие вопросы, как государственно-языковое строительство и его стратегии, лингвополитические возможности государства, дискурс и национальная безопасность и т. п.

Первое, на что нужно обратить внима-

ние, — это стратегия в языковой области и государственная политика в отношении иностранных языков. Государственная языковая стратегия и государственная языковая политика все более прочно связываются с национальными интересами. Изменения в понимании национальной безопасности требуют, чтобы государство учитывало факторы национальной безопасности при формировании политики в отношении иностранных языков. Основными способами реализации языковой стратегии являются языковое планирование и языковая политика. Стратегия национальной безопасности США как важная составная часть сферы национальной безопасности в целом считает своей первоочередной целью максимальное обеспечение национальной безопасности, особенно в ее нетрадиционных компонентах. Таким образом, языковая проблематика была поднята до уровня вопросов национальной безопасности; преподавание иностранных языков в стране должно отвечать требованиям стратегии национальной безопасности. В январе 2006 г. президент США Буш официально запустил реализацию «Программы национальной безопасности в области языковой политики» с очевидными стратегическими приоритетами и целями. Что касается современного состояния обучения иностранным языкам в Китае, то, строго говоря, нам по-прежнему не хватает четкой стратегии в сфере иностранных языков и планирования ее развития. Кроме того, фактически нет конкретных организаций, отвечающих за стратегию в сфере иностранных языков и планирование развития данной сферы. В некоторых ключевых моментах информационная асимметрия может быть вызвана отсутствием кадров — специалистов по конкретному иностранному языку. В связи с этим государство должно также разрабатывать стратегию национальной безопасности, нацеленную на предотвращение возникновения языковых кризисов.

Помимо этого, мы должны заниматься вопросами построения национального политического дискурса. Несмотря на то, что в Китае в последние годы уделяется большое внимание формированию китайского дискурса и его распространению в международном дискурсе, все еще существует немало проблем в этой области. Следовательно, нам нужно сосредоточиться на отношениях между китайским дискурсом и глобальным дискурсом, на вопросах формирования китайского дискурса. Необходимо изучить основные различия между китайским и глобальным дискурсами, например, различия в теме

дискурса, в лексическом выборе, в характере повествования и средствах коммуникации. Только на основе проведения тщательных исследований по указанным вопросам мы сможем создать собственные дискурсивные стратегии и адекватную реальности систему оценки дискурса, что будет иметь важное значение как в научно-теоретическом, так и в политическом отношении.

При изучении публичной дипломатии и национального имиджа следует рассматривать язык как один из наиболее важных факторов. Согласно результатам соответствующих исследований, национальный имидж, как правило, проявляется в трех формах: в имидже дипломатии, в публичном имидже и в имидже СМИ. На формирование всех этих «имиджей» прежде всего оказывает влияние поведение людей; другой важный фактор — это использование языка: какие темы следует выбирать для общения, как формулировать темы, какой стиль применять в речи, какие риторические средства употреблять, какие метафоры использовать для создания собственного и чужого имиджа. На формирование представлений людей о другой стране главным образом оказывают влияние СМИ, такие как телевидение, пресса, Интернет и проч.; роль языка здесь нельзя игнорировать. Несмотря на то что в последние годы Китай добился значительных успехов в области публичной дипломатии, все еще существует ряд проблем, многие из которых тесно связаны с использованием языка.

Таким образом, можно констатировать, что как новая междисциплинарная область науки, появившаяся на стыке теории международных отношений и лингвистики, лингвистика международных политических отношений сделала в теоретическом плане первые шаги. Обсуждение дальнейших направлений исследований в данной области выявляет перспективы развития научно-теоретических разработок, а также прикладных исследований в сфере мировой политики. Развитие лингвистики международных политических отношений件 полезно не только в плане академических исследований в области международного взаимодействия, но и для дипломатической практики, поскольку принципиально способствует ее совершенствованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сунь Цзи-шэн [и др.]. Лингвистика международных политических отношений: теория и практика : моногр. — Пекин : Мировые дела, 2017. 584 с. — ISBN 9787501255276. — На кит. яз.

Yang Ke

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

ORCID ID: —

E-mail: mashayang1963@aliyun.com.

Linguistic Aspect of the Study of International Politics: “Linguistics of International Political Relations: Theory and Practice”

ABSTRACT. *The article presents a review of the monograph of Sun Ji-sheng et al. “Linguistics of International Political Relations: Theory and Practice” (Beijing, World Affairs Press Publishers, 2017. 584 pp.). The author of the monograph presents the description of linguistics of international relations as a new interdisciplinary field of scientific knowledge. The book under review is an academic study focusing on such aspects of the international political discourse as speech habits, narrative, intertextuality, interlingual equivalents, discursive strategies, conflict discourse, and strategies of teaching a foreign language. The monograph consists of introduction and twelve chapters. They deal with such urgent issues as manipulative discourse, securing of and support for hegemony via discursive means, creating identity on the international arena by discursive practices, hermeneutic aspects of interpretation of political speeches, influence of the language upon dissemination of international political norms, questions of political translation, management of the Internet sphere, and security hazards related to social opinion manipulation via spreading information across the Internet. Political linguistics generally treats language as a means of getting social dominance by some person or persons. The studies of international political discourse may be subdivided into two large groups: 1) expansion of the theory of international relations via using linguistic methods of research, and 2) analysis and correction of events within the framework of diplomatic practice. The paper stresses the importance of the second practical area associated with designing the principle of official language policy, and specifically in the sphere of teaching foreign languages and formation of the national image in the international community.*

KEYWORDS: *political discourse; language policy; Internet communication; political texts; translation studies; manipulative discourse; international relations; political linguistics; linguistic studies; reviews.*

TYPE OF PUBLICATION: *review.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Yang Ke, Candidate of Philology, Professor, Faculty of the Russian Language, Institute of European Languages and Cultures, Researcher of the Center for the Study of Foreign Literature and Culture, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, Province of Guangdong, China.*

FOR CITATION: *Yang, Ke. Linguistic Aspect of the Study of International Politics: “Linguistics of International Political Relations: Theory and Practice” / Yang Ke // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 207—213. — DOI 10.26170/pl19-02-24.*

REFERENCES

1. Sun Ji-sheng [et al.]. Linguistics of international political: theory and practice : monograph. — Beijing : World Affairs Press

Publishing House, 2017. 584 p. — ISBN 9787501255276. — In Chinese.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.
2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.
3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.
4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.
5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.
6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.
7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства науки и высшего образования РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>).
 - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2019. ВЫПУСК 2 (74)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Адрес учредителя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 24.04.2019. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 29.04.2019.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 23,3. Усл. печ. л. — 25,2. Тираж 500 экз. Заказ 5039.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me